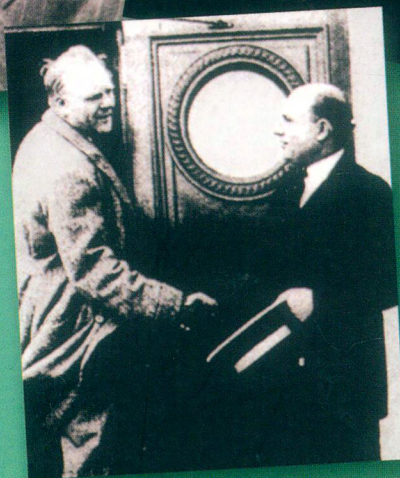
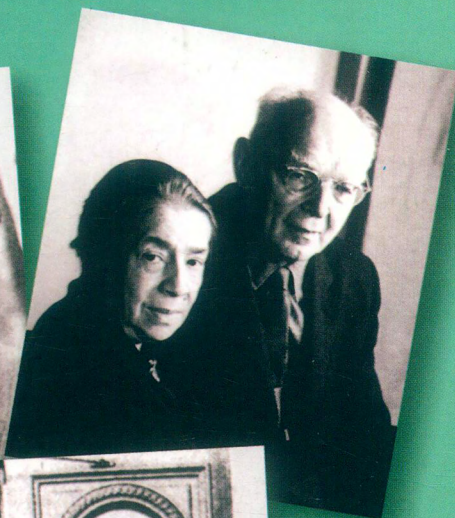
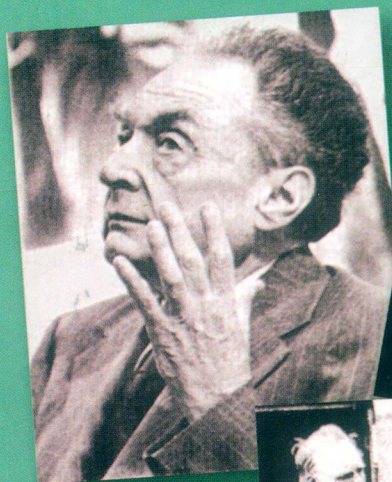

ЕВРЕИ ИЗ РОССИИ В АМЕРИКЕ

ЕВРЕИ ИЗ РОССИИ В АМЕРИКЕ

RUSSIAN JEWRY ABROAD

РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ

RUSSIAN JEWRY ABROAD. VOL. 15

RUSSIAN JEWS IN AMERICA

BOOK 2

Compiled and edited by Ernst Zaltsberg

JERUSALEM-TORONTO-SAINT-PETERSBURG
2007

РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ. ТОМ 15

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

КНИГА 2

Редактор-составитель Эрнст Зальцберг

ИЕРУСАЛИМ-ТОРОНТО-САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2007

Научно-исследовательский центр
РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ
Научный руководитель
Михаил Пархомовский

Том 15
Русские евреи в Америке. Кн. 2
Редактор-составитель Эрнст Зальцберг

Редакционный совет:
Юрий Левинг, Ирина Обухова-Зелиньска, Лазарь Флейшман, Дан Харув

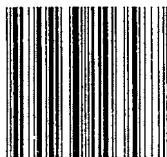
Research Center for
RUSSIAN JEWRY ABROAD
Director for Scholarly Works
Mikhail Parkhomovsky

Vol. 15
Russian Jews in America. Book 2

Compiled and edited by *Ernst Zaltsberg*

Editorial Board:
Lazar Fleishman, Dan Haruv, Yuri Leving, Irina Obukhova-Zelin'ska

ISBN 978-5-7331-0358-7

9 785733 103587

© Э. А. Зальцберг, состав, 2007
© Авторы статей, 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема «Русские евреи в Америке» настолько необъятна, что вышедший под таким заглавием в 2005 г. первый том¹ был лишь заявкой на ее разработку. Предлагаемый вниманию читателей второй том продолжает эту тему.

Отзывы в прессе и Интернете на первый том были, в целом, положительными и отмечали важность и своевременность издания. В одной из рецензий² отмечалось, что, наряду со статьями академического характера, в сборнике представлены «рассказы о родственниках, знакомых и просто хороших людях», не имеющие большого научного значения. Во втором томе мы попытались учесть это замечание и увеличили количество статей академического характера. В то же время мы не сочли возможным и нужным полностью исключить публикации о людях мало известных или безвестных. Будучи менее академическими и более личными по характеру, эти мемуарные материалы вносят дополнительные штрихи и краски в понимание процесса эмиграции русских евреев в Америку и его последствия.

Принцип составления второго тома остался тем же, что и первого. Это — собрание статей, эссе и документов, посвященных отдельным персоналиям, профессиональным группам и общественным движениям. Статьи и материалы сгруппированы по тематическому принципу. Как и при составлении первого тома, мы стремились к соблюдению баланса между фигурами известными и малоизвестными. Так, наряду со статьей о прославленном лингвисте Р. Якобсоне русскоязычные читатели впервые познакомятся с жизнью и творчеством американского композитора, музыковеда и педагога И. Шиллингера, оказавшего большое влияние на развитие современной американской музыки. Впервые на русском языке публикуются обстоятельные статьи и материалы о политическом и общественном деятеле С. Шварце, пионере радио и телевидения Д. Сарнове, импресарио С. Юроке, а также о движении Ам олам, из среды которого вышли многие видные деятели социалистической партии и профсоюзов США.

Публикуя столь разнообразные по содержанию материалы, мы стремились к тому, чтобы все они, независимо от степени академичности

¹ Русские евреи в Америке. Кн.1. Редакторы-составители Эрнст Зальцберг и Михаил Пархомовский. Иерусалим — Торонто — Москва, 2005.

² Эдельштейн М. На пути к науке. Лехам, ноябрь 2005, 11 (163).

представляли интерес не только для специалистов, но и для широкого круга читателей, интересующихся русскими евреями в Зарубежье и взаимовлияниями различных культур.

Во втором томе приняли участие писатели, журналисты и ученые из США, России, Израиля и Канады. У каждого из них свой взгляд на героев и описываемые события, свой стиль изложения материала, и мы стремились в максимальной степени сохранить авторские индивидуальности. Отсюда проистекают как достоинства, так и недостатки, присущие как первому, так и второму тому. К числу первых относится многообразие представленных материалов и форм их подачи, к числу вторых — некоторая стилистическая и тематическая пестрота. По-видимому, и первые, и вторые являются неизбежными спутниками всех подобных изданий, и наш сборник не является исключением.

Составитель и редакторы выражают глубокую признательность М. Басс, Р. Канивецкому, В. Матлину, С. Biggs и компании People Technology (Toronto) и трем анонимным спонсорам за финансовую поддержку в издании книги.

Серия книг о евреях-выходцах из России в Америке, начатая израильским Центром «Русское еврейство в Зарубежье», будет продолжена — в портфеле редакции уже есть материалы для третьей книги.

ИСТОРИЯ

АМ ОЛАМ — ВЕЧНЫЙ НАРОД¹

АВРААМ МЕНЕС (США)

1. Идеология Ам олам

В конце 60-х годов XIX в. многолетняя борьба за еврейскую эмансипацию в Западной Европе закончилась, во всяком случае формально, победой. Даже в Российской империи времен Александра II правовое положение евреев заметно улучшилось. Поэтому не было ничего удивительного в том, что вера в прогресс, образование и науку овладела умами значительной части еврейской интеллигенции. Многие из еврейских сторонников Просвещения (Гаскалы) в России видели в еврейской обособленности главное препятствие в решении еврейского вопроса и рассматривали ассимиляцию как единственный способ добиться уравнивания в гражданских правах.

Ситуация в России резко изменилась после убийства народовольцами Александра II 1 марта 1881 г. По стране прокатилась волна еврейских погромов, были введены новые ограничения в правах для евреев. В этой обстановке идеи Просвещения и еврейской ассимиляции, ранее столь популярные в кругах еврейской интеллигенции, быстро теряли свою привлекательность. Однако борьба между сторонниками и противниками Просвещения началась еще раньше, в начале 70-х годов XIX в. Так, в 1872 г. Перец Смоленский² напечатал в своем венском журнале «Га-Шахар» («Заря») статью «Ам олам» («Вечный народ»), в которой выражал резкое несогласие с политикой ассимиляции. Эта борьба особенно обострилась в конце 70-х — начале 80-х годов XIX в. Разочарование в ассимиляции и эмансипации нашло яркое выражение в двух публикациях, увидевших свет в 1882 г. Первая — статья Нахума Соколова³ в варшавской газете «Га-Цфира» («Рассвет») под названием «Вечная ненависть к вечному народу». Вторая — брошюра Л. Пинскера⁴ «Автоэмансипация», изданная в Берлине на немецком языке, эпиграфом к которой взято изречение мудреца рабби Гиллеля: *«Если не я за себя, то кто же за меня? И если не теперь, то когда?»* Брошюра Пинскера, которая вскоре была переведена на иврит, идиш и русский, призывала евреев не полагаться на эмансипацию как дар, ниспосланный властями тех стран, в которых они проживают, а добиваться самоосвобождения, национально-политического единства и независимости. Чтобы избавиться от положения вечных странников, евреям нужна собственная страна-прибежище. И не обязательно устремлять взоры именно к «Святой Земле» — важно, чтобы земля была «наша».

Свою брошюру Пинскер заканчивает призывом: *«Помогите себе сами — и Вам поможет Бог!»*

Идея национального возрождения, выраженная так ярко в работе Пинскера, захватывала все более широкие круги еврейской интеллигенции в России и принимала в ряде случаев почти мессианские формы. Эта идея вызвала к жизни два движения, одно из них — Билу⁵, другое — Ам олам. Оба они призывали к исходу из России. Но если у билуицев целью исхода была Палестина, то у ам-оламовцев это была свободная Америка. Движение Ам олам было заметным фактором в жизни русско-еврейской интеллигенции и имело больше последователей в 80-е годы XIX в., чем движение Билу. У этих движений была разная историческая судьба. Хотя число разочаровавшихся в первых колониях (поселениях) в Палестине было ничуть не меньше, чем в колониях Ам олам в Америке, но в случае Палестины происходил постоянный приток новых пионеров (халуцим), которые в конце концов и создали Государство Израиль, тогда как движение Ам олам было сравнительно недолговечным, и с его исчезновением приток еврейских идеалистов-утопистов в США практически прекратился. Другое коренное различие между движениями состояло в том, что руководители Ам олам делали упор на социально-экономические и политические аспекты решения еврейского вопроса, тогда как билуицы во главу угла ставили проблему национально-культурного возрождения нации.

Первопроходцы Ам олам не просто призывали евреев эмигрировать в Америку, где их ждет лучшая жизнь. Их дальней целью было образование национального очага для еврейского народа в свободной Америке, вплоть до создания еврейского штата или кантона. Наряду с этим, они хотели оздоровить еврейскую экономическую жизнь. В соответствии с их взглядами, сделать это можно было лишь в том случае, если евреи прекратят заниматься торговлей и посредничеством и обратятся к земледелию. Многие еврейские интеллигенты и их христианские коллеги верили в то, что антисемитизм проистекает из того, что большая часть еврейского населения занята непроизводительным трудом. По их мнению, следовало сделать евреев полезными работниками и показать, что они могут и хотят заниматься физическим трудом. С этой целью в 60-е и 70-е годы XIX в. были основаны первые промышленные школы в черте оседлости и позже, в 1880 г. — «Общество по распространению ремесленного труда и земледелия» (ОРТ) в Петербурге.

Идеи колонизации Америки получили распространение среди жителей черты оседлости. Во многих городах южной России (в Елизаветграде, Киеве, Одессе и других) возникли группы, целью которых была эмиграция в Америку и занятие сельскохозяйственным трудом на новой родине. Именно из этих групп организовалось движение Ам олам. Центральное место в планах ам-оламовцев занимала идея колонизации и сельскохозяйственного труда. Некоторые идеологи Ам олам, в частности, те, которые

М. Бокал

ранее принимали участие в русском революционном движении, шли еще дальше и считали, что просто колонизации недостаточно, и в новых колониях нужно упразднить частную собственность на землю. Их мечтой было создание в Америке сельскохозяйственных коммун-общин по русскому образцу.

2. ОСНОВАТЕЛИ. ПЕРВЫЕ ГРУППЫ

Основателями Ам олам были Моня (Ахарон) Бокал (1856—1886) и Моше Гердер⁶. Моня Бокал родился в Умани в религиозной семье. Рано женившись на дочери раввина и получив в приданое посвящение в раввины, он вскоре увлекся идеями Просвещения и «физического труда». Какое-то время юный Бокал работал учителем, но затем уехал в Одессу и поступил подмастерьем к ювелиру. В Одессе вокруг него образовался кружок друзей, которые решили основать в Америке сельскохозяйственную коммуну в духе Оуэна, Фурье и Толстого, в которой земля должна принадлежать всей общине и обрабатываться сообща. *«Он (Бокал) свои планы и мечты о создании братской общины, — вспоминал Бен-Ами⁷, — преподносил в такой простой и заворачивающей форме, что они доходили до самых затвердевших сердец».*

М. Фриман писал в своих воспоминаниях «50 лет истории еврейской жизни в Филадельфии»: *«Бокал притягивал к себе людей, как магнит. Простой народ верил в него, как в Мессию, и он это доверие оправдал».*

Эйб Каган⁸ рассказывал в своих мемуарах о встречах с Бокалом уже в Нью-Йорке, в коммунальной квартире виленских ам-оламовцев: *«Стоит у меня перед глазами молодой человек из одесского Ам олам, невысокий, с черными волосами, с короткой черной бородкой и красивыми черными глазами. Он был одной из важных фигур в Ам олам и одним из интереснейших типов эмиграции. Он часто читал лекции коммуне на одесском идиш..., наполненном русскими словами и выражениями, говорил уверенно, спокойно, с понимающей улыбкой на губах. Он немного читал на иврите и по-русски. Но по-настоящему образованным человеком он не был... Он часто голодал, жил отшельником и производил впечатление святого».*

Моше Гердер был меламедом в Очакове (Херсонская губ.). Переехав в Одессу, он познакомился с Бокалом. *«Гердер и Бокал, — писал Г. Бургин — основали Ам олам. Они организовали комитет, который вел регулярную корреспонденцию с ближними и дальними городами, а также с зарубежьем».*

Уже упоминавшийся М. Фриман вспоминал: *«Моше Гердер и Моня Бокал... — не социалисты, не глубокие социальные мыслители, но кто тог-*

да беспокоился об учености и спрашивал дипломы? Не хватало утешителя и избавителя, и пришли эти двое меламедов. Вокруг них, этих двух предвестников, собирался народ: хозяева магазинов, маклеры, шинкари, полунинтеллигенты и студенты».

Бокал отдал в кассу движения все свое состояние, которое исчислялось в несколько сот рублей. Он произносил речи, писал письма, подбадривал, организовывал новые кружки. Вскоре Ам олам распространился по всей черте оседлости. Его первая группа во главе с Бокалом и Гердером образовалась в Одессе летом 1881 г. и была прямым отзвуком на прошедшие в городе 3—5 мая еврейские погромы. В группу входили, в основном, мелкие торговцы и ремесленники. Некоторые из них внесли деньги в общую кассу и, таким образом, был создан фонд группы. Вскоре к группе присоединились люди интеллигентских профессий и студенты, которые постепенно заняли в ней руководящее положение. Так, главой одесского комитета Ам олам стал студент Новороссийского университета Гирш-Лейб Сабсович. Руководителем первой партии ам-оламовцев, уехавших из Одессы в США в конце 1881 г., был другой студент, Павел Каплан (впоследствии ставший в Нью-Йорке известным врачом).

В одесской группе между представителями различных социальных слоев были серьезные идеологические разногласия. Члены группы, занимавшиеся мелкой торговлей и ремеслами, рассматривали движение как национальное, тогда как представители ассимилированной интеллигенции и студенчества ставили во главу угла социальный (нередко — социалистический) аспект будущих поселений в Новом Свете.

Член одесского Ам олам Бен-Ами писал в 1882 г. в журнале «Вольное слово»: *«Есть опасение, что студенты, которые присоединились к обществу, своими вычитанными теориями запутают честных рабочих людей. М. Бокал не был настроен принимать в свой круг интеллигентов. “Эти господа, — говорил он, — хотя и незаслуженных привилегий и желают всем руководить, потому что они уверены, что кроме них, никто ничего не понимает”».*

Известие о том, «что студенты готовятся уехать в Америку или Палестину, чтобы основать там колонии», быстро распространилось по всей черте оседлости. В течение короткого времени во многих городах и местечках возникли общества и группы, которые установили связи с Ам олам в Одессе или с Билу — в Харькове. Пресса того времени полна сообщениями о возникновении новых эмигрантских кружков. Петербургская газета «Рассвет» писала в 1882 г., что *«почти нет города в южной России, где не создавались бы группы желающих уехать из страны».* Появились заметки и корреспонденции о создании таких групп в Сувалках, Смиле, Кременчуге, Бердичеве, Витебске, Киеве, Минске, Вильно. Так, из Бердичева сообщалось, что *«здесь возник кружок, который поставил целью эмигрировать в Америку. Он состоит из интеллигентных молодых людей, главная цель которых — работать на земле».* Далее указывалось, что каждый член

кружка внес вступительный взнос в 10 руб. и, кроме этого, платит ежемесячный взнос в 40 коп.

В другой заметке писалось, что в Витебске создались две организации: одна из ремесленников и другая — из интеллигентной молодежи. Обе собираются весной ехать в Америку и создать там образцовую колонию.

В некоторых городах работа по эмиграции велась независимо от Ам олам. Так, первая большая партия эмигрантов из Елизаветграда, где 15 апреля 1881 г. произошел погром, выехала из города уже в середине этого же года и 6 ноября прибыла в США. Вскоре к ним присоединились несколько семей из Киева. Эти эмигранты стали пионерами русско-еврейских поселений в Америке.

Вторым по величине после одесского был кружок Ам олам в Киеве. Его членов мало интересовало социальное устройство будущих колоний; их целью было возрождение еврейского народа на основе производительного, в первую очередь сельскохозяйственного, труда. *«Почему целому народу жить люфт-гешефтами? — вопрошает в своих воспоминаниях И. А. Кацович, член киевского Ам олам. — Стыдно, что народ живет тем, что производят другие. Мы должны показать миру, что тоже можем жить своим собственным трудом».* Автор воспоминаний получал много писем и даже готовый устав для будущей еврейской колонии в Америке. *«Мне очень нравится этот устав, — пишет И. А. Кацович, — он обеспечивает каждого всем. Для религиозных — синагога, резник, миква, для интеллигенции — библиотека с книгами на разных языках, для детей — школа со светскими и еврейскими предметами».* Далее автор описывает приезд группы в пограничный городок Броды и ее состав: *«Большинство — молодые люди, студенты университетов и политехникумов, настоящие идеалисты, которые забросили свою карьеру с целью стать хорошими колонистами... Среди более пожилых людей есть бывшие богатые купцы с детьми — гимназистами и гимназистками, и образованные женщины... В Бродах я уплатил определенную сумму денег за каждого члена своей семьи, в которую входили деньги за переезд и взнос в кассу будущей колонии. Обществу Ам олам были предоставлены за полцены вагоны третьего класса, и нам разрешили водрузить на поезде собственный флаг. На нем были вышиты буквы Ам олам, изображен большой плуг и ниже — слова на немецком языке: «Если не я за себя, то кто же за меня». В одно прекрасное утро мы собрались в условленном месте и двинулись на вокзал. Первыми шли два студента с нашим флагом, за ними — старики со свитками Торы, принадлежавшими обществу. На вокзале к нам обратились с речами еврейские профессора, которые специально для этого прибыли из Лемберга (Львова) и Вень».*

О виленском Ам олам вспоминает в своей автобиографии ее бывший член Александр Гэркайя: *«Группа, к которой я присоединился, состояла из 20 молодых образованных людей, часть из которых были учениками старших классов гимназии, забросивших учебу, чтобы заняться в Америке сель-*

скохозяйственным трудом. Наша группа организовалась в феврале 1882г. Ее первым решением было предложить организации Ам олам в Киеве взять нас под свое покровительство. Киевская группа, с которой мы связались, состояла из 70 человек, мужчин и женщин, большинство — учащая молодежь, такие же, как и мы, фантазеры. Среди членов киевского Ам олам был поэт Давид Эдельштадт¹⁰; ему тогда было 18 лет... Наша группа собиралась время от времени для того, чтобы обсудить условия отъезда».

Сведения о виленской группе можно также найти в книге Ицхака Бройдеса «Сионистская Вильна и ее общественные деятели» (Тель-Авив, 1939). Автор пишет, что инициаторы Ам олам поставили себе целью переселение в Америку и создание там «еврейского штата» с собственным парламентом. Первая партия Ам олам выехала из Вильны в Америку под руководством Баданеса, студента виленского еврейского учительского института. Третьей, последней партией руководил Пинхас Шукьян, который в свое время был членом революционной организации «Народная Воля».

В 1882г. в Минске было основано «Общество Отверженных Израиля», цели которого были близки целям Ам олам. В уставе этого общества было записано: *«Чтобы с изгнанными и преследуемыми евреями не случилось в новой стране те же самые несчастья, что и в прошлом, члены общества единогласно решили искать и найти такие незаселенные земли, где весь порядок управления, законы и руководство со временем будут находиться в руках евреев... Это произойдет только в том случае, если они составят большинство населения, и если все профессии и ремесла, от сельского хозяйства до торговли, будут большей частью находиться в их руках».*

Во втором пункте устава говорилось, что общество не решило, куда должна быть направлена эмиграция, в Палестину или Америку.

Мысль о том, что евреи могут получить для себя в Америке отдельный штат или округ, встречается во многих документах того времени. Так, М. Айзман в брошюре «По поводу еврейских погромов» писал: *«Евреи, которые эмигрируют в Америку, верят в то, что смогут создать там собственный штат. Те же, кто эмигрируют в Страну Израиля (Палестину), надеются со временем создать там национальный очаг».* В другом месте брошюры автор полемизирует с так называемыми «американцами»: *«Многие видят сладкий сон о создании в Америке отдельного штата, который бы нес имя Израиля. М. Лилиенблюм¹¹ в "Фольксблат" убедительно разъяснил, что в Америке нет национальных штатов — немецкого, французского, английского, китайского и, таким образом, не может быть и еврейского штата».*

3. ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ

Деятели Ам олам много говорили и писали об образцовых колониях, но они не отдавали себе отчета, что политическое и духовное возрожде-

Н. Алейников

ние народа является грандиозной задачей, которая не сводится только к колонизации. Они даже не обсуждали вопросов о языке, культуре и традициях народа, для которого они хотели работать; фактически они были оторваны от масс. Даже прибыв в Америку, многие члены Ам олам оставались полуассимилированными интеллигентами. В колониях, которые они основали в Новом Свете, язык и вся культурная атмосфера были не еврейские, а русские. Простые еврейские эмигранты, которые убежали от погромов в России, не могли понять, почему эти интеллигенты так упрямо держатся за русский

язык даже в Америке. В статье в газете «Форвертс» к 25-летию юбилею прибытия в Америку киевского Ам олам описано, как простые евреи реагировали на русскую речь ам-оламовцев: *«Русский? Чтобы еврейские дети даже в Америке говорили по-русски? Тьфу! Плюнь же на него, на русского царя! На кой черт нужен нам этот фоньский язык?»*

Всем группам отъезжающих оказывался теплый прием на пути их следования к портам отправки. Руководитель киевского Ам олам Николай Алейников¹² вспоминал: *«Молва, что группа студентов из Ам олам едет в Америку основывать коммунистические колонии, распространилась по всему пути следования еще до нашего появления. В Бродях, Лемберге, Кракове, Бреславле, Берлине и других городах для помощи нам были созданы комитеты студентов-социалистов... В Кракове нам подарили “Капитал” Карла Маркса. В Лемберге религиозные евреи вручили нам Тору и знамя, на котором было написано “Флаг лагеря Израйля”. Вся наша поездка от Брод до Берлина сопровождалась овациями, в каждом городе для нас организовывали большой прием».*

А вот как описывает Рейш-Галута (псевдоним Бен-Ами) в «Недельной Хронике Восхода» (№ 2, 1882) отплытие одной из групп Ам олам из Гавра: *«Все подошли к борту; я стоял на пристани и, таким образом, мы переговаривались... И полились братские речи, полные пламенных надежд и гордой веры в свои силы. “Никогда, никогда не забудем мы наших братьев-мучеников в России. Не для того уезжаем мы, чтобы самим быть счастливыми и свободными, — нет, счастья других хотим мы. Вся цель наша в том, чтобы в будущем служить материальной и нравственной опорой нашим братьям!” По вот раздался шум машины, возвещавшей, что наступила роковая минута расставания. У всех замерло сердце, и все мы на мгновение замолкли. Вот судно начало медленно отчаливать. “Прощайте, дорогие братья!” — вырывалось у всех разом, словно глубокий стон души. “Счастливого пути, братья, да благословит вас Бог и да даст он вам силы осуществить ту высокую цель,*

к которой вы стремитесь. Будьте тверды и не бойтесь ничего. Помните, что говорит Талмуд: “Отправляющийся ради доброго дела не подвергнется опасности.” До сих пор мы говорили по русски. Но вот один крикнул на идиш: “Зайд гезунд!” (“Будьте здоровы!”). Судно медленно двигалось вдоль причала, так что я мог идти за ним, и мы продолжали посылать друг другу самые сердечные, теплые пожелания. Меня поразило, что никого из отъезжающих не смущало то, что им предстоит быть в море 12 дней, а может быть, и больше. Напротив, эта мысль внушала им бодрость и отвагу. Но вот судно круто развернулось и стало удаляться от причала. Еще громче раздавались прощальные послания. “Братья, чего желаете вы России?” — крикнул я, что было силы, чтобы быть услышанным. “Счастья народу!” — раздался ответ, который потряс меня до глубины души».

Всего в 1882 г. в Америку прибыли шесть (по некоторым сведениям — семь) групп Ам олам. Среди них три — одесская, кременчугская и виленская — были с ярко выраженной социалистической ориентацией, тогда как киевская и балтская группы не имели определенных политических целей. Члены всех групп сходились в одном: они хотели начать в Америке новую жизнь, которая бы строилась на справедливой социальной основе.

После прибытия в США выяснилось, что реализовать проект кооперативной колонизации намного труднее, чем это казалось в Европе. Правда, здесь можно было получить бесплатно или дешево купить землю, но для того, чтобы заниматься сельскохозяйственным трудом, требовались изрядные средства и громадное напряжение сил колонистов. Доступная земля была обычно целинной и трудной для обработки; нужно было приобрести сельскохозяйственное оборудование и скот; следовало купить или построить помещение для жилья. Решить эти задачи без постоянной и значительной материальной поддержки еврейских общественных организаций в Европе и США было невозможно. Об этом велись бесконечные переговоры, но ощутимых результатов они не дали. Европейские филантропы ассигновали на нужды колонизации мизерные суммы, тогда как для этого требовалось интенсивное и долгосрочное финансирование. Еврейские организации не придавали большого значения колонизации Америки. Более того, они были против компактной сельскохозяйственной колонизации и предпочитали распыление эмигрантов по стране.

Первая сельскохозяйственная колония была основана в конце 1881 года в Сисили Айленд (штат Луизиана) выходцами из Елизаветграда. Елизаветградская группа не была организационно связана с Ам олам, но идеологически была близка к нему. Ее целью было «сделать евреев земледельцами и показать миру, что еврей может стать и станет лучшим земледельцем». Во главе группы стоял Герман Розенталь (в будущем — директор Славянского отдела Нью-Йоркской публичной библиотеки). Это был человек средних лет, весьма образованный, обладавший неукротимой энергией и практической хваткой. Ему удалось добиться для поселенцев материальной и моральной под-

держки от еврейских организаций. Так, от нью-йоркского эмиграционного комитета они получили 1800 долларов, Alliance Israelite Universelle (Париж) прислал 2800 долларов. Кроме этого, сами поселенцы (их было 102 человека) внесли в общий фонд 3000 долларов. С этими деньгами они прибыли в Нью-Орлеан, крупнейший город штата Луизиана. Вскоре на имеющиеся деньги была куплена земля и, таким образом, основана первая сельскохозяйственная колония русских евреев в Америке.

Колония объявила себя корпорацией с собственным уставом. Хотя основатели колонии не были социалистами, они не мыслили ее как частное предприятие. В уставе корпорации сочетались идеи частной собственности и общественного контроля, с явным уклоном в сторону последнего. Так, статья 6 устава гласила, что *«никто из членов не может продавать, менять и заказывать товары (т. е. торговать) в границах колонии; никто не может производить алкогольные напитки; без согласия двух третей членов никто не может вступать в какие либо торговые или другие деловые операции»*. Право на недвижимость, согласно уставу, принадлежало коллективу; для ее продажи нужно было получить одобрение Совета Директоров. Споры между членами корпорации должны были разрешаться арбитражем.

Зимой 1881—1882 гг. женщины и дети остались в Нью-Орлеане, а мужчины работали в колонии. Весной 1882 г. они закончили посевные работы и с надеждой ждали первого урожая. Однако еще до того, как созрела пшеница, случилось непредвиденное — большое наводнение на реке Миссисипи уничтожило колонию, включая жилые помещения, оборудование и посевы; общий убыток от наводнения достиг суммы приблизительно в 20000 долларов.

Несмотря на постигшее их бедствие, руководитель колонии и часть колонистов решили не сдаваться. Розенталь удалась найти средства для новой попытки, и он вместе с 12 семьями перебрался в Южную Дакоту, где в сентябре 1882 г. создал колонию «Кремье».

Розенталь в течение всей жизни не переставал интересоваться проблемами еврейской колонизации. В беседе с И. Петриковским, который опубликовал ряд статей о еврейской эмиграции в Америку и первых попытках колонизации, Розенталь так сформулировал свой взгляд на еврейский вопрос и на проблемы колонизации:

«Я уже давно пришел к убеждению, что пока мы не будем иметь хлебопашцев, которые выращивают свой хлеб, не придет конец горю нашего народа. Народ, который живет чужим трудом, не может существовать вечно. Не будет конца “еврейскому вопросу”, пока его решением не займутся евреи. Не исключено, что с евреями в Америке может случиться то же, что случилось с китайцами (в это время были введены ограничения против китайской эмиграции — А. М.). Лучший совет, который я могу дать в этой связи, — превратить полмиллиона евреев в крестьян и рабочих, которые будут жить в Америке своим собственным трудом».

Когда первые ам-оламовцы прибыли в Нью-Йорк, многие из них на месте убедились в том, как трудно на практике реализовать мечты о социалистических колониях. В результате некоторые группы (киевская, балтская, частично виленская) вскоре распались. И все же оставалось значительное число упрямцев, которые не отказались от своих планов и всеми силами искали пути для их осуществления. Так, некоторые ам-оламовцы нанялись сельскохозяйственными рабочими к американским фермерам с тем, чтобы получить навыки в работе и собрать средства для будущих колоний. Другие нашли работу в Нью-Йорке и создали там коммуны. Таких коммун было несколько — киевская, виленская и одесская. Виленская коммуна размещалась в нескольких комнатах на 48 улице; ее руководителем был Шломо Менакер.

«Одна из женщин, — описывает жизнь этой коммуны Эйб Каган, — оставалась дома и вела хозяйство, другие члены работали на фабриках и все, что они зарабатывали, отдавали в общую кассу... Взаимоотношения между членами коммуны были действительно коммунистические, сердечные».

Члены одесской Ам олам, оставшиеся в Нью-Йорке, тоже сняли квартиру и зажили в ней коммуной. В ней было 50—60 человек, которые вели общее хозяйство на коммунистических основах. Руководителем коммуны был Павел Каплан. Другая часть одесской Ам олам разъехалась по стране и работала на фермах и фабриках. Часть своих заработков они отсылали в общую кассу.

Первое время одесская группа Ам олам даже издавала собственную газету на немецком языке — об идиш никто из них даже не думал, — в которой печатались статьи Вильяма Фрея¹³, речь о котором пойдет ниже.

Была своя газета (на русском) и у киевской группы, однако оба издания оказались недолговечными. Несмотря на первые разочарования, руководители Ам олам в Нью-Йорке и многие его члены, разъехавшись на заработки по стране, не теряли веры в планы колонизации. Так, один из членов одесской группы писал в письме от 17 октября 1882 г.: *«С первого числа этого месяца мы начали откладывать для сельскохозяйственного фонда 15 центов с каждого заработанного доллара. В нашей кассе уже 34 доллара и 40 центов».* Ясно, что с такими «капиталами» начинать колонизацию было трудно. Однако в течение 1882 г. прибыло немного денег из Европы; в США Михл Гальперин¹⁴ достал для колонистов сравнительно большую сумму денег, и на эти средства были созданы социалистические колонии кременчугских и одесских ам-оламовцев.

4. Кременчугская колония

В начале сентября 1882 г. в Южную Дакоту прибыли несколько молодых людей из Нью-Йорка, членов кременчугской группы Ам олам,

и поселились на государственных землях с целью основать колонию на кооперативных началах. Новая колония получила название «Вифлеем Иудейский». В трех милях от нее находилась другая колония, «Кремье», которую возглавлял Г. Розенталь.

В кременчугской колонии было 32 человека. Часть из них работала в колонии, часть — в городах, при этом вторые финансово поддерживали первых.

«Вифлеем Иудейский», — писал И. Петриковский, — состоит, за исключением одного женатого, из молодых парней, знакомых с американским сельским хозяйством. Когда видишь эту мужественную молодежь... которая смотрит с уверенностью в будущее, начинаешь невольно думать, что великий дух еврейского народа еще не испарился, и что у его сынов еще не иссякла вера в собственные силы. Эта вера может творить чудеса».

Интересно познакомиться с уставом колонии, который дает ясное представление о настроениях и планах кременчугских пионеров. В нем, в частности, записано:

«Колония должна служить живым примером для будущих поселений российских евреев с тем, чтобы освободить еврейский народ от ига национального рабства и пробудить его к правде, свободе и миру. Колония должна показать всем врагам нашего народа, всему миру, что евреи способны к сельскохозяйственной работе. Исходя из этого, мы решили:

1. Все члены колонии должны заниматься сельскохозяйственными работами; они могут заниматься другими производительными работами только по окончании полевого сезона. В колонии полностью запрещено заниматься торговлей (этот пункт не подлежит изменению).

2. Все члены колонии составляют одну семью и имеют равные права и привилегии.

3. Все заработки колонистов делятся на три части: одна идет на содержание колонии, вторая — на расширение производства и третья — в колонизационный фонд.

4. Колония считает своим долгом продолжать колонизацию путем создания новых поселений русских евреев в Америке.

5. Новые колонии, имея свои уставы, должны быть составной частью единой общины.

6. Размер колонизационного фонда определяется ежегодно Советом колонии после сбора урожая.

7. Совет колонии, который выполняет также функции апелляционного суда, состоит из президента, вице-президента и судьи.

8. Совет колонии избирается сроком на 5 лет.

9. Исполнительная власть сосредоточена в руках президента и вице-президента: они заключают договоры от имени колонии и назначают эконома для ведения домашнего хозяйства и агронома для ведения полевых работ.

12. Все споры между членами колонии решаются судьей.

20. Женщины имеют равные права с мужчинами».

Первым президентом колонии был единогласно избран Шауль Соколовский, членами Совета — Исидор Гессельберг и Шломо Промысловский.

Таким образом, кременчугские ам-оламовцы хотели связать идею национального возрождения с попыткой создания нового социального порядка. По их мысли, колония «Вифлеем Иудейский» должна была стать ядром новой еврейской общины в США. Колонисты верили, что их успехи повлияют на общественное мнение и вызовут новый приток еврейских эмигрантов, которые последуют их примеру. Они наивно полагали, что их доходы создадут финансовую базу для учреждения новых сельскохозяйственных кооперативов. Но реальная жизнь показала, что колонизация вообще и кооперативная колонизация в особенности, связаны с такими трудностями, которые пионеры Ам олам не могли себе даже представить. В результате, через 18 месяцев общего хозяйствования, коммуна «Вифлеем Иудейский» распалась. Колонисты разделили общественную собственность, и некоторые из них стали фермерами.

«Наш эксперимент, — признавался Ш. Соколовский, — остался не более чем экспериментом, и он не принес тех плодов, которых мы от него ждали». Исходя из опыта колонии, Ш. Соколовский указывал, что коллективное хозяйство может существовать только в начальной стадии коммуны, когда каждый ее член нуждается в помощи остальных. Когда же хозяйство налаживается и каждый чувствует, что он сам может быть хозяином, сохранять кооперативные формы хозяйствования становится все труднее. Главное, считал Соколовский, не форма хозяйства, а сам факт, что евреи работают на земле, и не столь важно, где это происходит — *«под горячими лучами солнца в стране Израиля, в прериях Америки или на берегах Днепра».*

Переход к частному фермерству не спас «Вифлеем Иудейский». В 1885 г. обе колонии в Южной Дакоте («Вифлеем» и «Кремье») самоликвидировались. Эти неудачи были вызваны скудостью средств, недостаточным опытом колонистов и крайне незначительной поддержкой со стороны еврейских общественных организаций и деятелей.

5. «Новая Одесса»

Одесская группа Ам олам получила материальную и моральную поддержку как от еврейских общественных деятелей в Нью-Йорке (в основном, от Михла Гальперина), так и от западноевропейских еврейских филантропических организаций (в первую очередь, от парижского Alliance Israelite Universelle). Большую сумму денег для организации колонии внес банкир Джейкоб Шифф¹⁵.

В 1882 г. часть одесского Ам олам во главе с П. Капланом выехала из Нью-Йорка в Орегон, и в январе следующего года основала колонию

«Новая Одесса», девизом которой было: *United we stand, divided we fall* (объединенные, мы выстоим, разъединенные — падем). Следует отметить, что оба основателя и идеолога Ам олам, М. Бокал и М. Гердер, не разделявшие социалистических взглядов П. Каплана, не последовали за ним в Орегон. Вот как описывает «Новую Одессу» Ш. Соколовский:

«Жизнь всех колонистов была построена на общинных началах и не имела никакой национальной основы. Все колонисты были космополитами и рассматривали колонию как интернациональную организацию».

Письма членов одесской группы Ам олам дают представление об идеях и настроениях, господствовавших в их кругу. В одном из писем, датированном 1 ноября 1882 г., читаем:

«Наш союз “Братья Новой Одессы” состоит из молодежи в возрасте от 20 до 30 лет. Мы одесситы, нас около 70 человек. Почти все прошлое лето мы провели в районе Хартфорд, в штате Коннектикут, где знакомились с сельскохозяйственными работами. Так как мы были совсем зелеными, то получали не более 12—15 долларов в месяц. Но я могу сказать с полной уверенностью, что мы приобрели репутацию старательных рабочих, и фермер просил нас работать помедленнее, так как он не поспевал за нами. Нашим товарищам, среди которых есть люди образованные, удалось заинтересовать планом создания сельскохозяйственной колонии несколько видных меценатов в Нью-Йорке. Они даже пошли на главное условие, чтобы никто не вмешивался в наши дела, за исключением нас самих. Таким образом, мы получили полную свободу в подыскании места для колонии. Мы выбрали штат Орегон, который лежит на берегах Великого океана и граничит с Калифорнией. Он известен своим умеренным климатом и плодородными почвами. 30 июля 1882г. первая группа нашего союза в составе 21 мужчины и 5 женщин отплыла в Орегон, куда они и прибыли после месячного путешествия... Наш капитал составлял 4000 долларов, из коих 20 % ушло на покрытие немедленных нужд. Группа, прибывшая в Орегон, начала работать на земле, другие товарищи получили работу в Нью-Йорке, Бостоне и Сент-Луисе, откуда я вам пишу. Весной мы тоже поедем в Орегон».

Этот же корреспондент писал уже из «Новой Одессы»: *«Приезд всех наших братьев и сестер в колонию, удачно выполненный подряд (на поставку шпал для железнодорожной компании — А. М.) и прибытие семьи Фрей — это были три важнейших события в нашей жизни за последнее время... Наконец-то закончились наши долгие скитания по громадной Америке и началась наша новая самостоятельная жизнь, которая дает возможность заниматься духовным, моральным и физическим развитием... Как только мы свехались, мы с рвением взялись за работу по подряду, которая пошла успешно, несмотря на ограниченные возможности и не удовлетворительные условия жизни. Мы питались хлебом, картошкой, горохом, фасолью и иногда — молоком. Мы страдали от холода, так как не хватало одеял... И все-таки каждый день мы брались за плуг, молоток и топор и к концу первого месяца доставили заказчику 125*

инал и получили за них плату... Мы знаем, что будем тяжело работать все 16 месяцев, на которые заключен подряд. По его выполнению у нас появятся деньги, чтобы заплатить первый взнос за ферму и оборудование».

Космополитический дух, господствовавший в колонии «Новая Одесса», выразился и в том, что колонисты приняли в свои ряды четырех русских членов, включая В. Фрея, его жену и невестку. Теория «религии человечества» Фрея, ставящая во главу угла физический труд и аскетический образ жизни, а также его личность произвели большое впечатление на идеалистически настроенных ам-оламовцев, и Фрей стал духовным лидером колонии: он обратил колонистов в вегетарианство, ввел религиозные позитивистские молитвы с пением. Вот как описывал жизнь «Новой Одессы» один из колонистов: *«Уже почти месяц как приехала семья Фрей, и с их прибытием установился порядок в нашей жизни и, главное, в духовной деятельности. Мы изучаем математику с В. Фреем и английский — с Марусей и Лидией, женой и невесткой Вильяма. Вот распорядок нашей жизни: мы работаем с 6 до 8. 30 утра, с 8. 30 до 8. 45 — завтрак; с 10 до 16 — снова физическая работа; с 16 до 17 — обед, потом отдых и интеллектуальные занятия. В понедельник, вторник, четверг и пятницу у нас математика и английский и лекции Фрея о позитивистской философии. В среду — собрание о текущих делах, в субботу обсуждается внутренняя жизнь общины. В воскресенье мы встаем в 6 утра, и сразу начинается шум и живая беседа; нередко мы спорим о женском вопросе. Женщины с самого начала требовали полной эмансипации; они начали работать в лесу, а мужчины по очереди занимали их место на кухне и в прачечной. Однако вскоре женщины убедились, что работа в лесу — не для них, и вернулись к выполнению домашних обязанностей. Теперь они снова уверяют нас, что готовы к тяжелой физической работе. В таких спорах проходит время до завтрака. Все садятся за стол и получают овсяную кашу, свежие и печеные яблоки, фасоль, картошку, молоко и хлеб (члены общины — вегетарианцы). После завтрака один идет осматривать хозяйство, другой читает газету или книгу, остальные поют, громко разговаривают. 16 — время обеда. После обеда два парня моют посуду, потом начинается хоровое пение. В 19 распределяется работа на следующую неделю, и этим заканчивается воскресный вечер».*

Приведем описание финансового положения коммуны «Новая Одесса», оставленное ее участником:

«Колония состоит из 36 мужчин (из них 4 семейных), 7 женщин и 4 детей. Самому молодому колонисту — 19 лет, самому старому — 38. Движимое имущество: 4 коровы, 3 быка, теленок, пара лошадей (общая стоимость — 225 долларов); два плуга (26 долларов), несколько телег (110 долларов); культиватор (10 долларов); другое оборудование и инструменты (550 долларов). Долги: в этом году после снятия урожая мы должны заплатить первый взнос за ферму (1200 долларов) и выплатить остаток (1800 долларов) в течение двух последующих лет. Наш месячный доход достигает 314 долларов, и в течение следующих пяти месяцев мы должны погасить наш текущий долг в 800 долларов».

Позднее число членов коммуны увеличилось до 60, и казалось, что ее хозяйство и финансы налаживаются. На посетителей колонии большое впечатление производили дисциплина и энергия колонистов. Так, доктор Векслер, раввин из Сент-Пола (Миннесота), который участвовал в создании другой сельскохозяйственной колонии, «Пэйнтэд Вуд» в Северной Дакоте, писал: *«В то время как в моей колонии господствуют и по сей день беспорядок и ссоры, здесь все живут в согласии, и желание одного является желанием другого... Колонисты “Новой Одессы” — самые интеллигентные из русских эмигрантов, которых я встречал».*

Однако далеко не все в коммуне понравилось доктору Векслеру. *«Я спросил у них об их религиозных убеждениях и о еврейской культуре и то, что я узнал, меня далеко не обрадовало: они не придерживаются ни субботы, ни праздников, и не верят в позитивный иудаизм. “Мы стремимся быть только хорошими людьми”, — сказал мне один из самых образованных колонистов».*

Условия для развития колонии были не из лучших: из 780 акров земли, принадлежавших ей, только 180 годились для сельскохозяйственной обработки. Колония была слишком удалена от еврейских центров, и у нее не было прочных контактов с американской еврейской общиной. Все это привело к тому, что в 1887 г., после пятилетнего существования, колония самораспустилась. Причины этой неудачи были не только экономические, большую роль играли также моральные и психологические факторы. Эйб Каган в своих воспоминаниях указывает на некоторые из них. Так, годы тяжелого труда постепенно подтачивали идеализм поселенцев, которые, будучи до этого городскими жителями, так до конца и не привыкли к физической работе. Для большинства из них жизнь в колонии была слишком изнурительной и монотонной. Многие конфликты возникали на сексуальной почве — в коммуне было много молодых людей и мало женщин. Для некоторых членов колонии коммунистические принципы связывались с представлением «о еде из одной миски и сна в одной спальне». Отсюда — полное отсутствие личной жизни, которое подрывало мораль колонистов.

Свой вклад в неудачу эксперимента внесли глубокие разногласия между Фреем и Капланом, вызвавшие раскол и выход из колонии Фрея и 15 его сторонников.

После ликвидации «Новой Одессы» ее члены пытались наладить жизнь на коммунистических началах сначала в Сан-Франциско и позднее, в 1888 г. — в Нью-Йорке. Здесь они поселились коммуной в доме на улице Генри и на оставшиеся деньги открыли кооперативную прачечную «Новая Одесса». Через несколько лет эту «Новую Одессу» постигла та же судьба — она закрылась. Таким образом, исчез последний след Ам олам как движения, имевшего свои цели, задачи и идеологию.

Программа и идеи Ам олам не нашли (и не могли найти) в Америке благоприятной почвы для развития и осуществления. Но дух ам-оламов-

цев и их идеализм не пропали даром. Позже многие бывшие члены Ам олам сыграли значительную роль в развитии социалистического движения в США.

30 мая 1907 г. бывшие ам-оламовцы собрались в Нью-Йорке на празднование 25 годовщины со дня прибытия в США киевской группы во главе с Н. Алейниковым. Газета «Форвертс» писала в связи с этим юбилеем: «Они были отцами всего доброго, чистого и светлого, что мы здесь сделали. Они принесли с собой не только свиток Торы и знамя, но и первые зерна... социалистического движения».

ЛИТЕРАТУРА

Pinsker, Leon. Autoemanzipation. Juedischer Verlag, Berlin, 1882.

Казан, Эйб. Страницы моей жизни. Вильна — Н.-Й., 1926—1931 (идиш).

Бургин, Герц. История еврейского рабочего движения в Америке, России и Англии, 1888—1913 гг. Н.-Й., 1915 (идиш). 2-е изд.: 1945.

Фриман, Мозес. 50 лет истории еврейской жизни в Филадельфии. Филадельфия, 1929 (идиш).

Katharine Sabsovitch. Adventures in Idealism. N. Y., 1922.

Кацович, И. А. 60 лет жизни. Н.-Й., 1919 (идиш); Берлин, 1923 (иврит).

Гаркави, Александр. Главы из моей жизни. Н.-Й., 1935 (иврит).

Айзман, М. По поводу еврейских погромов. Варшава, 1883 (идиш).

Бройдес, Ицхак. Сионистская Вильна и ее общественные деятели. Тель-Авив, 1939 (иврит).

Петриковский, И. В Америку. Киев, 1884.

Г. М. Прайс. Русские евреи в Америке. Очерки из истории, жизни и быта русско-еврейских эмигрантов в Соединенных Штатах Сев. Америки с 1881 г. по 1891 г. С.-Петербург, 1893.

«Вольное Слово», Женева, 1882. № 38.

«Недельная хроника Восхода», 1882. № № 2 и 6; 1883. № № 5 и 16; 1884. № 20; 1885. № № 3, 45 и 46.

«Рассвет», СПб. 1882. № № 9, 10, 14, 17, 21 и 32.

«Русский Еврей». 1882. № 40.

«Форвертс». 31. 05. 1907 (идиш).

«Идишер кемпфер». 06.12.1935 г.; 17.01.1936. (идиш).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Более точный перевод «ам олам» — «вечный народ, живущий по всему миру».

Статья опубликована в двухтомнике «История еврейского рабочего движения в США» (ред. Э. Черикова). Т. 2 (идиш). Еврейский исслед. ин-т (Institute for Jewish Research). Н.- Й., 1945. С. 203—238.

Перевод с идиш Беллы Стругач и Александра Цадикова; редактор-составитель выражает им глубокую признательность за проделанную работу. Литературная обработка и примечания Эрнста Зальберга.

² Смоленский Перец (1842 или 1840, Монастырщина, Могилевская губ., — 1885, Мерау, Австрия), писатель, публицист. Писал на иврите. В 1868 г. обосновался в Вене и начал издавать журнал «Га-Шахар» («Заря»), которому посвятил 18 лет жизни и в котором опубликовал все свои произведения. Журнал имел огромное влияние на еврейскую интеллигенцию, особенно в России, где распространялась большая часть тиража. Публицистика Смоленского в период распространения идей Гаскалы, на практике приводивших к ассимиляторству, пропагандировала традиционные национальные ценности с позиции просвещенного человека своего времени. Его работа «Ам олам» («Вечный народ», 1872) критиковала «реформу» немецких раввинов, возникшую вне связи с эволюцией коллективного сознания верующих. В качестве позитивной программы Смоленский предлагает возводить здание национальной культуры на фундаменте религиозного наследия. Он утверждал, что судьба евреев — не физическая работа на собственной земле, а духовное творчество. После погромов 1881 года Смоленский пересмотрел свои взгляды и начал активно пропагандировать идею о скорейшем переселении евреев в Эрец-Исраэль. Он также утверждал, что в ближайшее столетие евреям Европы грозит неизбежная гибель от рук антисемитов.

³ Соколов Нахум (1859, Вышегород, ныне Вышегород, Польша, — 1936, Лондон), один из зачинателей журналистики на иврите и лидеров политического сионизма. С 17 лет начал писать для газеты «Га-Цифра», в которой позднее, уже живя в Варшаве, стал постоянным автором, а с 1885 г. — ведущим публицистом и редактором.

Соколов был автором статей, стихов, рассказов, эссе, пьес, сочинений по истории евреев Польши и России, исследований по истории антисемитизма («Вечная ненависть к вечному народу», 1882). Хотя Соколов порой и высказывал опасения по поводу того, что евреи могут утратить свою национальную индивидуальность в условиях эмансипации, он был горячим поборником гражданского и политического равноправия евреев. В рецензии на работу Л. Пинскера «Автоэмансипация» Соколов упрекал автора в пессимизме и прожектерстве и призывал положиться на прогресс и просвещение, как путь к решению еврейского вопроса. Личное знакомство с Т. Герцлем и атмосфера 1-го Сионистского конгресса в Базеле (1897) произвела на него столь сильное впечатление, что он стал горячим приверженцем политического сионизма. С этого времени Соколов целиком посвятил себя пропагандистской, организационной и дипломатической деятельности в рамках сионистского движения. В 1906 г. началась продолжавшаяся затем около 30 лет работа Соколова во Всемирной сионистской организации. Он был ее генеральным секретарем, членом и председателем правления, а в 1931—1935 гг. — президентом. Соколов сыграл большую роль в преодолении сопротивления антисионистски настроенных еврейских кругов Британии принятию декларации Бальфура (1917), признававшей законность национальных притязаний евреев на Эрец-Исраэль.

⁴ Пинскер Леон (Лев Семенович, Иехуда Лейб; 1821, Тамошполь, Волынская губ., — 1891, Одесса), общественный деятель, лидер Ховевей Цион (Любящие Сион или палестинофилы — движение за возвращение евреев в Эрец-Исраэль и создание там сельскохозяйственных поселений). Окончил Московский ун-т. Во время Крымской войны, в 1856 г., работал врачом в военных госпиталях. В 1882 г. Пинскер издал в Берлине на немецком языке брошюру «Автоэмансипация», в которой подчеркивал бедственное состояние еврейских масс и их униженное положение в странах рассеяния. Единственным решением этой проблемы Пинскер считал автоэмансипацию, то есть приобретение еврейским народом собственной территории. Был одним из инициаторов и председателем Катовицкого съезда Ховевей Цион, на котором сформулировал идею палестинофильского движения как возвращение

евреев к сельскохозяйственному труду и создания в Эрец-Исраэль сельскохозяйственных поселений. В 1890 г. стал председателем общества вспомоществования евреям — земледельцам в Сирии и Палестине.

⁵ Билу — группа, возникшая в январе 1882 г. в Харькове для распространения идеи национального возрождения еврейского народа и алии в Эрец-Исраэль с тем, чтобы работать там на земле. См. о Билу также: *Ю. Систер, Б. Гендлер, Е. Животовский. Возрождение*// «Идемте же отстроим стены Йерушалаима». Иерусалим, 2005. С. 10—27.

⁶ Моше Гердер был старше Бокала; он поселился в колонии «Кремье» и занимался там сельскохозяйственным трудом.

⁷ Бен-Ами Мордехай (псевдоним; наст. имя Марк Яковлевич Рабинович; 1854, Верховка, Подольская губ., — 1932, Тель-Авив), еврейский писатель. Писал на русском и идиш. В 1882—86 гг. жил в Женеве. К этим годам относятся первые рассказы Бен-Ами из жизни евреев в России: «Отрывки», «Ханука», «Пурим», «Приезд цадика», «Неожиданное счастье» и др. В 1887 г. возвращается в Одессу, где примыкает к сионистскому движению. Принимал участие в работе ряда Сионистских конгрессов. В 1905 г. эмигрировал в Швейцарию, откуда в 1923 г. переехал в Палестину. Наиболее крупное сочинение этого периода — написанная на идиш повесть «А нахт ин а клеин штетл» («Ночь в местечке», 1909). См. о нем также: *Л. Салмон. Вечный эмигрант: Бен-Ами, русско-еврейский писатель за рубежом. РЕВЗ. Т. 1 (6)*. Иерусалим, 1998. С. 102—117. *Она же*. Глас из пустыни: Бен-Ами, история забытого писателя. СПб.; М., 2002.

⁸ Каган Аврахам (Эйб; 1860, Пабраде близ Вильно, — 1951, Нью-Йорк), журналист и писатель, деятель еврейского социалистического движения в США. В июне 1882 г. бежал от преследований русской полиции в Нью-Йорк, где работал корреспондентом русских периодических изданий («Русский еврей», «Вестник Европы» и др.). Участвовал в создании первых еврейских профсоюзов. После недолгого периода работы в газетах на английском языке (1897—1902) Каган вернулся к еврейской журналистике.

На посту главного редактора ведущей американской газеты на идиш «Форвергс» (1903—1951 гг.) проповедовал идеи социализма и защищал интересы рабочего класса, осуждая вместе с тем советский тоталитаризм, активно выступая против преследования евреев в России и в странах Восточной Европы.

⁹ Гаркави Александр (1863, Новогрудок, Белоруссия, — 1939, Нью-Йорк), лексикограф языка идиш и писатель. После погромов в 1881 г. примкнул к Ам олам и эмигрировал в США (1882). Его учебник английского языка «Дер энглишер лерер» («Английский учитель», 1891) разошелся тиражом в 100 тысяч экземпляров. Переводил на идиш произведения европейских классиков. Самая значительная работа Гаркави — идиш-англо-ивритский словарь (1925; 4-е издание — 1957). Об А. Гаркави см. также: *В. Базаров. Маяк в ночи*// *Русские евреи в Америке*. Иерусалим — Торонто — Москва, 2005. С. 33—34.

¹⁰ Эдельштадт Давид (1866, Калуга, — 1892, Денвер, штат Колорадо, США), еврейский поэт и публицист, один из зачинателей «пролетарской поэзии». Писал по-русски и на идиш. После киевского погрома в 1881 г. вступил в киевскую группу Ам олам и в мае 1882 г. прибыл в Нью-Йорк. Поселился в Цинциннати (штат Огайо), работал на фабрике. Его стихотворения — «Ин камф» («В борьбе») и «Майн цавос» («Мое завещание»), напечатанные в анархистской газете на идиш «Вархайт», стали манифестами еврейского рабочего движения. В 1890 г. стал редактором анархистского еженедельника «Фрайе арбетер штиме», для которого писал стихи, статьи и фельетоны.

¹¹ Лиlienблум Моше Лейб (1843, Кейданы, ныне Кедайняй, Литва, — 1910, Одесса), писатель и публицист. В 1871 г. в газете на идиш «Кол ливассер» (прило-

жение к «Га-Мелиц») опубликовал серию статей «Идише лебнсфраген» («Вопросы еврейской жизни»), в которых обличал фанатизм, традиционное еврейское воспитание, непригодность евреев к труду, самодовольство богачей и заботность нищающих масс. Предоставление евреям равных с остальным населением прав Лилиенблум считал предпосылкой прогресса в еврейской среде, хотя и понимал, что это не гарантирует исчезновения антисемитизма. Погромы начала 1880-х гг. на юге России привели Лилиенблума к убеждению, что антисемитизм коренится в инстинктивной вражде европейских народов к евреям, что гражданское равноправие не изменит положения евреев в диаспоре и что ассимиляция не решит еврейской проблемы. Отсюда его возражения против поиска евреями прибежища в США и вывод о необходимости покончить с их пребыванием в диаспоре, где вероятно даже их физическое уничтожение. Лилиенблум еще до Л. Пинскера предлагал откупить Эрец-Исраэль у турок и сосредоточить там евреев, которые образовали бы большинство населения страны. Палестинофильские идеи пронизывают все позднее творчество Лилиенблума (драма на идиш «Зрубавел одер Шивас-Цийон» («Зрубавел, или возвращение в Сион», 1887), статьи на русском языке «Общеврейский вопрос и Палестина» (1881), «О возрождении еврейского народа на святой земле древних отцов» (1884) и др.

¹² Алейников Николай (1860, Сумы, Харьковская губ., — 1921, Нью-Йорк), основатель киевской группы Ам олам. Прибыл в Нью-Йорк 30 мая 1881 г. Работал учителем англ. яз. в школе для эмигрантов, бухгалтером в банке. В 1892 г. закончил Нью-Йоркский ун-т и стал адвокатом. Защищал интересы рабочих в трудовых конфликтах с предпринимателями. Был активным членом социалистической рабочей и позже — социалистической партии США. Один из основателей Нью-Йоркского еврейского благотворительного общества.

¹³ Фрей Вильям (псевдоним; наст. имя Гейнс, Владимир Константинович; 1839, Россия, — 1888, Лондон), российский общественный деятель. В 1860-х гг. — капитан Генштаба, член «Земли и Воли». С 1868 г. — в эмиграции. В США организовал земледельческую коммуну, участвовал в американском социалистическом движении. Создал «религию человечества», близкую толстовству.

¹⁴ Гальперин (Гельперн) Михаэль (Михл; 1860, Вильно, ныне Вильнюс, — 1919, Цфат), сионист-социалист. Унаследовав от отца значительное состояние, пожертвовал большие суммы на приобретение земель для поселений в Эрец-Исраэль. В конце 1890-х гг. жил несколько лет в России, где вел пропаганду идей рабочего сионизма среди еврейской молодежи. После кишиневского погрома (1903) сыграл видную роль в организации отрядов еврейской самообороны, собирал деньги, приобретал оружие, руководил боевыми группами. В 1905 г. вернулся в Эрец-Исраэль и до самой смерти работал сельскохозяйственным рабочим и служил в охране поселений.

¹⁵ Шифф Джейкоб Генри (1847, Франкфурт-на-Майне, — 1920, Нью-Йорк), американский банкир, филантроп и общественный деятель.

**«СОЮЗ РУССКИХ ЕВРЕЕВ ПРИГЛАШАЕТ ВАС
НА ДОКЛАД ИЗВЕСТНОГО ПИСАТЕЛЯ
И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ...»**

(О СОЛОМОНЕ ШВАРЦЕ)

Михаил Пархомовский (Бейт-Шемеш, Израиль)

Соломон Шварц с женой Верой Александровной-Шварц

Так начинается открытка-приглашение, отправленная 30 декабря 1948 года госпоже и господину С. Шварц на его же собственный доклад «Еврейская проблема в советском партизанском движении в годы войны».

Официальное приглашение, отпечатанное на выдавшей виды машинке, подписано: «С наилучшими пожеланиями к Новому году! Сердечно Ваш К. Лейтес¹». Эта фамилия ни о чем мне не говорила, тогда как Соломон Шварц и еще больше его жена Вера Александровна-Шварц были нашими старыми знакомыми — героями статьи Михаила Хейфеца ««Социалистический вестник» и «социалистическая» страна», украшавшей 1-й том серии «Евреи в культуре Русского Зарубежья».

Открытку, ставшую архивным документом, мне подарили, я ее вертел в руках так и этак, читая нью-йоркский адрес супругов Шварц (4 West 105 Str. New-York City) и указание, что «Доклад состоится в среду, 5-го января 1949г. в здании “Герцлия”, 314 West 91 Улица (Lectur-room). Начало в 8.30 вечера».

Эта была та самая открытка, которую держали в руках супруги, и я даже представил себе, как Вера Александровна, в стоптанных тапочках, достает ее из почтового ящика, приносит к еще не вставшему с постели Соломону

Мееровичу, и они улыбаются дотошности Лейтеса, присоединившему к новогоднему поздравлению напоминание лектору об его лекции.

Настоящая фамилия Соломона Мееровича — Моносзон; Шварц — псевдоним, по девичьей фамилии матери, и в официальных документах значится двойная фамилия — Моносзон-Шварц. Он родился в купеческой семье в Вильне в 1883 г. Там же окончил гимназию. Учился в университетах Берлина (здесь в 1901—1904 гг. изучал медицину), Мюнхена и С.-Петербурга, а также в Демидовском юридическом лицее в Ярославле, где получил диплом магистра права. Юридическое образование завершил в 1911 г. в Гейдельберге. Изучал также экономические науки.

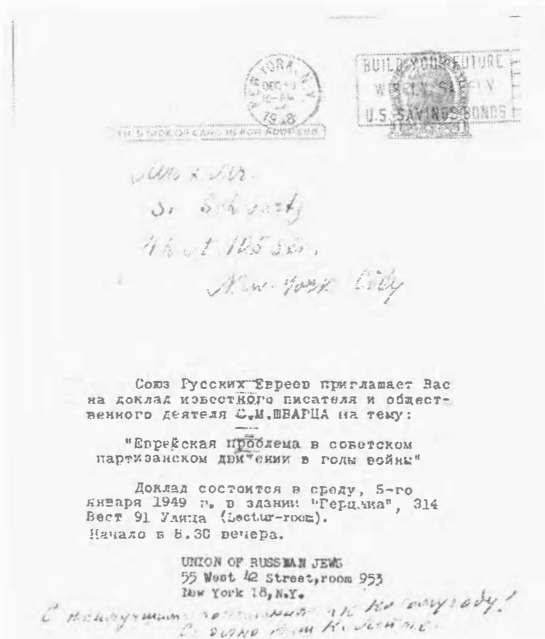
Деятельность Шварца не ограничивалась писательской и общественной, как сказано в открытке. Он был русским социал-демократом (революционной работой увлекся в гимназические годы), политиком, историком и публицистом². Сообщается, что С. Шварц был профсоюзным деятелем³ — членом редакции профсоюзных журналов, редактировал журнал «Страхование рабочих» (с 1913). Английская иудаика добавляет, что он руководил отделом социального страхования министерства труда во Временном правительстве. После Октябрьского переворота возглавил сопротивление большевикам служащих Петрограда. В царские годы и после революции неоднократно арестовывался и ссылался, а в 1922 г. был выслан из России.

До 1933 г. Соломон Меерович жил в Берлине, затем, до 1940 — в Париже, а последующие 30 лет — в США, с 1950 г. гражданин США. В 1970 г. (в возрасте 87 лет!) репатрировался и поселился в Иерусалиме, где стал консультантом Иерусалимского университета по Советскому Союзу и его еврейскому населению. Скончался в 1973 г. в 90-летнем возрасте.

Американское тридцатилетие было наиболее плодотворным, и ему в основном посвящена наша публикация, но несколько слов скажем и о парижской «семилетке». В Париже Шварц читал курс «Французское синдикальное движение» в Русском рабочем университете. Выступал с лекциями, например, на тему «Ницше и еврейство» (21 января 1938 г. на заседании Еврейской лиги прав человека); не раз участвовал в дискуссиях (с М. Вишняком, Г. Гурвичем, Г. Федотовым, Ст. Ивановичем и др.) на заседаниях «Кружка по изучению социальных проблем современности», которые посвящались последним событиям в Германии⁴. Документ, разрешающий С. М. и В. А. Шварцам отплыть в Америку, подписан 7 августа 1940 г., т. е. уже после оккупации Парижа и капитуляции Франции.

ПЕРВЫЕ НАХОДКИ

Сбор материалов об этом незаурядном человеке я начал с Центрального сионистского архива. Его оригинальное здание у въезда в Иерусалим, расположенное в небольшом красивом сквере, доброжелательный и компетентный коллектив сотрудников располагают к работе.

Союз Русских Евреев приглашает Вас
на доклад известного писателя и общественно-
го деятеля С.М.ШВАРЦА на тему:

"Еврейская проблема в советском
партизанском движении в годы войны"

Доклад состоится в среду, 5-го
января 1949 г., в здании "Герцля", 314
Вест 91 Уолла (Eastw-room).
Начало в 8.30 вечера.

UNION OF RUSSIAN JEWS
55 West 42 Street, room 953
New York 18, N.Y.

Открытка К Лейтеса С. Шварцу

Здесь оказались лишь две тонкие папки. В одной содержалась «Еврейская проблема в партизанском движении»⁵ — глава из книги Соломона Мееровича «Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны до 1965 года», которая, по-видимому, в какой-то степени повторяла доклад, о котором шла речь в открытке.

Основными источниками для автора послужили воспоминания и доклады бывших партизан-евреев в оккупированных немцами областях СССР, которые эвакуировались в Польшу в последний период войны или по ее окончании. Бывшие партизаны затем попали в Италию, чтобы оттуда пробираться в Палестину или (меньшинство) в Америку. Руководил сбором материала Моше Каганович, выпустивший в 1948 г. в Риме книгу о партизанах-евреях. Второе ее издание, дополненное, уже в двух томах, вышло в Буэнос-Айресе.

Уход евреев в партизанские отряды носил иной характер, чем неевреев. Они, как правило, бежали семьями, со стариками и детьми. Ужас их положения усугублялся недоверием, предубеждением и явным антисемитизмом партизан-неевреев, если они оставляли этих евреев в живых...

Во второй папке хранится статья Соломона Мееровича «О "всеобщем пораженьстве" и о "родине"»⁶, в которой он громит историков войны, отрицавших патриотизм советского населения и приписывавших ему ожидание прихода немцев.

Соломон Меерович сотрудничал в меньшевистском «Социалистическом вестнике» с его основания в 1921 г. Первые статьи им были написаны в Бутырской тюрьме и печатались под псевдонимом «Странник». В американские годы Шварц входил в редакцию журнала, а с 1957-го до прекращения издания в 1965 году был его главным редактором.

Но еще до этого, когда предыдущему главному редактору Рафаилу Абрамовичу случалось отлучаться (например, в Европу), его замещал С. Шварц: договаривался с авторами о публикациях, осуществлял административную работу, редактировал. *«Посылаю Вам мою статью и в течение ближайших дней пришлю весь материал, который у меня накопится, — пишет он Абрамовичу. — От Волина статьи не будет, не собрался (я сегодня имел с ним довольно суровый разговор и прямо сказал, что считаю его поведение безответственным, что его задело). С Денике⁷ я вчера говорил по телефону; он только вчера сел за статью (раньше будто бы невозможно было ничего делать из-за жары) и рассчитывает сегодня кончить и выслать мне спешил деливери; я немедленно дам переписать и вышлю Вам. От Ярового ничего пока не получил <...> Юрасов, если и напишет, то не раньше пятницы»⁸.*

Абрамович очень любил Соломона Мееровича, в письмах называет не иначе, как Сашенькой (близкие и друзья звали С. М. Сашей) и полностью ему доверял.

Чтобы продемонстрировать насыщенность журнала материалами Шварца, расскажу о них в подшивках за 1952 и 1953 годы.

В 1952 году было опубликовано 10 работ: о социальной структуре Советского Союза (№ 1/2), о русском советском национализме (№ 3), о ценах и заработной плате (№ 4); «На алтарь тоталитаризма» и «Повышается ли зарплата в Советском Союзе?» (обе в № 6/7); в № 8 тоже две работы: заметки о колхозах, о сталинской работе по языкознанию и пр. и, вторая, — об антисемитизме в Советском Союзе; в № 9/10 — «Компартия и государство» и «Тучи над колхозами»; в № 11/12 — «Компартия на 19-м съезде».

В журналах 1953 года статей было 9: о трагедии власовского движения (№ 1), о Советском Союзе после Сталина (№ 4) и борьбе за власть после его смерти (№ 6), «Как обстоят дела с советским антисемитизмом?» (№ 5), о советских сателлитах (№ 7), о «новом курсе» в Восточной Германии (№ 9), на сельскохозяйственные темы (№ 10—11), к национальному вопросу и «На кругом подьеме» (обе в № 12).

«Социалистический вестник» в последние два года существования (1964 и 1965), с уходом в мир иной большинства его сотрудников, выходил два раза в год. В этих последних четырех книжках журнала содержатся несколько статей Шварца, которые расширяют наше представление о круге его интересов:

Р. Абрамович
(Р. А. Рейн)

«К истории формирования меньшевизма и большевизма» — статья в трех частях — в 1, 2 и 3-м номерах журнала.

«Нация и национальность» (во 2-м номере). Внося ясность в эти неоднозначные понятия, Соломон Меерович объясняет путаницу между ними отчасти тем, что на всех европейских языках прилагательные от обоих терминов одинаковы — национальный. Особенности трактовки нации и национальности в Советском Союзе определяются его политикой.

«К еврейскому вопросу в СССР: Экономические преступления и евреи» и «Не произнесенная речь» — памяти Юрия Петровича Денике — обе в 3-м номере.

«Трагедия советского сельского хозяйства» — в последнем, четвертом номере «Социалистического вестника» за 1965 год.

Меня заинтересовал написанный Шварцем некролог Р. А. Абрамовичу⁹ («С. В.». 1963. № 5/6), и, заказав этот журнал, я, естественно, посмотрел всю подшивку за год. Здесь и статистический анализ Соломона Мееровича «Меняется лицо страны. Рост рабочего класса» (количество рабочих и служащих в Советском Союзе с 1939 по 1961 г. возросло с 50,2% до 71,8% населения; «С. В.» № 3/4), и полемическая статья в связи с утверждением Хрущева «Антисемитизма у нас нет» (там же), и вдумчивые рассуждения Шварца о постепенном освобождении политики Советского Союза от агрессивности и авантюризма (№ 7/8), об осторожной, но настойчивой лакировке биографии Хрущева («Творимая биография»), о советских профсоюзах (все три там же) и др.

Видно, что С. Шварц хорошо знал, как и чем жила Советская Россия. Богатство аналитических данных о Советском Союзе в работах С. Шварца позволяет добавить ко всем дававшимся ему характеристикам «и один из первых советологов».

О книгах Соломона Мееровича

У С. Шварца выходили книги на русском, английском, немецком, иврите, идиш, французском, итальянском, шведском и японском языках. В Национальной и университетской библиотеке Иерусалима и в каталоге Библиотеки Конгресса я нашел следующие:

S. Schwarz. Rückblick und Ausblick über die russische Gewerkschaftsbewegung. Amsterdam, Verlag des Internationalen Gewerkschaftsbundes, 1923. 32 s.

S. Schwarz. Der Arbeitslohn und die Lohnpolitik in Russland. Jena. Thüringer Verlagsanstalt und Druckerei GMBH. 1924. 119 s.

S. Schwarz. Handbuch der Deutschen Gewerkschaftskongresse (Kongresse des Allgemeinen Deutschen Gewerkschaftsbundes). Berlin: GMBH, 1930. 447 s.

S. Schwarz. Heads of Russian Factories. Research Project of the Graduate Faculty of Political and Social Science: Social and Economic Controls in Germany and Russia. New York, 1942. 333 p.

S. Schwarz. The Jews in the Soviet Union. Syracuse University Press, 1951. 380 p.

S. Schwarz. Makom she ein lo shem. Tel Aviv, 1957. 242 p. (Место без названия [иврит]).

S. Schwarz. Labor in the Soviet Union. New York: Praeger, 1952. 364 p. Книга издана также в Лондоне: Cresset Press, 1953.

В одном из писем говорится, что издательница Фредерика А. Прегер шлет ему эту книгу на японском языке.

C. Шварц. Антисемитизм в Советском Союзе. Н.-Й.: Изд-во им. Чехова, 1952. 274 с.

S. Schwarz. ha-Antishemiut bi-Brit-ha-mo'atsot. Tel Aviv, 1952/53. (Антисемитизм в Советском Союзе [иврит]).

S. Schwarz. Arbeiterklasse und Arbeitspolitik in der Sowjet Union. Hamburg: Verlag für Wirtschaft und Sozialpolitik. 1953. 367 s.

S. Schwarz. Les ouvriers en Union Soviétique. Paris: M. Rivière, 1956. 535 p.

C. Шварц. Меншевиизм и большевизм в их отношении к массовому рабочему движению. Нью-Йорк, 196?. 141 с.

C. Шварц. Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939—1965). Н.-Й.: Изд-во Американского еврейского рабочего ком-та, 1966. 425 с. В книге наклейка: «From the Library of V. A. Alexandrova and S. M. Schwarz». Эта книга вскоре была издана и в Израиле, где ее объем вместо 430 составил 351 с.: иврит — язык более краткий.

Сохранились части скрипта радиопередачи «О книгах и авторах». После сообщения, что книга «Евреи в Советском Союзе...» вышла также на английском и идиш, следует: *«Несколько слов об авторе книги... Даже политические противники Соломона Шварца не могут считать его националистом. Шварц никогда не был еврейским общественным деятелем или еврейским литератором. Шварц — человек русской культуры, один из лидеров русского социал-демократического движения. До революции он был членом ЦК Российской социал-демократической партии, сотрудником Георгия Валентиновича Плеханова. После революции Шварц был вице-министром Временного правительства. Соломон Шварц — автор многих исторических и социологических трудов. Сотни его статей печатались в течение последних шестидесяти лет в журналах России и многих других стран. Много лет Соломон Шварц был редактором органа русских социал-демократов — журнала “Социалистический вестник”. В том же журнале десятки лет сотрудничала его недавно скончавшаяся супруга — дочь царского генерала Вера Александрова.*

Книга “Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны” — объективное, строгое и честное документированное исследование. Подавляю-

щее большинство сведений и фактических данных почерпнуты из советских публикаций...»

S. Schwarz. Agriculture: the curtain is lifted. N. Y.: Columbia University Russian Institute, 1966.

С. Шварц. Социальное страхование в России в 1917—1919 гг. N. Y.: Columbia University Russian Institute, 1966. 202 с.

S. M. Schwarz. The Russian Revolution of 1905: the workers' movement and the formation of Bolshevism and Menshevism. Translated by *Gertrude Vakar.* Chicago: University of Chicago Press, 1967. 361 p.

С. Шварц. Советский Союз и арабо-израильская война 1967 года. Н.-Й.: Изд-во Американского еврейского рабочего комитета, 1969. 213 с. Материал этой книги Соломон Меерович планировал дать в последней главе книги «Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939—1965)», но собранных данных оказались слишком много.

В. Александрова. Литература и жизнь: Очерки советского общественного развития. N. Y., 1969. 510 с. Составил *С. Шварц.*

S. Schwarz. Rote Gewerkschaftsinternationale. Kollektiv-Verlag: Berlin, 1972(?). 64 s. Reprint of 2 articles: the first originally published in internationales Handwörterbuch des Gewerkschaftswesens; the second in Kommunistische Politik, 2. Jahrg., № 8. 1927. Bibliography: p. 48—50.

В ЦЕНТРАЛЬНОМ АРХИВЕ ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА

Выяснив, что личный архив С. Шварца хранится в Центральном архиве истории еврейского народа (Иерусалим), дальнейшие поиски материалов продолжил там.

Архив большой, в 51 папке, его хватило бы для монографии о Соломоне Шварце. Я планировал ограничиться статьей обзорного характера, и в нее, по-видимому, должно войти краткое описание архива Соломона Мееровича. Это документы: связанные со Второй мировой войной (папка № 1), документы Р. Абрамовича (№ 2 и 2а), меньшевиков разных групп и отдельно нью-йоркской группы (1941—46 гг. и 1947—1960 гг.; папки № 3—5); личные документы С. Шварца (№ 7); вырезки из газет и журналов (№ 6 и 29); переписка (на русском, английском, немецком, французском, идиш): С. Шварца с В. Александровой (№ 8); с разными лицами с 1940—1941 по 1966—1969 гг. (№ 9—22), его переписка без точных дат (№ 26); переписка В. Алксандровой с разными лицами (№ 23—25); воспоминания известных меньшевиков (№ 27 и 28); папки № 30—35 содержат публикации Р. Абрамовича, Г. Аронсона, С. Волина и др. известных меньшевиков; в № 37—45 — черновики рукописей публикаций С. Шварца; в № 46 — текущая информация о Советском Союзе с 1943 по 1961 гг. (в

тетрадах); № 47 и 48 — библиография; № 49 — рецензии на произведения С. Шварца и его рецензии; 50-я папка — С. Шварц. Зубатовщина; и 51-я — материалы по еврейскому вопросу в СССР.

Начал с папки личных документов. Сразу же привлекла старенькая телефонная книжка, которая явно служила владельцу несколько десятков лет. Жадно перелистывая страницы, обнаруживал американские, французские и немецкие адреса известных эмигрантов: поэтов В. Завалишина и Ю. Елагина, писателей М. Алданова, Дон Аминадо, В. Яновского, А. Доманской, О. Дымова (о котором мне давно хочется получить статью: его пьесы пользовались большим успехом в Европе и Америке), политических деятелей И. Церетели и Б. Николаевского, историка и редактора М. Карповича, газетчиков А. Полякова и М. Вейнбаума, художников А. Бенуа и М. Добужинского, издательницы и хозяйки салона М. Цетлиной (112 West 72 Street NY 23, NY, тел. EN2-98-33, — здесь, у этой замечательной женщины, устраивались суаре для *всего* Нью-Йорка), философа Н. Лосского (он не раз упоминался в наших книгах, а с сыном Николая Онуфриевича я много лет переписывался), литературоведы и литературные критики Г. Адамович и В. Вейдле, много других. Здесь же я нашел проспект открывшей свою танцевальную школу в Нью-Йорке актрисы и танцовщицы Тамары Дайкархановой с дарственной надписью Вере Александровне. Эта самая Тамара, которую я упоминал в книге о Зиновии Пешкове¹⁰: с ним она выступала в спектакле «На дне» Художественного театра, та самая Тамара, о которой мне рассказывала дочь Пешкова: они с отцом в начале 1930-х гг. были на званом обеде у Саломеи Андрониковой, на котором присутствовала и М. Цветаева, и Т. Дайкарханова...

Работе с архивом очень помогает аккуратность Соломона Мееровича: в телефонной книжке она выражалась в четкой записи адресов, а в отдельной колонке — телефонов; отсутствия адресов, втиснутых между строк, подписанных с боку. Видно, до помещения в книжку новый адрес проходил стадию записи на кусочке бумаги (которых в телефонном реестре несколько), и лишь потом для него выбиралось определенное место. Письма и документы, пришедшие в ветхость, наклеены на листы белой бумаги. Разборчив почерк Шварца, аккуратностью отличаются и машинописные тексты.

ЕЩЕ О ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КАЧЕСТВАХ С. ШВАРЦА

Эта аккуратность тесно связана с другими чертами нашего героя: *«Дорогой Соломон Меерович, спасибо за крайне интересное и основательное письмо. Я всегда говорил: Шварц все делает основательно, солидно. Потому-то я всегда с таким интересом читал Ваши статьи»¹¹.*

Здесь, конечно, и ответственное отношение к следующим поколениям. Вот что С. М. пишет Е. Кусковой после смерти С. Прокоповича:

«Дорогая Екатерина Дмитриевна, только что закончил статью “Памяти Сергея Николаевича” для ближайшего “С. В.” Посылаю ее Вам и прошу немедленно подтвердить, нет ли в ней фактических неточностей <...> Теперь на Вас лежит нелегкая обязанность привести в порядок бумаги и архив С. Н. (и в сущности и Ваши). Пока оставляю Вас в покое, но как только Вы с этим справитесь, опять начну к Вам приставать с мемуарами. Это очень важно, и откладывать это невозможно. Живем мы, по американскому выражению, на занятое время, и им надо дорожить».

Как тщательно готовил Шварц свои публикации, видно, например, по толстой пачке машинописных документов на страницах большого формата почти без полей и напечатанных через один интервал; они были подготовлены для короткой статьи о соперничестве Маленкова и Берия после смерти Сталина.

Не менее серьезно анализировалась ситуация с массовой амнистией: *«Амнистия после смерти Сталина коснется одного миллиона, может быть, больше, что приведет к изменению политики рабского труда в гигантских масштабах»¹².*

Отдельно собраны многочисленные поздравления Соломона Мееровича с 60-, 70-, 80- и 85-летием (последних очень мало — большинство поздравлявших ушли из жизни раньше поздравляемого). Отмечу следующие слова, повторенные в разных вариантах:

«К этому выражению идейной солидарности мы не можем не добавить указания на те Ваши человеческие черты, которые нам особенно дороги, на Вашу безграничную доброту и отзывчивость... Спасибо и за Ваш труд, и за Ваше сердце»¹³.

О сердечности Шварца говорится далеко не только в поздравительных текстах: *«Ваши отзывчивость и желание помочь нуждающимся, — пишет Соломону Мееровичу некий Н. Рыбинский 12 февраля 1954 г., — меня очень растрогали. Какое счастье, что еще существуют такие люди!.. Я много, очень много испытал в своей жизни и на собственном опыте познал, что свет состоит не только из плохих людей. Редко, но несомненно, существуют и хорошие. И потому их особенно ценишь».*

Или вот такие слова: *«Многоуважаемый Соломон Мейерович¹⁴, еще 11 сентября был получен чек, и этому я, конечно, обязана Вашим заботам о том, чтобы обещание было выполнено. От всей души благодарна Вам <...> Я живу в довольно благоустроенном доме Земгора. В первый раз еще в общезжитии, где не место мне, и где я очень одинока. Всем чужая, и мне все чужие <...> Простите, что занимаю Ваше внимание такими признаниями. Но я знаю, что Вы чудесный человек, и не очень мне будете пенять...»¹⁵*

А вот отзыв Григория Аронсона: *«Никакие невзгоды и испытания, выпавшие на его долю на родине и в эмиграции, как будто бы ни одной морщины не избородили его чела, — с такой душевной чистотой он подходит к людям, — не ища корысти и не зная тщеславия...»¹⁶*

В Curriculum vitae 1943 года (в папке личных документов) указано 29 трудов С. Шварца, написанных до приезда в США. Первые из них — на немецком и русском и посвященные вопросам гражданского права — были изданы в 1911—1913 гг. Несколько статей написаны для Еврейской энциклопедии на идиш. Из книг, опубликованных в годы жизни в Париже на французском, назовем две: *Lenine et le mouvement syndical*. Paris: Nouveau Promethee, 1935 (Ленин и профсоюзное движение), и *Les occupation d'usines en France*. Amsterdam, 1938 (Занятость фабричных [рабочих] Франции). В эти же годы публиковал статьи для Стэнфордского и Оксфордского университетов, Международного рабочего журнала в Женеве; много писал для печати про-фсоюзно, главным образом германских и шведских.

В том же Curriculum vitae об его деятельности после переезда в США говорится так: «В течение двух с половиной лет был занят в “прожжете”, посвященном “социальному и экономическому контролю в Германии и Советском Союзе” (при Нью Скул фор Социал Рисерч [так!]), и в результате этой работы опубликовал вместе с Г. Ш. Бинштоком и А. А. Юговым “Management in Russian Industry and Agriculture” (Oxford University Press, New York, 1944; итальянское изд. 1946г.) и самостоятельно “Labor in the Soviet Union” (New York, Praeger, 1952; немецкое и британское издания 1953г., расширенные французское и японское издания 1956). В 1949/51 годах, по поручению Американского Еврейского Комитета работал над вопросом о положении евреев в Советском Союзе, в результате чего опубликовал книгу “The Jews in the Soviet Union” (Syracuse Univ. Press, 1951) и по-русски “Антисемитизм в Советском Союзе” (Нью-Йорк. Издание им. Чехова, 1952г., израильское издание на иврите 1953г.). В эти же годы в разное время преподавал в Нью Скул фор Социал Рисерч и Нью-Йоркском университете»¹⁷.

Жизнь проходит в постоянном труде: «Работаю очень много, но как-то не так интенсивно, как хотелось бы, — пишет С. М. 15 марта 1952 г. автору статьи о трудовде. — Недавно сдал по-русски “Антисемитизм в Советском Союзе” (это часть вышедшей в прошлом году моей большой английской книги “Евреи в Советском Союзе”; выйдет, вероятно, в июне. Кроме того уладил таки в конце концов вопрос об опубликовании моей книги о труде в СССР. За прошлый год переработал ее, довел до весны 1951 года и сейчас она в типографии и по-немецки (в Гамбурге), и по-английски (здесь)».

Летом 1952 г., во время длительной болезни Веры Александровны, он замешет ее, переписываясь с авторами Издательства им. Чехова. Просит Марка Алданова (16. 06. 52) проверить цитаты в его книге; из приветствия Татьяне Марковне¹⁸ чувствуется, что они хорошо знакомы семьями.

С. М. сообщает Дон Аминадо (19.07.52), что его книга будет принята к печати. Отвечает Ивану Бунину на его вопрос о здоровье жены. Советует А. Даманской (письмо от 19 июня 1952 г.) изменить сцену встречи ее геро-

ев Мирры и Белопольцева, прося «смотреть на это замечание как на замечание дружественно настроенного читателя <...> к издательству я отношения не имею».

В письме сыну Юлия Марголина от 22 августа 1952 г. С. Шварц просит сведения для предисловия к книге отца «Путешествие в страну зе-ка», которая готовилась к печати в Издательстве им. Чехова.

У Соломона Шварца и Юлия Марголина потом будет время поговорить — кто бы мог подумать! — в израильском бейт-авоте (доме для престарелых). Это из рассказа иерусалимского профессора истории Мордехая Альтшуллера:

«Я познакомился с С. Шварцем в 1966 г., когда, будучи в докторантуре, работал в Колумбийском университете. Я был у него дома, и мы проговорили часа четыре. Шварц производил впечатление типичного русского интеллигента, мало интересовавшегося еврейскими делами: над книгами, посвященными еврейскому вопросу в Советском Союзе, он работал по заказам университетов. Он даже не знал еврейского языка. Запомнилась стоящая на столе ваза, как оказалось, — с прахом жены»¹⁹.

Но позже он стал горячим сионистом, и это увлечение привело его в Израиль в 1970 году. Помогал ему устроиться в Иерусалиме и получить почетное звание консультанта Еврейского университета профессор Михаэль Конфино. Жить Шварцу здесь было не просто, ведь ко всему прочему он был одинок. Возникли сложности с захоронением урны жены (в конце концов ее похоронили в каком-то киббуце). Он приходил ко мне в Центр по исследованию и документации восточно-европейского еврейства при Еврейском университете, один раз упал... Несколько лучше Шварцу было в бейт-авоте²⁰, где какое-то время он общался с находившимся там же Юлием Марголиным, а также с Розой Николаевной Эттингер²¹. У меня сложилось впечатление, что она заботилась о нем. Архив С. Шварца вначале находился в рукописном отделе Национальной библиотеки»²².

Но вернемся к лету 1952 г. В числе его общественных дел — участие в работе Международной комиссии по борьбе с советским режимом концентрационных лагерей, о чем, в частности, говорит запрос от Льва Полякова из Парижа от 23 октября 1952 г. (на франц.).

Непременное присутствие на заседаниях «нашей» нью-йоркской группы РСДРП.

Непростой редакторский труд. Бесконечная переписка с авторами. «Дорогой Александр Васильевич, Рафаил Абрамович передал мне рукопись Вашей статьи о животноводстве. К сожалеению, ее нельзя печатать. В центре ее стоит интересная таблица, но, увы, построена она на ошибочных данных...»²³. И в тот же день: «Дорогая Ванда Межелавовна, Рафаил Абрамович передал мне Вашу небольшую статью об условном досрочном освобождении, предложив мне подготовить ее к печати, но я не уверен, что Вы правильно истолковали статью Салихова, на которую Вы опираетесь...»²⁴.

Вот знакомая фамилия — Войтинский²⁵. *«Дорогой Рафаил, — пишет С. М. в другом письме, — посылаю Вам копию статьи Войтинского, <...> я несколько изменил первые две страницы. Там он пытается отнести концепцию Маркса к экономике периода наполеоновских войн, чем, конечно, наносит удар всей своей аргументации».*

Одно из свидетельств общественной работы С. М. — участие в призыве отметить 25-летие Еврейского рабочего комитета, более 20 лет помогавшего «новым американцам», сбором 25 тыс. долларов для его дальнейшей полезной конструктивной работы. Обращение подписали Р. Абрамович, Г. Аронсон, М. Вишняк, Л. Дан, И. Коварский, Б. Николаевский, С. Шварц.

ДЕЛА МАТЕРИАЛЬНЫЕ

Из письма от 12 мая 1953 г. г-ну Кагановичу в Израиль: *«Пишу я [в “Социалистический вестник”] на текущие темы из номера в номер, тоже, конечно, бесплатно²⁶ (живу я случайными время от времени работами исследовательского и литературного характера, и жена моя служит редактором в издательстве Чехова, что дает мне возможность не очень заботиться о заработке)».*

Не думаю, что Шварцам удавалось откладывать деньги. Вот пример. Екатерина Кускова и Сергей Прокопович в начале 1950-х жили в пансионе в Женеве и очень нуждались. Из письма главного редактора «Нового русского слова» Марка Ефимовича Вейнбаума от 6 октября 1953 года: *«Помощь из Америки — это Ваша помощь, и я уверен, что, как и в прошлом, Вы не откажетесь оказать ее двум могиканам замечательной и неповторимой русской интеллигенции».*

Соломон Меерович помогал этим могиканам не только материально, но и поддерживал их в письмах, которых немало в просмотренных мной папках.

В переписке с М. Алдановым говорится о смерти С. С. Атрана. *«Очень мы были огорчены кончиной С. С. Атрана, — пишет Марк Александрович в письме от 20.06.52, — о которой узнали из телеграммы в парижском издании “Херальд Трибюн”. Прекрасный, отзывчивый и достойный был человек».*

Огорчение было не только потому, что он был хорошим человеком, но и по более земным причинам — Соломон Самойлович, в прошлом социалист, став удачливым бизнесменом-миллионером, спонсировал и «Новый журнал», и «Социалистический вестник». Создал в Нью-Йорке Atran Center for Jewish Culture²⁷. В письме Е. Д. Кусковой (от 3. 08. 52) С. М. пишет: *«Издание “С. В.” со смертью Атрана действительно находится под ударом».* Фондом Атрана было спонсировано издание книги С. М. «Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939—1965)».

Основное количество рецензий на английском языке и иврите. Несколько цитат из русских газет.

Рецензия Гершона Света на «Евреи в Советском Союзе» («Новое русское слово», 14 сент. 1952) кончается так:

«Что касается евреев из новоприсоединенных областей, они в подавляющем большинстве погибли, но и те, что уцелели, в большинстве своем не остались в Советском Союзе, а возвратились в Польшу, Румынию, откуда все же можно выбраться и подальше от Советского Союза, о котором наивные или нечестные пропагандисты долгие годы уверяли, что это страна “осуществленного национального равенства”. Книга Шварца эту легенду разрушает».

О книге «Антисемитизм в Советском Союзе», в числе прочих, пишет Владимир Зеелер²⁸. Автору, — считает рецензент, — мешали объективные и субъективные причины — первоисточники зачастую были искажены. «С другой стороны, автор признается, что в конечных выводах и заключениях его нередко связывало естественное желание быть особенно осторожным, сугубо беспристрастным, чтобы избежать упрека в пристрастности, так как трактуемый вопрос его как еврея и к тому же решительного противника коммунистической диктатуры, не всегда мог оставлять спокойным».

10 января 1961 г. в московском «Крокодиле» появилась не лишенная остроумия заметка, озаглавленная так:

Многодневные гонки лжецов
«Тур де брех»
На приз «Крокодила»
Лидирует Соломон Шварц (США)

Оказалось, что в своей заметке о безработице в Поволжье Шварц допустил «ляп», назвав последнее «Приволжской провинцией». Его публикации внимательно читались в советской России. Как отмечает М. Хейфец, «Социалистический вестник» получали все высшие советские руководители, так что было кому дать сигнал «Крокодилу».

На книгу об антисемитизме одна отрицательная рецензия — некоего С. Арбатского в «Знамени России» № 79 за 1953 г.:

«О годах войны и послевоенном периоде, когда антисемитизм социалистического государства развернулся во всю ширь (что мы видим теперь в процессах, происходящих в странах-сателлитах и в Москве), С. Шварц вообще не говорит ни слова. Таким образом, его труд приходится считать не только дилетантским и поверхностным, но и дезинформирующим читателя в вопросе о происходящем в настоящее время жесточайшем преследовании евреев в СССР и подчиненных ему странах. <...> Думается, что социалист С. Шварц, привыкший спекулировать на беззащитной лжи об участии царского пра-

вительства в еврейских погромах былых времен, думал и здесь проехаться на том же коньке <...>» — характерный пассаж для внутриэмигрантской распри между монархистами и социал-демократами.

Если и была какая-то правда в этой критике, то она может объясняться тем, что книга Шварца, вышедшая в 1951 г., готовилась до пика антисемитской кампании 1949—1953 гг. В книге «Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939—1965)» вся эта антиеврейская истерия советской власти «подробно изложена и документирована» (рецензия в «Русской мысли» от 31 января 1967 г., подписанная «К.»).

Любопытна рецензия Соломона Мееровича на книгу Wolfgang Leonhard «Die Revolution entlässt ihre Kinder»²⁹. Говоря о влиянии на советских людей западной пропаганды, С. М. приводит такой рассказ автора книги — русско-го немца, которого готовили к административной работе в Германии после победы: *«Когда я однажды бродил по Западному Берлину, я увидел в газетном киоске небольшую брошюру “Профсоюзы и социальная политика в Советском Союзе”. Имя автора — Соломон Шварц — было мне тогда совершенно неизвестно. Раскрыв брошюру, я увидел отметку об издании ее “Нойе Цайтунг” — официальной американской газетой в Германии. “Это будет хороший вздор. Издана американцами”, — подумал я. Вернувшись домой, в партийную школу, я сейчас же принялся за чтение брошюры, положив возле себя блокнот и перо, чтобы отмечать все искажения. Я начал читать, но нет никакой брани. Деловое изложение, много цитат, таблиц и статистического материала, — как мы к этому привыкли. Я проверил цифры и цитаты. Они были верны. Перо все еще лежало тут же наготове, но мне нечего было отмечать»*³⁰.

В папках «Рецензии» — различные отклики-отзывы. Например, письмо некоего В. Ерошина из Германии в связи со статьей Шварца «Статистика рабского труда в СССР» («С. В. ». 1951. № 12). Проработав много лет на советском Севере, Ерошин делится своими наблюдениями бесконтрольной эксплуатации людей.

Здесь же отзыв С. М. для Издательства им. Чехова на книгу Авторханова «Покорение России», в котором С. М. отмечает не только возмущение автора *«засильем в Москве при Советах целого интернационала грузин, армян, евреев, “Запада” и “Востока”, всех, только не русских»*, но и очень много ценных политических и исторических наблюдений, т. е. отзыв явно объективный.

Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР просит отзыв на работу В. П. Марченко «Организация заработной платы в СССР на практике». В той же пачке бумаг благодарность директора Института Б. Иванова и, отдельно, автора, которому в результате предложено поехать в Нью-Йорк *«для совместного с Вами обсуждения работы и внесения в нее коррективов»*.

Говоря о небывалой по своей интенсивности и обилию ярких имен эмигрантской русской творческой жизни в Нью-Йорке в начале 1940-х гг., Ольга Цынкова в числе других упоминает и С. М. Шварца³¹.

Закончу очерк словами Григория Аронсона: «Идеальный ученый, на которого можно положиться как на каменную гору, даже ошибки которого могут происходить только от избытка добросовестности <...> Сороколетняя работа С. М. в «Соц. Вестнике», мне кажется, не прошла даром и для широких и пестрых кругов русской эмиграции, которая, даже отталкиваясь от меньшевизма, <...> делает исключение для Шварца, — может быть, для него одного, — ценя в нем вдумчивого исследователя и объективного писателя, всю силу своей мысли и свой неустанный труд посвятившего борьбе за будущее России на путях свободы и демократии, на путях социальной справедливости»³².

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Секретарь Союза русских евреев в Нью-Йорке.
- ² Михаил Хейфец. «Социалистический вестник» и «социалистическая» страна // *ЕВКРЗ*. Т. 1. Иерусалим, 1992. С. 203—218.
- ³ Ирина Обухова-Зелиньска. Сходившиеся параллели: Из переписки Дон-Аминадо с Марком Алдановым // *ЕВКРЗ*. Т. 5. Иерусалим, 1996. С. 193—221.
- ⁴ Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920—1940. Франция / Под общей ред. Л. А. Мнухина. Париж—Москва, 1995. Т. 2. С. 426, 432; 1996. Т. 3. С. 171, 403.
- ⁵ Напечатана в израильской газете «Наша страна» за 1 августа 1968 г.
- ⁶ Из нью-йоркской газеты «Новое русское слово» за 22 января 1968 г.
- ⁷ Ю. П. Денике (1887—1964), публицист, социолог, историк; меньшевик. Член редколлегии «Социалистического вестника» и «Нового журнала».
- ⁸ Из письма от 2 июля 1952 г.
- ⁹ Рафаил Абрамович (Рейн; 1880—1963), один из лидеров меньшевиков; вместе с Л. Мартовым основал «Социалистический вестник»; автор многих исторических и публицистических трудов.
- ¹⁰ Пархомовский М. Книга об удивительной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людей, с которыми он встречался. Иерусалим, 1999.
- ¹¹ Из письма Н. В. Вольского от 26 октября 1952 г.
- ¹² Из письма С. Шварца Алексу Королу от 4.06.53 г.
- ¹³ Из поздравления без первой страницы, подписанного многими десятками русских американцев, вероятно, членов Союза русских евреев.
- ¹⁴ «Мейерович» пишут и другие корреспонденты, например, М. Алданов. Но сам Шварц подписывается «Соломон Месерович».
- ¹⁵ Письмо от А. Даманской от 19 октября 1952 г.
- ¹⁶ Григорий Аронсон. К 80-летию С. М. Шварца // *Русская мысль*. № 1949. 29 янв. 1963 г.
- ¹⁷ Личный архив С. Шварца. Папка № 7 // Центральный архив истории еврейского народа (Иерусалим).
- ¹⁸ Жена Алданова, переводчица.
- ¹⁹ В. А. Александрова-Шварц скончалась в том же 1966 г.
- ²⁰ Иврит — дом престарелых, буквально — дом отцов.
- ²¹ Р. Н. Эттингер (Розалия Нотовна Монозон; 1894—1979), см. о ней статью Н. Прата в кн.: *РЕВЗ*. Т. 4. С. 372—381.
- ²² Приношу свою благодарность проф. М. Альтшуллеру за эти воспомина-ния. Автор.

²³ Письмо С. Шварца неизвестному автору от 7 февр. 1955 г.

²⁴ Письмо к В. М. Кардэ от 3 окт. 1955 г.

²⁵ Владимиру Войтинскому, бывшему сподвижнику Ленина, ставшему советником президента США Ф. Д. Рузвельта, посвящена статья Г. Чернявского в кн.: «Русские евреи в Америке». Кн. 1. С. 56—71.

²⁶ В письме к В. М. Кардэ от 3 окт. 1955 г. Соломон Меерович разъясняет: «У нас нет ни одного платного редактора или работника администрации; все основано на бесплатном труде, и только для наших европейских сотрудников и для ди-пи в Америке мы ввели <...> очень скромную оплату труда».

²⁷ С. С. Атран (1885—1952) также материально длительное время поддерживал И. А. Бунина под видом выплаты ему гонораров «Нового журнала». В этой связи позволю себе рассказать такой эпизод. В году 2002 во время телефонного интервью в «живом» эфире для «Голоса Америки» я, не подумав, сказал, что и Бунин, и Цветаева жили в основном на «еврейские» деньги (Марина Ивановна получала их от С. Андрониковой, но деньги зарабатывал ее муж — адвокат Александр Гальперн). Интервьюер, опешивший от моей не нужной для русского слушателя прямоты, быстро свернул беседу, и намеченный цикл передач о нашем Центре на этом закончился...

²⁸ Недатированная газетная вырезка. Владимир Феофилович Зеелер (1874—1954), журналист, генеральный секретарь Союза писателей и журналистов в Париже.

²⁹ Köln—Berlin, 1955 (нем. «Революция отпускает своих детей»).

³⁰ Машинописная копия рецензии без отметки, для какого издания.

³¹ О. Цынкова. «Новое русское слово» — феномен долголетия // *ЕВКРЗ*. Т. 5. Иерусалим, 1996. С. 162—181.

³² Григорий Аронсон. К 80-летию С. М. Шварца // *Русская мысль*. № 1949. 29 янв. 1963 г.

ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

АЙН РЭНД: АЛИСА ИЗ СТРАНЫ ЧУДЕС

АЛЕКСАНДР ЭТКИНД (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

Айн Рэнд

Эта Алиса родилась в Санкт-Петербурге в год первой русской революции. Ее отец, аптекарь Зиновий Розенбаум, смог дать дочери отличное образование: в женской гимназии Алиса Розенбаум училась вместе с Ольгой Набоковой, сестрой писателя. В 1924 году Алиса окончила Педагогический университет (он нынче называется Герценовским) по специальности «социальная педагогика» и поступила в Государственный институт экранного искусства. Она зарабатывала продовольственные карточки, водя экскурсии по Петропавловской крепости, и любила ходить в кинотеатр «Паризиана».

О круге ее интересов в это раннее время и о незаурядном знании американского кино мы знаем из изданных ею двух книжек, брошюре об американской актрисе польского происхождения Поле Негри и брошюре о Голливуде¹. Книжки, написанные в нэповском Ленинграде, выражают юный восторг перед американским кино, но также и зрелое понимание причин его успеха. Американские фильмы текут, как кровь, по кино-артериям земли. Голливуд — сердце, толкающее эту кровь. Закон его жизни — соперничество, борьба, пишет Розенбаум. Со знанием дела она упоминает десятки фильмов; рассказывает о звездах и неудачниках; пересказывает голливудские легенды и анекдоты, неизвестно как добравшиеся до Ленинграда; пишет главки о режиссерах и артистах, операторах и художниках, о детях и зверях в американском кино. Сегодня эти брошюры читаются с уважением и удивлением: наши представления о Ленинграде 1925 года не просто совместить с текстами, из которых ясно, что его жители имели возможность видеть сотни новейших американских фильмов.

В 1925 Алиса Розенбаум стала хлопотать о выезде за границу для посещения родственников. В отличие от многих, ей повезло, и в январе 1926 через Ригу она добралась до Нью-Йорка. Ей был двадцать один год. Родители Алисы и ее младшая сестра Нора остались в Ленинграде. Книжка, вышедшая в свет уже после отъезда дочери, была слабым утешением. Уже

в августе Алиса была в Голливуде, надеясь заработать на жизнь киносценариями. Сесиль де Милль, которого она только что перевозносила порусски, дал ей возможность сняться в массовке. Тут она встретила будущего мужа, актера Франка О'Коннора. Отец и мать Алисы умрут в Питере во время блокады.

Начав печататься в США, она взяла псевдоним Айн Рэнд, происхождение которого неизвестно; по-немецки это значит нечто вроде «границы». Воспоминаний Рэнд не писала, но рассказала о своем русском прошлом в романе «Мы, живые», который закончила в 1934. В рузвельтовской Америке, готовившейся к союзу с Советами, роман не имел успеха. Он стал бестселлером на пике «холодной» войны, в 1959 (год максимального успеха «Лолиты» и «Доктора Живаго») и допечатывается до сих пор: продано два миллиона экземпляров, немало по любым масштабам. Как Рэнд объясняла с оглядкой на левых американцев, ездивших в Россию как в Мексику, *«Это первый рассказ, написанный русским, который знает условия жизни в новой России и который действительно жил под властью Советов [...] Первый рассказ, написанный человеком, который знает факты и который спасся, чтобы о них рассказать»*².

Героиню зовут Кира Аргунова. Она сильная красивая девушка, землячка и ровесница автора и ее улучшенный автопортрет. Как это случилось с самой Алисой, семья Киры возвращается из Крыма в голодный Петербург 1922 года. Теплушка полна солдат и мешочников, вокруг грызут семечки и поют «Эх, яблочко». Кира поступает в Технологический институт и участвует в собраниях комсомольской ячейки. Она сходится с лихим парнем, который при первой встрече принял ее за проститутку; она приняла его за вора. Этот Лева Коваленский оказывается сыном царского адмирала, расстрелянного большевиками. Вместе они пытаются бежать за границу, но их берут посредине Финского залива. У Лева развивается чихотка. Чтобы спасти любимого, Кира отдается герою Гражданской войны, следователю ГПУ Андрею Таганову. Так завязывается любовная интрига нового типа. Беря деньги у Андрея, Кира лечит Леву; но ее притягивает чекист. У него свои неприятности: его обвиняют в троцкизме. Накануне чистки он предлагает Кире бежать за границу, но она не может бросить Леву. Разоблачая партийных боссов, Андрей раскрывает финансовую схему, в которой участвует Лева, юный нэпман. Так мужчины Киры узнают друг о друге. Андрей освобождает Леву и кончает с собой. Лева бросает Киру. Та пытается пересечь латвийскую границу, и ее подстреливает часовой. Она истекает кровью, ночью на снегу в белом платье. По словам автора,

«“Мы, живые” не рассказ о Советской России в 1925. Это рассказ о диктатуре, любой диктатуре, везде и во все времена, будь то Советская Россия, нацистская Германия или — что, возможно, этот роман помог предотвратить — социалистическая Америка».

Жизнеописания троцкистов, нэпманов и проституток увлекательны сами по себе; но главная проблема в другом. Показывая Киру во всех видах, автор вызывает сочувствие к ней независимо от моральной оценки ее действий. В мире насилия перестают действовать нормы, обычные для ситуаций свободного выбора. Нетривиальные действия Киры оправдываются не моралью или законом, а внутренним протестом. Как писала Рэнд много позже,

«Вынужденное подчинение насилию не есть согласие на него. Все мы вынуждены подчиняться законам, которые ущемляют наши права; но пока мы боремся за изменение этих законов, наше подчинение им не является согласием с ними»³.

Читатель потому сочувствует Кире, что бы та ни делала, что имеет доступ к ее протестующему сознанию. В условиях несвободы единственным критерием морали является внутренний протест. Насилие заставляет подчиняться, а скрытый протест является единственным отличием морального поведения. Человеческая мораль предполагает свободный выбор. Нет свободы — значит, нет ответственности и, значит, нет нравственности. Но в реальных обществах мало кто имеет такую роскошь, как свобода. Этическая теория, начиная с Канта полагающая свободу за основание нравственности, плохо сходится с политической теорией, которая, начиная с Токвиля, видит в свободе редкостное достижение, требующее сложных и развитых институтов. Во что превращается категорический императив под пыткой? Однако мы знаем, что и в этих условиях одни достойны большего уважения, чем другие. На каком основании мы делаем различия между ними? Как возможно моральное суждение в условиях несвободы?

Общества, которые лишили себя свободы, состоят из многих иерархических уровней. Каждый отдельный уровень подвергается принуждению, исходящему от более высокого уровня. Значит ли это, что вся ответственность лежит на лидерах? Такова была логика Нюрнбергских процессов, которые судили только руководителей нацистского государства. Одновременно с ними Карл Ясперс писал свой «Вопрос о виновности», в котором определил разные типы вины. Есть вина фактическая, которую разделяют соучастники преступления и которую определяет суд. Есть виновность моральная и политическая, которую разделяют те, кто своими действиями — например, голосованием за нацистов в 1933 — сделал преступление возможным. И наконец, есть виновность такого уровня, — Ясперс назвал это метафизической виной, — которую разделяют все современники преступления независимо от своего участия-неучастия⁴. Замечу попутно, что русская философия ни в православных, ни в марксистских ответвлениях не вела и не ведет подобной дискуссии. И наверняка не потому, что местная история не предоставляет нужного материала.

В своем романе Рэнд изобразила чиновника, который организует и лично проводит зловещие мероприятия режима: Андрей Таганов, кото-

рый покупает тело Киры — начальник следственного отдела столичного ГПУ. Но герой сложнее, чем его должность, и в конце концов добивается любви Киры. Позже Ханна Арендт напишет книгу о примерно равном по званию чиновнике нацистской Германии, одном из организаторов Холокоста Адольфе Эйхмане. Зло банально, писала Арендт, изображая кровавого злодея как скучнейшего из людей. Эйхман был чиновником, выполнявшим чужие приказы, но это не освобождает его от ответственности. Нацист и чекист в равной степени свободны не делать ту карьеру, которую сделали. Рэнд в своем вымышленном Таганове показала более сложную динамику, чем Арендт в своем реальном Эйхмане. Троцкист входит в оппозицию режиму. Он судит себя сам, забирая собственную жизнь вместо того, чтобы, как Эйхман, скрываться от своих уцелевших жертв. Поэтому он достоин сочувствия читателя и любви героини. В отличие от Арендт, Рэнд сохраняет за своим героем важнейшие из прав человека — на сомнение, на раскаяние и, наконец, на изменение.

«Мы, живые» подвергался критике как ницшеанский роман, в котором Кира изображена феминистским сверхчеловеком, которой все позволено; и потому же, за силу, она влюбляется в Андрея. Такое чтение несправедливо, потому что не видит ключевой слабости главных героев. Кира и Андрей слабее отвратительных, но знающих свою групповую силу партийцев. Оба подчиняются из слабости, а протестуют из силы; но сила, выраженная в протесте, в конкретных условиях ведет к заведомому поражению. Оба погибают, когда перестают скрывать свой протест. Внутренний протест способен оправдать женщину, продающую свое тело, и мужчину, продающего свою совесть. В попытке Рэнд оправдать Киру я вижу одно из воплощений трагической мысли прошлого века, которая пыталась найти возможность морального выбора в условиях запредельного насилия.

В полуразрушенном послереволюционном университете Алиса была студенткой Николая Лосского. Осенью 1922 профессор был выслан из России; если его лекции успели произвести впечатление на юную Алису, оно было негативным. Вслед за Владимиром Соловьевым и основным руслом отечественной философской традиции, Лосский верил в скорый рай на преображенной земле. Вместе с Бердяевым и другими современниками он воспринимал русскую революцию как начало предсказанной метаморфозы. Философы не сразу заметили, что царство Божие запаздывало с осуществлением. Заметив, они продолжали учить об отложенном преображении. Даже в относительно благополучном, тоже американском конце своего пути Лосский продолжал верить:

«Печальный опыт истории показывает, что весь исторический процесс сводится лишь к подготовке человечества к переходу от истории к метаистории, то есть "грядущей жизни" в царстве Божием. Существенным условием совершенства в том царстве является преображение души и тела»⁵.

Подобные и, вероятно, более горячие речи в холодных аудиториях революционного Петрограда выработали аллергию к мистическим планам преображения души и тела. Бывшая студентка Лосского прочно ассоциировала неоплатоновскую мистику с советским режимом.

«В сегодняшней культуре доминирует философия мистицизма-альтруизма-коллективизма, следствием которой является сильное государство в разных его формах: коммунистическое, фашистское или так называемое государство всеобщего благосостояния»⁶.

Собственную родословную Рэнд, пропуская многие стадии от Платона как раз до Лосского, начинала прямо от Аристотеля.

«Философия Аристотеля была интеллектуальной Декларацией Независимости. [...] Она определила главные принципы рационального взгляда на бытие и сознание: что существует только одна реальность, [...] что задача человеческого сознания в том, чтобы воспринимать, а не создавать реальность, и [...] что А есть А»⁷.

Это и был «объективизм», самообозначение Рэнд собственной философии как системы логических следствий из веры в то, что «А есть А». Свой философский проект Рэнд понимала как реабилитацию аристотелизма, оклеветанного и опороченного всей последующей традицией, а более всего Кантом. По ее убеждению, Аристотель был последним из философов, кто верил, что разум дан человеку для того, чтобы делать жизнь лучше, и что свойства разума, какими их постигает философия, действительно подходят для этой цели. Преемницей Аристотеля была сама Рэнд с ее «объективизмом». Мало кто из философов не морщился, читая эти дефиниции — если, конечно, читал их. Главным и несомненным талантом Рэнд было умение упрощать. Она доводила идею до ее крайности, высказывая сильные мнения с шокирующей уверенностью. Многие в Америке считали ее формулы гиперболами; и правда, этот троп весьма свойственен Рэнд. В шестидесятых годах, когда интеллектуальный протест в Америке совсем было слился с левыми идеями, она обвиняла социализм в фашизме, а администрацию Джонсона в неразборчивой смеси обоих.

«Сейчас мы представляем собой распадающуюся [...] смешанную экономику, беспорядочную смесь социалистических схем, коммунистических влияний, фашистского контроля и тающих остатков капитализма; [...] и весь этот клубок катится к фашистскому государству».

Через два президентства она была принята в Белом Доме. Всего этого ей не простили интеллектуалы эпохи «холодной» войны, которые превратили само понятие либерализма в зонтик для расплывчато-левых идей

и никогда не полных разочарований. *«Неужели Вы интересуетесь Рэнд?»* — спросил меня американский профессор истории. *«Мы все зачитывались ею в юности; но вообще-то она что-то вроде фашиста».*

Умершая в 1982 в Нью-Йорке, Рэнд не сделала академической карьеры, но осталась эзотерической фигурой, предметом культа. Она опубликовала четыре романа-бестселлера и десяток философских книг; на Бродвее были поставлены две ее пьесы; в Калифорнии есть институт ее имени. Хиллари Клинтон иногда ссылается на нее как на образец. Идеи Рэнд правее взглядов большинства университетских либералов, а найденный ею жанр — сочетание философского романа с эротической авантюрой — еще менее приемлем для американской академии. Но социологические опросы, не знаю насколько достоверные, называют «Потрясенный Атлас» Рэнд самой популярной американской книгой после Библии. Для оценки ее влияния более важно, что в середине 1950-х в культовый кружок, регулярно собиравшийся с целью чтения Рэнд в ее присутствии, входил Алан Гринспен⁸. С 1987 по 2006 г. он возглавляет Федеральную резервную палату, американский аналог Центрального банка. Плавный экономический подъем Америки на рубеже веков — в немалой степени его заслуга. На вершине своего успеха Гринспен так вспоминал о Рэнд:

«Именно она убедила меня долгими разговорами и ночными спорами, что капитализм не только эффективен и практичен, но морален. Рэнд считала, что капитализм превосходит другие социально-экономические системы, такие как феодализм и социализм, потому, что только капитализм основан на добровольном обмене между рациональными индивидами, заботящимися о собственном интересе»⁹.

Россия XXI века, проходящая болезненную школу капитализма, вправе испытывать патристическую гордость: самый успешный американский финансист XX века проходил ту же школу у уроженки Санкт-Петербурга. В апреле 2000 года на презентации русского перевода «Потрясенного Атласа» переводчики объявили, что будут добиваться утверждения этого романа в качестве обязательного чтения в средних школах. Экономический советник российского президента Андрей Илларионов назвал Рэнд своим кумиром и сообщил, что рекомендовал читать «Атлас» президенту¹⁰; в тот момент, по словам советника, Путин читал Набокова. Что ж, наряду с Владимиром Набоковым и Иосифом Бродским Айн Рэнд является третьим — хронологически первым — примером значительного успеха русского писателя, работающего на английском языке.

Рэнд вряд ли мечтала о том, что ее будут читать в русских переводах. Память об оставленных в России близких вызывала тревогу в течение десятилетий. Вплоть до 1960-х годов Рэнд скрывала от американских друзей свою настоящую фамилию, опасаясь, что ее разглашение причинит вред ее родственникам в России. Писавшая по-английски тысячестраничные, рекордно успешные романы, она до конца жизни говорила с сильным

русским акцентом. При первом знакомстве с ней в 1950-м ее поклонник почувствовал, что *«она более русская, чем я мог себе представить»*¹¹. Вскоре восторженный Натаниэл, на двадцать лет младше Айн, читал рукопись нового романа; даже почерк казался ему «европейским». Она рассказывала юному любовнику о том, что $A=A$, о петербургских прототипах «Мы, живые» и еще о Достоевском, который оставался ее любимым писателем; любимым романом были, нетрудно угадать, «Бесы». Если первые ее произведения — «Мы, живые» и «Гимн» — посвящены переработке болезненного российского опыта, то в двух последних, самых известных романах — «Источник» и «Потрясенный Атлас» — об оставленной родине нет ни слова. Но везде очевидны идеологические уроки русской революции.

Из своей ключевой интуиции, что A равно A и должно всегда таковым оставаться, Рэнд делала вывод о том, что главным злом в экономике является инфляция, которая нарушает это тождество. Инфляция есть следствие раздутого государства. Инфляция есть цифровое выражение левых идей. Ничто, даже экономический рост, не оправдывает инфляцию. Политика Гринспена основана на том же убеждении; остальное — дело техники. Сегодня все это общеизвестно, но Рэнд проповедовала накануне очередного поворота Америки влево. В 1965, во время студенческих волнений в Беркли, она писала так:

*«Социальное движение, которое началось с тяжеловесных, головоломных конструкций Гегеля и Маркса, закончилось ордой неумных детей, топчущих ногами и визжащих: "Я хочу прямо сейчас"»*¹².

После Платона главным ее философским врагом был Кант, «первый хиппи в истории». Начиная с него философия занималась только тем, что доказывала импотентность человеческого разума. Согласно Рэнд, наше время завершает длинный путь саморазрушения, который начал Кант, когда разорвал разум и реальность и, таким образом, лишил западного человека его оружия. Современные философы, например лингвистические аналитики, только тем и занимаются, что убеждают студентов в их неспособности понимать реальность как она есть. Восставая против западной традиции, Рэнд искала опору в здравом смысле бизнесмена, ценящего свое личное понимание как главное из средств практической жизни. *«Человеческий разум является главным средством выживания и самозащиты. Разум является самым эгоистичным из человеческих качеств: [...] его продукт — правда — делает человека особенным, негибким, недоступным власти»*. Ее критика сосредоточилась на коллективизме, на этике индивидуальной жертвы во имя группы.

«Коллективизм не считает жертвенность временным средством, направленным на достижение желаемой цели. Жертва есть самоцель, жертва есть способ жизни. Коллективисты хотят уничтожить независимость, успех, благополучие и счастье человека. Посмотрите на то рычание, ту истерическую ненависть, с которой они встречают всякий намек на то, что жертва

не есть необходимость, что возможно общество, не основанное на жертве, и что только в таком обществе человек может достичь благополучия»¹³.

Современная философия не есть рационализация невроза современного человека — она есть его причина, считала Рэнд. *«Практическим результатом современной философии является сегодняшняя смешанная экономика»*; в более решительном настроении она утверждала, что современная ей Америка реализовала все положения *«Коммунистического манифеста»¹⁴*. В большевистской России козлом отпущения стала буржуазия, в нацистской Германии ими были евреи, в современной Америке — это бизнесмены, — писала Рэнд в 1962¹⁵. Но и ей нужны были виноватые, и ими стали университетские интеллектуалы. В 1968 она обращалась к бунтующим студентам:

«Идеи ваших профессоров правили миром в течение последних пятидесяти лет, причиняя ему все большее опустошение, [...] и сегодня эти идеи разрушают мир так же, как они разрушили ваше уважение к самим себе»¹⁶.

Как большинство консерваторов, Рэнд придавала идеям значение самостоятельной, движущей силы истории и биографии. Только с такой позиции можно говорить об интеллектуальной ответственности. Если верить в то, что идеи ведут к поступкам, человека можно призвать к ответственности за идеи. Радикальная мысль, наоборот, всегда ценила материалистические схемы. Среди прочих своих функций они полезны тем, что лишают саму мысль причинного значения, а значит и ответственности за собственные следствия.

«Если вы хотите увидеть ненависть — не смотрите на войны или концлагеря, все это лишь следствия. Почитайте труды Канта, Дьюи, Маркузе и их последователей, и вы увидите чистую ненависть — ненависть к разуму и ко всему, что он за собой влечет — способности, достижению, успеху»¹⁷.

На время вооружившись Ницше, она идентифицировала себя с Аполлоном, а своих врагов от Гераклита до самого Ницше и далее до Маркузе — с Дионисом. Сущность враждебного клана она определяла через три понятия: мистицизм, альтруизм, коллективизм. Взятые вместе, они ведут к анти-индустриальной революции, считала Рэнд. Если идеи новых мистиков-коллективистов окончательно победят в сознании американцев, их повседневная жизнь превратится в подобие советской жизни. Все зарплаты будут равны, а поскольку одинаково платить за хорошую и плохую работу явно несправедливо, хорошая работа будет запрещена; исчезнут холодильники, лампочки и бритвы; обездоленных людей будет одолевать необоримая скука. Рэнд признавала, что ее открытие — связь между разумом, эгоизмом и общим благом — не оригинально. С другой стороны, ее предшественники — Аристотель, Адам Смит или Джон Стюарт Милль — не имели и сотой доли того опыта осуществленных утопий, которым располагали авторы и читатели середины XX века.

Наша культура стала выгребной ямой, в которую элита спускает страх перед жизнью, жалость к себе и желания, нереализованные за их никчем-

ностью, — писала Рэнд. Самоирония прикрашивает современные фантазии, но неспособна изменить их аромат, — предвосхищала Рэнд множество позднейших споров. Ирония и, тем более, самоирония не были ее достоинствами, и от постмодернизма она была так же далека, как и от фашизма. Герой одной из статей Рэнд — Джеймс Бонд. Она восхищается тем, что Бонд, каким она его застала, не был особенно ироничен. Ему было не до шуток, ведь он защищал свободный мир. Мы и сегодня продолжаем жить с новыми воплощениями тех же нешуточных идей. В наших новостях и фантазиях новые Бонды вместе с новыми Штирлицами все так же сражаются против жутких тиранов; но при этом все дружно смеются над собой, — шпионы и тираны, авторы и зрители. Нам кажется, что нас выручит чувство, столь не свойственное Рэнд; в России это называется юмором, а еще трепом или стебом. Но мы уже знаем, что она и тут была права. Юмор имеет силу только там, где он запрещен.

В антиутопическом «Гимне» 1937 года показаны люди, которые не имеют частной собственности, лишены индивидуальной любви и забыли местоимения единственного числа. Когда главный герой влюбляется в женщину, он формулирует свои чувства так: «Мы думаем о Них». В романе очевидна зависимость Рэнд от самого популярного тогда из новых русских писателей, доступных на английском языке, Евгения Замятина. Новостью жанра, которую придумала Рэнд в «Гимне», была деградация коллективистского общества до уровня каменного века. Как у людей в «Мы», у людей в «Гимне» нет имен. Оба романа были написаны от лица технического гения, восставшего против режима в двойную силу любви к знанию и любви к женщине; в обоих романах эти герои записывают свои прозрения для потомков. «Гимн» рассказывал об обществе после большой войны. Большинство погибло, а уцелевшее меньшинство в попытке предотвратить дальнейшее уничтожение обратило цивилизацию вспять. Все книги сожжены, техника запрещена, упоминание о прошлом запрещено под страхом смерти. Секс отменен, но в целях размножения практикуется дважды в год: партнеры подбираются властью и не видят друг друга. Разделенные на касты, ходящие строем, спящие в общежитиях, люди живут в условиях каменного века. Недавним изобретением, вызывающим мистический трепет, является свеча. Герой Рэнд работает подметальщиком улиц и вступает в незаконный контакт с героиней-крестьянкой. Технический гений, он устраивает тайную мастерскую, экспериментирует с найденными предметами и зажигает лампочку. Он пытается дать вновь найденный свет людям, но подвергается физическому наказанию. Тогда он бежит вместе с лампочкой и крестьянкой. Найдя заброшенный дом в недоступных горах, полный книг и непонятных, увлекательных предметов, он дает начало новой цивилизации. Первым делом он изобретает слово Я.

Рэнд меняет экологическую среду антиутопии и, пожалуй, дает новый мотив политической теории. Люди, лишенные свободы, не способны

к развитию технической цивилизации. Вслед за свободой они потеряют способность к изобретению и творчеству. Такой режим деградирует именно в тех своих аспектах, которые считает единственно важными: в технике, силе и власти. Свобода не есть гуманитарная игрушка, изобретение философов и писателей, но необходимое условие технологического развития и, в конечном итоге, военного успеха. Это знал уже Кант, к которому так несправедлива была Рэнд; знал и Токвиль, к которому она была равнодушна. Но даже Замятин, очень умный социальный конструктор, не видел технологического потолка, в который упирается несвобода. В его романе люди, не имеющие имен и собственности, живущие в прозрачных стенах и марширующие в ногу по два часа в день, делают выдающиеся изобретения. Мыслимо ли это? Здесь нужна, например, развитая система образования. Но чтобы выучить студента чему-нибудь кроме строевой подготовки, ему надо дать свободу. Нужна система мотивации: хорошо работающий инженер должен жить лучше, чем плохо работающий, иначе оба будут работать одинаково плохо. В «Чевенгуре» Андрея Платонова, написанном за 10 лет до «Гимна» Рэнд, утопическая коммуна тоже деградирует к каменному веку, а ее голодные идеологи проповедуют, что труд, проклятое наследие буржуазии, подлежит отмене. Но Рэнд, конечно, не читала «Чевенгура».

Своего расцвета идеи Рэнд достигают в двух последних и самых популярных ее романах, «Источник» и «Потрясенный Атлант». В обоих случаях центральные характеры — выдающиеся инженеры, герои практической работы, гении взаимодействия с земным миром. Они проектируют небоскребы и электрические машины, строят Манхеттен и то, что впоследствии назовут Силиконовой долиной. Они преследуют практический интерес и отрицают социальные условности, налипшие на их искусство и мешающие им работать. Они находятся в прямом контакте с тем, что Рэнд называет Реальностью: это физическая материальность мира, которую технический гений обладает способностью приводить в соответствие с высокими потребностями человека. Красивые, умные и сильные женщины, которыми украшены оба романа, тоже воплощают в себе Реальность. В конечном счете, природе судить о том, правильно ли построено здание, и она жестоко наказывает плохого архитектора. Так героини Рэнд награждают или наказывают своих поклонников. Судят они без ошибки, и их любовь неизменно принадлежит инженерам. Но тем мешают сильные люди рузвельтовской Америки, — социологи, журналисты и бюрократы левых убеждений. Эти люди живут в плену всего того, что направлено против Реальности: в плену устаревшего стиля, социальных идей и мелких страстей.

Как голливудские фильмы или романы социалистического реализма, книги Рэнд всегда заканчиваются победой правого дела: здание построено, общество спасено, а женщина сама приходит к герою. Еще в 1926 в своей русской брошюре о Голливуде она писала:

«Какую бы картину ни взять — одно деление действующих лиц встречается постоянно: деление на добродетельных и злодеев. Герои и “негодяи” — обязательная принадлежность американского сценария»¹⁸.

Они же — неременная принадлежность романов Рэнд. Ее современник и земляк, русский литературовед Виктор Шкловский предложил в свое время (в 1916, но он продолжал работать над своей идеей в течение двадцатых годов) концепцию «канонизации низких жанров», как механизм высоких литературных свершений. Шекспир канонизировал, то есть ввел в высокую литературу, народную комедию; Блок канонизировал цыганский романс. Айн Рэнд ввела в серьезную литературу механизмы голливудского фильма. Она была зачарована ими со времен своей советской юности; не случайно ее мужем стал голливудский киноактер. Но литературной канонизацией Голливуда, с иронией или всерьез, занимались многие американские писатели. Уникальность Рэнд, обеспечившая ее успех, заключалась в сочетании упрощенного художественного языка, непародийно стилизованного под Голливуд и легкодоступного любому американцу, с вызывающим, почти что контр-культурным идеологическим содержанием, которое было порождено совсем иным, экзотическим для ее публики советским опытом. Когда ее потенциальные читатели, американские студенты и интеллектуалы, были одержимы левыми идеями, проклинали несправедливость капитализма и видели в «холодной» войне лишь злостную видимость, Рэнд стремилась передать им хорошо знакомый ей ужас реального социализма и объяснить его внутреннюю логику, начинающуюся с невинных попыток перераспределения доходов. Рэнд призывала американцев не к тому, чтоб они терпели капитализм как неизбежное зло (что уже считалось недопустимым консерватизмом), но к тому, чтобы они учились видеть его собственную позитивную ценность.

В центре «Источника» (1943) — архитектор-конструктивист, который борется с архаическим стилем, нелепым в эпоху небоскребов. Герой проектирует здания из прямых линий, стекла и стали, но они остаются на бумаге, а Нью-Йорк застраивается стоэтажными дворцами с античными портиками. Главным врагом этого функционального героя является левый социолог, который годами убеждает публику в том, что демократический дух воплощают только дорогие фасады с колоннами. Будущее, конечно, за архитектором. Реальность имеет свои средства покарать того, кто нарушает ее права, и вступает за тех, кто знает и любит ее больше, чем социальные условности. Алиса Розенбаум поклонялась силе и таланту избранных, успешных одиночек задолго до того, как она стала Айн Рэнд. В брошюре 1926 года она писала о голливудских режиссерах то же, что двадцать лет спустя писала о нью-йоркских инженерах:

«Есть фильмы сложные и грандиозные. Неограниченные средства выделяются на их постановку. И только один человек ответствен за все —

Человек с выносливостью буйвола и спокойствием машины.

Человек с мегафоном.

Режиссер»¹⁹.

В романе «Атлант расправляет плечи» (1957) мы следим за центральным конфликтом послевоенной Америки и обсуждаем главную проблему ушедшего столетия. От своих технических изобретений герой переходит к осознанию капиталистической экономики как выдающегося достижения человечества — не только самого эффективного, но и самого нравственного из механизмов социальной жизни. Заботясь о себе, умные люди добровольно вступают в договорные отношения и соревнуются за успех в избранном деле; это и есть капитализм, самая совершенная система из мыслимо возможных. Современная жизнь вся, от самолета до унитаза или таблетки с витаминами, изобретена умными людьми. Ум инженера, руководителя, организатора производства достоин большей оплаты, чем труд исполнителей. Нет большей справедливости, чем позволить изобретателю самому владеть изобретением и располагать полученной выгодой. Но публика и правительство живут иными идеями. Профсоюзы требуют все больших выплат, налоги повышаются с каждым годом, разница между доходом умных и зарплатой глупых все уменьшается, и инфляция доллара опровергает закон тождества. Под руководством социалистического правительства страна Америка знакомится с дефицитом, очередями, распределителями. Те же профсоюзы, что начали порочный круг своими требованиями незаработанной зарплаты, приступают к забастовкам. В стране стоят заводы, стройки, железные дороги. Правительство пытается подавить забастовки, но отказывается менять политику. Социалистические бюрократы в Вашингтоне не понимают происходящего. Они пришли к власти, чтобы бедные стали богаче, а богатые беднее; но получилось только последнее. У правительства нет денег, и любая правительственная мера ведет к росту инфляции. Вместо того, чтобы снижать налоги, правительство повышает их. Протестующие американцы взрывают мосты в Нью-Йорке. Фермеры идут в поход на столицы штатов. Начинается новая Гражданская война.

Главный герой «Атланта» Джон Галт выступает с радиообращением к нации. Он объясняет кризис лживой социальной теорией и предательством американской традиции. Он обращается не ко всем, но только к тем, кто умен и богат, или был бы богат при другом режиме. Он призывает к национальной забастовке собственников, менеджеров и инженеров. Вы в правительстве считаете нас бесполезными эксплуататорами: что ж, мы перестаем эксплуатировать, говорит он социалистам. Теперь, когда мы перестанем работать, мир станет совсем таким, каким вы хотели его увидеть. Все беды, которые вы принесли миру, суть результат вашего непонимания того, что $A=A$. Нет ничего более морального, чем рациональность и хороший счет; и ничего более аморального, чем мисти-

ческие призывы к всеобщему благу, подкрепляемые инфляцией. Всякий диктатор есть мистик, и всякий мистик есть потенциальный диктатор. Социализм пытается загнать людей обратно в рай, где они стали бы роботами, лишенными знания, творчества и радости. Я, говорит Джон Галт, не испытываю вины за свое знание. Я не буду жертвовать собой ради других и не хочу принимать их жертвы. Я горжусь своим телом, своей собственностью и плодами своего труда. Древние и новые учителя социализма расщепили человека на тело и душу. Они отрицают целостность реальности, духовность секса, творческий характер материального труда. От этого страдаем мы — изобретатели, авторы, творцы цивилизации. Нас объявили аморальными людьми, а наше творчество — недостойным делом. Пусть живут без нас. Мы объявляем забастовку.

В этой многостраничной речи Алиса Розенбаум высказала все, что привезла из ленинской России в рузвельтовскую Америку. Несомненно, это лучшая из формулировок философской и политической позиции Рэнд. Философы часто основывали свои дискурсы на потребностях угнетенных, будь то пролетарии, женщины или гомосексуалисты. В мире смешанной экономики угнетенным меньшинством стали капиталисты. Это их классовый интерес нашел свой голос в романах и эссе русской эмигрантки. Тысячи честных людей своим талантом сумели добиться хорошей жизни для себя и своей семьи, а попутно создали небывало разнообразную, стабильную, удобную среду обитания для миллионов, лишенных этого таланта. Большинство не понимает, что ущемляя права успешного меньшинства, оно подрывает источник собственного благополучия.

«Потрясенный Атлант» кончается вскоре после этой речи; и правда, автору немного осталось сказать. Пытаясь спастись, правительство назначает Галта экономическим диктатором. Тот отказывается от сотрудничества. В надежде склонить его на свою сторону, социалисты используют все средства от подкупа до пытки. Как в советском романе, герой преодолевает все соблазны и страдания. Как американский фильм, история кончается счастливым концом. Америка свергает социалистов и вся становится как Джон Галт. Страна возвращается к вере в силу и успех отдельного человека. Антиутопия Рэнд кончается так же, как все прочие произведения жанра, начиная с «Мы»: картиной жуткого крушения нового мира, построенного на искусственных законах равенства и несвободы. Как избавление и рецепт, Рэнд предлагает большому бизнесу Америки осуществить всеобщую стачку, более всего напоминающую события 1905 года в России, время и место ее появления на свет. Проект впечатляющий, хоть и трудно осуществимый. Здесь, похоже, образы Рэнд делают полный круг: Она ищет избавления от своего раннего опыта в России и гарантии того, что он не повторится в Америке. Она конструирует врагов с темпераментом и настойчивостью, которые более свойственны стилю советской родины. Но на свете всегда есть президенты, которым не мешало бы почитать, как «Атлант расправляет плечи».

Роман был и остается чрезвычайно популярен. Читая его, Алан Гринспен восклицал: *«Айн, это невероятно. Никто никогда не показывал, что на самом деле значит индустриальный успех»*²⁰. На вершине собственного успеха Рэнд объявила о культурном банкротстве Америки. Левые интеллектуалы завладели университетами, социальными службами, печатью. В пересказе Рэнд, эти люди утверждали, что *«Америка, самая благородная и свободная страна на земле, политически и морально ниже Советской России, самой кровавой диктатуры в истории»*. Лишь мир бизнеса свободен от мистического коллективизма; но его не слышно и не видно, потому что ему отсечен выход к публике. Чтобы избежать индустриальной контрреволюции, Америке нужна интеллектуальная революция. В книжке 1961 года «За нового интеллектуала» Рэнд предсказывала поколение, которое воссоединится с бизнесом, оставит мистику, поверит в силу разума, признает ответственность идей за события, например, за экономическое развитие. Она оказалась права, поколение хиппи сменилось поколением яппи. В «Романтическом манифесте» Рэнд формулирует свой метод как «романтический реализм» и раздает литературные оценки. Наше время, говорит она, переживает эстетический вакуум, одно из последствий «альтруистического коллективизма», который она обличала во всех жанрах. Самая злобедная книга в мировой литературе — «Анна Каренина». Ее любимый писатель — Виктор Гюго. Она обнаружила Гюго, писала Рэнд в предисловии к американскому изданию его романа «Девяносто третий», когда ей было 13 лет и она жила в Советской России. Надо представить себе совсем обездоленную планету, чтобы оценить, что Гюго значил для нее, писала Рэнд. И то, что теперь она, беженка от русской революции, пишет предисловие к роману Гюго о французской революции, вызывает у Рэнд подлинно романтический трепет. *«Это чувство драмы, которое сам Гюго понял бы и одобрил»*²¹. Гюго помог ей стать тем, кем она есть, — писателем, рассказывающим о революционном опыте людям, которые этого опыта не имеют. В такого рода помощи и состоит писательский долг, принятый на себя Гюго и, вслед за ним, Рэнд.

Используя русскую память для объяснения американского мира, Рэнд склонилась перед людьми, создающими сильные машины, высокие здания, стабильные деньги и, вместе с этим и сверх этого, сам капитализм. Ее врагами оказались ироничные маргиналы, критически настроенные гуманитарии, люди с амбициями и без ресурсов, — короче говоря, мы с вами, ее действительные читатели. Что ж, чтение Рэнд вызывает сопротивление, но учит смирению. Не судите ее, судите себя. В экстремальном либерализме Рэнд консервативные идеи сочетались с мозолистой хваткой социального критика. Она не признавала себя консерватором. Ее не устраивал существующий порядок вещей, она призывала его переделать; причем тут консерватизм? Результатом проведенной ею гибридизации была

редкостная политическая порода: правый радикализм. «Объективисты не являются “консерваторами”. Мы — радикалы от капитализма».

Романы и эссе Рэнд переносят философскую речь в обращение масс. Новые и сложные идеи, порожденные далеким опытом, воплощены в простейших, самых знакомых формах. Положительные герои всегда красивы и умны; отрицательные герои подлы, глупы, уродливы. Это эстетика массовой культуры, по форме близкая соцреализму, а по содержанию ему противоположная. Капреализм гораздо жизненнее. В условиях капитализма массовое производство не обезличивает товар, а массовое потребление не лишает его духовной ценности, потому что производитель и потребитель осуществляют свободный выбор. Суть этой системы — по Рэнд, не только эффективной, но и нравственной — в свободе. Философ капитализма и его практик, Рэнд сумела создать то, что хотела: успешный потребительский товар, который выдерживает массовое производство, не теряя своей человеческой ценности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. Розенбаум. Пола Негри. М. — Л., 1925; А. Розенбаум. Голливуд. Американский кино-город. С предисловием Б. Филиппова. М. — Л., 1926. Обе книжки факсимильно воспроизведены в: *Ayn Rand, Russian Writings on Hollywood*. Edited by Michael S. Berliner. Ayn Rand Institute Press, 1999.

² А. Рэнд. *We the Living*. NY, 1995, vi.

³ The Ayn Rand Lexicon. NY, 1986, P. 129.

⁴ Карл Ясперс. Вопрос о виновности. М., 1999.

⁵ Н. Лосский. История русской философии. М., 1991. С. 475.

⁶ The Ayn Rand Lexicon. NY, 1986. P. 95.

⁷ Ibid. P. 34.

⁸ Jeff Walker. The Ayn Rand Cult. Chicago, 1999. PP. 203—219.

⁹ John Cassidy. The Fountainhead — *New Yorker*, 24, 2000. P. 127.

¹⁰ Catherine Belton. Putin's Adviser Extols Ayn Rand — *Moscow Times*, April 26, 2000.

¹¹ Nathaniel Branden. My Years with Ayn Rand. San Francisco, 1999. P. 34.

¹² Ayn Rand. The Return of the Primitive. The Anti-Industrial Revolution. NY, 1970. P. 37.

¹³ Ibid. P. 76.

¹⁴ Ibid. PP. 105, 45

¹⁵ Ayn Rand. America's Persecuted Minority: Big Business — in her Capitalism: The Unknown Ideal. NY, 1967. P. 45.

¹⁶ Rand. The Return of the Primitive. P. 94.

¹⁷ Ibid. P. 86.

¹⁸ А. Розенбаум. Голливуд. Американский кино-город. С. 28.

¹⁹ Там же. С. 12.

²⁰ John Cassidy. The Fountainhead — *New Yorker*, 24, 2000. P. 127.

²¹ Ayn Rand. The Romantic Manifesto. NY, 1971. P. 160.

РОМАН ОСИПОВИЧ ЯКОБСОН

(11. X. 1896, Москва — 18. VII. 1982, Кембридж, Массачусетс)

АНАТОЛИЙ ЛИБЕРМАН (Миннеаполис, США)

Р. О. Якобсон

На протяжении многих десятилетий Р. О. Якобсон был самым знаменитым и самым влиятельным филологом нашего времени. В конце 1978 года, когда я преподавал в Гарварде, я часто встречался с ним и его женой Кристиной Поморской (Krystyna Pomorska), а впоследствии мы не раз говорили по телефону, и я еще успел организовать ему лекцию в Миннесоте и по его просьбе написать рецензии на книги последних лет. Физическая слабость не повлияла на остроту его ума.

Он мгновенно располагал к себе, и нельзя было не попасть под его обаяние. И в России, и на Западе я не раз сталкивался со знаменитостями разного калибра; почти все они умели внушить собеседнику чувство дистанции между собой и остальным миром. В Якобсоне же не было ничего от олимпийца, хотя Кристина и говорила не без иронии, что у него портится настроение в ту неделю, в которую его не избирают почетным членом какой-нибудь академии.

То, что я пишу о Якобсоне, естественно, не воспоминания. Я знал его слишком мало, а то, что я помню: готовность помочь, гостеприимство, искренний интерес к чужому мнению (при том, что собственное обычно оставалось неизменным), жадный интерес к новому знанию, одержимость наукой, — рассказано в многочисленных публикациях близких ему людей. О Якобсоне существует обширная литература (монографии, статьи, газетные заметки). Кроме того, в 1980 году в Париже вышла книга «Диалоги»; в ней два участника: Поморска и он. Несколько позже появился перевод «Диалогов» на английский и, что особенно ценно, русский текст («Беседы»), который и был первоначальным. В «Беседах» прослежен путь Якобсона от гимназических лет до его девятого десятка. Моя цель — нарисовать, если воспользоваться названием одного цикла Генриха Сенкевича, эскиз углем. Величие Якобсона не в том, что он все открыл и все растолковал (хотя открыл и растолковал он многое), а в том, что после его прикосновения любая тема лингвистики ли, поэтики ли всегда на-

чинала выглядеть по-иному. Даже сражаясь с ним и опровергая его, специалисты в этих областях исследований делали шаг вперед — настолько оригинальны и глубоки были его идеи. Якобсон прекрасно понимал значимость своего вклада в науку и не только предложил издательству «Мутон» собрание своих сочинений, но и охотно объединял статьи разных лет в тематические сборники. Каждый мутоновский том (а их выход стал выдающимся событием) заканчивался подробным послесловием, в котором ретроспективный взгляд на состояние лингвистики и литературоведения, в зависимости от содержания включенных работ, сочетался с оценкой своего места в их разработке. Любой, кто пишет о Якобсоне, вынужден конкурировать с ним, автором несравненных мемуаров.

Молодой Якобсон ассоциировал себя с авангардом в искусстве (его связывала дружба с Казимиром Малевичем) и поэзии (отсюда никогда не прошедшее восхищение Хлебниковым и Маяковским). Он даже недолго писал «заумь» — стихи в духе Крученых, еще одного близкого друга. Любви к живописи он не утратил и в зрелом возрасте, однако объектом изучения не сделал, а поэзией занимался пристально и страстно до последнего дня. Имена работавших в Петербурге-Ленинграде Тынянова, Шкловского, Эйхенбаума, Томашевского и некоторых их учеников широко известны. Их группа составила так называемую формальную школу. Якобсон родился в Москве, кончил Московский университет и был активным членом Московского лингвистического кружка. Таким образом, он оказался связующим звеном между филологами обеих столиц, и без него немыслима деятельность Общества по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ'а), главного оплота формалистов. В 1920 году Якобсон уехал из России, но первое время контакты между эмигрантами и метрополией не возбранялись, и под манифестом ОПОЯЗ'а «Проблемы изучения литературы и языка» (он был напечатан в «Новом Лефе» в 1929 году), выросшим из опыта формалистов и открывавшим перед филологами новые горизонты, стоят подписи Якобсона и Тынянова. Дальнейшая распря — кто главный в той школе, Якобсон или Шкловский, — не может интересовать нас ни здесь, ни за пределами данного очерка, но на основополагающих идеях формалистов остановиться необходимо.

Хотя название школы, быть может, ускорило ее разгром Троцким и компанией, формалисты были обречены, как бы они себя ни именovali. Причину их уничтожения легко понять не только бывшим гражданам СССР, но и гуманитариям, ныне живущим в Европе и Америке. Формалисты задались целью выяснить, как устроено литературное произведение, то есть в стихах и прозе они изучали словесный материал, а не использовали лежащие перед ними книги для выводов исторического или политического характера. Они не хуже своих недругов знали, что Акакий Акакиевич — нищий чиновник николаевской России, но заключения по этой части оставляли другим, а сами занимались анализом формы. Отсюда

заглавия их статей типа «Как сделана “Шинель”?». Сосредоточенность формалистов на сугубо литературных проблемах была не просто чужда партийным идеологам; она шла вразрез с духом эпохи, подозревавшей в любых специальных, «оторванных от жизни» разысканиях безыдейность. Тот же крен в политизацию наблюдаем мы на современном Западе с той лишь разницей, что советским ученым он был навязан тиранической властью, а западными принят добровольно по недомыслию или по расчету. Результаты сходны: оглушение молодых и старых, торжество псевдопрофессионального жаргона и засилье критиков, единственные достоинства которых — конформизм и эстетическая глухота.

В первых работах формалистов много наивного, но их авторы, будучи людьми большой культуры, быстро преодолевали экстремизм исходных позиций. Их исследования, даже и ранние, — лучшее не только в русском, но и в мировом литературоведении XX века. Бахтин не принял теории формалистов и сражался с ними, но теперь, когда пыль, поднятая давними баталиями, осела, а участники ушли в мир иной, видно, что общее между двумя сторонами значительнее того, что их разъединяло. Общей была и их судьба (свирепое подавление), хотя формалистов не арестовывали и не отправляли в ссылку.

Усилиями функционеров к 1929 году формальная школа перестала существовать. В послеоттепельные времена к ее достижениям обратились снова (в той мере, в которой это позволялось начальством), но благодаря Якобсону они стали широко известны на Западе. Он предложил «Русский формализм» в качестве темы диссертации своему аспиранту Виктору Эрлиху (Victor Erlich)¹. Результатом стала книга, сразу снискавшая заслуженные похвалы и несколько раз переиздававшаяся. Эрлих не гальванизировал теоретический труп, а подробно разъяснил, в чем сила формалистов и почему их подход к литературе не устарел. Популярность самого Якобсона способствовала тому, что историческая справедливость в какой-то мере восторжествовала — в *какой-то мере*, потому что ложка хороша все-таки к обеду, и из 1925 года не перепрыгнешь безболезненно в 1955-й год.

Одним из тех, кто иногда посещал заседания Московского лингвистического кружка, был Маяковский. Его увлекли дискуссии о механизмах стихосложения и поэтического творчества. Якобсон вспоминает, что начал изучение рифмы в 1919 году на стихах Хлебникова, а затем Маяковского, «к слову сказать, на даче — за одним садовым столом с последним автором, что давало возможность непосредственного обсуждения поэтических приемов с самим поэтом» («Беседы». С. 87). В школьную программу советских лет входило стихотворение «Товарищу Нетте, пароходу и человеку», в котором есть такие строки: «Помнишь, Нетте, — в бытность человеком / ты пивал чай со мною в дип-купе? / Медлил ты. Захрапывали сони. / Глаз кося в печати сургуча, / напролет болтал о Ромке Якобсоне / и смешно потел, / стихи уча». В примечаниях к двухтомнику 1955 года сказано: «Якобсон Р. Линг-

вист и стиховед». Что это за стиховед и почему надо было болтать о нем «напролет», оставалось неясным. Никто и не спрашивал. (Я думаю, что *глаз кося в печати сургуча* у Маяковского получилось непроизвольно, так как, сочиняя эту строку, он представлял себе не столько Нетте, сколько своего друга: у Якобсона было врожденное неоперабельное косоглазие на одном глазу.) Статья, в которой Маяковский рассказывает о работе над стихотворением «Сергею Есенину», называется «Как делать стихи». Где-то я видел насмешку над этим заглавием, будто бы прославляющим механическую сторону творчества в ущерб вдохновению. Этот упрек несправедлив: заглавие выдержано в традициях формальной школы.

Закончу о Маяковском. Его самоубийство потрясло Якобсона, и он написал статью «О поколении, растратившем своих поэтов». Не все в ней бесспорно. Для Якобсона Маяковский — прежде всего трагический поэт, который всегда предсказывал свою гибель, и лишь только глухие (говорит Якобсон) могли не заметить сквозной темы его творчества. Но ни в момент острого переживания горя, ни через полвека в «Беседах» он не добавляет, что эта тема была главной для него, любившего Маяковского и пропускавшего мимо ушей агитки. Он прощал Маяковскому ерничество и гимны НКВД, строившему город-сад; левые марши не забили для него музыки флейты-позвоночника. «Но ты согласен, что Маяковский — гений?» — спросила меня Кристина, уговаривавшая перевести на английский «150 000 000». Более дипломатичный Якобсон не сказал ничего, но не без интереса ждал моего ответа.

Якобсон рано сформулировал мысль о нераздельности биографии большого писателя и его творчества и дал этому единству название — **миф**. Он говорил в «Беседах»: *«В веренице поэм Маяковский начертал монолитный миф о поэте — подвижнике во имя революции духа, обреченном на враждебное непонимание и неприятие. Когда этот миф вошел в жизнь, невозможно было без чудовищных натяжек начертить грань между поэтической мифологией и послужным списком автора...»* (С. 107). Разумеется, подобный миф становится ясным лишь после того, как поставлена точка. Маяковский мог умереть от туберкулеза или гриппа, попасть под трамвай, быть зарезанным бандитом. Тогда бы не понадобилось обрывать жизнь насильно. А о смерти и самоубийстве кто же не думает в молодости? Шедевр якобсоновской «мифологии» — статья о роковой роли ожившей статуи в творчестве Пушкина (как в «Каменном госте», «Медном всаднике» и ряде других произведений). Дантес — не статуя, но навязчивую идею Пушкина Якобсон заметил с удивительной прозорливостью (и странно, что он первый!). Более поздние исследователи без труда обнаружили аналогичные «мифы» и у других писателей (Толстого, например, преследовал образ железной дороги, будь то детская история о Маше, рассыпавшей на рельсах грибы, или финал «Анны Карениной»; он и умер на маленькой железнодорожной станции).

Вскоре после выхода в свет книги Эрлиха, а именно в 1958 году, по инициативе Jakobson появился английский перевод книги В. Я. Проппа «Морфология сказки», опубликованной по-русски за тридцать лет до того. Пропп исследовал русские сказки и показал, по какой формуле строится их сюжет. Эта формула столь же очевидна, как и скульптурный миф у Пушкина, но понадобилась вдумчивость больших ученых, чтобы их заметить и разработать в мельчайших подробностях. Книгу сдержанно похвалили, сдержанно покритиковали и предали забвению, а потом сообразили, что на нее можно наклеить ярлык формализма. С годами этот ярлык утратил связь с источником и стал расхожим ругательством: формалистами оказались все художники после «передвижников» и все композиторы XX века, а того, кто не был формалистом, определили в декаденты.

Проппу не повезло вдвойне. Накануне войны он подготовил докторскую диссертацию об исторических корнях (то есть о происхождении) сказки, но защита состоялась лишь после его возвращения из эвакуации (причем он с трудом избежал высылки: его предки были из немцев). Пропп сравнил русскую сказку с фольклором всего мира. Иногда сравнение получалось убедительным, иногда чересчур далеким, но доказательность изложения роли не играла, ибо именно тогда был установлен приоритет русской науки во все времена и везде от паровозостроения до передовой генетики; «низкопоклонство перед Западом» исключалось. Пропп, которому пришлось годами отбиваться от обвинения в формализме, попал в «безродные космополиты». Даже вульгарные статьи Троцкого кажутся respectable по сравнению с улюлюканием литературных хулиганов, набросившихся на Проппа. На ученом совете ЛГУ Пропп покаялся и был с инфарктом увезен в больницу. Но социалистический гуманизм снова восторжествовал: оступившегося профессора и теперь не выслали на поселение и даже не уволили. Запуганный, замученный Пропп продолжал читать лекции в университете и пережил тяжелое время.

Как сказано, в 1958 году Jakobson добился публикации по-английски сухой, трудной для чтения, непривлекательной для неспециалистов, да еще построенной на русском материале «Морфологии сказки». К тому же он попросил своего друга Клода Леви-Стросса написать на американское издание рецензию. Леви-Стросс идеи Проппа не понял, так как был слишком увлечен своими собственными, но пространный отклик главы европейского структурализма сразу сделал Проппа знаменитостью. Книга имела оглушительный успех, который должен был быть не только для автора, но и, скорее всего, для Jakobson неожиданностью. «Морфологию сказки» перевели на все основные европейские языки и объявили предтечей новых веяний в литературоведении. Ныне ссылки на Проппа исчисляются сотнями. Дело дошло до того, что в 1969 году (спешить, как видим, было некуда) книгу переиздали в Москве с обстоятельным предисловием Е. М. Мелетинского. И если сегодня даже западные литературоведы слы-

шали о Тынянове, Шкловском и Проппе, а иногда и читали их, этим они обязаны только Jakobsonу. Бахтин пробился по другим каналам.

Jakobson эмигрировал не сразу после революции, но в 1920 году Москва осталась позади. До Второй мировой войны он жил в Чехословакии², где получил профессорское место (в Брно) лишь незадолго до того, как оно стало ему ненужным. С детства он говорил по-русски и по-французски. Чешским он овладел блестяще, и акцент едва ли чувствовался в его речи (повторяю то, что мне сказал чех Ладислав Матейка, профессор-славист Мичиганского университета). Между войнами он публиковал свои работы по-чешски, по-русски, по-немецки и по-французски. Я не слышал, как он говорит по-немецки, но писал он на нем великолепно. Он и вообще, что не часто случается с лингвистами, легко усваивал языки. Его польский был естествен и свободен (здесь я, конечно, тоже повторяю чужое мнение). В 1939 году он бежал от немцев и провел некоторое время в Дании, а потом в Норвегии и, наконец, нашел более долгий приют в Швеции. Он до старости сохранил добрые чувства к этим странам и читал литературу на скандинавских языках (а в свое время наверняка и говорил по-шведски). Ему было почти 45 лет, когда в июне 1941 года он добрался до Нью-Йорка, где застал цвет европейской эмиграции, включая и упомянутого уже Леви-Стросса, вскоре испытывавшего сильное влияние Jakobsona.

Поначалу Jakobson читал лекции по-французски и, лишь став профессором Колумбийского университета, перешел на английский. Английский язык Jakobsona превосходен, но в устной речи он не смог преодолеть русского акцента, что чрезвычайно радовало его завистников. В 1949 году он получил приглашение в Гарвард. Там он провел почти двадцать лет и был окружен всеобщим почитанием. Для аспирантов-славистов он иногда вел семинары по-русски. Jakobson был находчив и остроумен. Я не ручаюсь за верность анекдота, который когда-то слышал, но звучит он «цитатно». Кому-то, кто расстроился, что не сможет послушать его лекции на английском языке, он вроде бы посоветовал прийти на семинар, ободрив словами: «Russian is easy. Try to understand» («Русский — легкий язык. Постарайтесь понять»). В 1967 году он ушел на пенсию, но вскоре получил должность постоянного консультанта в Массачусетском технологическом институте — знаменитом MIT, что означало ставку, кабинет («офис») и пожизненного секретаря — условия для американского профессора-пенсионера неслыханные.

Сохранились воспоминания о том времени, когда Jakobson работал в Колумбийском университете и когда все его мысли были заняты толкованием «Слова о полку Игореве». Однако сейчас нам надо вернуться к более ранним событиям. В Московском университете Jakobson познакомился с Н. С. Трубецким. Они понравились друг другу, но Трубецкой был на восемь лет старше Jakobsona, так что особой близости между ни-

ми тогда возникнуть не могло. Якобсона интересовали русский фольклор и авангард, Трубецкой же специализировался в древних индоевропейских языках и славистикой занимался попутно. Ему, носителю одной из древнейших дворянских фамилий, нечего было ждать от новой власти, кроме пули в затылок, и после Октябрьского переворота начались его скитания вслед за Белой армией с довольно длительной остановкой в Ростове. О Якобсоне он не забыл и справлялся о нем, когда в марте 1918 года попал в Баку, но Якобсон уехал оттуда за полгода до того. Первой остановкой Трубецкого после России была София, где он провел два года, и именно в Софии в декабре 1920 года его нашло письмо Якобсона, посланное из Праги. Так началась переписка, длившаяся до 1938 года (Трубецкой умер 58 лет от роду). Чехи сберегли письма Трубецкого, переданные им Якобсоном перед бегством в Данию, и в 1975 году он издал их отдельным томом, снабдив предисловием и бесценными примечаниями (на титульном листе стоят имена трех его помощников). Архив Трубецкого был конфискован гестапо и, судя по всему, погиб, так что вторая часть переписки известна лишь в немногих извлечениях (Якобсон пользовался машинкой и оставлял себе некоторые копии писем).

К началу двадцатых годов Якобсон успел заметить многое в отношении звуковой материи стиха к смыслу. Ряд выводов был подсказан ему сравнением русской и чешской версификаций. У Трубецкого был план написать историю распада славянской языковой общности. Оба готовились к серьезным исследованиям фонетики. В России были сформулированы идеи, которые легли в основание фонологии, ставшей на некоторое время важнейшей областью языкознания. Ее «золотой век» никому не обязан больше, чем Трубецкому и Якобсону. Они донесли ее до европейских ученых и превратили из экзотического предмета занятий двух эмигрантов в почтенную академическую дисциплину. Венцом их трудов была написанная по-немецки книга Трубецкого «Основы фонологии»; она вышла в свет посмертно.

Суть фонологии сводится к следующему: в процессе речи люди производят бесчисленное количество звуков, но осознают лишь те различия, которые связаны со смыслом. Например, человек, для которого русский язык родной, не перепутает *nana* и *баба*, а для немцев из некоторых центральных и южных областей Германии эти слова, произнесенные по-русски, неотличимы. Хорошо известно, какие муки испытывают японцы, корейцы и китайцы, пытаясь не перепутать европейские *p* и *л*. Фонема и есть та минимальная единица звукового состава языка, которая позволяет разграничить *ба* и *па*, *ра* и *ла* и т. п. Но, согласившись, что в русском языке есть, например, фонема *п*, мы признаем лишь половину истины. С физической точки зрения это *п* переменчиво: в *па* оно произносится не совсем так, как в *пы*, *по*, *пэ*, *пу*, *пли*, *псы*, *пни* или *правда*, в ударном слоге не так, как в безударном, до гласного и согласного не так, как после них.

Этих вариантов, которые без труда регистрирует прибор, мы не замечаем (ухо, столь чуткое к иностранному акценту, не реагирует на них, и невозможно проследить нюансы произношения); для нас есть просто *n*. Для таких единиц, которые, меняясь, остаются самими собой, был придуман термин инвариант. Фонема — классический инвариант.

Трубецкому и Jakobsonу предстояло научиться отделять фонемы от своих соседей (откуда, например, известно, что *na* — это *n* + *a*? Вьетнамцу или китайцу это совершенно неочевидно) и понять, что общего у вариантов фонемы (почему различие между *n* в *na* и *пли* не воспринимаются нами и никто не предложит для них разных букв, а различие между *n* и *b* не вызывает сомнений). Это общее получило название различительного признака, а остальные свойства определили как избыточные. На вопросы, поставленные фонологическим подходом к языку, были даны ответы, порою убедительные, порою требующие дополнительных размышлений. Язык предстает перед фонологом в виде организованной структуры, и именно Jakobson придумал термин *структурализм* для такого анализа явлений, который сосредотачивается на их каркасе, а не на материале: был бы дом, а деревянный он, каменный или глинобитный, вопрос второстепенный.

Попав в Скандинавию, Jakobson встретил понимание со стороны датских и норвежских лингвистов; в Швецию же новые веяния еще не проникли. Зато в распоряжении Jakobsona оказалась богатейшая медицинская литература, и он написал книгу о детской речи и афазии (афазией называется утрата способности речи в результате поражения некоторых участков головного мозга). Книга вышла в серии специальных исследований, и, как впоследствии говорил редактор, была единственным распроданным выпуском за всю ее историю. С тех пор книгу переиздали и перевели на несколько языков. Она давно стала классикой, а для ее автора изучение афазии было первым шагом к многолетним занятиям нейролингвистикой, то есть ролью головного мозга в производстве речи. Овладение в детстве языком чем-то напоминает возведение дома. Когда строительство закончено и леса демонтированы, не понять, как рабочим удалось добраться до такой высоты. Аналогично человека, прислонившегося к стволу, замечаешь с большим трудом: его надо ловить, пока он перебегает от одного дерева к другому. Нечто подобное происходит и с фонемами. Их наличие всего очевиднее при взгляде на историю языка, на становление детской речи и на распад языковой способности. Для торжества фонологии нельзя было выбрать темы более удачной, чем та, которой занялся в Швеции Jakobson.

Всю жизнь Jakobson подчеркивал единство наук и единство творческих поисков человечества. И действительно, первые десятилетия XX века прошли под знаком «структурализма»: конструктивизм в архитектуре, модернизм в музыке (например, у Сергея Прокофьева и Стравинского),

кубизм, футуризм, пристальное внимание к композиции (формальная школа), фонология. Jakobson присоединял сюда теорию относительности (Эйнштейн был внимательным учеником фонологически мыслящего лингвиста Йоста Винтелера) и любил говорить о преодолении времени в физике, искусстве (особенно в кино) и литературе. Кое-что в этом сходстве, видимо, иллюзорно, но несомненно, что к концу XIX века традиционные методы анализа и изображения исчерпали себя, и на смену им пришел модернизм. У Jakobsona уверенность в родстве наук и искусств основывалась и на вере в семиотику как основу всякого знания. Все в жизни людей имеет знаковую природу (семиотика и занимается изучением знаков). Например, жест, прическа и одежда не только материальны (мы берем предметы, стрижем волосы, надеваем теплое пальто); они несут еще и дополнительную информацию: моден ли пиджак, вызывающе ли длинные волосы и т. д. Знаково и слово. Его физическая оболочка (*пала, лапа*) должна наполниться смыслом, чтобы выполнить свое назначение. Знаковы порядок слов (*и он ушел, ушел и он*), знакова интонация.

В истории языкознания Jakobson останется прежде всего как один из основателей фонологии, хотя не менее впечатляющи его работы по грамматике и по общим вопросам теории. Попав в Чехословакию, он сплотил вокруг себя тамошних лингвистов. Раньше о нем почти не знали в Москве, теперь он стал центром притяжения в Праге (Трубецкой получил место в Венском университете). По образцу Московского возник Пражский лингвистический кружок, на заседания которого приходил даже президент Чехословацкой республики Масарик. Душой кружка был Jakobson. Регулярно выходили *Travaux du Cercle Linguistique de Prague* («Труды»). В СССР проникли первые работы пражцев, но лишь после 1953 года к фамилии Трубецкого в тех редких случаях, когда она упоминалась, перестали добавлять слово «белоземigrant», а в 1957 году приехал на конгресс в Москву и сам Jakobson, вызвав сенсацию, в наше время уже непредставимую. За этим визитом последовали другие, и Jakobson занял в советском языкознании, отставшем от мирового по меньшей мере на тридцать лет, подобающее ему место, но с изданием первого однотомника его работ тянули до 1985 года.

Хотя Jakobson был хорошо осведомлен о положении дел в СССР, издаваемая картина виделась не вполне четко, не совсем так, как ее нарисовал Трубецкой в письме от 3.X. 1930:

«Ягодич вернулся из Москвы совершенно подавленный. Рассказы его жутки и безотрадны. Самое ужасное то, что искоренение интеллигенции популярно в самых широких народных массах и является действительно “общим делом”, которому помогают все с энтузиазмом. С интеллигенцией вместе искореняется и вся духовная культура и наступает полное одичание во всех областях, при том одичание стихийное и т<ак> ск<азать> органическое, не искусственное. Это уже больше не искусственные эксперименты каких-

то оторванных от почвы мечтателей, а реальный и неподдельный пролетариат, строящий не какую-то высшую культуру, а такую культуру, которую он понимает, культуру действительно пролетарскую, т. е. совсем низменную, элементарную и одичавшую. И эта культура победит, она воцарится во всем мире, ибо такова логика истории».

До войны Якобсон зондировал почву в связи с возможностью вернуться на родину и получил открытку от Д. Н. Ушакова (знаю это от самого Р. О., но цитирую по памяти; где-то он, наверно, ответ Ушакова впоследствии опубликовал): *«Когда танцуешь от печки, подумай, к какой стенке пританцуешь».* И в хрущевские времена его не покидала та же мысль. К счастью, переезд не состоялся. Что бы он делал в змеевнике на вершине пирамиды Академии наук СССР?

За десятилетия 1920—1940 Якобсон проделал громадный путь. В Чехословакии он снова оказался в центре художественной и театральной жизни (богема, как неодобрительно называл ее Трубецкой). Журнальные статьи и рецензии не отвлекали его от писания превосходных работ о чешских романтиках, болгарской метрике и русской литературе. Фонология подразумевается сама собой, и в ней он высказал мысли, которые не менее свежи сегодня, чем тогда. Одна из них связана с историей языка. Декларации в том смысле, что язык есть система, делались и до пражцев; структуралисты доказали практической работой, что так и есть, как думали их предшественники. Но язык меняется: исчезают старые и появляются новые фонемы, упрощаются грамматические конструкции, обновляется словарь. На первый взгляд, история языка, подобно всей человеческой истории, хаотична: в одном веке пропадает гласный *a*, а в следующем появляется снова и т. д. Однако язык — это непрерывно самонастраивающийся код (иначе бы люди не понимали друг друга), и, раз в его основе лежит система, системными должны быть и его изменения; надо попытаться увидеть целенаправленность этих изменений. Поиски целенаправленности, то есть внутренней логики того, что на поверхности выглядит как хаос, — главное в структуралистском подходе к истории языка. Эту гипотезу Якобсон представил на суд Трубецкому, единственному лингвисту, чей авторитет он до поры до времени безоговорочно признавал. Трубецкой поддержал Якобсона и сам пошел по тому же пути. Так возникла историческая фонология, непреходящее достижение пражцев.

Все эти идеи с трудом пересекали Атлантический океан. Обосновавшись в Соединенных Штатах, Якобсон был признан как славист, но никто не спешил с выражением восторгов по поводу его лингвистических теорий. Напомню, что Трубецкой умер в Вене в 1938 году. Якобсон еще успел подготовить два тома Пражского кружка; в предпоследний вошли «Основы фонологии», лишь частично вычитанные автором, а последний был посвящен памяти Трубецкого. В отличие от своего покойного друга Якобсон показал себя выдающимся организатором. Он везде искал единомышлен-

ников, но был и непревзойденным полемистом (в противоположность Трубецкому, не любившему конфронтаций и считавшему, что полемика иссушает душу). К тому же он обладал способностью быстро ориентироваться в новой обстановке. О замечательном американском ученом Эдварде Сэпире (Edward Sapir, 1884—1939) он многое знал и раньше и никогда не переставал восхищаться им, но теории другого столпа американской лингвистики Леонарда Блумфилда (Leonard Bloomfield, 1887—1949) были ему чужды, а именно они пользовались всеобщим признанием. Потеря популярности школой Блумфилда и возвышение Сэпира в шестидесятые годы есть в значительной мере результат деятельности Якобсона. Завоевать Америку трудно даже из Гарварда, а немолодому иностранцу с жестоким акцентом тем более. Могучих конкурентов не любит никто, но непреложный факт, что за десять лет, если не меньше, Якобсон поднялся на высоту, о которой и мечтать нельзя было в Праге. Частично его вновь обретенная слава и на этот раз была связана с фонологией.

Якобсон предложил описывать гласные и согласные языка при помощи одних и тех же акустических признаков. Здесь лучше предоставить слово ему самому:

«Летом 1930 года... я пришел к убеждению о внутренней аналогии между систематикой гласных и согласных и о необходимости последовательного вскрытия структурных сходств и различий между двумя основными классами фонем. Скептическая отповедь Трубецкого в его письме от 17-го августа (1930г.) не поколебала моей веры в очередные задачи сравнительного анализа гласных и согласных... Может быть, в моей жизни не было такого лихорадочного наплыва новых исканий и мыслей, как в начале 38-го года, когда мне, думал я и думаю, удалось довести до конца разложение согласных на основные оппозиции. Эти счастливые находки и открывавшиеся, как я полагал, фонологические и общелингвистические перспективы — все это побуждало меня немедленно обсудить назревшие вопросы с Трубецким, и я снова нагрянул к нему в середине февраля 38-го года... Частью принимая, частью упорно оспаривая мои соображения, Трубецкой вынес заключение, что до окончания своей книги он уже не может пересматривать ее основные проблемы и, в частности, принятую в ней классификацию междуфонемных отношений, и он предложил мне после выхода книги выступить с ответными тезисами» («Беседы». С. 23, 25).

Но дальше были аншлюс, жестокий допрос в гестапо и смерть Трубецкого, война, бегство из Чехословакии и переселение в Америку, где все пришлось начинать сначала. К идее об общих признаках гласных и согласных (идея в высшей степени нетривиальной) Якобсон вернулся много позже. В 1952 году в соавторстве со шведским фонетистом Гуннаром Фантом и своим учеником Моррисом Халле (Gunnar Fant, Morris Halle) он выпустил брошюру «Введение в анализ речи», которая определила пути лингвистики на много десятилетий вперед. Я вынужден опу-

стить специальный материал, который (хотя в нем, разумеется, все дело) не может быть рассмотрен в данном очерке, и ограничусь общими местами. Якобсон полагал, что обнаружил двенадцать пар бинарных признаков, при помощи которых можно охарактеризовать все фонемы в любом языке. Эти признаки были выведены из анализа акустических образов (спектрограмм) гласных и согласных и затем приспособлялись к условиям каждого языка.

Почти никого не интересовало то, ради чего Якобсон затеял пересмотр старых классификаций. Всеобщий энтузиазм был вызван бинаризмом, так как он предоставлял лингвистам необычайно простой инструмент анализа. Во всем мире статьи и книги по фонологии, а позже по грамматике и семантике запестрели матрицами с плюсами и минусами. «Искания и мысли» исчезли (кроме как у самого Якобсона!) и превратились в банальное перекодирование старых записей в новые. Быть может, впервые перед лингвистами встал вопрос, что в их науке есть познание, а что только новое описание уже известных фактов. Доступность бинаризма поставила и другой вопрос: применимы ли методы фонологии к другим уровням языка. На этот вопрос Якобсон с его тягой к «универсалиям», инвариантам и семиотике ответил бы положительно, и не случайно, что его теории интересуют не только лингвистов, но и философов. Первый же вопрос его как будто не занимал.

Один и тот же предмет можно описать в разных единицах. Вода превращается в лед при нуле по Цельсию и при 32 градусах по Фаренгейту; костюм будет одинаково сидеть на заказчике, как бы сукно ни мерили: на метры или на аршины. Приведенные выше характеристики температуры и отреза не претендуют на то, чтобы вскрыть суть объекта. Но лингвистическое описание всегда мыслится как модель языка. Когда пользуются такими понятиями, как подлежащее, глагол или фонема, предполагают, что все они реально существуют. И вдруг выяснилось, что язык под пером лингвиста подобен сукну в руках закройщика: его можно представить в виде системы бинарных оппозиций, а можно и без них. Критерием истинности оказалась внутренняя непротиворечивость (красота) модели. Модель в такой системе знания живет своей жизнью, а язык — своей, проникнуть в которую только и можно посредством модели. Круг замкнулся. Достигнув зрелости, лингвистика превратила язык в «вещь в себе».

Трудно сказать, насколько Якобсон осознавал, что, пережив расцвет лингвистики (которому он способствовал как никто другой), он присутствовал при ее распаде. В конце пятидесятых годов на авансцену вышел искрометный соблазнитель нескольких поколений американских, а вслед за ними и европейских лингвистов Н. Хомский (правильнее Чомский: Noam Chomsky), больше известный «общественности» яростной защитой палестинцев от Израиля. Он не без основания критиковал господствующую тогда школу Блумфилда, но то, что он предложил, было в рус-

ле безудержного моделирования. Демагог в политике и науке, он начал историю с себя, объявив все, что было до него, заблуждением. К нему (в Массачусетский технологический институт) стекались, как к Мессии, толпы восторженных учеников. Голоса противников (реакционеров, ретроградов, недоумков) потонули в криках восторга, и через несколько лет изумленным современникам осталось лишь констатировать полную победу хомскианской революции.

Хомский занимался главным образом синтаксисом, но к нему присоединился Моррис Халле, и вместе они написали книгу «Звуковой строй английского языка» (1968). Так возникла фонология, глубоко чуждая Jakobsonу, хотя одним из ее создателей был его ученик. Различительные признаки остались бинарными, но их акустическая база (самое главное для Jakobsonа) была отменена, и все послушно отказались от нее. Хомскианцы смешивали «стариков» с грязью. Лишь с Трубецким они обошлись деликатно и сделали исключение для Jakobsonа; ему даже был посвящен «Звуковой строй английского языка» (скорее всего, из тактических соображений, хотя личная преданность Халле Jakobsonу не вызывает сомнения). *«Как Вы могли позволить такое?»* — спросил я его, имея в виду и посвящение, и хомскианство в целом. — *Ведь Вы были единственным человеком, который мог бы приостановить это движение».* *«Это все одичание, как говорил Трубецкой, — ответил он, — надо дать ему изжить себя».* За годы, прошедшие со дня выхода «Звукового строя...», хомскианство, разрушаемое междоусобицей, ослабело, но ученики Хомского и ученики их учеников (а они занимают все кафедры) малосведущи в истории лингвистических учений и неспособны вырваться из клетки, в которую загнал их учитель. В «Беседах» Халле упомянут лишь в связи с «Введением в анализ речи»; имя Хомского не встречается ни разу. Можно с уверенностью сказать, что труды «пражского» Jakobsonа остаются источником вдохновения для многих, в Европе больше, чем в Америке. Бинаризм превратился в механическую принадлежность многих описаний. Его гносеологические основы, столь важные для Jakobsonа, не тревожат никого, кроме философов. Историческая фонология сбросила с себя хомскианское наваждение почти сразу. Дикость не изжила себя, но и не полностью задушила культуру, так что в каком-то смысле Jakobson оказался прав.

Пока вокруг бушевали хомскианские страсти, Jakobson продолжал думать и над другими вопросами фонологии. Важнейшее понятие пражской теории — различительный признак, и Jakobson никогда не изменял ему. Но чтобы звуковой сигнал не затерялся во «вселенском шуме», он должен быть максимально избыточен. Мы понимаем шепотную речь (а ведь что такое *гласные без голоса*?), обмен репликами, тонуший в гуле, и фразу, произнесенную с акцентом, не говоря уже об искажениях при плохой связи. Чем больше Jakobson размышлял о таких вещах, тем больше понимал роль элементов, которые не участвуют в оппозициях. Ему хотелось под-

нять их до уровня различительных признаков, но эти поздние прозрения фрагментарны. Для Якобсона последних лет было характерно ничего не оставлять избыточности. Одна из его самых знаменитых работ (кстати, совсем не такая поздняя: 1960 год) называется «Поэзия грамматики и грамматика поэзии». Анализируя стихи, он пришел к выводу, что в них все, решительно все (а не только рифма, размер, строфика и прочее) построено на параллелизме, вплоть до количества переходных глаголов в отношении к непереходным. Нельзя не добавить, что он слышал и читал стихи, как это обычно дано только поэтам, хотя сам их со времен своей футуристической юности не писал.

Кто-то придумал нелепые слова «постимпрессионизм», «постмодернизм», «постструктурализм». Никакого постструктурализма не было и нет, а есть разные течения, преимущественно идущие из Франции, которые унаследовали часть понятийного аппарата, известного по работам пражцев и их союзников. Фигуры такого масштаба, как Якобсон, больше не появлялись, и, пока он был жив, время, как тютчевское солнце, медлило, прощаясь с теми, кто определил его столь ярко и неповторимо.

Библиография

1. *B. Pronn*. Морфология сказки. Ленинград: Академия, 1928.
2. *Jakobson, Roman, Fant, Gunnar, and Halle, Morris*. Preliminaries to Speech Analysis. Acoustics Laboratory, MTI. Technical Report 13, January 1952.
3. *Erllich, Victor*. Russian Formalism. History, Doctrine. The Hague: Mouton, 1955.
4. N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes (ed. *Roman Jakobson*). The Hague, Paris: Mouton, 1975.
5. *Jakobson, Roman*. Selected Writings. The Hague: Mouton, 1962—1982. 8 vv.
6. *Р. Якобсон, К. Поморска*. Беседы. Изд-во им. И. Л. Магнеса, Еврейский университет в Иерусалиме, 1982. — «Bibliotheca Slavica Hierosolymitana».
7. *Rudy, Stephen*. Roman Jakobson. A Complete Bibliography of His Writings. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1990.

Примечания

¹ Виктор Эрлих опубликовал воспоминания о С. С. Дубновой-Эрлих во втором томе сборника «Евреи в культуре русского Зарубежья» (Иерусалим, 1992. С. 249—284).

² О «чешских» годах Р. Якобсона см. также: *О. Малевич*. Роман Якобсон в Чехословакии // *ЕВКРЗ*. Т. 2. Иерусалим, 1992. С. 65—90.

А. ВЕТЛУГИН

ЕЛЕНА ТОЛСТАЯ (ИЕРУСАЛИМ, ИЗРАИЛЬ)

Кажется, мы все еще недостаточно знаем об одной из самых интересных и загадочных фигур русской эмиграции. Это Владимир Ильич Рындзюн (1897—1953)¹, которому под псевдонимом «А. Ветлугин» (почти под тем же псевдонимом — В. Ветлугин — печатался до того Розанов в «Земщине»), предстояло стать одним из самых ярких журналистов русского Парижа и Берлина ранних 20-х годов. Рындзюн родился в Ростове в семье еврейского врача Ильи Галилевича Рындзюна, там учился в гимназии, затем переехал в Москву, успел к началу революции окончить юридический факультет Московского Университета, одновременно поучившись и на историко-филологическом, и на медицинском. Главные лица детства — жесткий, скептический отец, его приятель-врач — колоритный старый еврей и радушный, циничный дядя, новороссийский хлеботорговец — подробно изображены в во многом автобиографическом романе Ветлугина «Записки мерзавца».

Осенью—зимой 1917 года Рындзюн-Ветлугин, двадцатилетний начинающий литератор, печатавшийся до того только в студенческих журнальчиках², дебютировал как весьма профессиональный журналист, в московской оппозиционной газете «Луч правды».

С весны 1918 года Рындзюн начинает работать в виднейшей оппозиционной московской газете «Жизнь», которую издавал И.Д. Сытин и которой руководили анархисты А.А. Боровой и Я. Новомирский³. Может быть, уже в своих ранних статьях, которые до сих пор никем не собраны и не оценены, Рындзюн достоин того, чтобы рассматриваться на равных с наиболее интересными тогдашними журналистами. Очень скоро — уже в 20-х номерах — имя Рындзюна вносится в список наиболее авторитетных сотрудников, а в 30-х номерах, на заключительной стадии существования газеты, его имя включено в перечень ведущих авторов политических статей.

«Жизнь», как и все остальные некоммунистические издания, была вскоре закрыта, и её сотрудникам грозил арест. Именно тогда — после убийства графа Мирбаха, подавления прессы и начала террора в июне 1918 — он уезжает в Харьков, задерживается на два месяца в Крыму. *«В августе 1918 проехал на Дон, а оттуда, избегая красновской мобилизации, в Екатеринослав, Харьков, Киев <...> Из Киева <...> отбыл в Берлин, Мюнхен, Вену»*⁴. В Германию он приезжает как раз к тамошней революции. Не получив швейцарскую визу, Рындзюн возвращается в Киев, занятый

германскими войсками: *«Но гетман Скоропадский объявил всеобщую мобилизацию. Бежал в Харьков, где и был мобилизован атаманом Балбачаном. Бежал обратно на Дон, в Ростов. <...> В феврале Деникин объявил мобилизацию; спасаясь, поступил в белую газету. Подозревали в большевизме, подписывался "Д. Денисов"».*

По поводу «белой газеты»: он начинает работать в ростовской газете, которая также называется «Жизнь», издает ее Ю. Н. Семенов, литературным отделом заведует И. Д. Сургучев, в числе сотрудников В. А. Амфитеатров-Кадашев, И. Ф. Наживин, А. Дроздов и другие. Рындзюн фактически является секретарем редакции, статьи свои⁵ он публикует под псевдонимами, одним из которых и стал «А. Ветлугин». При отступлении белых к Ростову он заболевает сыпным тифом, но в самом конце декабря 1919 года успевает уйти из Ростова, чтобы переправиться в занятый англичанами Батум. В мае 1920 года, накануне перехода города в руки большевиков, он эвакуируется с англичанами в Крым: *«потерял последние деньги и последнюю веру в белое движение. Бежал в Константинополь, голодал».* Осенью 1920 Рындзюн с помощью А. И. Куприна перебирается в Париж.

Некоторое время он сотрудничает в парижской газете И. М. Василевского «Свободные мысли», но она закрывается, и с февраля 1921 года Ветлугин становится сотрудником «Общего дела» В. Л. Бурцева. Именно в ней он разворачивается как ведущий журналист эмиграции. Его фантастическая информированность, необычайное знание материала, великолепный язык, жесткий динамичный стиль выдвигает его на первое место в парижской русской журналистике.

В 1921 году в парижском издательстве «Север» выходит первая книга Ветлугина «Авантюристы Гражданской войны». Следующая его книга — «Третья Россия» публикуется в самом начале 1922 года в Париже, в издательстве «Франко-русская печать». Еще летом 1921 года русская эмиграция в Париже ощутила кризис; ощутил его и Ветлугин. И хотя в очерке того времени «Последняя метель» (потом появившемся в книге «Третья Россия») он писал об идеологах сменовеховства с издевкой, называя их неославнофильскими ублюдками, обвиняя во второсортности, неоригинальности и злорадствуя по поводу их неизбежного альянса с советской властью, тем не менее в январе 1922 года он договаривается о сотрудничестве со сменовеховской газетой «Накануне» и в марте переезжает в Берлин.

В «Накануне» Ветлугин печатается в редактируемом А. Н. Толстым «Литературном приложении». В издательстве «Русское творчество», литературным отделом которого также заведует А. Н. Толстой, в том же 1922 году выходят две книги очерков Ветлугина: «Герои и воображаемые портреты» и «Последыши». «Воображаемые портреты» называлась книга эссе любимого писателя Ветлугина — знаменитого английского художественного критика-символиста Уолтера Патера (1839—1894), вышедшая в 1887 году.

То же издательство публикует его роман «Записки мерзавца: моменты жизни Юрия Быстрицкого». На эту попытку исповеди современного имморалиста реагировали недоверчиво: *«Это дядя Ваня, Гаев из “Вишневого Сада”, а вовсе не подснежник третьей России, матерый спекулянт, претендующий на звание “мерзавца”!»* — писал И. М. Василевский-Небука, коллега Ветлугина по «Накануне», признавая, впрочем, высокие художественные качества романа: *«Творчество налицо, ибо налицо талант, своеобразие и острота подхода к жизни, и творчество русское, ибо дерзкое и безудержное, от Ивана, не помнящего родства, от прощального письма самоубийцы»*⁶.

«Накануне» — просоветская газета, финансируемая из Москвы, и Союз русских литераторов и журналистов ставит вопрос о дальнейшем пребывании её сотрудников в Союзе. Весной 1922 года А. Н. Толстой и двое его коллег по «Накануне» — И. М. Василевский и А. Ветлугин решают выйти из Союза.

Ветлугин еще зимой 1922 года знал и рассказал Дон Аминадо, куда он поедет из русского Берлина. В сентябре 1922 года он сопровождает Есенина с Айседорой Дункан и Александра Кусикова в турне по Америке в качестве их секретаря и переводчика (судя по путевым заметкам Есенина, по-английски он объяснялся), и решает остаться в Америке, где в конце 1923 года получает колонку в нью-йоркской просоветской газете «Русский голос» и вскоре становится ее редактором.

Хотя Ветлугин и не первый придумал концепцию Третьей России⁷, он стал ее певцом, сделав ее настоящей героиней своего творчества:

*«Третья Россия, не Ленинская и не Керенская, не наша и не ваша. Хотите, купите, не хотите, идите к черту, а я общая, кадетская и махновская, красная и черная, белая и зеленая, ни на чьи мобилизации не откликаюсь, а, если кого и люблю назаправде (sic! — Е. Т.), так уж, конечно, мешочников. Продают муку и рассказывают новости»*⁸.

Тогда еще это казалось неслыханным цинизмом и беспринципностью обоим лагерям, застывшим в схватке.

Именно этот идеально антиидеологичный журналист воплотил литературное «сменовеховство» в серии живых, актуальных, страстно написанных очерков эмигрантской культуры.

Ярким стартом своего «Литературного приложения» к газете «Накануне» Толстой был во многом обязан Ветлугину как журналисту. Сдружившись с приехавшими весной 1922 года в Берлин Есениным и Кусиковым, тот, однако, сам начал выступать в качестве оригинального автора.

Ветлугин, как выясняется, и раньше встречался с Есениным — это скорее всего могло быть зимой — весной 1918 года, когда Ветлугин сотрудничал в «Жизни» анархиста Борового и вращался в московских околoанархистских компаниях. Теперь он весьма грамотно нагнетает вокруг московских визитеров ажиотаж, создает из них литературную группу, примкнув к ним третьим, придумывает им идеологию и выступает в ро-

ли весьма эффективного критика Есенина — и наконец присоединяется к Есенину и Кусикову и едет с ними в Штаты в качестве переводчика.

В Америке Ветлугин действительно выступает в роли переводчика, как это явствует из очерка «Железный Миргород» Есенина, который несколько раз упоминает своего «спутника»: вот они на Эллис Айленде, ожидают спуска на берег: *«Ночью мы грустно ходили со спутником по палубе. Нью-Йорк в темноте еще величественнее»*, вот первый взгляд на статую Свободы: *«Садясь на пароход в сопровождении полицейских, мы взглянули на статую Свободы и прыснули со смеху. “Бедная старая девушка! Ты поставлена здесь ради курьеза!” — сказал я. Журналисты стали спрашивать нас, чему мы так громко смеемся. Мой спутник перевел им, и они тоже засмеялись»*. Вот им устраивают политический экзамен: *«Смотри, — сказал я спутнику, это Миргород! Сейчас прибежит свинья, схватит бумагу, и мы спасены!»* Есенина спрашивают, верит ли он в Бога. *«Что мне было сказать? Я поглядел на спутника, тот кивнул головой, и я сказал: — Да»⁹*.

Напрасно в эмиграции считали Ветлугина самозванцем, не знающем английского языка. Ветлугин служил, как видно из этого текста, не только переводчиком. Он еще и проводник по непонятному западному миру (хотя и он в Америке очутился впервые), он быстро соображает и принимает решения. Какие еще роли пришлось Ветлугину играть во время этой поездки? Кроме няньки, опекуна, порученца, посредника, пытающегося смягчить впечатление от скандального поведения своего друга в Нью-Йорке (о чем ниже), кроме конфидента имажинистов (чему свидетельство — письмо Есенина Мариенгофу: *«Милый Толя. Если бы ты знал, как вообще грустно, то не думал бы, что я забыл тебя, и не сомневался, как в письме Ветлугину, в моей любви к тебе»¹⁰*) — всегда превосходно осведомленный Ветлугин был на шаг впереди Есенина в ознакомлении с Америкой. Экскурс об индейцах в очерке Есенина может указывать на такое знакомство с «внутренними» американскими реалиями, которое вряд ли на тот момент имелось у Есенина:

«<...> от многомиллионного народа осталась горсточка, <...> которую содержат сейчас, тщательно отгородив стеной от культурного мира, кинематографические предприниматели. Дикий народ пропал от виски. Политика хищников разложила его окончательно. Гайавату заразили сифилисом, опии и загнали доживать частью на болота Флориды, частью в снега Канады. <...> Сейчас Гайавата — этнографический киноартист; он показывает в фильмах свои обычаи и свое дикое несложное искусство. Он все так же плавает в отгороженных водах на своих узеньких пирогах, а около Нью-Йорка стоят громады броненосцев <...>»¹¹

Мы находим нечто подобное у Ветлугина в одной из более поздних корреспонденций: *«Совсем не вижу ни индейцев, ни ковбоев. Все они на службе в Голливуде»*, пишет он, впервые пересекая американский континент по пути из Нью-Йорка в Калифорнию 29 мая 1925 г. — и возможно, это па-

мать о тех первых днях в Америке, когда они с Есениным вместе ее узнавали. Есенин удовлетворился в своем очерке оценками вроде: *«Искусство Америки на самой низшей ступени развития. Там до сих пор остался неразрешенный вопрос: нравственно или безнравственно поставить памятник Эдгару По»*¹². Ветлугин, хотя в первый год и у него можно найти подобное культурное раздражение, в особенности по поводу американской нравственности, оказался способным учиться и меняться.

В 1923 году он начинает работать в «Русском голосе» (обе крупнейшие нью-йоркские русскоязычные газеты — и антисоветское «Новое русское слово», и просоветский «Русский голос» принадлежали одному владельцу — журналисту Якову Окунцову, сделавшему себе имя как военный корреспондент в Первую Мировую). С начала 1923 года почерк Ветлугина начинает чувствоваться в кое-каких материалах «Русского голоса». Вначале он подписывает свои обзоры инициалом «В.» («Брызги эмиграции», 22 февраля 1923 г. — едкая заметка о русском посольстве в Париже) или псевдонимами: вполне возможно, что именно ему принадлежат материалы «Российский быт. О хипесниках. (Из “Известий”») 4 февраля, за подписью М. Лисовский и «Мастыри. Из быта уголовины» 18 марта за подписью Н. Зубовский, а также многочисленные статьи и обзоры, подписанные «Обозреватель»: ряд статей о Германии, статья о Керенском («Жив Курилка», 12 апреля), о Вырубовой (2 мая), о французском романе, о России («Ноктюрн. Иностранцы о России», 8 мая).

Уже в июле 1923 г. Ветлугин поехал в Берлин от той же газеты корреспондентом: в октябре «Русский голос» торжественно возвещает о его возвращении из трехмесячной поездки по Европе, и под постоянным его литературным именем «А. Ветлугин» публикует (20, 22 и 24 октября) цикл очерков «По умирающей Европе».

«Я не был в Европе 9 месяцев. У матерей это срок беременности. У материков это миг, секунда. Но Европа остается верна своему последнему сумасшествию и за девять месяцев она выносила и родила собственную смерть <...>» (22 октября).

Ветлугин пишет о «приличной внешности и кошмарах», о безработных и ресторанных кутежах, о снижении рождаемости — «кризисе европейского человечества»; он живописует засилье американцев в Париже, ставшем «музеем для янки», о русификации Германии и о вымиравшем Берлине, он сравнивает процессы распада Германии с Россией накануне революции: Штресман — Керенский, Украина Петлюры — Рейнская республика, Бавария — Дон, и т. д. — «Найдутся ли Ленин и Троцкий?» (24 октября).

Награда молодому журналисту за европейскую поездку последовала сразу: по возвращении, 25 октября, Ветлугин начинает вести в «Русском голосе» ежедневную колонку «День за днем». Теперь в центре его внимания — американские реалии: Эллис Айленд и бокс, кино и проповедники, безработные и скачки, налоги и отсутствие у американцев чувства юмора.

Касается он и русских дел: пишет о занятиях Великих князей и о письме, которое ему прислал Анри Барбюс, об эмигрантских скандалах в Америке — и о новых странах: Южной Америке, Австралии, Новой Зеландии, которые, как ему кажется, свободны от повсеместного американского ханжества.

В «Русском голосе» исподволь происходят перемены. Еще весной 1923 года там начинает работать Давид Бурлюк, попавший в Штаты через Сибирь, Дальний Восток и Японию: он ведет литературную страницу. Читатель газеты в основном говорил на идиш и украинском, русский язык был у него не родной, культурный уровень весьма низкий, и качество литературной самодеятельности, поощряемой Бурлюком, было невероятное. Но с 4 ноября 1923 г. выходит большой воскресный номер с литературной страницей — ее ведет Ветлугин, и литературный дискурс в газете становится заметным менее провинциальным — Ветлугин пишет о Борисе Григорьеве, о рукописи его пристрастных воспоминаний о Париже и эмигрантской жизни «Домик жирафа». 2 декабря воскресный номер «Русского голоса» публикует стихи Мандельштама, материал «Горький о Короленко» и очерк В. Крымова «Литературная жизнь Москвы». Следующие воскресные номера знакомят с произведениями Всеволода Иванова и Пильняка. Газета становится все лучше — и все более похожей на «Накануне».

С начала ноября 1923 г. газета извещает: «Алексей Николаевич Толстой и Василевский (Не-буква) приглашены в качестве сотрудников “Русского Голоса”, и в скором времени появятся их первые статьи». Видимо, воскресное приложение и было организовано с расчетом на возможное участие бывших берлинских, ныне уже российских сменовеховцев. Этот план, о котором он, очевидно, договорился с Толстым и Василевским в конце июля в Берлине перед отъездом их в Россию, так и не был реализован. Однако Толстой в это время постоянно незримо присутствует в «Русском голосе»: в воскресенье 18 ноября 1923 г. газета публикует беседу с А. Н. Толстым (за подписью: А. Злат).

Сюжеты, связанные с Алексеем Толстым, еще долго будут появляться на страницах американской газеты — это забавные эпизоды последних ветлугинских встреч с ним:

«Пьеса Алексея Ник. Толстого (главное действующее лицо — Екатерина 2) разрешена к постановке в Москве, несмотря на принадлежность её героев к дому Романовых. Помню последний разговор с Алексеем Ник. в конце июля в Германии, перед его отъездом в Россию.

“Как вы думаете, разрешат вашу пьесу?”

“Почему нет?”

“А Екатерина 2.”

Толстой лукаво улыбнулся: “У вас в Америке плохо знают современную Россию. Не то что на сцену, на улицу и то Романовых пустят. Только... только понадобился бы усиленный патруль милиции, чтоб их... верноподданные не разорвали”». (23 ноября 1923 г.);

«Как-то, минувшим летом, (в Берлине) заехал в банк, получать по переводу из Америки. А. Н. Толстой поджидал меня на скамейке около банка. Назавтра в белой газете "Руль" была длиннейшая статья, в которой описывалось, как А. Н. Т. получал "десятки тысяч долларов"» (5 января 1924 г.).

Между Ветлугиным и Толстым продолжается переписка:

«Петербург-Петроград-Ленинград.

А. Н. Толстой пишет мне: "Новый Петербург опрятен, чинен, суров и великолепен. Вымели нечисть из великого города. Умер Петербург, Петроград. Да здравствует Ленинград!"» (26 января 1924 г.).

И наконец, в 1924 году «Русский голос» печатает из номера в номер, во многих номерах вышедшую еще в предыдущем году в журнале «Красная новь» «Аэлиту».

По следам европейского путешествия в колонке Ветлугина один за другим появляются материалы, связанные с русской литературой и культурой; 19 ноября он пишет о Конради — оправданном убийце Воровского. 21 ноября пытается объяснить, почему американцы не поняли МХТ. 24 ноября раздражается панегириком Илье Ионову — этому «советскому Сытину» («Те, о ком мало пишут»). 26 ноября — пишет о болезни Есенина, страстно оправдывая своего бывшего друга. 27 ноября — о своем визите в «Новое русское слово». 28-го — о Милюкове. 29-го — о всеобщем разочаровании в эмиграции. 1 декабря «День за днем» дает маленькое эссе в духе прежних парижских очерков Ветлугина, не исключено даже, что оставшееся с тех времен — опубликовать его раньше было бы немислимо:

«Как-то под рождество (в год голода) большой русский писатель Бунин ходил по Парижу, и глаза его радостно блистали.

"А из России-то хо-орошие сообщения", — говорил он нараспев.

"А что?"

"В Самаре еще одного человека съели".

"Что же тут хорошего?"

"А то, что большевики скоро падут".

Падал блестящий сверкающий снег. И блеском сумасшедшего сверкали глаза большого писателя. Траур, траур».

29 ноября «Литературный четверг» Бурлюка помещает объявление о докладе Ветлугина о поездке в Европу — «Пожар в сумасшедшем доме», и 1 декабря в I. 45 дня действительно состоялось «Первое литературное утро» Давида Бурлюка и А. Ветлугина. Кроме европейских впечатлений речь шла о новых стихах российских поэтов. Здесь опять, как и во «второй», воскресной литературной странице, налицо плодотворное сотрудничество Ветлугина с Бурлюком.

Только к середине декабря русские темы вновь уступают место американским реалиям. Ветлугин пишет о нравах банкиров и восхваляет точность и добросовестность американских газет; в числе его тем женское равноправие и обработка избирателей, разница между Нью-Йор-

ком и американской провинцией, аферисты и нефтяные короли. Ветлугин все более увлечен Америкой: даже в воскресных номерах он печатает материалы вроде «Радиомании» (25 декабря 1923) — очерка о повальном увлечении американцев радио. Он пристрастен — его возмущает многое в этом новом мире:

«Горят огни Бродвея. Каждый вечер знаменитости бьют друг другу морду в Мадисон Гарден. Каждый день бейсбол. И бродят по Америке стада молодых рычащих парней, готовых ко всему, только не к активному участию в жизни страны. Это не возврат к язычеству. Это ловкая вездесущая рука Волл стрита. Получайте зрелища... "and shut up"...» (26 декабря).

Европеец Ветлугин теперь негодует на низкий культурный уровень гарвардских выпускников, на «сказочную неотесанность» и «фантастическое невежество» «американ флэйминг ют» (то есть американской блестящей молодежи) в области всего, что выходит за пределы их «джаба» (работы) или бейсбола. Чувствуется, что он все более проникается американскими заботами.

Работа Ветлугина в газете получает признание: с начала 1924 г. он становится редактором «Русского голоса». Колонка его демонстрирует разностороннюю осведомленность и в американских, и в европейских и политических, и экономических вопросах. Уже с начала следующего, 1925 года за ним закрепляется еще одна колонка — «Моя коллекция», составленная из россыпи мелких, однако запоминающихся эпизодов.

Теперь Ветлугин чувствует себя достаточно свободно, чтобы писать о том, что он хочет: а хочет он писать о культуре. Все его колонки, если присмотреться, так или иначе имеют к ней отношение, даже если он пишет о бутлсгерах, реформе развода, контроле деторождения. Он может писать об иностранцах, бегущих в Париж из религиозной и моральной Америки в поисках личной свободы, или о профессионализме газеты «Таймс» (Нью-Йорк), или о смерти пищевого инженера Завитковского, который оказался одним из строителей Суэцкого канала. или о великом ораторе — французском премьер-министре Рене Вивиани, или о нашумевшем маскараде, который был проведен в нью-йоркском морге — но все эти темы оказываются гранями некоего целого, чему имя — современная культура. Конечно, это может быть и литература в строгом смысле: издевки над наивной ностальгией русского берлинца Сергея Горного; или сравнение романтных гонораров гениального Д. Х. Лоуренса (1000—2000 долларов) и коммерческих авторов (75000 долларов); или рассказ о прогремевшем в 1925 году романе американского армянина Майкла Арлена «Зеленая шляпа»; или отчет о русскоязычных литературных журналах в Америке: эстетском «Временнике» Левина, «Жизни» Камышишникова, артистическом «Зеленом журнале», слабенькой «Зарнице»; или сетования о раздражающей кружковщине в советской литературе; или острые наблюдения о зависимости бунинского «Господина из Сан-

Франциско» от рассказа Сомерсета Моэма «Тэйпан»; или прощание с уходящими идеалистами — эмигрантским пушкинистом А. Ф. Онегиным и Анатолем Франсом.

Театральные дела также постоянно находят в колонке Ветлугина живой отклик. Несколько раз он освещает явно интригующую его фигуру импрессарио Мориса Геста, организующего гастролы тех или иных европейских — и в первую очередь, русских — знаменитостей. Он восхищается Никитой Балиевым — «русским, который смеется»; анализирует причины неполного успеха гастролей Художественного театра — действительно, «Синяя птица» разочаровала зрителя; газета посвящает целую полосу приезду в Штаты театрального художника Сергея Судейкина — и по этому поводу Ветлугин перепечатывает кусок из статьи А. Н. Толстого о Судейкине из парижского журнала «Жар-птица» за 1921 год; уморительно описывает гастроль Анны Павловой в Мексике (где презирают бумажные деньги и платят артистам мешками с серебряной монетой) или свой поход в нью-йоркский Еврейский театр Рудольфа Шильдкраута; рецензирует пьесу «Почем слава» Лоуренса Сталлингса. Однако все больше и больше материалов он посвящает фильмам, киноактерам, кинорежиссерам. Главное, что происходит с ним, можно выразить одной фразой: в 1925 году в центре его интересов прочно становится кино.

Так, он пишет восторженную рецензию на великий фильм «Пони Экспресс» Джеймса Круза; его приглашают на открытие «Эмбасси» — кинематографа для избранных — на премьеру «Веселой вдовы» Эрика фон Штрогейма; он публикует большой расхолаживающий фельетон, адресованный жаждущим кинославы. Видимо, именно тогда, в начале 1925 г., он знакомится с русскими кинодеятелями, и прежде всего с режиссером Дмитрием Семеновичем Буховецким. Одной из его излюбленных тем становятся немногие русские счастливчики, получившие работу в Голливуде: такие, как Буховецкий или актер Вавич. Вскоре он начинает звучать как настоящий профессионал (впрочем, так происходит со всем, за что он берется) — и отвечая на просьбы компатриотов о протекции, публикует нечто вроде опровержения:

«... Кстати, говоря о кинематографе. Не знаю, почему и отчего, за последнее время среди русских, мечтающих о долларах Великого Немого, создалось впечатление, что пишущий эти строки пользуется каким-то влиянием в кинематографических сферах и что через него можно получить место. Из всего того, что обо мне было сказано, написано и подумано за последние 32 года, это впечатление является наиболее ошибочным. Все мои связи в кинематографическом мире ограничиваются тем, что, когда я протягиваю кассирше кинематографа Капитоль долларовую бумажку, она, не требуя метрики, дает мне один билет в "оркестра" и пятнадцать центов сдачи. Таким образом, как жестоко заблуждается тот прекраснотушный юноша, который на прошлой неделе прислал мне письмо из Бронкса, начинавшееся следующей

классической фразой: *«Что Вам стоит дать мне рекомендательное письмо к Глории Свансон»* (10 мая 1925 г.).

Далее Ветлугин описывает воображаемую сцену: как у Свансон уходит лишь несколько секунд на то, чтоб уничтожить подобную непрошеную рекомендацию. Наконец, в конце мая 1925 г. он сообщает читателю о своем предстоящем отъезде в Калифорнию — посмотреть на то, как живут и работают преуспевшие русские артисты, сумевшие найти «джаб» в студиях Голливуда; обещает подписчикам беседы с Вавичем и Буховецким (*«Отъездное»*, 26 мая 1925 г.).

Поезд *«Двадцатое столетие»*, который мчит его через североамериканский континент, вдохновляет его на длинейшую телеграмму, которую он просит газету напечатать вместо своей колонки: *«Поезд прыгает, словно дикая кошка, попавшая на лекцию о современном искусстве. Невозможно писать, не застравывая передних зубов. <... Совсем не вижу ни индейцев, ни ковбоев. Все они на службе в Голливуде. По прибытии в Сан-Франциско обещаю фонтан статей. <...>»* (29 мая 1925 г.).

В Калифорнию и ее «нектарный воздух» Ветлугин влюбился с первого взгляда. Воображение нью-йоркца пленил деревенский стиль жизни тогдашней Калифорнии, квартирам предпочитавшей собственные отдельные дома, и особенно поразила «деревня стопроцентного комфорта» — Голливуд.

Вскоре обещанный фонтан статей забил. В статье *«Самое сильное оружие»* Ветлугин с энтузиазмом описывает мировое влияние киноиндустрии США на человечество, с перспективой полной его американизации. Он берет интервью у Дугласа Фэрбенкса и у Мэри Пикфорд, проводит длинейшую и интереснейшую беседу с Чарли Чаплиным. Описывает съемки в Универсал Сити; живописует триумфальную премьеру *«Золотой лихорадки»* и голливудскую ярмарку статистов, надеющихся на свой шанс (статья *«Город разбитых сердец»*). В конце концов, понимает, что тут рождается что-то качественно новое, и пишет о смешении рас в Голливуде: *«Это как бы вторичное кипячение и варка характеров»* (статья *«Повторенный опыт»*, 24 июня 1925 г.).

Сквозь все его статьи и интервью проходит еще одна тема: русские в Голливуде, и шире — русские в Калифорнии. Оказывается, в Сан-Франциско чувствуется русское влияние — витрины, шали, стиль русс, русские музыканты, русские рестораны — всего этого много, и все это, однако, третьесортное. Но все же — и это то, чего нет в Нью-Йорке — в Калифорнии встречаются преуспевшие, главным образом в бизнесе, соотечественники. Есть они и в Голливуде — и Ветлугин несколько подробнейших статей посвящает деятельности Буховецкого. Буховецкий построил в Голливуде Невский проспект. Буховецкого осаждают соотечественники, прося места хотя бы в «атмосфере» — тяжела шапка Буховецкого. Вполне вероятно, что, познакомившись с Буховецким весной, во время визита то-

го в Нью-Йорк, Ветлугин был обязан приглашением в Голливуд именно ему. Кто, кроме Буховецкого? — Вавич, Назимова, Сусанин, Пола Негри («здесь идущая под этикеткой “Польша”, иронически комментирует он). И суммирует — тут больше выходцев из России, чем русских фамилий.

Проходит пять недель, и за это время что-то произошло с самим Ветлугиным, впервые оказавшимся вне эмигрантского общества. «Как будто кошмар рассеялся», пишет он, и предлагает читателям повторить свой опыт. Для этого необходимо «думать по-английски»:

«“Думать по-английски” доступно даже тем, кто не знает ни одного английского слова. Думать по-английски — значит отрешиться от психологии подполья, от Достоевщины, от мрака самоубийственного саморазгрызания и знать, что мир прекрасен и полон возможностей. И — “победителей не судят” и лошади, пришедшие последней, не выдают первого приза» (статья «Думайте по-английски», 8 июля 1925 г.).

В следующих статьях своих он уже видит, что русский язык писем из России — непонятен, что эмигранты стали иностранцами, Ветлугин вообще удивляется легкой ассимиляции русских — «все они уже французы, немцы, американцы». Он явно сочувствует американцам, приносящим молитвы Богу за то, что не сотворил их европейцами — «Европа не хочет работать», в ней «все ради истребления». Ветлугину нужно было вырваться из Нью-Йорка, чтобы почувствовать себя американцем.

Эта тема не выходит у него из головы. И через несколько месяцев по возвращении из Голливуда он пишет о расстоянии между собой теперешним и собой прежним: *«Русские люди очень быстро забывают о порванном чемодане, с которым они приехали в Америку. И глядя на новенький Гармановский сундук, думают: “Обидела нас Америка”»*. Автор спрашивает себя, чему он разучился и чему научился за пребывание в Америке, подсчитывает приходы и убытки:

«Сперва о последних: Целый ряд фраз “переиначиваю” на английский склад, ожесточается сердце, теряю веру в обещания (хотя последнее может быть с таким же успехом отнесено в разряд приходов), теряю жажду общения с приятелями, проводящими ночи в душегубящих и душеспасительных спорах, теряю восторженную веру в то, что русские писатели — самые лучшие писатели в мире, лучшие артисты в мире — русские артисты и т. д. и т. п. Да, вера в необходимость борца в меню уходит. Начинается американизация.

Приходы: Научаюсь писать письмо на одной странице и в четырех строках излагать то, что в России занимало шесть страниц на обеих сторонах листа. <...> Развивается истинно просветленное отношение к никчемности университетского образования. <...> Понимание размеров телефонного разговора». («Юбилей, которых не празднуют», 21 октября 1925 г.).

Упоминание в этой статье об обещаниях, которым автор перестает верить, может быть, имело целью напомнить о себе кому-то, кто обещал ему организовать повторный визит: и с начала ноября Ветлугин опять

в Голливуде! 11 ноября он публикует корреспонденцию о съемках фильма «Полунощное солнце» Буховецкого. Целый ряд корреспонденций посвящает голливудскому быту: описывает патриархально-трезвенные его нравы — здесь «сухой закон» не фарс, потому что нервная энергия уходит на другое — на интриги, ожидание и т.д. Заинтересованно и со знанием дела пишет о спекуляции землей в Лос-Анджелесе, или о гениальном жулике, продающем дешевую красную икру задорого под видом невиданной экзотичной икры розовой. Приближаясь к тематике, видимо, волнующей его профессионально, обсуждает рецепты современного литературного успеха — в статье «Любимец Бродвея» рассказывает о Генри Гопвуде, драматурге, знающем, что хочет публика, — приспособливающим фарсы для Бродвея, поставив этот производственный процесс на конвейер: *«Черную работу перевода исполняли очкастые барышни с безнадежными прогляями, молодые люди в лоснящихся пиджаках <...> Голливуд накладывал “глянцы”*. Французскую “клубничку” переводил на язык, волнующий самцов 42 улицы» (18 декабря 1925 г.).

В статье «Победоносное невежество» Ветлугин пишет о всего 15—20 дельцах, контролирующих киноиндустрию: т. н. «Трест» (Парамаунт, Метро—Голдвин, Ферст Нэйшенал) и их фантастическом невежестве, задающем в Голливуде тон (11 декабря 1925 г.). Вспомним по этому поводу, что еще перед отъездом с первых своих голливудских каникул в Нью-Йорк, под занавес он разразился сатирической статьей об очередной «развесистой клюкве» — изготовлявшейся в то самое время в Голливуде экранизации «Дубровского» с Рудольфом Валентино под названием «Черный Орел»: по сценарию, дело происходит в 1912 году, а Дубровский является любовником императрицы (режиссер — Кларенс Браун).

И вновь Ветлугин возвращается к теме русских в американском кино — статья «Русские на экране» (26 декабря 1925 г.): оказывается, что не только Буховецкий, но целый ряд голливудских деятелей — уроженцы России, как Люис Майлстон, постоянный режиссер компании Уорнер Бразерз, или Роль Слоп, постоянный директор у Сесиль де Милла. Список Ветлугина включает русских актеров — М. И. Вавича, Сусанина, Юренева, «Юку» Трубецкого и др.; он также упоминает б. генерала Пешкова, заведующего технической частью у Валентино, Ф. А. Ладыженского, завтеха у Глории Свансон, сценаристов Дунаева, Сергеева, Москова, и не забывает сообщить, что сами Сэм Голдвин и Джозеф Скенк — русские уроженцы.

Именно из Голливуда Ветлугин присылает несколько статей литературного содержания. Он явно чувствует себя здесь свободнее и увереннее. Похоже, что новый критический интерес к тому, что происходит в это время в мировой литературе, отражает беседы с новым кругом собеседников, обретенных в Голливуде. В статье «Придавленные и всполощенные» (26 ноября 1925 г.) он делит культурный мир на две части: война придавила одну часть мира, война всполошила другую. Отдыхает душа на литера-

туре вполноценных наций — Англии и Соединенных Штатов, и список авторов, предпочитаемых Ветлугиным, состоит из англичан и американцев, за которыми, как он предполагает, будущее. Французы же, русские, немцы придавлены:

«Французский роман, подобно французской душе, подобно Франции, растерзан, скомкан, тускл, подражателен. Немецкий роман совершенен. Но ужасен. День появления Достоевского в немецком переводе — черная траурная дата в жизни германской культуры. <...> дешевое подражание Достоевскому, без его “глубин”, но со всей немецкой аккуратностью воспроизведены стилистический ужас и расхлябанность Достоевского. Достоевский — был предчувствие, озаренность, катастрофа. Немецкие “достоевчики” — мрак и смрад ночного притона, где подают маргарин вместо масла...»

Весьма суров и приговор Ветлугина новой русской литературе:

«За исключением 2-3 имен (Замятин, Бунин), сегодняшняя русская литература формируется из временщиков, фаворитов на час, которых читают не потому, что было бы интересно читать, а потому, что боятся быть численными к разряду староверов».

Подробный и внимательный разбор новейшей литературной ситуации в России последовал незамедлительно, уже 1 сентября 1925 г. в статье «Этнография и литература» Ветлугин объявляет главной чертой литературы ее наполненность сырым бытовым и этнографическим материалом; главной же чертой литературной жизни вообще ему кажется отсутствие или редкость независимой, надпартийной критики, ее скованность кружковыми интересами.

«Новейшая русская литература вырождается в этнографию — вот крик тех из российских критиков, которые не связаны с новейшими русскими писателями узами дружбы, былого совместного мешочничества или кружковщины. И в России и за так называемым “рубежом” сотни строк написаны о молодой писательнице Сейфуллиной. Один Пильняк может соревноваться с ней количеством полученного отечественного и иностранного внимания. Какой-то остряк даже перепер Сейфуллину и Пильняка на язык английский. Теперь, когда уж почти три года отделяют нас от Пильняковско-Сейфуллинского взрыва, об обоих можно говорить спокойно, не боясь прослыть литературным консерваторм. В чем секрет успеха обоих... Как это ни грустно — в фаришровке рассказов и повестей словами, порожденными революцией, что дало им право именоваться “выразителями новой стихии”.

Вытравите из Пильняка все “наркомобразы” и “главбумы”. Останется омоложенный Авсеенко, Баранцевич или Муйжель.

Отсутствует какое бы то ни было понятие о большом литературном стиле. Фабула и не ночевала. Обрисовка характеров — бурлеск, похуже синематографического. Живет в Америке режиссер Ван Строейм. Специальность его — показание и прославление естественных отправления человеческого организма. Процедите австро-американского Строейма сквозь сито московской Козихи, получите Пильняка. Конечно, минус Ван Строеймская

фантазия и сарказм. Рассказы и повести Пильняка претендуют на обрисовку “нового быта”... Горе новому быту, если он таков, как его описывает Пильняк. Новый быт этот существовал в эпоху Помяловской бурсы. <... > Сейфулли-на... Вспоминается при прочтении ее сотни тысяч слов то, что сказал молодому Есенину (в 1913) умный и злой старик: “Сережа... Неужели так сера, неинтересна, скучна русская жизнь...” <... > Вооружитесь словарем Даля и принимайтесь за чтение Сейфуллиной. Может быть, поймете все слова. Но стоит ли морочить голову... Выбросьте из Сейфуллиной этнографию — останется след морщинистый и влажный».

Ветлугин жадно и заинтересованно следит за русской жизнью, приветствуя то, что кажется ему признаками нормализации. Но дорого ему и преобразование России в современную страну, которое на его глазах произошло в революцию. В статье «То, что не вернется» — рецензии на «Записки писателя» Евгения Лундберга (которого он должен был знать по Берлину 1922—1923 гг.) — он выделяет следующее «поистине проникновенное место»: «Сколько бы завоеваний революции ни смыла обратная волна — одно останется на отмели времен: отращивание к косности». Лундберг приветствует «нормализацию» — например, приезд в Москву французского фарса, — и Ветлугин согласен с ним:

«*Фарс — всегда хорошо. Там, где фарс, там жизнь. Побольше бы фарсов, поменьше бы Андреев Белых, и получилась бы здоровая нация*”. Вот что понимает мудрый Лундберг под “обратной волной”. Но и он, и мы, и вы, и они, и левые и правые, и розовые и серобурмалиновые — все понимают, что не вернется косность.

Не вернется серая Россия “Русских Ведомостей”, московских чаепитий, чеховских героев, идиотских диспутов в религиозно-философских обществах, трех сестер, унылых передовиков, студентов, ознаменовавших день кончины Толстого забастовкой (хоть Толстой всю жизнь проповедовал труд), рахитичных либералов.

Чеховским трем сестрам дали хорошую встрепку. В 1919—1921 все три занимались мешочничеством и в Москву попали, потому что надо было муку на ситец обменять. Возвращается быт. Но косность умерла. Россия американизируется» (22 октября 1925 г.).

Мы не знаем, когда был решен вопрос о его переезде в Голливуд (естественно, предполагавший большую независимость от направления газеты), но уже 3 января Ветлугин позволяет себе написать очень жестко по адресу недавно посетившего Америку Маяковского.

«<... > Узнал, что В. В. Маяковский разочарован в американцах, хотя сямый 100-процентный американец, с которым он столкнулся, был молодой футурист, прибывший в Америку два года назад... Остальные прожили здесь от 24 часов до 6 месяцев. Узнал, что В. В. Маяковский считает американскую литературу и театр хламом, хотя по-английски он не говорит, не читает и не понимает <... >» («Моя коллекция», 3 января 1926 г.).

Маяковский приехал в Америку из Мексики 27 июля 1925 г. и пробыл в Нью-Йорке с 30 июля по 28 октября, выезжая с краткими визитами в другие города. Общий тон высказываний Маяковского об Америке частично известен: ср. публикации «Из беседы с американским писателем Майклом Голдом» и «Из беседы с редактором газеты “Фрайгайт”»¹³, а также (смягченные) отчеты о его выступлениях в Нью-Йорке (о докладах «О советской поэзии» 10 сентября 1925 г. и «Что я привезу в СССР» 4 октября 1925 г.¹⁴). Это утверждения о духовной нищете Америки, о провинциальности американцев и об отсталости американского искусства. Ветлугин уже успел в свое время, в сентябре 1925 г., гневно отреагировать в газете на посещение «одним поэтом» Америки и на его оскорбительные высказывания о ней при полном незнании реалий, но тогда не указал имени визитера. И только теперь он, похоже, переживающий приступ эйфории от почувствованной в Калифорнии новой свободы, вслух называет имя обидчика.

«Молодой футурист» — это, очевидно, Бурлюк, приехавший в Америку в 1922 г. (в «Русском голосе» он начал работать в 1923 г.) С иллюстрациями Бурлюка тогда же вышла американская книжка Маяковского «Открытие Америки» (Нью-Йорк, 1925) — первый вариант «Моего открытия Америки». Вскоре, после переезда Ветлугина в Голливуд, Бурлюк станет в «Русском голосе» центральной фигурой, ориентируясь в своих фельетонах на стиль бывшего коллеги.

Самоубийство Есенина в конце 1925 г. вызвало у Ветлугина волну воспоминаний, которые он публиковал в «Русском голосе», находясь в Лос-Анжелесе. Это очерки «Памяти Есенина» и «Еще о Есенине», помещенные в номерах от 4 января и 9 января 1926 г.¹⁵, и вскоре последовавшие за ними «Воспоминания о Есенине»: 30, 31 марта и 3, 5, 12 апреля 1926 г.

Есенин впервые появляется в публицистике Ветлугина в 1922 году в Берлине, а Ветлугин (см. выше) незримо присутствует в американском очерке Есенина. В конце мая 1923 года Есенин с Кусиковым вновь оказались «на гастролях» в Штатах, и Ветлугин отразил их визит в газете. Летом он уезжал в Европу и, возвращаясь в Штаты, на борту корабля, написал Есенину, в то самое время плывущему в противоположном направлении, в Россию (в то время как Кусиков остался в Париже), письмо, в котором заявил свое право на иную, не литературную, а частную судьбу: возможно, литературная известность оказалась по-человечески тяжела для молодого автора.

«<...> Ты ушел в Москву (“Творчество”). Я еду в ненавистную тебе Америку. (Мечтаю об юдоли Мак-Дональда). Мне мое имя — строка из паспорта, тебе — надпись на монументах. <...> Быть Рокфеллером — значительнее и искреннее, чем Достоевским, Есениным и т. д. И в этом мое расхождение с тобой. <...> Это не трактат о «ты» и «я». Просто объяснение, почему мы никогда не смогли бы сойтись. О тебе вспоминать буду всегда хоро-

шо, с искренним сожалением, что меряешь на столетия и проходишь мимо дней». ¹⁶

Это письмо он опубликовал и в «Русском голосе» под названием «Вокеане» 16 октября 1923 г. В ноябре Ветлугин написал о своем друге еще одну заметку, из которой можно заключить одновременно о его верности Есенину и о глубоком конфликте с ним: это статья «Болезнь Есенина» (26 ноября 1923 г.) — страстная защита поэта от накопившегося во время его вторых американских гастролей раздражения, связанного с его дебошами, вроде известного инцидента в доме у еврейского поэта Мани-Лейба (Брагинского): *«Говорить об антисемитизме Есенина может только тот, кто не имеет о нем никакого понятия, кто днем подлизывается к евреям, а ночью мечтает о Кирилле Владимировиче».*

В мемуарной заметке «Памяти Есенина» 4 января 1926 г. Ветлугин уже не замазывает, а подчеркивает двойственность Есенина:

«“Тихий отрок”, “Мальчик из Рязани”, “распятый поэт” — для тех, кто знали Есенина дневного, солнечного, лучащегося. “Неукротимый скандалист”, “сумасшедший”, “хулиган” для тех, кто имели несчастье столкнуться с хаосом ночной души Есенина, громившего и буйствовавшего».

Ветлугин подчеркивает свою кровную связь с Есениным:

«Весь — нашего поколения.

Пивший с нами одну и ту же чашу...

Есенин — брат (почти) и смертельный враг (почти).

Быть может, я — не единственный человек в мире, которому “лучше не молчать” об Есенине.

Я знал обоих.

“Отрока Божьего”...

“Скандалиста неукротимого”...

Есенина — казарменных Берлинских Отелей, Елисейских Полей, Весенней Венеции, Бродвея и Мичиган Авеню: годы 1922—3.

В поездках и на пароходах, за обеденным столом и в рабочем кабинете.

Слишком, слишком хорошо я знал Есенина.

Есенин на дне сердца моего...»

Ветлугин с пронзительной правдивостью признается в том, как тяжелы были его отношения с Есениным:

«Его можно было любить.

Его можно было ненавидеть...

Когда я думаю о нас — 5—6 рассеянных по белу свету — “бывших с Есениным”, — я ощущаю с остротой зловещей: Мы его больше ненавидели, чем любили...»

Двойственность Есенина Ветлугин трактует по Мережковскому — в духе его очерка о Глебе Успенском:

«Когда здесь, за 10.000 миль от того места, я читаю и перечитываю его разрозненные письма, злобно-печальные, слезно-саркастичные, — я вспоми-

наю предсмертный бред Глеба Успенского: ангел “Глеб” боролся со свиньей “Ивановичем”...

Есенин хотел быть с новой Россией (кто возьмется определить содержание этого истертого пятака “новая”?)

Есенин душой принадлежал к героям Мережковского “Христос и Анти-христ”...

Его жизнь была ужасна...

Подымался и падал. <... >

Достоевщина, Успенщина, Мережковщина...

А жил он в Москве Ленина...»

Для Ветлугина именно это объясняло «священные эпилептические припадки (каждые 10 дней)», во время которых поэт «добирался до таких пропастей, на дне которых — “веревка Ставрогина”».

Во втором мемуарном очерке «Еще о Сергее Есенине» 9 января 1926 г. Ветлугин с отвращением отстраняется от массы грязи, вылитой мемуаристами на голову погибшего поэта, и пытается вместо этого строго и трезво судить о его творчестве:

«Когда Есенин наскоро “для издателя”, для “аванса” — детским своим почерком набрасывал три-четыре сотни строк — “литературица” снова поднимала голову. Он был слишком живой, он был слишком злободневный, он слишком всерьез принимал фигуры, проходившие по экрану хаотичной его жизни.

Он писал или со злобой.

Или в состоянии Магомедовского просветительного восторга.

И то и другое исключало прекрасное».

По Ветлугину, Есенин так и не осуществился:

«Есенина-лирика остановила революция. Он как-то “застыл” нежностью своей. Есенину-эпику не дала развиться кошмарная жизнь его».

Итак, в начале 1926 г. Ветлугин начинает работать в Голливуде и постепенно уходит из русской эмигрантской журналистики — мы еще не знаем, как и когда именно. По всей видимости, он отказывается и от просоветской политической ориентации — правда, совершенно необязательно из этого делать вывод об отказе его от некоторой политической левизны. Стандартная для американского интеллектуала политическая позиция предполагала увлечение Троцким и неодобрение «сталинского термидора» и репрессий в Союзе. В любом случае, можно было уверенно ожидать от Ветлугина левизны литературной.

Бурлюк свидетельствовал о том, что в 1929 г. Ветлугин был издателем американского журнала «Paris — Comit»¹⁷. Бурлюк неправильно прочел (не будучи, видимо, полиглотом) или переврал название: указатель Библиотеки Конгресса США такого названия не приводит. Зато имеется длинный список французских журналов, вернее бюллетеней разнообразных общественных организаций или ученых обществ, названия которых на-

чинаются со слов: Paris. Comité... (следует название комитета). Некоторые из них изданы во франкофонной Канаде, и считанные единицы — в Соединенных Штатах. Скорее всего, Ветлугин издавал бюллетень франко-американского комитета. В Париже этот комитет назывался Paris. Comité France-Amerique: с 1924 года в Штатах это же общество стало называться Comité central des sociétés Françaises a New York, комитет этот представлял старую и богатую французскую общину, сосредоточенную главным образом в Нью-Йорке и на юге США. Из сообщения Бурлюка, возможно, следует, что Ветлугин в какой-то момент вернулся из Голливуда в Нью-Йорк, но не нашел постоянной работы в русскоязычной газете, что весьма вероятно, если учесть свирепствовавшую в 1929 году безработицу — результат Великой депрессии.

Толстой похож и обидно изобразил его в фигуре Володи Лисовского в романе «Черное золото» («Эмигранты»), писавшемся именно в 1929 году. Сама эта фамилия перекликается с двумя демонстративно разными подписями под двумя одинаковыми материалами, опубликованными, как нам кажется, Ветлугиным, начинавшим свою карьеру в «Русском голосе» обозревателем прессы: вспомним о *М. Лисовском*, авторе заметки «Российский быт. О хипесниках (из “Известий”»)» в номере за 4 февраля 1923 г., и о рифмующемся с ним и фонетически, и семантически *Н. Зубовском*, чья подпись стоит под материалом «Мастыри. Из быта уголовщины», помещенном в «Русском голосе» 18 марта. Не напоминал ли Толстой своему бывшему «Санчо Пансе» не только о его бесславном периоде первоначальной адаптации в новой стране, но и о его прошлом «спекулянта» и «афериста»?

Мы не знаем, что именно подтолкнуло Толстого на такую резкую переоценку своего младшего приятеля. Можно предположить, что отношения их были испорчены в связи с неудачными попытками Ветлугина пристроить в советской России через Толстого свой перевод пьесы Юджина О’Нила «Анна Кристи». Толстой прошелся по ветлугинскому переводу и в 1925 году поставил пьесу как свою собственную обработку. Она шла в Московском драматическом театре (б. Корша). Существует письмо Ветлугина А. В. Луначарскому от 2 января 1925 г. с просьбой разрешить ленинградскому Обществу драматических и музыкальных писателей перевести в Америку причитающийся Ветлугину авторский гонорар за перевод пьесы «Анна Кристи» американского драматурга Юджина О’Нила¹⁸.

* * *

Ветлугин в конце концов в Голливуд вернулся и сделал там головокружительную карьеру — возглавил Story Department (отдел сценариев) на MGM (Metro — Goldwin — Mayer), то есть стал «магнатом», как его называет один из киномемуаристов; в американских киномемуарах упо-

минается и его «промежуточная» женитьба на богатой еврейке; говорится и о его последней жене, киноактрисе Беверли Майклз (р. 1927) — это уже конец сороковых, когда он сам выступил в качестве продюсера двух фильмов — «East Side, West Side» (1949) и «Ее жизнь» («A Life of Her Own», 1950, по роману Ребекки Уэст «Abiding Vision»). Это были второразрядные картины с первоклассными актерами. В «Ее жизни» играла Лана Тернер, а режиссёром был знаменитый Кьюкор. Беверли Майклз сыграла в «Ист Сайд, Вэст Сайд». В том же 1949 году они поженились. Уже в 1951 году двадцатидвухлетняя Беверли попросила развода, обвиняя пятидесятилетнего мужа в жестокости. Через два года он умер, и она унаследовала его значительное состояние.

Литературные достижения и шире — экзистенциально-культурная позиция Ветлугина не могла не вызывать уважения. Вот как он сам сформулировал свое кредо:

«Когда я предстану перед лицом Страшного Суда и меня спросят: “Что хорошего ты сделал на Земле? — отвечу: “Никого не пытался отговорить курить... Никогда не возмущался тем, что женщины с помощью помады и пудры исправляют недостатки природы... и никого, никогда, нигде и ни в чем не пытался уговорить или разубедить... Делил все человечество лишь на два класса — джентльменов и хамов... И первым прощал все их привычки и пороки...”» — писал он в протонабоковском, как нам кажется, ключе 3 декабря 1925 г. в статье «Оболстительная привычка» (посвященной американскому национальному обычаю жарить индейку в День Благодарения).

Хотя Ветлугин был писателем одаренным и ярким — мистификатором, эрудитом, модернистом, снобом, — все же он оказался недооценен. Его слишком ранняя парижско-берлинская известность не принесла ему настоящей любви и популярности у читателя. Возможно, он слишком близко к сердцу принял критику своего романа, в особенности наивное отождествление автора с героем, и слишком поспешно сошел с дистанции. Американский же успех в конечном счете означал уход из русской литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дата 15 мая 1953 года приводится на сайте Internet Movie Database (www.imdb.com). На сайте New York Public Library указывается наличие материалов Ветлугина в отделе архивов и рукописей, поступивших в 1951 году. Имя и фамилия его в Америке приняли форму Voldemar Vetlugin.

² Я благодарю за это сообщение А. Парниса.

³ Участие Рындзюна в московской «Жизни» подробно освещено во вступительной статье Л. Николаева «Ибикус, или жизнь и смерть А. Ветлугина» (*Ветлугин А. Сочинения. «Записки мерзавца»*. М., 2000. С. 8—11).

⁴ Писатели — о себе: А. Ветлугин // Новая Русская Книга, № 3. Берлин, 1922. С. 41 и сл.

⁵ Одна из них перепечатана в альманахе «Казачий круг» №2, 1991 г.: «Жизнь» (Ростов-на-Дону), №59, 4 (17) июля 1919 г.

⁶ Василевский (Не-Буква) И. Современники. («Записки мерзавца» А. Ветлугина. Изд. «Русск. Творчество». Берлин, 1922 г.) // Накануне, 27 авг. 1922 г. № 15. С. 4—7.

⁷ Это термин Мережковского: «<...> большевизм может быть побежден только «Третьей Россией». Что такое Третья Россия? Россия первая — царская, рабская. Россия вторая — большевистская, хамская; Россия третья — свободная, народная» (Мережковский Д. Царство Антихриста. СПб., 2002. С. 6). Мережковский, однако, понимал Третью Россию вовсе не как соглашательство с большевиками — напротив, она настанет, когда все станут с ними непримиримы (С. 9).

В мемуарах Крандиевской описывается, как во время визита к Савинкову Толстой пришел в ярость, решив, что «третья Россия» — это Россия, которую Савинков «продает» Антанте. Крандиевская-Толстая Н. В. Воспоминания. Л., 1977. С. 176—177. Возможно, мемуаристка что-то упростила: Бунина вспоминает вечер у Савинкова иначе: «Вечер у них был один из самых интересных в Париже. <...> Его программа — «Родина, Демократическое Управление и Частная собственность» <...> он говорил, что считает, что нужно дать землю крестьянам и возможность работать, чтобы они могли жить лучше, богаче. А до всяких идеалов ему дела нет, в чем с ним не соглашался Толстой». Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под редакцией М. Грин. — Т. 1, Франкфурт-на-Майне. 1977. Т. 2. С. 13.

⁸ Ветлугин А. Сочинения. Указ. соч. С. 266—267.

⁹ Есенин Сергей. Собрание сочинений в пяти т. М., 1962. Т. 4. С. 259—261.

¹⁰ 12 ноября 1922 г. Указ. соч. Т. 5. С. 168.

¹¹ Т. 4. С. 263.

¹² Т. 4. С. 266.

¹³ Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в 13 т. т. Т. 13. М. 1961. С. 223—226.

¹⁴ Указ. соч. Т. 12. С. 475—479.

¹⁵ Есениниана Ветлугина републикована в малодоступном и малотиражном перестроечном сборнике: Шубникова-Гусева Н. И. Русское зарубежье о Есенине. Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи. В двух томах. М., «ИНКОН». 1993. Т. 1. С. 129—139.

¹⁶ Вопросы литературы. 1977. № 6. С. 234—235.

¹⁷ Вопросы литературы. 1975. № 10. С. 242.

¹⁸ Эта пьеса, как сообщил мне Д. А. Толстой в конце 90-х, была найдена в бумагах Толстого без всяких опознавательных знаков, но с его рукописными пометами в машинописи, и архивисты обращались к нему за подтверждением толстовского авторства этого перевода. (Личное дело № 1842 члена Союза драм. и муз. писателей В. И. Ветлугина. РГАЛИ. Ф. 165. Цит. по: Вопросы литературы. 1975. № 10. С. 242.)

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ. ПОЭТ ГИЗЕЛЛА ЛАХМАН

Юрий Левинг (Галифакс, Канада)

I

Г. Лахман. Киев, 1918

Некоторое время спустя после публикации статьи, посвященной творчеству поэта и переводчицы Гизеллы Лахман, нам удалось найти сына главной героини очерка, живущего в США¹. Информация, полученная от наследника, помогла восстановить существенные биографические лакуны, заполнение которых еще недавно не представлялось возможным².

Гизелла Сигизмундовна (Рабинерсон) Лахман родилась 4 декабря 1893 года³ в Киеве. Там же она посещала женские курсы одновременно с Анной Ахматовой⁴. С 1914 по август 1917 гг. она проработала в должности сестры милосердия в киевском лазарете Красного Креста (содержавшегося на средства ее деда, известного сахарозаводчика и общественного деятеля С. И. Гальперина). За добросовестность исполнения своих обязанностей во время военных действий Гизелла была награждена серебряной медалью «За усердие» (приказ Главнокомандующего Армиями Юго-Западного фронта от 19 марта 1916 г. за № 407). В сентябре 1917 г. Г. Лахман состояла слушательницей двухмесячных курсов по подготовке сестер милосердия при киевской Марииинской общине русского общества Красного Креста, после чего вновь вернулась к уходу за ранеными и больными. После революции семья Рабинерсон эмигрировала в Германию (1918)⁵. Через год Гизелла вышла замуж за немца, Эрнста Лахмана, от которого у нее родились сыновья Алексис (1920) и Эрвин (1922). Когда к власти в Германии пришли нацисты, Лахман с сыновьями была вынуждена в 1933 г. перебраться из Берлина в Лозанну. Осенью 1940 года, опасаясь новых гонимостей, семья покинула Швейцарию и через Португалию бежала в Америку. В Новый свет Лахманы прибыли в январе 1941 г. Впрочем, спустя всего два года оба сына Гизеллы вернулись в Европу — на этот раз уже в качестве мобилизованных солдат американской армии. Материнская тревога доминирует в лирике Лахман тех лет (см. Приложение к настоящей публикации).

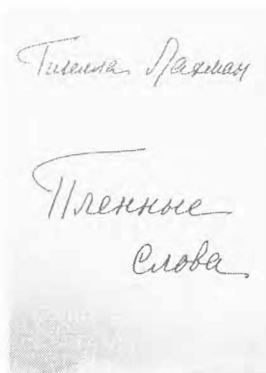
В США первые два года Лахман живет в Филадельфии, где она работает в научной библиотеке и сотрудничает с видным российским историком, писателем и знатоком библиотечного дела Н. А. Рубакиным (1862—1946)⁶. Следующие семь лет Гизелла Лахман проведет в Нью-Йорке, вступит в кружок русских поэтов, займется поэтическими переводами⁷ и впервые выступит с чтением собственных стихов в середине 1940-х гг. В 1950 г. Лахман предложили место библиографа в Библиотеке Конгресса, и она переехала в Вашингтон⁸. В самой престижной американской библиотеке Лахман проработала до 1962 г.; туда же, десятилетие спустя после ее смерти, семьей был передан ее личный архив⁹.

Писать стихи Гизелла Лахман начала поздно, на середине шестого десятилетия¹⁰. Как поэт была, по-видимому, к своему творчеству необычайно строга: в архиве ее сохранились многочисленные блокноты, как с набросками, так и законченными текстами, не вошедшими в две компактные книги ее стихов — «Пленные слова» (Нью-Йорк, 1952) и «Зеркала» (Вашингтон, 1965). Не попали туда и многие стихотворения, публиковавшиеся в разное время в эмигрантской периодике (стихотворения «Лето 1943» и «В вагоне», открывающие предлагаемую ниже подборку, относятся именно к этой категории фантомных текстов). Умерла Г. Лахман 28 октября 1969 г. в Вашингтоне.

В 1997 г. на Украине с помощью друзей-дипломатов младшего сына поэтессы (долгие годы служившего в Госдепартаменте США) увидел свет томик стихов Гизеллы Лахман «*Вибрані поезії*» (Киев, Триумф), объединивший под своей обложкой тексты, которые вошли в оба прижизненных сборника. Судьба этой изящно изданной мизерным тиражом книги в коленкоровом переплете с позолотой столь же причудлива, сколь литературный удел ее автора. Напечатанная в рамках национальной программы по возвращению на Украину культурных ценностей (*Повернуті імена*), книга была названа и снабжена предисловием и оглавлением на украинском языке, и поэтому в российских библиографиях и библиотечных фондах оказалась неучтенной. Материалы для этого издания были предоставлены не владеющими русским языком детьми Гизеллы, подготовку его фактически осуществляли сами украинские издатели. В России миниатюрной посмертной публикации Лахман удостоилась лишь через четыре десятилетия после выхода ее второго поэтического сборника¹¹.

II

Редко кого другого в эмигрантской прессе сравнивали с Анной Ахматовой так часто, и никто, пожалуй, из русско-американских поэтесс не пытался столь последовательно и ревностно соответствовать роли продолжательницы дела великой советской современницы в изгнании, как Гизелла Лахман.

Обложка книги
«Пленные слова» (1952)

Печаталась Лахман в периодических изданиях Русского Зарубежья, начиная с середины 1940-х годов¹². В одном из адресованных ей писем тех лет прозаик старшего поколения Г.Д. Гребенщиков верно угадал ее поэтический генезис:

*«О Ваших стихах раз и навсегда я высказался и ни разу в них не разочаровался, а всегда читал их вслух, если есть кому. Тонкая, вдумчивая, нежная Муза Ваша мила моему грубому сердцу. Иногда я думаю: откуда это? Каков Ваш возраст (нескромный вопрос), что Вы так тонко и глубоко научились не только мыслить, но и выразить себя в такой чудесной форме. Мне кажется, кто-то на Вас имел влияние — м. б. Ахматова, но м. б. Марина Цветаева. Ни той, ни другой я не люблю, значит если было бы их влияние в форме, то Вы взяли от них лучшее и прибавили свое — еще лучшее»*¹³. Елена Малоозимова, чье имя запомнится в истории изучения русской эмигрантской словесности тем, что будучи диссертанткой, она обратилась за разъяснениями к Владимиру Набокову по поводу волновавших ее вопросов (дело было в те «пред-Лолитные» годы, когда Набоков еще довольно охотно отвечал незнакомым барышням-слависткам), присутствовала на вечере кружка русских поэтов в Нью-Йорке в 1945 году и оставила свидетельство о первом публичном выступлении Г. Лахман. Она же уловила «ахматовский голос» как родовую черту целого поколения женщин-поэтов, сочиняющих по-русски в изгнании:

«В течение года поэтессы и поэты встречаются еженедельно друг у друга. На этих собраниях новые стихотворения подвергаются строгой, дружески-конструктивной критике. В беседах поднимаются вопросы о теории стихосложения, о различных ритмических приемах, о четкой правильности стиха, о богатстве и новизне рифм и о ново-художественных образах. <...>

В стихах старшего поколения иногда слышался Пушкин и Тютчев, и иногда Блок и Гумилев. В творчестве поэтесс подчас незримо присутствовала Анна Ахматова своей предельной простотой, проникновенной глубиной и драматической напряженностью <...>

Взволнованно прочла свои одухотворенные стихи “Странница”, “Мать”, “Все чудеса” Гизелла Лахман, впервые читавшая свои стихи перед публикой. В свои молодые годы она никогда не писала стихов, и только недавно она почувствовала особый порыв творчества. Не тогда ли, когда двое ее сыновей оказались в американской армии?

Несколько стихотворений Гизеллы Лахман были напечатаны в этом году в “Р. Ж.” и вызвали живой отклик среди читателей своими темами, новизной художественных восприятий и разнообразием стихосложения <...>

В творчестве поэтесс “Кружка русских поэтов в Америке” слышится когда обще-женское, когда обще-человеческое, когда прекрасное “ахматовское”, когда американское, вихрем охватившее их воображение»¹⁴.

В первом сборнике Лахман «Пленные слова», изданном кружком русских поэтов в Америке, современники сразу оценили редкую поэтическую интонацию. В частном отзыве поэт В. Ильяшенков противопоставил чистый русский язык и неангажированность автора сиюминутной проблематикой стилю и темам корифеев новой советской классики: «... этим сборником... было еще раз доказано, что никакой необходимости в искажении [русского языка] “маяковиной” не было... Подлинная поэзия — общечеловечна. В этом смысле сборник счастливо избежал (насколько это вообще возможно) ограничительного “штампа” времени и места или, иными словами, его суть, как всякая подлинная лирика (Данте или Верлена, Гафиза или Фета, и т. д., и т. д.) должна быть доступна каждому, восприимчивому к поэзии, будь то русский, англичанин и пр»¹⁵.

Ахматовское обаяние поэтики Лахман было замечено и в другом комментарии: «*Ваша сжатость и четкость стиха с такой большой подкупающей простотой мысли и чувства буквально покорили меня, пожалуй с таким же наслаждением я читала Ахматову*»¹⁶. Прямых посвящений Ахматовой Лахман избегала, но в качестве эпиграфа к одному из стихотворений сборника взяла строку Гумилева «Муза дальних странствий обнимала...»¹⁷ Стихотворение, напечатанное в Нью-Йорке, датировано 1949 годом:

За неделей тихо тянется неделя
И, быть может, годы мирно здесь пройдут.
В комнате безличной, в комнате отеля
Я создать стараюсь свой былой уют.

Разложила книги, вынула портреты
И накрыла пледом старенький сундук
С новой надеждой, с песней недопетой
О конце скитаний, о конце разлук.

Равнодушны стены, но смеются вещи,
Вылез из-под пледа красочный ярлык.
Музы Дальних Странствий слышу голос вещей...
У вещей лугвѣхъ свой живой язык.

(Лахман 1952, с. 74)

Ностальгия по прошлому и утраченной родине доминировали в первом сборнике Лахман. Родион Березов, эмигрантский поэт и прозаик, так охарактеризовал ее дебют: «*Есть книги, от которых нельзя сторваться: возьмешь в руки и отложишь только по прочтении последней строки. К та-*

ким удивительным, чарующим книгам надо причислить и “Пленные слова” Гизеллы Лахман. Это — книга стихов. На 80-ти страницах одно стихотворение лучше другого. Каковы главные темы творчества этой поэтессы Божией милостью? Любовь матери, жены и друга, любовь к далекой родине, которая вечно живет в душе и забыть которую нельзя ни при каких обстоятельствах»¹⁸.

Тень Ахматовой, нависающая над творчеством Лахман, угадывалась большинством критиков^{18а}, многие из которых писали скорее о попытке отталкивания от влияния А. А. «Драма изведена, но не излита по-молодому, а затаена. Сказано только, что случилось, о пережитом ни слова. И это “ни слова” эмоционально заразительнее слов, читатель воспринимает его собственным пониманием и опытом, минуя людской язык. Это уже никем не напето. Это не Ахматова в Гизелле Лахман, это сама Гизелла Лахман, живая, нашедшая себя»¹⁹. Борис Нарциссов в хвалебном отзыве на первую книгу поэтессы отмечал, в частности, следующее: «В ряде стихотворений явно проступает влияние, а иногда и прямое следование А. Ахматовой. Тут можно заметить, что стихи с находками одновременно и более самостоятельны и свободны от ахматовского влияния. Других влияний, по крайней мере явных, не заметно. Правда, в современной русской поэзии влияние Ахматовой на поэтесс считается неизбежным» (цит. по машинописи из архива Г. Лахман).

Нарциссов подчеркивает не-эпигонский характер следования Лахман своему поэтическому идеалу, который можно, пожалуй, определить как «вдумчивое подражание».

Сергей Яблоновский безоговорочно отнес стихи Лахман к лучшим образцам современной женской поэзии:

«Каторжный период оставил последними в нашей памяти ярко талантливую, но слишком женственную Анну Ахматову, по-восточному примитивную, но философски образованную Мариэтту Шагинян и рвавшуюся к новым формам, “нарушавшую все законы” несчастную Марину Цветаеву. Теперь к этим прекрасным именам присоединилось имя носительницы крупного таланта, большой культуры, большой души Гизеллы Лахман»²⁰.

Подобно многим эмигрантским собратьям по литературному цеху, Лахман в своем творчестве наследовала прежде всего акмеистической поэтике. Как факт это констатировал Юрий Терапиано в отзыве на вторую книгу: новые стихи «так же как ее прежние, отличаются композиционной стройностью и ясностью. Гизелла Лахман близка к акмеизму и неоклассицизму»²¹.

Наиболее внятно и полно на тему «Ахматова — Лахман» высказался поэт и критик Александр Биск, в молодости сам водивший знакомство с Н. Гумилевым:

«Конечно, Г. Л. принадлежит к некоей школе. Тут ничего зазорного нет. Целые поколения писателей обычно заражены какой-то общей идеей — они и думают, и говорят по известным штампам; только отдельные, очень ис-

ключительные личности представляют собой вехи, по которым равняется весь комплекс писателей, составляющих *литературную эпоху*.

И, подобно тому, как говорят про художников *школы Рембрандта*, так и я безошибочно скажу, просмотрев книгу Г. Лахман — поэтесса *школы Ахматовой*. То, что многие презрительно называют “ахматовщиной”, есть явление, исключительное по своему значению. Стихи Ахматовой были воистину новым словом. Были у нас и раньше талантливые поэтессы во главе с очаровательной Лохвицкой, но все они, говоря о женщине, подражали мужчине, смотрели на женщину и на самое себя мужскими глазами, в то время, как Ахматова впервые показала нам подлинные переживания женщины. Не удивительно, что она нашла столько адептов, которые к сказанному захотели прибавить и свое. Тут дело не в подражании, а в *усвоении метода*, и если Ахматова первая, то она не единственная»²².

На эти размышления откликнулась Александра Мазурова. Соглашаясь с Биском в том, что Лахман — поэтесса школы Ахматовой, она добавляет:

«Восприимчивость к влияниям уже — даровитость. Здесь способность не только слышать поэзию другого поэта и проникать в его мир, но и заражаться ею, наделяя ее и своим. Г. Л. обнаруживает эту способность. В ее стихах есть отголосок не только поэзии Ахматовой, но и многих других поэтов и поэтесс, затканых в сознание людей их времени, сохраненных в душе и с особенной остротой и любовью переживаемых в русском рассеянии»²³.

Лишь в 1963 году Гизелла Лахман, за несколько лет до смерти своей и ухода Ахматовой, не просто решила на диалог, а вступила в открытый спор с учителем. Поводом для поэтического вызова стала публикация стихотворения Ахматовой «Родная земля» (Новый мир. 1963. № 1). В разделе «Литература и искусство» ведущего периодического издания Русского Зарубежья вскоре появилась заметка:

Ответ на стихотворение Анны Ахматовой РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

«О ней стихи навзрыд не сочиняем»
И в наших снах ее благословляем,
Но в ладанках не носим на груди.
Зачем? Она у нас — в сердцах,
Недостижимый и драгоценный прах —
Тот, что не ждет нас впереди,
Когда в чужую землю ляжем,
Что нам не мачеха и не родная мать.
(А ваших слов о «Купле и продаже»,
признаться, не могу понять).
Болея и сгибаясь под тяжелой ношей,

Мы помним хруст в зубах ее песка,
И грязь и снег на маленьких калошах...
Но мать отвергла нас и ныне далека.

А мы, рожденные и вскормленные ею,
Мы смеем звать ее, как вы, — своею.
(*Новое русское слово*, 17 марта, 1963)

Первые три строки — ответ на ахматовские: «*В заветных ладанках не носим на груди, / О ней стихи навзрыд не сочиняем, / Наш горький сон она не берedit*» — и далее то, что так задело Гизеллу Лахман:

... не кажется обетованным раем,
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хвораая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.

Грязь на калошах и хруст на зубах, по убеждению эмигрантов, еще не давали права Ахматовой присваивать себе Россию — тоскующим по ней вдали не менее больно, чем страдающим в ее пределах. «Если человека отлучить от родной земли, то эта земля перестанет для него быть “грязью на калошах”, и он будет носить ее в заветных ладанках, а тот, кому не суждено лечь в родную землю, обычно завещает бросить в его могилу ком родной земли <...> Сейчас об этом знаменитая поэтесса, по-видимому, забыла, но в 1942 году, когда она принуждена была покинуть любимый Петербург и уехать в Ташкент, она думала иначе [далее следует цитата из “Поэмы без героя” о “горьком воздухе изгнания”]»²⁴. Оставляя в стороне спор по существу, — у каждого пострадавшего свое оправдание, — повторим слова Ю. Крузенштерна-Петереца, сказанные вслед ушедшему другу: «*На эти стихи [Ахматовой] она ответила своими, в которых защищала свою правду. Нужно было, конечно, много мужества, чтобы посметь возразить Ахматовой, но оно у Гизеллы было*»²⁵. Среди набросков и заметок в материалах архива Лахман сохранилось выписанное ее рукой стихотворение Ахматовой «Не с теми я, кто бросил землю...» (Из кн. «Anno Domini», 1922)²⁶. В контексте литературной полемики надо полагать не случайным обращение Лахман именно к этому давнему стихотворению своего адресата («*Но вечно жалок мне изгнанник, / Как заключенный, как больной. / Темна твои дорогах, странник, / Полюнью пахнет хлеб чужой*»)²⁷.

Симптоматичен в этом контексте и прохладный отзыв об Ахматовой Романа Гринберга, главного редактора нью-йоркских «Воздушных путей», антрепренерская энергия и живой интерес к советской неподцензурной литературе которого способствовали публикации ряда ее произведений,

в том числе «Поэмы без героя», на страницах этого престижного эмигрантского альманаха (№ 1—4, 1960—1965). Гринбергу, часто по делам посещавшему Европу, удалось встретиться с Ахматовой во время ее заграничного путешествия 1965 года. Впечатлениями от встречи он делился в письме к израильскому корреспонденту Юлию Марголину:

«С Ахматовой было свидание. Она меня разочаровала. Вы знаете, есть у Пруста в его знаменитом романе глава “Имена и места”, где рассказывается, как некоторые имена всю жизнь вас волнуют и интригуют и как они обманывают вас, когда вы знакомитесь в действительности с местами, названными этими фантастическими именами»²⁸. Так точно и случилось с А. А. Это совсем не то, что воображалось»²⁹.

Эмигрантская репутация Лахман, между тем, все укреплялась. На закате своей литературной карьеры мэтр русской эмигрантской критики Георгий Адамович благословил немолодую поэтессу, признав ее стихи готовыми к антологизации. Лахман послала томик стихов во Францию тому, чье мнение было ей особенно дорого — человеку, начинавшему свой литературный путь вместе с Гумилевым, Ахматовой, Мандельштамом и Г. Ивановым. Свидетельством искреннего расположения, проявленного когда-то острейшим из полемистов Русского Зарубежья к стихам американской незнакомки, служит публикуемое ниже письмо:

*«Paris 8
7, rue Fréd. Bastiat
17 июня 1966*

Многоуважаемая Гизелла Сигизмундовна,

Я очень виноват перед Вами. Простите. Объяснять, почему не поблагодарил за книгу, было бы долго, да и трудно. В сущности, объяснения — или вернее, оправдания — нет. У меня плохая память, я давно уже нездоров, занят всякими “текущими делами”, необходимыми, чтобы жить, — дело в этом. Надеюсь, Вы не очень на меня сердитесь. Добавлю, что лит<ературную> критику я почти совсем уже оставил, и рад этому.

Спасибо за “Зеркала”. Я о них напишу на днях в “Н. Р. Слово”, хотя если не ошибаюсь, отзыв там уже был. Но это, по-моему, — не препятствие. В книге Вашей много хорошего, а иногда и такого, что просится в антологию: например, “Я летом над одною крышей...”. Да и вообще хорошо все “альпийское”³⁰, хотя много в этих стихах и боли. Но, если бы надо было выбрать одно стихотворение из всей книги, я выбрал бы то, которое кончается строкой “Я отстранюсь, не узнавая”.

Может быть, я и ошибаюсь. Оттого-то отчасти я и бросил критику, что все чаще думаю: поэт (или романист, все равно) писал книгу год — два, иногда десять лет, а ты в час — другой перелистал ее и будто бы все в ней

Обложка книги
«Зеркала» (1965)

понял! И с этой иллюзией решаешься судить, ставить какие-то отметки: то-то хорошо, другое плохо! Самое легкомысленное и пустое занятие на свете.

Ну, эти рассуждения Вам явно не интересные. Шлю сердечный привет, еще раз прошу простить и от души желаю “творческих успехов”, как говорят теперь в России.

Георгий Адамович

Адамович сдержал обещание и публично высказался о поэзии Лахман в сдвоенной рецензии на сборники стихов «Слова» Леонида Ганского и «Зеркала».

«В противоположность Ганскому, Гизелла Лахман пишет стихи с явным увлечением, не ставя себе вопросов, на которые не существует ответа. Стихи в большинстве своем хорошо звучат, они добротны, крепко сработаны. Некоторые представляют собой маленькие рифмованные рассказы, как бывало когда-то у Ахматовой, — например, стихотворение “В швейцарском шалэ”, на редкость законченное и поэту удавшееся. Тема разлуки — одна из основных в книге, но и она укладывается в строчки, никакой горечи в себе не таящие. “Все добро зело”, как бы говорит самим напевом своих стихов Гизелла Лахман, оглядываясь на жизнь с ее радостями и невзгодами. Сборник называется “Зеркала”: ничего страшного или болезненного в этих зеркалах не отражено»³¹.

Стихотворение, которое Адамович за месяц до того специально выделил в письме к заокеанской корреспондентке, теперь полностью цитировалось в рецензии:

На перекрестке будем мы стоять,
Следя глазами за трамваем.
Усталые, как будто в полусне,
Без всяких дум случайно станем рядом.
От скуки по проходим и по мне
Скользнешь ты безучастным взглядом.

И в этот миг, средь городской толпы,
Как от толчка, внезапно вздрогнем оба:
Ржаное поле, свежие снопы
Мелькнут на месте небоскреба.

Почудятся в осенней полумгле
Под фонарями улицы дождливой

Следы копыт на взрыхленной земле
И дом с колоннами за нивой.

Туда мы мчимся узкою межой.
Туда — домой!..
Тут, в тесноте трамвая,
Меня коснешься, женщины чужой...
Я отстранюсь, не узнавая.

Заканчивал свой печатный отклик Адамович риторическим вопросом: *«То, что здесь сказано, остается в памяти, — совсем иначе, совсем по-другому, чем некоторые строчки Ганского, но остается. А не для того ли стихи и пишутся, чтобы в нашей памяти возникал им в ответ долгий отклик?»* Эту особенность стихов Лахман подчеркивали и другие рецензенты: *«Так бывает всегда, особенно понравившиеся строки стихов долгие годы звучат, как музыка в памяти»*³².

По случайному совпадению, уже после смерти Ахматовой, на одной газетной полосе рядом оказались две статьи — о стихах Ахматовой и Лахман. В обеих писалось о «зеркальном» свойстве их поэтик, органично усваивающих классические образцы. Отмечая «поэтическую индивидуальность, внутреннее своеобразие» стихов Лахман, первый критик выделял независимую позицию автора, который *«присутствует в жизни, в средоточии ее то радостных, то трагических явлений, а между тем — и как бы в стороне, ловя и, может быть, пытаясь запечатлеть преходящие отражения»*³³. Магический кристалл ахматовской Музы восхищал второго: *«А разве это не по-пушкински: И сада Летнего решетка / И оснеженный Ленинград / Возникли словно в книге этой / Из мглы магических зеркал / И над задумчивою Летою / Тростник оживший зазвучал? [Такие примеры] доказывают не подражание, а созвучие с духом всегда юного душой и всем поэтам щедрого дародавца — Пушкина»*³⁴.

Описанный эпизод из эмигрантско-советской литературной коммуникации трудно назвать диалогом, поскольку нет уверенности, что одна из вовлеченных в нее сторон даже подозревала о существовании другой; но, если это и была улица с односторонним движением, то по ней двигались в единственном направлении — к пушкинскому идеалу³⁵.

III

ПРИЛОЖЕНИЕ³⁶

ЛЕТО 1943

Багровым заревом война
Горит на родине далекой,
И дорогие имена,
В душе зарытые глубоко
С младенческих, счастливых лет,
Всплывают на столбцах газет.
На языке чужом невнятно
Они звучат. Полупонятны
В латинских буквах очертанья
Географических названий,
Мне с детства близких: быстрых речек,
В глуши цветущих хуторков,
Еврейских маленьких местечек
И украинских городков.
Я вижу наши полустанки.
Проснувшись утром спозаранку,
Я из вагонного окна,
Когда стекло еще туманно,
Читала те же имена,
Что тут — в газете иностранной!
Тех станций помню я цветы:
Настурций пышные кусты:
Тех речек — голубые воды,
Пески прибрежные равнин,
В высоких мальвах огороды
И гроздь красные рябин.
(Я ожерелья ягод алых
Носила в детстве, как кораллы!)
Я вижу в небесах высоко
Там, над равниною широкой,
Дым толстой заводской трубы.
И вдоль дороги пыльной, длинной
Те телеграфные столбы,
Где воробьи сидели чинно,
Над пасекой пчелиный рой,
Луга и заросли густые,
И наши нивы золотые,

И журавлей летучий строй!
Я помню ширь полей пшеницы,
Во ржи — мельканье васильков
И мака яркие зарницы,
И свеклы бархатный покров...
Я помню рощ кудрявых тени,
Уютно дремлющие в лени,
Травой заросшие пруды,
Покрытые соломой хаты
И те вишневые сады
Украины вольной и богатой.

1944

В ВАГОНЕ

Опять вокзал, опять перроны...
Такие были в синема:
Вот эти — общие — вагоны,
Диваны, негры, кутерьма...

Я помню яркие картины
Америки, для нас чужой!
Улыбки, шумный спорт, машины,
Газетчик, гангстер и ковбой...

Их доллары, и х миллионы,
Дворцы и башни до небес,
И жизни новые уклоны
В стране технических чудес.

Экспресс летит, как на экране...
Гляжу в окно — и предо мной
На русской будто бы поляне
Мелькают сосны, снег родной...

А рядом — в позе детски-странной —
Мэтрос уснул... Он видит сны...
И в грезе вещей, но туманной
Он слышит грозный шум войны.

Иль снится родина? Небраска,
Флориды берег, Арканзас?

И отчий дом и милой ласка,
И плач ее в разлуки час?

Иль родом он из Алабамы?
А снится, как рыдала мать,
Когда он тихо и упрямо
Сказал, что хочет воевать?

Что ждет его на океанах?
В чужом краю — всю эту рать?
Они готовы в дальних странах
За идеалы умирать...

Покинут Техас иль Кентукки,
И увезут их корабли
Туда, где им протянут руки
Бойцы родной моей земли...

1944

ВИШНИ

Мелькнет в окно вагона ель,
Луга плывут, не скошены.
А рядом — серая шинель.
Кто он? Чужой, непрошенный?

Сжимает левая рука
Кулек — в нем вишни спелые.
Коснулся правой козырька,
Глаза прищурил смелые.

Они насмешливо глядят...
Как ест он вишни сладкие!
И ловко косточки летят,
Блестящие и гладкие.

Летят в открытое окно,
Блеснув сквозь зубы белые,
И падают на полотно.
Гляжу, окаменелая.

Меня ни разу не задев,
Вблизи они проносятся.

«На милость вы смените гнев»,
Слова его доносятся.

«А что мне завтра суждено?»
Позвольте позабавиться!
Как прыгают они смешно —
«Неужто вам не нравится?»

Нам было вместе сорок лет,
А годы те — беспечные!
Я помню вишен вкус и цвет,
И споры бесконечные,

На лбу каштановую прядь,
Глаза такие синие...
Он обещал мне описать
Передовые линии.

Письмо любви. Какой-то бред,
Писал в канун сражения.
Но мне вернули мой ответ
Уж после отступления.

1944

ТЕЛЕФОН

Бессмысленность немого ожидания...
Молчит, молчит жестокий телефон,
И неразумное растет желанье
Встряхнуть его, нарушить мертвый сон.

Прибить его, чтоб было очень больно,
Чтоб дрогнула душа его звонком!
И пальцы к трубке тянутся невольно,
Играют нервно спутанным шнурком.

По комнате шагать, как в клетке львица,
Переживать минуты, как века,
Беспомощно и вдохновенно злиться
И ждать... и ждать... звонка.

1950

ТЕРМОМЕТР

Ползет в стеклянной трубке ртуть
Все выше от полоски красной.
Мне трудно пальцем шевельнуть
И вдаль гляжу я безучастно.

Но сердца не сжимает страх:
В земных скитаньях мало смысла.
Вот, словно версты на столбах,
Мелькают на полосках числа.

Дороги выются в пустоте,
Бежит навстречу мне сто третья...
Сойду на сто седьмой версте
С путей земных — в тысячелетья.

1948

ПОЛЕТ

(Из цикла «Альпийские очерки»)

Капор узорчатой вязки,
Яркий платок шерстяной.
Быстрые мчатся салазки
Узкой тропой ледяной,

Спуском среди оснеженных
И угрожающих стен.
Мускулы рук напряженных
И — неожиданный плен.

Сердце биенья и взлеты,
Взлет на высокий откос.
Снежная пыль, повороты,
Пляска растрепанных кос.

Солнечной скользкой тропинки
Белая-белая твердь...
Бьет при мгновенной заминке
Белыми крыльями смерть.

Голос как будто влюбленный
Чудится вновь на лету...

Весело мне, изумленной,
Мчаться с тобой в пустоту!

1948

* * *

Облака из алебастра
На осенней синей тверди,
Словно снег на синем льду.
Замерзающие астры
Тихо шепчутся о смерти
В умирающем саду.

И сгибаясь в беспорядке,
Астры ждут в слепой надежде,
Чтобы солнце в вышине,
Не играя с ними в прятки,
Показалось бы, как прежде,
В алебастровом окне.

И глядят они в испуге,
Обманув свою усталость,
На увядшие цветы;
И о каждом мертвом друге
Думают, отбросив жалость:
«Это — ты... Не я, а ты».

«IL NEIGE»
(КАРТИНА МАРКА ШАГАЛА)

Играет Арлекин с татарскими очами,
Часовенка и хаты на снегу..
И звуки вьются ввысь, а там — над облаками
Летит видение, опуганное снами,
Из музыки рожденное в мозгу..
Мечту художника не выразишь словами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Левинг Ю. «Ахматова» русской эмиграции — Гизелла Лакман // Новое литературное обозрение. 2006. № 81. С. 164—173. Настоящая публикация, представляющая собой исправленную и дополненную версию предыдущей работы, была бы неосуществима без помощи Э. Дж. Лакмана (Erwin J. Lachman), которому автор приносит свою искреннюю благодарность.

² См. биографическую справку: Крейд В. Лакман Г. С. // Новый исторический вестник. 2001. № 3 (5). С. 190—192.

³ Несмотря на расхождения (произошедшие в результате несовпадения дат в официальных документах, в частности, в удостоверениях личности, которые Лакман получала в разное время в государствах, подданной которых она являлась), подлинным годом рождения поэтессы следует считать вышеуказанную дату; заметим, что даже наиболее полное посмертное издание ее стихов 1997 г. не избежало путаницы: в нем указаны две даты рождения — 1893 г. (в предисловии, с. 5) и 1883 г. («Вехи жизни». С. 197).

⁴ Тименчик Р. Анна Ахматова в 1960-е годы. М.: Водолей Publishers; The University of Toronto, 2005. С. 585.

⁵ Крузенштерн-Петерец Ю. Живому другу // Новое русское слово. 1969. 4 ноября.

⁶ См. его фундаментальный справочник «Книжный лозман». Подр. о рубо-кинской теории и его авторитете в библиотековедении в кн.: Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997. С. 194—195; также: Евтюхина Е. А. Творчество Николая Александровича Рубакина и перспективы библиопсихологии // Библио-тековедение. 2003. № 3. С. 80—84.

⁷ Переводы стихотворений Э. Дикинсон, Р. Фроста, Э. Сент-Винсент Мил-лей, и др.

⁸ Во внутреннем информационном бюллетене библиотеки под рубрикой «Staff Activities» было опубликовано сообщение о том, что вышел в свет сборник стихов работника организации Г. Лакман: «Mrs. Gisella Lachman is the author of a book of poems in Russian, entitled *Plennye Slova* (Captive Words), which has been published by the Association of Russian Poets in America» (LC Information Bulletin. 1952. Vol. 11. № 51 [December 15]. P. 4).

⁹ Коллекция (9 коробок, ок. 2500 документов) включает в себя записные книжки, черновики неопубликованных произведений, переводы, письма, газетные вырезки, а также книги эмигрантских авторов, многие с дарственными надписями.

¹⁰ Лакман Г. [Автобиографическая заметка] // Содружество. Из современной поэзии Русского Зарубежья. Вашингтон: Victor Kamkin, Inc., 1966. С. 529. Рецензент признавался, что поскольку ему приходилось встречать в печати до сих пор только отдельные стихи поэтессы, то к первому сборнику ее стихов он подошел как к книге новичка: «Однако уже на второй странице прочел: «В моей косе все больше серебра, / У губ, у глаз все новые морщинки». Это определяет не только возраст, но и духовный склад поэтессы. Хотя за последние десятилетия убедили наших поэтесс, что воспевание собственной красоты — признак дурного тона...» (Яблоновский С. «Пленные слова» // Русская мысль. Париж. 1953. 19 апреля. № 544).

¹¹ Крейд В. Вернуться в Россию стихами: Двести поэтов эмиграции. М., 1995. С. 635—636. В биографических данных ошибка в дате рождения — надо 1893 (не 1895). Републикации еще шести стихотворений с грешащей неточностями вступительной заметкой в: Лакман Гизелла. Далекий покой желанного привала... Стихотворения / Предисл. и публ. В. Леонидова // Новая Юность. 2004. № 5 (68).

¹² «Новый журнал», «Новое русское слово», «Русская жизнь» (Сан-Франциско), «Мосты» (Мюнхен). См. переписку Лахман с редакциями этих журналов в ее собрании в рукописном отделе Библиотеки Конгресса США. Стихи Г. Лахман также вошли в сборник кружка русских поэтов «Четырнадцать» (Нью-Йорк, 1949) и в антологию «Содружество» (1966).

¹³ В письме, посланном из Лейкленда, штат Флорида, 18 апреля 1949 г. Что касается вопроса о возрасте, то Гребенщиков (1882—1964) оказался всего на одиннадцать лет старше своей корреспондентки, хотя, в отличие от нее, и был маститым автором многих романов (сибирская эпопея «Чураевы» и др.).

¹⁴ *Малоземова Е.* «Поэтический вечер» в Нью-Йорке (От собственного корреспондента) // *Русская жизнь*. 1945. 9 июня. С. 4.

¹⁵ Запись карандашом от 21 января 1953 г. на внутренней обложке надписанного и подаренного ему Г. Лахман сборника ее стихов. Здесь и далее все графические выделения в цитатах принадлежат авторам текстов.

¹⁶ Ольга Скопиченко (О. А. Коновалова), письмо от 30 сентября 1955 г.

¹⁷ Из стихотворения «В этот мой благословенный вечер...» (1917).

¹⁸ *Березов Р.* «Пленные слова» // *Согласие* (Лос-Анджелес). Март 1953. № 17. [Раздел «Библиография»]. С. 20—21.

^{18a} В рецензии на сборник «Пленные слова» Д. Кленовский писал: «“Свободное дыхание” стихов Г. Лахман... не только в легком, гармоничном беге стихотворных строк, но и в композиции стихотворений. Г. Лахман умеет иногда в немногих строфах убедительно рассказать целую поэтическую повесть. <...> Слабее она там, где философствует или отдается претенциозно салонным настроениям (“Телефон”).» (*Новый журнал*. 1953. № 32. С. 319—320).

¹⁹ *Мазурова А.* Томик стихов Гизеллы Лахман // *Русская жизнь*. 1953. 21 февраля. № 2811.

²⁰ *Яблоновский С.* «Пленные слова» // *Русская мысль* (Париж). 1953. 10 апреля. № 544.

²¹ *Терапиано Ю.* Новые книги // *Русская мысль*. 1966. 19 февраля. № 2428. Ср. с отмеченной В. Крейдом особенностью миниатюр Лахман, обычно написанных трехстопными размерами с преимущественно простым ритмическим рисунком; кроме реминисценций поэзии Гумилева, со стихами Ахматовой ее поэзию сближают некоторые разговорные интонации и частые образы обиходных вещей, становящихся «опорой лирической памяти» (См.: *Крейд В.* Лахман Г. С. // *Новый исторический вестник*. 2001. № 3 (5). С. 191).

²² *Биск А.* О стихах Гизеллы Лахман // *Новое русское слово*. 1952. 28 декабря. (Жирный шрифт — автора статьи).

²³ *Мазурова А.* Указ. соч.

²⁴ *Слизской А.* Два рассказа А. Солженицына // *Русская мысль*. 1963. 12 марта. Цит. по: *Тименчик Р.* Анна Ахматова в 1960-е годы. С. 177.

²⁵ *Крузенштерн-Петерец Ю.* Цит. соч.

²⁶ Там же подклеена вырезка по-английски из неидентифицированной газеты (25 июня 1964) о реабилитации А. Ахматовой в «Литературной газете» — в связи с 75-летием.

²⁷ Та же строка цитируется в письме А. С. Лурье Ахматовой от 25 марта 1963 г.: «Здесь никому ничего не нужно и путь для иностранцев закрыт. Всё это ты предвидела уже 40 лет назад: “попыню пахнет хлеб чужой”». См.: *Рубинчик О.* В поисках потерянного Орфея: композитор Артур Лурье // *Звезда*. 1997. № 10. С. 198—207. В стихотворении самой Лахман «В хранилище книжном Нью-Йорка» (1946 г.) автору в уюте американской читальни пригрезился дальний край: «*Ведь там — за обрывом отвесным — / Желтели родные поля, / И чем-то до боли чудесным / Родимая пахла земля...*».

²⁸ Имеется в виду третья часть «Имена стран: Имя» первого тома романа «В поисках утраченного времени»: «Имена же, создавая неясный образ не только людей, но и городов, приучают нас видеть в каждом городе, как и в каждом человеке, личность, особь... Образы эти еще вот почему были неверны: в силу необходимости они были очень упрощены; то, к чему стремилось мое воображение и что мои чувства неполно и неохотно воспринимали из окружающего мира, я, конечно, укрывал под защитой имен; так как я зарядил имена своими мечтами, то имена, конечно, притягивали теперь мои желания; но имена не слишком емки; мне удавалось втиснуть в них от силы две-три главнейшие «достопримечательности» города, и там они жались одна к другой» (Пруст М. По направлению к Свану / Пер. Н. М. Любимова. М.: ЭКСМО, 2003. С. 200—201).

²⁹ Письмо Р. Н. Гринберга Ю. Б. Марголину, 25 ноября 1965 г. // Архив «Воздушных путей» в рукописном отделе Библиотеки Конгресса США.

³⁰ Имеется в виду цикл «Альпийские очерки», в который вошли семь стихотворений. В письме, написанном почти одновременно с посланием Адамовича, Борис Зайцев также с похвалой отзывался об этих стихах Лахман («Вы — настоящий поэт и я от души желаю Вам всяческого преуспевания — и по литературной части, и жизненно») и пригласил ее заходить в гости, если она планирует быть в Париже. См.: Б. К. Зайцев, письмо Г. С. Лахман, 14 июня 1966 г. *Gisella Lachman Papers*, Library of Congress, Cont. 1, General correspondence, 1946—1966.

³¹ Адамович Г. Два сборника стихов // Новое русское слово. 1966. 3 июля.

³² Скопиченко О. О книге Гизеллы Лахман «Зеркала» // Русская жизнь (Сан-Франциско). 1966. 26 янв. [Рубрика «Книжная полка»].

³³ Ю. Б. <Ю. Большухин.> «Зеркала» // Новое русское слово. 1966. 20 марта. Курсив наш. — Ю. Л.

³⁴ Плетнев Р. О стихах Анны Ахматовой // Новое русское слово. 1966. 20 марта.

³⁵ Эмигрантской критике, пытавшейся выстроить удобное для литературной классификации генеалогическое древо, на фоне молодой советской поэзии Ахматова виделась укорененной в пушкинской поэтической традиции: «Мечты Маяковского, когда он похлопывал по-панибратски монумент Пушкина на Тверском бульваре — мы, мол, с Пушкиным на дружеской ноге — мечты эти не сбылись. После смерти они не стали «почти что рядом»... Существует наследник Маяковского — Андрей Вознесенский. А если он последний эпигон Маяковского, то ухаре-поэт Евтушенко пытается продолжить линию Есенина. Что ж, может быть, найдется какая-нибудь Издора <sic?>. А с поэтессами дело совсем плохо. Констатируем: в России только один поэт и остался: Анна Андреевна Ахматова, «златоустая Анна всяя Руси», царица русской поэзии! И то, что она не ушла в свое время на запад, а приняла муку крестную еще возвышает ее в глазах тех, кто умеет видеть». См.: Трубецкой Ю. Из литературного дневника // Новое русское слово. 1966. 27 февраля.

³⁶ Стихотворения «Лето 1943» и «В вагоне» были опубликованы в газете «Новое русское слово» (1944). Стихотворения «Вишни», «Телефон», «Термометр», «Полет» вошли в книгу «Пленные слова» (Нью-Йорк, 1952). Тексты стихов «Облака из алебаstra...» и «Il neige (Картина Марка Шагала)» печатаются по книге «Зеркала» (Вашингтон, 1965).

А. А. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР И НАБОКОВЫ

(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА А. А. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРА)

ПУБЛИКАЦИЯ, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И КОММЕНТАРИИ Галины Глушанок (Нью-Йорк, США)¹

Юрист, мемуарист и издатель Алексей Александрович Гольденвейзер (1890, Киев — 1979, Нью-Йорк) — яркая, неординарная личность русско-еврейского Нью-Йорка. Он был основателем «Кружка русских юристов», одним из составителей и редактором двух книг о русском еврействе², автором собственных книг: «Я. Л. Тейтель» (1944), «В защиту права: Статьи и речи» (N. Y., 1952).

В 40-е годы он способствовал получению иммиграционных виз для лиц, оставшихся в оккупированной Европе: помогал оформлять аффидевиты и анкеты; в 50-е — вёл дела жертв нацизма — добивался получения денежных компенсаций и пенсий от Германии.

Одно из таких дел — Дело № 329978 — Веры Евсеевны Набоковой (1902, Петербург — 1991, Монтрё), жены писателя В. В. Набокова (1899, Петербург — 1977, Монтрё, Швейцария).

Прекрасная память, знание иностранных языков, стенографии и машинописи позволяли Вере Евсеевне всегда находить работу в Берлине и быть востребованной. Благодаря своей высокой квалификации она стала в дальнейшем незаменимой помощницей мужа — перепечатывала его рукописи, правила корректуры, проверяла переводы книг на разных языках; вела переговоры с издательствами всех стран и обширную переписку, заменяя собой целый штат агентов, секретаря и даже шофёра.

В «Германии громкого Гитлера», свастик и демонстраций она, как и многие, осталась без работы. Семья принуждена была эмигрировать. Берлин пустел на глазах...

В делах по компенсациям Гольденвейзер помог всему окружению Набоковых, находившихся в Германии в 30-е годы: старшей сестре Веры Евсеевны — Елене Массальской, её двоюродной сестре — Анне Лазаревне Фейгин, подруге семьи — Елизавете Гутман (Маринель), сыну И. В. Гессена — Владимиру Гессену.

Переписка с Набоковыми насчитывает более 100 корреспонденций. В основном это деловые, официальные письма, документы на немецком языке, фигурировавшие в Берлинском суде. Нами отобрана 21 корреспонденция. В письмах 2-й половины 50-х годов, где Вера Евсеевна рассказывает о себе — за написанными ею бесстрастными фактами — эмигрантские скитания и неустроенность. Но письма пишутся в период расцвета славы

и популярности Набокова — периода «после “Лолиты”», когда Набоковы уже покинули Америку, выбрав для проживания швейцарское Монтрё. *«С другой стороны, мой адрес — Palace Hotel — звучит гораздо шикарнее, чем того заслуживает наша маленькая квартира в этом самом Паласе, и может немцев смутить...»*, — советует она с Гольденвейзером. В конце 50-х Вера Евсеевна уже плохо помнила отдельные моменты своей же биографии — для восстановления ей надо рыться в «ящиках памяти и в ящиках комодов и сундуков», где лежат документы. Недавняя непростая жизнь превращалась в биографию, а события 20-летней давности — в историю.

На эти письма опирались как исследователи творчества Набокова³, так и авторы, работавшие в жанре «non-fiction»⁴. Переписка семьи Набоковых с А. А. Гольденвейзером хранится в обширном фонде Гольденвейзера в Бахметевском архиве Колумбийского Университета в Нью-Йорке: Goldenweiser Fund, box 3, Bakhmeteff Archives of Russian and East European History and Culture, Columbia University, New York. Все дальнейшие цитаты, кроме специально оговорённых, по материалам архива — BAR.

Александр Алексеевич Гольденвейзер родился в Киеве, в семье преуспевающего юриста, возглавлявшего киевскую адвокатуру, выпускника Петербургского университета — Александра Соломоновича Гольденвейзера (1854—1915), пользовавшегося заслуженным уважением и почётом. Он единственный из трёх сыновей А. С. стал потомственным юристом: закончил Киевский университет Св. Владимира, там же читал лекции по общей теории права и государственному праву. Своё образование он совершенствовал за границей — слушал лекции в Гейдельбергском и Берлинском университетах. Свободное владение немецким языком пригодилось ему впоследствии для профессиональной работы.

«Я сам вырос в культурно-ассимилированной среде, — вспоминал Александр Алексеевич, — но никоим образом не могу назвать своего отца «ассимилятором». Он был не религиозен и не знал еврейского языка, но при этом столь болезненно относился к положению евреев в России, что собирался со всей семьёй эмигрировать в Америку, несмотря на занимаемое им положение. Он горячо протестовал против крещения. Как человек 19 века, он меньше задумывался над национальной проблемой, чем над общеполитическими вопросами, и совершенно отрицательно относился к сионизму...» (п. Я. Г. Фрумкину от 7 сент. 1959 г. Vox 96, BAR). Сам Александр Соломонович так никуда и не уехал, а мысль об эмиграции воплотили три его сына, уехавшие в Америку. Старший — Александр Александрович (1880 — 1940) покинул Киев в 1900 году, защитил докторскую диссертацию в Колумбийском университете по специальности «антропология», и, издав по этой теме несколько книг, стал видным антропологом. Средний — Эммануил Александрович (1883—1953) уехал двумя годами позже, учился в Колумбийском и Корнелльском университетах, защитил докторскую диссертацию

по специальности «экономика», опубликовал научные работы по этой теме и стал выдающимся экономистом⁵. И, наконец, Алексей Александрович, 28 июля 1921 г. с женой Евгенией Львовной (урожд. Гинзбург) навсегда оставили Киев, занятый большевиками. Они нелегально перешли русско-польскую границу и через Ровно и Варшаву, где пробыли два месяца, прибыли в Германию и обосновались в Берлине. Позади осталась Россия, разорённый Киев, впереди — более 50 лет эмигрантской жизни: 16 лет в Германии и 42 года — до самой смерти — в Америке...

Знакомство Гольденвейзера с молодым начинающим поэтом и прозаиком «В. Сириным» произошло в Берлине, в июне 1936 года при обстоятельствах неожиданных и нестандартных. Далеким предком бабушки по отцу — баронессе Марии Фердинандовны фон Корф (1842—1925), был знаменитый немецкий композитор начала XVIII века — Карл Генрих Граун (1704—1757). Кто-то из родственников отца обратил внимание на газетное объявление: для ликвидации родового имущества Грауна разыскивались наследники. Дело проходило через немецкий суд. Для квалифицированной консультации был приглашён Гольденвейзер.

Тридцать лет спустя о Грауне и его наследстве Набоков, равнодушный к своему генеалогическому древу, вспомнит в мемуарной книге: *«An amusing little echo, to the tune of 250 dollars, from all those concerts <...> reached me in hell-hitlering Berlin, in 1936, when the Graun family entail, basically a collection of pretty snuffboxes and other precious knick-knacks, whose value after passing through many avatars in the Prussian state bank, <...> was distributed among the provident composer's descendants, the von Korff, von Wissmann and Nabokov clans...»*⁶

«Евгения Львовна читала мне вслух некоторые отрывки из *«Speak, Memory»*, которым наградил нас *Book of the Month Club*, и мне было интересно узнать подробности о музыканте Graun, — с дела об его наследстве началось наше знакомство...», — напишет Набоковым Гольденвейзер (п. от 20 июля 1967 г. Вох 3, VAR).

За победой национал-социалистов в 1933 году и провозглашением Гитлера рейхсканцлером последовал бойкот евреям—служащим. В силу вступали новые расовые законы...

В 1937 году Гольденвейзер с женой покинул нацистский Берлин. В Америке его ждали два родных брата, уехавшие ещё в начале века и ставшие серьёзными учёными. Он обосновался сначала в Вашингтоне, а осенью 1938 года переехал в Нью-Йорк.

Набоков откровенно не любил Германию, тем более Берлин, связанный с убийством отца. Через год после свадьбы он написал Вере в санаторий: «...Моя душенька, из побочных маленьких желаний могу отметить вот это, — давнее: уехать из Берлина, из Германии, переселиться с тобой в Южную Европу. Я с ужасом думаю ещё об одной зиме здесь. Меня тошнит

от немецкой речи, — нельзя ведь жить одними отражениями фонарей на асфальте, — кроме этих отблесков, и цветущих каштанов, и ангелоподобных собачек, ведущих здешних слепых, — есть ещё вся убогая гадость, грубая скука Берлина, привкус гнилой колбасы и самодовольное уродство. Ты всё это понимаешь не хуже меня. Я предпочёл бы Берлину самую глухую провинцию в любой другой стране...»⁷

Отъезд из Германии предшествовал трудный выбор страны проживания, связанный с писательской профессией. В январе 1937-го он уезжает с выступлениями в Бельгию, Англию и Францию. В Германию он больше не вернётся никогда. В ежедневной драматичной переписке между Парижем и Берлином решалось будущее. К маю было достигнуто соглашение. 6 мая Вера с 4-хлетним Дмитрием тоже навсегда уехала из Берлина — в Прагу к Елене Ивановне, матери Набокова, которая никогда не видела внука. 22 мая 1937-го года семья соединилась в Праге — это было последнее свидание матери с сыном — Елена Ивановна умрет через два года. В конце июня Владимир и Вера уехали во Францию, опять превратившись в беженцев с нансеновскими паспортами.

16 июля 1938-го Набоков извещал Гольденвейзера:

«... Про нас могу только сказать, что не знаем даже, где проведём ближайшую осень и зиму. Сейчас переезжаем в ближайшее местечко Мулинэ, в 50 км от Ментоны... По-прежнему нас тянет в Америку, куда въезд, между тем, становится всё труднее. По-прежнему нет денег, и не знаю, где их взять. По-прежнему великолепна Ривьера, и вполне мерзостны газеты...» (BAR).

Через две недели Гольденвейзер ответил, делясь впечатлениями от очередной главы «Дара», опубликованной в журнале (п. №1 данной публикации).

Свою последнюю «европейскую ночь» 1940 года Набоков описал с документальной точностью: *«... Дело было в мае — около 19 мая 1940г. Накануне, после нескольких месяцев ходатайств, просьб и брани, удалось вспрыснуть взятку в нужную крысу в нужном отделе и этим заставить её выделить нужную visa de sortie⁸, которая в свою очередь давала возможность получить разрешение на въезд в Америку. Глядя на мою шахматную задачу, я вдруг почувствовал, что с окончанием работы над ней целому периоду моей жизни благополучно пришёл конец. Кроме скуки и отвращения, Европа не возбуждала во мне ничего. Кругом было очень тихо. Облегчение, которое я испытывал, придавало тишине некоторую нежность. Из-под дивана выглядывал игрушечный грузовичок. В соседней комнате ты и наш маленький сын мирно спали. Лампа на столе была в чепце из голубой сахарной бумаги (военная предосторожность). <...> Непроницаемые занавески отделяли меня от притушенного Парижа. Лежавшая на диване газета сообщала крупными буквами о нападении Германии на Голландию...»⁹*

Когда-то, только познакомившись с Верой, Владимир, гостивший у матери, писал ей из Праги в Берлин: *«А что-то будет в Берлине, моя лю-*

бошь? Поедешь ли ты со мной в Америку?...»¹⁰ 20 мая 1940 года корабль «Шамплэн» увозил их в Новый Свет...

В момент отъезда Набокова Алданов извещал Бунина: *«Сирин уезжает в Америку, вероятно, навсегда...»*¹¹ Четверть века спустя это письмо будет опубликовано в «Новом Журнале», и Гольденвейзер, прочтя его, процитирует в письме к Набоковым... (п. от 24 дек. 1965 г., VAR). Когда-то Алданов порекомендовал вместо себя — Набокова для лекционного курса в Стенфордском университете; обстоятельства изменились, и теперь он сам собирался в Америку. Отвечая на его письмо, Гольденвейзер писал, пометив письмо для цензуры — «En russe» — по-русски: *«...Сирина сейчас нет в Нью-Йорке. Я видел его в июне, незадолго до его отъезда на ферму, по приглашению профессора Карповича»*¹². Он скоро возвращается, и я тогда спрошу его, состоится ли его лекции в Калифорнии. Вы можете писать ему по адресу Толстой¹³ — Фаундэйзнь, 289 4-ая авеню, Нью-Йорк. <...> Сирин жаловался, что американские издатели дают авторам подробные инструкции: о чём писать, кого хвалить и кого ругать, какую развязку дать роману, и т. д. ¹⁴ На темы о русских беженцах никакого спроса нет: устарели. Но разлагающиеся Советы и разлагающаяся французская демократия, как тема чрезвычайно актуальная, думаю, покажется издателям “хорошим риском”...» (п. от 13 сент. 1940 г. Box 1, VAR).

Своим многочисленным корреспондентам Гольденвейзер сообщал: *«...Здесь находится Сирин с семьёй. Они были у нас. Хотя он прекрасно знает английский, но пока ещё не мог сговориться с издательствами, которые пытаются диктовать автору размер, тему и даже содержание его произведения. С Сириным этот номер не может пройти...»* (п. М. Л. Кантору от 14 авг. 1940 г. Box 2, VAR).

Близкий друг Гольденвейзера М. В. Виленкин, с которым Набоков виделся во время посещения Англии в 1939 году, писал в момент бомбёжки немцами Лондона: *«...Я рад был узнать, что Набоков-Сирин благополучно добрался до Ваших берегов. Я знаю его слишком мало, чтобы говорить о нём лично, но как автора я ставлю его очень высоко и глубоко ценю. Я был очень дружен здесь с покойным Константином Дмитриевичем»*¹⁵ по его работе в старом русском посольстве, и очень уважаю семью Набоковых за заслуги покойного Владимира Дмитриевича. Я буду рад, если смогу быть полезным здесь Влад. Влад.; если Вы его увидите, — передайте ему, что я буду очень рад получить от него весточку и помочь ему в переговорах с англ. издателями; недавно я как раз говорил о нём с молодым Струве¹⁶ и знаю, что он интересуется вопросом английского издательства...» (п. от 2 сент. 1940 г. Box 108, VAR).

В первые же месяцы приезда в Нью-Йорк Набоковы вместе с Гольденвейзером стараются «выгнать» застрявших в оккупированной Франции: кузину Веры Евсеевны — Анну Лазаревну Фейгин¹⁷, живущую в Ницце — она приедет в Америку в сентябре 1942 года, и И. В. Гессена, тоже

перебравшегося во Францию. *«Сегодня получила известие, — пишет Вера Евсеевна Гольденвейзеру 19 августа 1941 г., — что в оккупированной Франции то арестовывают, то отпускают; в Лиможе евреев будто бы выселили из пределов города, в Ницце боятся того же...»* (ВАР). Гессену, жившему в Лиможе, пришлось бежать в деревню под Тулузой. С сентября 1942-го Гольденвейзер перестал получать сведения о сёстрах, живших в Ницце. В конце декабря 1944 года он узнал об их гибели: *«...Я имел ужасный удар судьбы: мои две несчастные сестры, пожилые и хилые женщины, в декабре 1943 года были схвачены немцами (в Ницце, в санатории «Коллин») и депортированы. Последний след их — в Метце, по пути на Восток. Я почти уверен, что их больше нет в живых, но, конечно, пытаюсь производить розыски... Есть ещё много жертв среди родных и близких...»* (п. Е.А. Фальковский-сму от 30 дек. 1944 г., А. I., с. 387.).

В октябре 1945 года Набокова потрясла весть об аресте в Берлине и гибели в немецком концентрационном лагере под Гамбургом родного брата Сергея¹⁸; примерно в это же время он узнаёт об аресте в Париже и гибели в Освенциме его друга, одного из редакторов журнала «Современные Записки» — Ильи Фондаминского.

Нью-Йоркская газета «Новое русское слово» печатала списки погибших и выживших в Европе...

В Нью-Йорке Гольденвейзер усиленно занимается профессиональной подготовкой. Осенью и зимой 1938 года он слушает в нью-йоркском университете лекции по гражданскому праву — «контракты». Как объяснял он сам в письмах, — это даже не лекции, а практические занятия, к которым нужно готовиться: читать судебные решения, составлять их письменные изложения, просматривать литературу. В следующем году он слушает курс американского конституционного права, по которому сдаёт экзамен. Он ездит в Олбани — административную столицу штата Нью-Йорк, в высший суд штата, чтобы присутствовать на заседаниях по делу Московского страхового общества, следит за аналогичными судебными слушаниями. Результатом этого «запоздалого ученичества» была не только деятельность в организованном им в 1942 году кружке «Русских юристов». 15 лет спустя, в 1953 году, в Париже Гольденвейзер прочёл доклад: «Впечатления русско-го юриста в Америке: юридические факультеты, суды, адвокатура».

Ему было почти 50, когда жизнь нужно было начинать заново. Самым большим желанием было заниматься научной работой в исследовательском институте; круг его интересов — вопросы государственного права в новейшей политической истории Европы. Но это не осуществилось, — он так и остался практиком. *«В связи с устремлением в Америку всех людей из всех стран и всех принадлежащих им капиталов, казалось бы, для нашего брата могло бы открыться здесь поприще, — писал он М.Л. Кантору. — Но пока я этого не замечаю. Если есть дела, то либо старые претензии*

к американским капиталам русских обществ, либо хлопоты по “размораживанию” разных замороженных счетов. Больше всего просьб об аффидевитах и всяких, более или менее безнадежных запросов о квотах и визах» (п. от 14 авг. 1940 г. Вох 2, BAR).

С приездом огромного числа беженцев Нью-Йорк становится центром русской эмиграции: здесь возникают новые политические и художественные журналы, профессиональные и этнические кружки и союзы, клубы и партии. Гольденвейзер — один из самых активных участников «Russian community». В письме к Е. А. Фальковскому 30 декабря 1944 года он описывает налаживающуюся социальную и общественную жизнь русской диаспоры: «...Набокова-Сирина мы давно не видели, т. к. он живёт под Бостоном, где служит в музее (по части бабочек); пишет он больше по-английски, в частности делает мастерские переводы русских классиков, в стихах и прозе. <...> Я лично — один из немногих, не переменявших своего профессионального статуса. Продолжаю быть русским адвокатом, во всех многообразных и малоутешительных значениях этого слова в беженских условиях. Занимаюсь судебными делами, когда таковые есть, но главным образом делами по блокированным капиталам и по визам. Успехи средние. Политический мой статус изменился весьма резко: 20 ноября с. г. стал американским гражданином. <...>

У нас с конца 1941 года выходит хороший журнал (“Новый журнал”), по типу “Современных записок”. На днях выходит девятая книга (в ней есть, между прочим, моя статья “Президентские выборы”). Редакторы — Алданов, Карпович и Цетлин. Выходит также плохой журнал “Новоселье” (редактор — София Прегель) и плохая газета (“Новое русское слово”). Есть также два партийных эдзковских журнала прежнего типа (“Социалистический вестник” Абрамовича и Николаевского, яро-антибольшевистский, и “Новый путь” Дана, “соглашательский”). Русские публицисты пописывают также в американской прессе...» (А. I., с. 391—392.). Алексей Александрович, так же, как и Набоков, дружит с редакцией «хорошего» журнала, входит в его корпорацию, с юмором описывает «старорежимные» по духу редакционные собрания, и в качестве адвоката разбирает конфликт между Цетлиной и Буниным.

В конце 40-х возникло дело Алексея Франка, сына философа Семёна Людвиговича Франка. Профессиональный танцовщик, во время войны, сражаясь в союзнической армии, он был ранен, потерял глаз и стал инвалидом. Гольденвейзер запрашивал депутатов и сенаторов о «вспомоществовании»; писал президенту Рузвельту и его жене Элеоноре. Конгрессмен Рузвельт-младший внёс билль о выдаче А. Франку определённой суммы. Дело перешло на рассмотрение Конгресса. По просьбе Гольденвейзера Набоковы старались помочь в этом. В конце ноября 1951 года Набоков пишет письмо конгрессмену Cole по поводу билля и подписывает меморандум.

В 50-е годы у Гольденвейзера как юриста начинаются «немецкие дела»: претензии к немецкому правительству частных лиц по вопросам денежных компенсаций. Из-за большого потока запросов производство и рассмотрение шло медленно, в 1958 году заканчивались дела, поданные в 1951—1953 годах. *«...В деловом отношении у меня никак не хочет закончиться эпоха “немецких дел”. Теперь постепенно поступают деньги по некоторым из них, но Боже, сколько возни и неприятностей почти каждое из этих дел стоит. Без настоящего бюро очень трудно справиться со всей канцелярией, которая для них требуется, причём суммы выдач ограниченные (максимум 40.000 марок), так что уравнивающих больших дел, которые бы искупали возню с малыми, не существует»* (п. М.Л. Кантору от 2 марта 1959 г. Box 2, BAR).

Дело В. Е. Набоковой, поданное в производство в 1957 году, закончилось осенью 1962-го. По решению берлинского суда ей присудили пожизненную ренту в 100 немецких марок, что составило \$25 в месяц. Не удовлетворившись результатом, Гольденвейзер хотел подать иск вторично. — *«Я не ожидала и такого достижения, и потому готова им удовлетвориться»*, — написала Вера Евсеевна 20 ноября 1962 г. (BAR). Через несколько лет, в связи с выходом нового закона, на очередной запрос Гольденвейзера, может ли она подтвердить утрату трудоспособности для вторичной подачи иска, Вера Евсеевна ответила: *«...Свидетельства о потере работоспособности по чести представить не могу: никогда в жизни столько не работала, как теперь, т. к. В. В. писем не пишет сам, а корреспонденция его растёт и растёт, уже не говоря о гранках, изысканиях и прочих “вспомогательных” работах...»* (п. от 29 ноября 1965 г. BAR).

И в письме 18 января 1966 г. подтвердила: *«...Свидетельства о неработоспособности, как я Вам писала, я получить не могу. Я понимаю, что немцы за высокий возраст не дают *dedomtagement*¹⁹, я просто думала, что неработоспособность становится малосущественной после 60-ти лет. Я, впрочем, несмотря на годы, работаю целые дни (а уж о В. В. и не говорю, — он встаёт в 7 часов и сразу принимается за дело)...»* (BAR). *«...Поражаюсь и завидую Вашей феноменальной работоспособности...»* — искренне восхитился Гольденвейзер в одном из писем (п. от 13 дек. 1967 г., BAR).

В январе 1967 года Вере Евсеевне исполнилось 65 лет. Коллега Гольденвейзера немецкая адвокатесса Petra Benoit выхлопотала дополнительную сумму в возмещение расходов по остановкам на пути из Германии в Америку. И предложила продолжить дело социальным страхованием в Германии для получения «пенсионного пособия». Через год дело благополучно разрешилось небольшим пособием, и Вера Евсеевна благодарила Гольденвейзера за «приятный сюрприз».

Полученные «немецкие» деньги Вера Евсеевна раздала: часть денег отправила в Союз русских евреев в Нью-Йорке — в помощь нуждающимся,

и делала это каждый год; часть — в Литературный фонд²⁰, 12 апреля 1970 года через Гольденвейзера переслала деньги в Фонд защиты Израиля.

В основе длительных, многолетних отношений Гольденвейзера и Набоковых есть нечто главное, что не декларируется в письмах: они абсолютно единомышленники во всех политических вопросах. Они одинаково оценивали многие события своего времени, коих были свидетелями. Как и отец Набокова — В. Д. Набоков, как и И. В. Гессен, Гольденвейзер принадлежал к тому же кругу леволиберальной интеллигенции, хотя и не вступал в партию кадетов.

Несмотря на деловой характер переписки Гольденвейзера и Набоковых, в ней ощущается и давняя дружба, и взаимная теплота. Семьи были знакомы домами — *«Было очень приятно повидать Вас на Митиной опере...»*²¹, — откликается Вера Евсеевна на посещение Гольденвейзером концерта сына (п. от 14 ноября 1958 г. BAR). Это были и предельно доверительные отношения, быть может, ввиду особого положения Гольденвейзера как юриста и адвоката. Сам одарённый писатель и журналист, Алексей Александрович был и достойным собеседником, и тонким знатоком и ценителем русской литературы.

Вся семья Гольденвейзеров находилась под влиянием личности и творчества Л. Н. Толстого. Помимо двоюродного брата, написавшего книгу воспоминаний о Толстом, отец А. А. — Александр Соломонович под впечатлением романа «Воскресение» написал статью «Преступление — как наказание, а наказание — как преступление». Она была включена в сборник работ А. С. и, переведённая на английский язык средним сыном А. С., удостоилась отзыва Льва Николаевича: *«Сейчас вновь просмотрел прекрасную критическую статью Вашего отца, — писал Толстой Эммануилу Александровичу, — и, несмотря на то что слишком большое значение, приписываемое им моему писанию, делает для меня неудобным похвалу статье, не могу не сказать, что этюд Вашего отца с большой силой и яркостью освещает дорогие мне мысли о неразумности и безнравственности того странного учреждения, которое называется судом»* (п. от 14 февр. 1909 г. из Ясной Поляны, BAR, box 2).

Сам А. А., согласно семейной традиции, часто выступал с докладами о Толстом, в книге «В защиту права» Толстому посвящена отдельная глава; следил за литературой, посвящённой классике. В рецензии на книгу Б. М. Эйхенбаума «О прозе»²² он характеризует состояние советского литературоведения как академической науки в 60-е годы, высоко оценивая работы Эйхенбаума, не избежавшего однако «казённой идеологии» и «марксистского духа» в статье «О взглядах Ленина на историческое значение Толстого». *«Трудно сказать, — пишет Гольденвейзер, — являются ли эти фальшивые ноты обязательной данью, которую Эйхенбаум платил недремлющему оку советской цензуры...»*

Так же пристально следил за советским литературоведением и Набоков, подготавливая к изданию перевод и комментарий «Евгения Онегина». Свои нелицеприятные отзывы и «рецензии» он включил непосредственно в комментарий, взорвав своей книгой академическую науку.

Начиная с 1941 года, Вера Евсеевна почти в каждом письме сообщает о литературных планах своего мужа: «...Переводы пока не напечатаны ещё, но стихотворения, переведённые им, будут изданы отдельной книжечкой²³. И на днях выходит, кроме того, роман, написанный им по-английски три года назад в Париже...»²⁴ (п. от 4 нояб. 1941 г. BAR); «...Мы тоже ждём с интересом алдановский журнал²⁵. Английская книга мужа, наконец, вышла, но рецензий ещё не было²⁶. Он написал два стихотворения по-английски, одно из них напечатал *Atlantic*, второе будет в *New-Yorker'e*...»²⁷ (п. от 26 дек. 1941 г. BAR).

«...Читаю "A Hero of our time" в переводе Набокова²⁸ — превосходнейшем!» — писал Гольденвейзер своему другу в Париж. (п. М. Л. Кантору от 4 апреля 1958 г. Box 2, BAR).

«...Привет Владимиру Владимировичу. Недавно моему племяннику подарили "Дар" на английском языке²⁹, и я с удовольствием просмотрел это давно знакомое мне произведение, которое я очень высоко ставлю. На обложке также упомянут перевод "Евгения Онегина", который меня так живо интересуется. В каком положении это издание?» — «"Eugene Onegin"³⁰ should come out very soon now, perhaps in late fall of this year³¹...» — отвечала Вера Евсеевна (п. от 10 июня и 14 июня 1963 г. BAR).

«...Перед отъездом из Нью-Йорка я успел приобрести "Евгения Онегина" и здесь его изучить. Весной мы перечитали "Защиту Лужина" в превосходном английском переводе...»³² (п. от 9 авг. 1964 г. BAR).

«...Maurice Samuel³³, которому я помогал писать его книгу о деле Бейлиса, говорил мне, что считает В. В. самым большим мастером английского языка из всех современных писателей. Мой племянник Yolin Allen (профессор английской литературы и поэт) восторженно отзывался о "The Pale Flame"...»³⁴ (п. от 8 сент. 1966 г. BAR).

«...Сердечный привет Владимиру Владимировичу. Читал в "Пнине"³⁵, что предстоит выход в свет книги с его лекциями по русской литературе. Буду ждать с нетерпением...»³⁶ (п. от 13 янв. 1968 г. BAR). В конце этого же года Вера Евсеевна сообщала: «В. В. кончает свой новый роман. Фильмовых прав он ещё не продал, несмотря на то, что фильмовая компания поспешила сообщить о продаже. Но выйти книга должна в мае, у нового его издателя (Мак Гро-Хиль), и у него с ней ещё много возник...» (п. от 21 дек. 1968 г. BAR)³⁷.

«As for Solzhenitzyn, whom V. N. does not admire as a writer, why don't you come to see us? We could talk of Solzh., and Nadezhda Mandelstam (her first book was fascinating), and, alas, Allilueva...»^{38/39} — писала Вера Евсеевна, приглашая А. А. в Монтрё (п. от 19 июня 1972 г. BAR).

Алексей Александрович был свидетелем превращения «В. Сирина» сначала в лучшего прозаика русской эмиграции, а потом, в Америке, — в знаменитого писателя Vladimir'a Nabokov'a.

Их связывали почти 40 лет эмигрантской дружбы. Все эти годы Гольденвейзер был самым ревностным и внимательным читателем Набокова. Получив в подарок книгу о Гоголе⁴⁰, он написал в письме настоящую рецензию, прозорливо предугадав славу писателя: *«Если бы у меня было несколько десятков миллионов долларов, я бы учредил Nabokov—Faundation, доходы которой выплачивались бы Вам в качестве пожизненной ренты. А с Вами заключил бы договор, по которому Вы бы обязались переводить и комментировать русских классиков, переводить не только на английский, но и на французский: я помню Вашу французскую статью о Пушкине»*⁴¹ (п. от 17 окт. 1944 г. BAR).

16 августа 1964 года Вера Евсеевна написала: *«Мой муж просит меня передать Вам, что он тронут Вашей читательской верностью...»* (BAR).

Алексей Александрович Гольденвейзер умер почти 90-летним, пережив на три года свою жену, и на два года своего любимого писателя. Вера Евсеевна тоже дожила почти до 90 лет. Она завещала смешать её прах с прахом мужа. Неподалёку от Монтрё, в местечке Кларенс на серо-голубом мраморе надпись:

Владимир Набоков
Писатель 1899—1977
Вера Набокова 1902—1991

В своём прощальном слове биограф Набокова сказал: «Он посвятил ей книги, она посвятила ему — жизнь»⁴².

1. А. А. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР — В. В. НАБОКОВУ

Интермонт, штат Вест-Вирджиния.

29 июля 1938 г.

Дорогой Владимир Владимирович.

Мы были очень рады Вашей открытке, которая застала нас на лоне природы — в небольшом посёлке Интермонт, где мы сняли на лето коттедж, и живём среди фермеров. В Вашингтоне становилось невыносимо душно, и мы воспользовались свободой «меблированных жильцов» — ликвидировали свою квартирку и сбежали из города. Здесь мы также не на Севере, в послеобеденные часы солнце палит знатно, но хоть вечера, ночи и утра свежие.

Вы пишете, что Вас тянет в Америку, но что въезд сюда становится всё труднее. Это едва ли так — по моим сведениям, правила для выдачи им-

мигрантских виз скорее облегчены, в связи с взятой американцами на себя инициативой в деле помощи политическим беженцам. Другое дело — устройство здесь. Мой личный опыт в этом отношении малоутешителен. Я ещё ни к чему не мог пристроиться и не имею даже конкретных надежд на близкое устройство. Но в отношении Вас я продолжаю считать, что возможность получить работу при одном из университетов у Вас безусловно есть. Люди с готовыми европейскими репутациями очень здесь ценятся. Вот, например, Томас Манн⁴³, никогда не профессорствовавший, немедленно получил кафедру при одном из лучших университетов (в Принстоне).

Вам нужно было бы найти кого-нибудь, кто бы Вас «привёз», прорекламировал и устроил Вам несколько чтений в Нью-Йорке. Советую Вам ездить почаще в Монте-Карло и заводить знакомство с американцами, которым везёт...

Накануне нашего отъезда из Вашингтона пришла последняя книжка «Совр. записок», в которой столько интересного материала. Нынешний отрывок «Дара» особенно хорош⁴⁴. В мои берлинские годы я нередко посещал адвокатскую контору Траума, Баума и Кезебира и могу поэтому удостоверить, что Вы великолепно изобразили живой и мёртвый инвентарь этой конторы. Так же, как Вашу героиню, меня всегда поражал разительный контраст между внешним видом лестницы и канцелярии, напоминавшей камеры наших мировых судей, и сравнительно роскошной обстановкой кабинетов шефов. В разговорах со мной Траум ничуть не скрывал, что подкладкой его любви к прекрасной Франции является надежда таким путём подцепить клиентов-французов. <...>

С нетерпением жду следующего отрывка, — быть может, и в нём встречу знакомых.

Всегда буду рад быть Вам чем-либо полезным.

Сердечный привет Вере Евсеевне и Вам от нас обоих.

Ваш А. Гольденвейзер

2. В. Е. НАБОКОВА — А. А. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРУ

230 Sequoia ave
Palo Alto

26. 7. [19] 41

Милый Алексей Александрович, <...>

Мы здесь уже почти 6 недель и остаёмся до сентября. Муж очень много работает и очень устаёт, не столько от лекций (их 7 в неделю), сколько от подготовки к каждой лекции: не находя порядочных переводов русских классиков, он сам их переводит для студентов. Только что кончил «Пир во время чумы» и теперь трудится над «Шинелью»⁴⁵. Так преподавать русскую литературу, конечно, очень утомительно. В сентябре мы поедем в Wellesley, где муж будет читать «comparative literature» по-английски

и по-французски, так что отдохнуть ему не придётся⁴⁶. Несмотря на это, мы очень счастливы, что можем существовать. В октябре у мужа выходит по-английски книжка — в небогатом, но передовом издательстве⁴⁷. Калифорния нам бы очень нравилась, если бы было здесь теплее. А поездка сюда была чудесная.

Как здоровье Евгении Львовны? Как Вы оба поживаете?

Надеюсь Вас обоих повидать, если остановимся в Н. Й. на обратном пути.

Слышала, что дело Гессена тоже приходится начинать сначала? Неужели и emergency quota⁴⁸ (ведь его провозили по ней?) подходит под эти убийственные правила?

Шлём Вам обоим сердечный привет.

Искренне Вас уважающая Вера Набокова.

[приписка от руки:] Как поживаете, дорогой Алексей Александрович? Очень тут приятно и интересно, но уже через месяц двинемся назад на восток. Работы и солнца тут вдоволь.

Жму Вашу руку, кланяюсь Евгении Львовне.

Ваш В. Набоков

3. В. Е. НАБОКОВА — А. А. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРУ

<Wellesley>

27 мая 1942

Милый Алексей Александрович, <...>

...На осень у нас по-прежнему никаких «видов», кроме вида из окош-ка здешней нашей квартирки, если, конечно, не подвернётся чего-ли-бо до тех пор. На лето нас пригласили Карповичи⁴⁹ в своё вермонтское имение. Мы этому очень рады, так как они очаровательные люди, а сыну очень нужна деревня, он хворал всю зиму и на днях ему пришлось вырезать гланды и аденоиды. <...>

Переводы классиков ещё не напечатаны, вероятно, не раньше осени, так как муж ещё рассчитывает кое-что прибавить и изменить. Да, Россия сейчас в моде, но в смысле должности это мужу пока не помогает.

Шлём Вам обоим самый сердечный привет.

4. В. Е. НАБОКОВА — А. А. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРУ

Goldwin Smith Hall
Cornell, Ithaca, N. Y.

3 июня 1957 г.

Милый Алексей Александрович,

Моя двоюродная сестра, А.Л. Фейгина уверяет меня, что я могу получить с немцев какую-то компенсацию за потерю службы и вынужденный

отъезд из Германии. Я не уверена, что это так, но она ссылается на Ваш авторитет. Что ж, если это так, заставить немцев платить может быть только приятно. Я действительно служила года два в адвокатской конторе Weil, Gans & Dieckmann, мне и другим было отказано, когда Гитлер стал канцлером в 1933 г.

Только весной 1935 г. я получила другую службу в технической конторе Ruthsspeicher (Steam Storage); потеряла службу, когда стало нежелательным иметь еврейских служащих; прослужила там меньше года.

Я не помню точных дат, не помню, сколько получала, потеряла давно все референции. Если Вы всё-таки считаете, что можете чего-то от немцев добиться, — I am all for it!⁵⁰

Сердечный привет Вам и Евгении Львовне от меня и от мужа.

Вера Набокова

5. А. А. Гольденвейзер — В. Е. Набоковой

В. Е. Набоковой
Голдвин Смес Холл
Итака, Н. Й.

6 июня 1957 г.

Дорогая Вера Евсеевна

Посылаю Вам при сём формуляры, которые нужно будет подать по Вашему делу в Берлинский «энтшэдигунгсамт»⁵¹.

Прошу Вас подписаться на доверенности на обоих...

Кроме того, прошу Вас дать мне следующие сведения: где Вы учились, в частности в Берлине, какое учебное заведение окончили?

С какого года начали служить и зарабатывать?

Когда вышли замуж?

Где жили перед переездом к Анне Лазаревне? Когда эмигрировали в Прагу, когда переехали в Париж (или в другой французский город), когда уехали в Америку?

На основании всех этих данных я составляю показания для Вас и для Ваших двух свидетелей.

Сам я также могу дать показание <...>

Доверенность выдаётся на имя адвокатессы Петры Богс — я веду с ней некоторые дела по возмещению убытков, в частности дело А. Л. Фейгиной. Гонорар по этим делам составляет 15 % со взысканной с немецкого правительства суммы. Производство продолжается, к сожалению, очень долго, т. к. «амты» завалены прошениями, в особенности в Берлине.

Ваш А. Гольденвейзер

8 июня 1957 г.

Милый Алексей Александрович,

Благодарю Вас за любезный звонок по телефону, а также за письмо и бланки, которые при сём возвращаю. Отвечаю на Ваши вопросы:

Я кончила шесть классов гимназии им. кн. Оболенской в 1916 г. (Это было рано по возрасту, и потребовалось на это специальное разрешение Министерства Народного Просвещения). Седьмой класс я кончила в Одессе весной 1919 г. в гимназии Чудновской. У Оболенской я то училась, то просто сдавала весной экзамены, начиная с 3-го класса.

В Берлине я поступила на короткий срок в школу стенографии (кажется, школа называлась Штольцъ ундъ Шрей, но я не совсем уверена), осенью 1928-го года, т. к. я тогда же поступила на службу во французское посольство, где требовалось знание стенографии.

Я служила у отца (у него тогда была импортно-экспортная контора), с 1922 г. и одновременно (в 1923 г.) работала в издательстве «Орбис» (в котором отец был тогда заинтересован). Пересмотрев старую корреспонденцию, я сейчас выяснила, что к Вейлю поступила в апреле 1930 г.

Вышла замуж 15-го апреля 1925 г.

С осени 1929 г. до весны 1932 г. мы жили на Луитпольдштрассе 27, потом один или два месяца на Вестфелишештрассе 29, после чего переехала на Несторштрассе.

Я выехала с сыном в Прагу, к свекрови, в конце апреля 1937 года. Мой муж уже был за границей (во Франции). Он приехал за нами в Прагу, и мы вместе переехали на Ривьеру (в Канн) в июле 1937 г. В Америку мы выехали в мае 1940 года. Между прочим, муж оказался за границей раньше меня, потому что я настояла на его отъезде, как только Таборицкий⁵² был выпущен из тюрьмы и назначен членом комиссий по управлению Русскими беженцами в Германии (комиссия состояла, помнится, из ген. Краснова⁵³ и, кажется, Вязьцевского генерала Бискупского⁵⁴, что ли?)

Сердечный привет Вам и Евгении Львовне от меня и мужа.

Вера Набокова

Goldwin Smith Hall
Cornell, Ithaca, N. Y.

14 июня 1957 г.

Милый Алексей Александрович,

Благодарю Вас за письмо и приложенное «заявление». Некоторые сведения в нём не совсем точны. Неточности не существенные, но, поскольку показание даётся под присягой, я предпочла бы его уточнить.

1. Goldwin Smith Hall — это одно из университетских зданий. У нас нет ни дома, ни квартиры (мы снимаем меблированные дома у уезжающих в отпуск профессоров, иногда на год, иногда на 9 месяцев, или даже на полгода), и, не имея постоянного адреса, получаем мы почту по конторскому адресу мужа.

2. Мой отец никогда не занимался практикой и к адвокатскому сословию не принадлежал. По образованию был Кандидат Прав Петербургского Университета. Он был лесопромышленник — главные леса находились в Смоленской губернии; экспортировал лес, кажется, в Германию и Англию при посредстве брокерской фирмы (голландской). Кроме того, был Главноуправляющим Высочайше Учреждённой опеки над имуществом М. П. Родзянко⁵⁵.

3. Я никогда не служила во Французском Консульстве. Служила во французском посольстве, в бюро Attache Commercial (которое помещалось над консульством), и притом 7 или 8 месяцев. Бросила, потому что мы решили провести полгода во Франции, (муж продал тогда первую книжку Ульштейну).

4.<...>

5. Адресный номер дома на Несторштрассе, где мы снимали квартиру с А.[нной] Л.[азаревной] был, не 17, а 22. Я очень жалею, что придётся бумагу переделать. Я бы с удовольствием этим занялась сама, чтобы Вам не причинять лишнего труда, но я сейчас не совсем уверена в своём немецком «официальном стиле».

С искренним приветом. Вера Набокова.

P. S. Мой муж первый год жизни в Америке действительно давал частные уроки. Работал безвозмездно в American Museum of Natural History. Он писал рецензии в журналах и газетах («Sun», «Times», «New Republic»). С лета 1941 г. он преподавал в различных Университетах (Stanford, Wellesley, Cornell, а кроме того, с 1942 до 1948 г. занимал платную должность в Museum of Comparative Zoology (Harvard). Литературой занимался *всё время*.

8. В. Е. Набокова — А. А. Гольденвейзеру

28 — 6 — 1957

Милый Алексей Александрович,

Возвращаю подписанную бумагу <...> Доказательством того, что я еврейка, может служить то, что мои отец и мать погребены на еврейском кладбище в Weissensee. Но кроме того, я постараюсь найти своё метрическое свидетельство, которое где-то у меня должно быть. Если найду, пришлю Вам копию. Привет.

Вера Набокова

4 — 7—1957

Милый Алексей Александрович,

Нашла метрику. При ней оказался официальный перевод. Если хотите, оторвите его и используйте. Если нужна вся штука, могу заказать фотостат. Во всяком случае, метрику, пожалуйста, верните, и, если можно, заказным; я тоже пошлю её Вам заказным.

Что касается расходов по выезду, то из Берлина в Прагу, и из Праги на Ривьеру, за сына я не платила, ему было 3 года. Билет из Берлина в Прагу стоил, кажется, марок 20 +. Какая-то мебель и вещи стояли года 1 ½ на складе, а потом ехали в Париж. Ни я, ни муж мой совершенно не можем вспомнить даже приблизительно цифр. Из Праги на Ривьеру (Cannes) через Париж — даже приблизительно цены билета не могу назвать.

Из Франции в Америку мы уехали весной 1941 г. на Champlain. Он был зафрахтован HIAS'ом⁵⁶, и HIAS заплатил какую-то часть (не меньше трети, а может быть и половину) за наши билеты. Мы сами могли очень мало прибавить. Какую-то значительную часть достал Я. Г. Фрумкин⁵⁷. Если по иску заплатят, всё это было бы очень приятно вернуть, но цены билета, увы, не помню. За сына (ему было 6), вероятно, тоже что-то платилось, но сколько — не могу сказать. Пожалуйста, простите, что от меня так мало толку. Может быть, Вы можете приблизительно сообразить, по аналогии с другими делами, сколько следует указать за проезд?

Сердечный привет от нас обоих Вам и жене.

Вера Набокова

10. А. А. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР — В. Е. НАБОКОВОЙ

В. Е. Набоковой

Итака

10 июля 1957 г.

Дорогая Вера Евсеевна,

Ваше письмо и документ получил, и вчера отправил в Берлин. Подлинник при сём возвращаю. Документ этот должен быть признан доказательством Вашего еврейского происхождения, так как в нём дважды упомянут Петербургский общественный раввин (у которого венчались Ваши родители и который должен [был] выдать Вам метрику). <...>

С искренним приветом. А. Гольденвейзер

В. Е. Набоковой
Итака

1 сентября 1957 г.

Дорогая Вера Евсеевна.

<...> По Вашему личному делу адвокатесса Богс требует, чтобы мы послали ей affidavit за Вашей подписью с указанием точного маршрута и приблизительной стоимостью железнодорожного и пароходного билетов. Я не совсем знаю, как такой affidavit состряпать. Вы так мало можете припомнить. Поговорю ещё с Я. Г. Фрумкиным.

Как я уже писал Вам, мы с Евгенией Львовной недавно прочли «Пнина». Это чудесная книжка в обоих её планах — сатирическом и сентиментальном. Несколько страниц (как, например, Пнин, моющий посуду после вечеринки) — незабываемы. Я слышал с разных сторон восторженные отзывы о «Пнине».

Читал я также с увлечением «Заметки переводчика»⁵⁸. Переводами Вл. из русских классиков я чрезвычайно интересуюсь уже давно, с тех пор как прочёл по-французски статью о Пушкине (вероятно, в 1937 г.), перевод некоторых стихотворений, а затем в книге о Гоголе бесподобные прозаические переводы отрывков из «Мёртвых душ». Но напечатанные в «Новом журнале» заметки являются, в сущности, «заметками внимательного читателя», и как таковое, чрезвычайно поучительно. Думаю, что каждый добросовестный читатель Е. О. должен быть благодарен их автору за разъяснения мест, которые ставили его в тупик (хотя ему и было неловко в этом признаваться). Я, например, никак не мог примириться с характеристикой молодого Онегина как «педанта», потому что в непосредственно следующих за этим словом стихах об Онегине говорится как раз обратное («имел он счастливый талант...слегка...»). Меня это противоречие с детства озадачивало, и вот только теперь, благодаря «Заметкам переводчика», я нахожу душевный покой⁵⁹. Жду с нетерпением появления и самого перевода, который, наверное, научит англосаксов ценить поэзию Пушкина.

Всего хорошего. <...>

22 мая 1958 г.

Милый Алексей Александрович,

Благодарю Вас за письмо, которое только что получила. Мои зарботки, конечно, не ограничивались жалованьем. Было много сверхурочных часов, особенно когда моя фирма (Вейль, Ганц и Дикман, адвокаты и юрисконсульты французского посольства) торопились с выработкой договоров для французских клиентов. Помню один случай точно: целый

завод в Борзигвальде был куплен на вывоз французским концерном Рено. Я тогда не только провела целое воскресенье в одной из больших гостиниц, где наш французский контрагент стоял, переводя во время переговоров, а потом без конца переделывая французский текст договора, но ещё много над этим работала дома, пока сделка могла быть заключена. Таких случаев было немало.

Но помимо этого я всё время давала уроки английского языка. Кроме того, работала время от времени гидом для приезжих иностранцев (главным образом у американского агентства Мрсь Сеймур, по мужу Щербачёвой). Главный мой побочный доход был от французской стенографии. Я работала как стенодактило, для разных частных лиц по часам. Один из моих более или менее постоянных клиентов был представитель духов (буржуа, бывший торговый агент Франции, фамилия его была Жиль, кажется), а также для съездов, больших и малых, например, был такой международный съезд по борьбе с жилищными трущобами (slums), или ещё, уже при Гитлере, международный съезд шерстяных промышленников, на котором выступало четыре нацистских министра. Эту последнюю работу я получила по рекомендации бывшего шефа, торгового атташе Франца Вильгельма. Между прочим, помню, что когда я сказала чиновнику в Министерстве, что я могу задание исполнить, но что ведь я еврейка, мне было отвечено «что Вы, какое это имеет значение?» — съезд должен был открыться на другой день, и французская стенографистка им нужна была срочно, и другой, по-видимому, не нашлось. На этих съездах речи произносились на одном из 3-х языков — я записывала французские. Съезды эти платили очень хорошо и за часы стенографирования, и за часы расшифровывания того, что было записано.

Между прочим, моя последняя служба была не в 1933 году. Я взяла место опять, когда моему сыну было несколько месяцев. Думаю, что это было в 1935 году. Работа была по иностранной корреспонденции в инженерном концерне Рутс-Шпейхер (это были машины для сохранения пара под напором для включения в случае поломки основной системы на заводах). Служила я там несколько месяцев и должна была уйти, когда нацисты вытеснили хозяев-евреев (миллионера по фамилии Фридман). Жалования, увы, не помню, но и эту службу я совмещала с другими работками.

Хотя я мало думаю о том, заплатят мне немцы или не заплатят, но, что правда, то правда, и выше приведённые сведения Вы можете все передать Вашей корреспондентке в полной уверенности, что они соответствуют действительности. А вот на точные цифры у меня памяти нет, к сожалению.

С сердечным приветом. Вера Набокова

General Delivery
Montana Montana

1 — 7—1958

Милый Алексей Александрович,

Благодарю Вас за письмо и спешу ответить: мы приехали в Нью-Йорк в мае 1940 г. и лето провели у Карповичей в Вермонте. Зимой 1940-41 г. мне удалось получить отличную должность в «France Forever», которую мне пришлось бросить по болезни, бывшей результатом всех скитаний и волнений. Вскоре после этого мне пришлось бросить Нью-Йорк, т. к. мой муж действительно получил работу на лето (1941) в Стэнфордском университете, а начиная с осени 1941 г. в Wellesley College. В Wellesley мне не удалось найти работы, но начиная с 1942 года (осени) мы жили в Кембридже, и там я давала уроки (их было мало, но они были); отрабатывала секретарской работой часть оплаты в школе, где учился сын; замещала мужа в Wellesley'ом колледже, когда он был болен, делала переводы, когда они попадались; а в 1946 или 1947 гг. служила одновременно секретаршей у двух профессоров (французского и немецкого в Гарварде). Всё это доказуемо, но я не хотела бы никого из свидетелей беспокоить, поэтому согласна на то, чтобы сказать, что не знала английского (если Вы это предпочтёте; но это может выйти неловко, потому что на моей последней службе в Берлине, у «Ruthsspeicher» я больше всего работала по-английски). Можно ещё сказать (и это тоже правда), что в Америке мой муж начал сотрудничать в журналах, составлял курсы лекций для университетских преподавателей, и я была ему необходима как секретарша. Надеюсь, что Вы и Евгения Львовна тоже уедете на каникулы. И мой муж, и я шлём Вам обоим сердечный привет.

Вера Набокова

14. В. Е. НАБОКОВА — А. А. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРУ

30. 11. 1963

Милый Алексей Александрович,

Благодарю Вас за чек. Простите, что не сделала этого раньше, — я была особенно занята эти последние недели.

Вся Европа переживает убийство Кеннеди, показывали на телевидении все ленты процессии, убийства, похорон. Какое бессмысленное преступление! А может быть Ф. Б. И. ещё докопается до его тайного смысла⁶⁰.

Мой муж и я шлём Вам и Евгении Львовне наши сердечные пожелания.

Вера Набокова

В. Е. Набоковой
Montreux.

11 января 1967

Дорогая Вера Евсеевна! <...>

Большое спасибо за «Приглашение на казнь»⁶¹. Я читал эту вещь ещё в «Современных Записках». Получил я также проспект русского перевода «Лолиты», в котором довольно наивно — выражается сомнение в том, что книга запрещена в России. Насколько я знаю, ни одно произведение живого русского эмигранта в Россию не допускается.

Надеюсь, что Вы оба здоровы и благополучны, и желаю всех благ в наступившем Новом году.

Душевно преданный А. Гольденвейзер

В. Е. Набоковой.
Montreux.

1 января 1968

Дорогая Вера Евсеевна! <.... >

Здесь по случаю Нового Года холод и ветер отчаянные. Мы всю зиму страдали не только от погоды, и не только от *stige-wave*⁶², но и от американского варианта «диктатуры пролетариата»: каждый месяц какая-нибудь новая забастовка, при которой небольшие группы служащих различных общепользовательных предприятий парализуют жизнь всего населения, и тем вынуждают платить им непомерные жалования...

Всего хорошего.

Ваш Алексей Гольденвейзер

Palace Hotel
Montreux, Montreux

1 декабря 1969

Милый Алексей Александрович,

пользуюсь Вашим любезным разрешением и посылаю Вам ещё чек для Union of Russian Jews, который я бы хотела употребить на помощь Елене Августовне Яковлевой⁶³. У нас только что выпал снег, стало очень холодно. Но нам пока уехать никуда нельзя: В. В. переводит свои стихи для английского издания, а я корректирую новые издания его «Ады», которые по длине равняются двум книгам...

Вера Набокова

12 апреля 1970

Милый Алексей Александрович,

Холодно, холодно и здесь, и в Риме, где мы с В. В. провели пасхальные недели и половину времени ходили в зимних пальто. Сейчас он уже в Сицилии, а я еду туда послезавтра. Он ищет: 1. бабочек, 2. солнца и 3. спасения от американских туристов, которые уже начали притекать, и из которых очень многие считают его немножко своей собственностью. <...>

Вы пишете, что летом будете в Европе. Когда и где? Очень рады были бы Вас и Евгению Львовну повидать.

А теперь позвольте к Вам обратиться с обычной просьбой: прилагаю чек (для Елены Августовны) и ещё один (можно?), который я хотела бы отдать специально в Фонд Защиты Израиля, но совершенно не знаю, на кого выписать, и куда адресовать. Мне только остаётся ещё раз просить у Вас прощения за причиняемое беспокойство!

С искренним приветом Евгении Львовне и Вам
Вера Набокова.

20 апреля 1970

Дорогая Вера Евсеевна!

Ваше письмо с двумя чеками мне переслали из Нью-Йорка в Lake Mahoras, куда мы уехали на две недели. Пишу по возвращении в город. Ваше поручение в отношении Е. А. Яковлевой исполнено обычным способом. По поводу \$300 в «Фонд защиты Израиля» я советовался кой с кем и посылаю чек по адресу Office of the Israel Treasury в Нью-Йорке.

Чек выписан на имя «Israel Ministry of Defense». Я просил, чтобы Вам подтвердили получение денег непосредственно.

В Сицилии мы провели день, когда ехали на «cruise» из Америки в Неаполь. На меня произвело впечатление историческое послание шести или семи цивилизаций. В Палермо удивительные мозаики. Всего хорошего.

Ваш Гольденвейзер

Mr. Abner Cassuto
Office of the Israel Treasury
850 Third Avenue
New York, N. Y. 10022

April, 20, 1970.

Dear Sir: At the request of the Mrs. Vera Nabokov, I enclose herewith her check for \$ 300. 00 drawn to the order of the Israel Ministry of Defense.

Kindly acknowledge the receipt of the check directly to Madame Vera Nabokov, Palace Hotel, Montreux, Switzerland, and send a copy of your letter to me.
Very truly yours, Goldenweyser

ПЕРЕВОД: Казначейство Израиля

Уважаемый господин Кассуто: По просьбе Веры Набоковой я прикладываю чек на \$300, выписанный ею на счёт Министерства обороны Израиля. Будьте так любезны, сообщите о получении чека мадам Вере Набоковой, Палас Отель, Монтрё, Швейцария, и пошлите копию Вашего письма мне.

Преданный Вам А. Гольденвейзер

21. В. Е. НАБОВА — А. А. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРУ

29 ноября 1970

Дорогой Алексей Александрович,

Подходит Рождество, и я позволю себе к Вам обратиться всё с той же просьбой: мне хотелось бы, чтобы Е. А. получила приложенные деньги до Праздников.

Мы очень жалели, что Ваш летний itinéraire⁶⁴ не прошёл через Montreux. Может быть, нам удастся повидать Вас, наконец, в N. Y., в марте, хотя В. В. ещё не решил окончательно, поедет ли на премьеру musical «Лолиты»⁶⁵.

В. В. и А. Л. [Анна Лазаревна Фейгин] шлют Вам сердечный привет, также как Евгении Львовне, и я присоединяюсь к ним.

Вера Набокова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор выражает сердечную благодарность Дмитрию Владимировичу Набокову за любезное ознакомление с работой.

² Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 года. Сб. статей. Н.-Й.: Союз русских евреев, 1960; Книга о русском еврействе. 1917 — 1967. Сб. статей. Н.-Й.: Союз русских евреев, 1968.

³ B. Boyd. Vladimir Nabokov. The Russian Years. The American Years. V. 1, 2. N.J. Princeton University Press, 1990; B. Boyd. Владимир Набоков. Русские годы. Американские годы. Т. 1, 2. М.: Независимая газета, СПб.: Симпозиум. 2001, 2004.

⁴ Stacy Schiff. Vera (Mrs Vladimir Nabokov). New York. Random House. 1999. *Стейси Шифф*. Вера. Миссис Владимир Набоков. М.: Независимая газета, 2002.

⁵ Более других известен двоюродный брат А. А. Г. — Александр Борисович Гольденвейзер (1875—1961) — пианист, композитор, автор книги «Вблизи Толстого». О семье А. А. Г. и его деятельности см. новейшие исследования: О. В. Будницкий. Из истории «русско-еврейского Берлина»: А. А. Гольденвейзер // Архив еврейской истории. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2005. С. 213—242. А. Зейде. Без Империи. Тексты и контексты жизни русского еврея Алексея Александровича Гольденвейзера // Ab Imperio (Казань). 2005. №3. С. 331—403.

⁶ Vladimir Nabokov. Speak, Memory: An Autobiography Revisited. N. Y. Putnam's Sons. 1967. P. 55. «Забавное, маленькое, размером в 250 долларов, эхо всех тех концертов <...> ласково настигло меня в хайль-гитлеровском Берлине 1936 года, когда

родовое имущество Граунов, сводившееся к коллекции симпатичных табакерок и прочих безделушек, стоимость которых, после того как они претерпели многообразные аватары в Прусском государственном банке <...> была распределена среди множества наследников запасливого композитора, принадлежащих к кланам фон Корфов, фон Виссманов и Набоковых...» (реконструкция С. Ильина). О Набокове и Грауне см.: А. В. Вернер. Композитор Граун, предок писателя Набокова // Набоковский Вестник. Вып. 2. Набоков в родственном окружении. Дорн. СПб., 1998. С. 77—78.

⁷ Nabokov papers // N. Y. Public Library, Berg collection. В дальн. — В. с.

⁸ visa de sortie (фр.) — разрешение на выезд.

⁹ В. Набоков. Другие берега // Собр. соч. рус. периода. Т. 5. СПб.: Симпозиум, 2003. С. 323.

¹⁰ В. с.

¹¹ Письма М. Алданова к И. А. и В. Н. Буниным // Новый Журнал. 1965. № 81. С. 116.

¹² Карпович Михаил Михайлович (1888 — 1959) — историк и публицист. В 1914 г. окончил ист.-филологич. ф-т Моск. ун-та; с мая 1917 до лета 1922 — сотрудник рус. посольства в Вашингтоне. С 1927 по 1957 г. — проф. истории в Гарвардском ун-те. С 1943 г. — редактор, а с 1945 по 1959 г. — гл. ред. «Нового журнала». В 1940–50-е гг. соред. журналов «The Russian Review» и «The American and Slavic and East European Review».

¹³ Толстая Александра Львовна (1884 — 1979) — младшая дочь Л. Н. Толстого, писательница, публицист, обществ. деятель. По завещанию получила авторские права на лит. наследство. В 1929 г. покинула Россию: уехала в Японию, затем — в США. В 1939 г. организовала и возглавила Толстовский Фонд — междунар. комитет помощи рус. беженцам. В 1941 г. приняла американское гражданство. По просьбе Карповича Т. получила для Набокова поручительство для въезда в США от С. Кусевицкого, дирижера Бостонского симфонического оркестра.

¹⁴ По приезде Н. в Америку изд-во «Боббз-Мерилл», издавшее в 1938 г. роман «Камера обскура» под названием «Смех в темноте» («Laughter in the dark» by Vladimir Nabokov. The Bobbs-Merrill Company. Indianapolis & N. Y. Publishers. 1938), хотело получить от него детективный роман, предложив тему и содержание будущей книги.

¹⁵ Набоков Константин Дмитриевич (1872—1927) — родной брат Вл. Дм. Набокова, отца писателя, управлявший делами Временного правительства российского посольства в Англии. После отставки выехал в Норвегию. Автор книги «Испытания дипломата». Стокгольм, 1923.

¹⁶ Струве Глеб Петрович (1898, Петербург, — 1985, Беркли) — критик, литературовед, историк эмигр лит-ры. Автор книг: «Русская литература в изгнании» (Н. Й., 1956; Париж, 1984; М., 1997), «Русский европеец», сб. стихов. Совместно с Б. Филипповым подготовил к изданию собр. соч.: Пастернака, Мандельштама, Ахматовой, Гумилёва, Заболоцкого, Клюева. Издал цветаевское наследие: Письма, «Лебединый стан», «Перекоп»; «Реквием» Ахматовой. Автор ст. о тв-ве Сирина, устраивал его выступления в Англии, перевёл на англ. яз. «Возвращение Чорба», посвятил Н. несколько лекций своего курса в Лонд. ун-те. Обширная переписка С. и Н. хранится в архиве Струве (Goover).

¹⁷ Фейгин Анна Лазаревна (1890, Минск, — 1973, Нью-Йорк) — двоюродная сестра В. Е. Набоковой (Слоним). В Минске окончила гимназию, в Петербурге — консерваторию. Пианистка, давала уроки музыки. С 1922 г. жила в Берлине, Париже, Ницце. С 1942 г. — в США.

¹⁸ Набоков Сергей Владимирович (1900, Петербург, — 1945, лагерь Нейе-Гамма, Германия) — младший брат В. В. Набокова.

¹⁹ *dedommagement (фр.)* — компенсация.

²⁰ Лит. Фонд помощи рос. писателям и учёным в изгнании — эмигр. гуманитар. организация (США). В 1938 г. Н. обратился за помощью в Л. Ф. и получил \$20. В первый год пребывания в США Н. получал стипендию Л. Ф. В мае 1944 г. — \$200; решение было принято «единогласно и без обсуждения» (п. В. Зензинова — Н. от 24 мая 1944 г.).

²¹ Набоков Дмитрий Владимирович (род. в 1934 г. в Берлине). Выпускник Гарвардского ун-та, переводчик произведений отца, оперный певец. Выступал в Ла Скала, в 1961 г. в Реджо дебютировал в «Богеме» вместе с никому ещё не известным тенором Лучано Поваротти; пел в разных театрах Италии, имел большой успех.

²² Новый Журнал. 1971. № 102. С. 278—282.

²³ Three Russian poets. Selection from Pushkin, Lermontov and Tyutchev in new transl. by V. Nabokov. New Directions. The Poets of the Year. Norfolk, Conn., 1945.

²⁴ The Real Life of Sebastian Knight. N. Y. New Directions. Norfolk, Conn. 1941.

²⁵ «Новый журнал» был основан в Нью-Йорке в 1942 г. М. А. Алдановым и М. О. Цетлиным.

²⁶ В 1941 г. Н. писал своей сестре Е. В. Сикорской: «...Я пришлю тебе *The Real Life of Sebastian Knight* — книга, имевшая необыкновенный литературный успех — но, увы, не коммерческий». (Набоков В. Переписка с сестрой // Ann Arbor. 1985. С. 27). 2 июля 1942 г. М. А. Алданов сообщал Б. И. Элькину: «*Не очень повезло Сирину. Его роман "провалился" и у критики, и у публики: не идёт. Между тем это очень интересная книга (написанная им прямо по-английски!)*». (Цит. по: А. Рогачевский. Б. Элькин и его Оксфордский архив. *ЕВКРЗ*. Т. 5. Иерусалим, 1996. С. 234.)

²⁷ Softest of Tongues. «To many things I've said the word that cheats». Boston: The Atlantic Monthly. V. 168. № 6. Dec. 1941. P. 765. Literary Dinner. «Come here, said my hostess, her face making room». New York: The New Yorker. V. 18, № 8. 11 April, 1942. P. 18.

²⁸ «A Hero of Our Time». A Novel by Mihail Lermontov. Transl. from Russian by V. Nabokov in collaboration with D. Nabokov. Doubleday Anchor Books. Doubledays Company, Inc. Carden City, N. Y., 1958.

²⁹ «The Gift». A novel by V. Nabokov. Transl. from Russian by M. Scammell in collaboration with the author. G. P. Putnam's Sons. N. Y., 1963.

³⁰ «Eugene Onegin». A novel in verse by Aleksandr Pushkin. Transl. from Russian and with commentaries by V. Nabokov. Bollingen Series Panteon Books. 1964.

³¹ «Евгений Онегин» должен выйти очень скоро, возможно, поздней осенью этого года (англ.).

³² *V. Nabokov*. «The Defense». Transl. by Michael Scammell. G. P. Putnam's Sons. N. Y., 1964.

³³ Maurice Samuel (1895 — 1972). «Blood accusation; the strange history of the Beiliss case». Knopf: N. Y., 1966. («Кровавый навет; странная история дела Бейлисса»).

³⁴ «Pale Fire». A novel by V. Nabokov. G. P. Putnam's Sons. N. Y. 1962.

³⁵ «Prin». V. Nabokov. Doubleday Company, Inc. Garden City. N. Y., 1957.

³⁶ Все издания лекций вышли после смерти Набокова: *V. Nabokov*. Lectures on Literature. 1980. Lectures on Ulysses. 1980. Lectures on Russian Literature. 1981. Lectures on Don Quixote. 1984.

³⁷ *V. Nabokov*. *Ada or ardor: A family chronicle*. McGraw-Hill Book Company. N. Y., Toronto. 1969.

³⁸ Что касается Солженицына, то В. Н. не в восторге от него как писателя; почему бы Вам не приехать навестить нас? Мы могли бы поговорить о Солженицыне и Надежде Мандельштам (её первая книга была очаровательной) и, увы, об Аллилуевой... (англ.).

³⁹ «Воспоминания» Н. Я. Мандельштам (1899 — 1980) вышли в Америке в 1970 г. под заглавием: «Надежда против надежды». («Hope against Hope», transl. by M. Hayward. Atheneum.). Аллилуева Светлана Иосифовна (Сталина, Морозова, Жданова, Лана Петерс; род. в 1926 г.) — дочь Сталина. Опубликовала свои мемуары, ставшие мировой сенсацией: «Двадцать писем к другу». Лондон: Хатчинсон, 1967.

⁴⁰ *V. Nabokov*. Nikolai Gogol. New Directions Books. Norfolk, Conn., 1944.

⁴¹ *V. Nabokov*. «Пушкин или правда и правдоподобие»: Poushkin ou le vrai et le vraisemblable // La Nouvelle Revue Française (Paris). 1937. Vol. 25. № 282. P. 362—378.

⁴² *B. Boyd*. In Memoriam. Vera Nabokov. The Nabokovian. 1991. № 26. P. 5.

⁴³ Манн Томас (1875, Любек, — 1955, Цюрих) — нем. писатель. Автор книг: «Буддснброки», «Гёте и Толстой», тетралогии «Иосиф и его братья», др. Лауреат Нобел. премии 1929 г. В 1933 г. эмигрировал в Швейцарию, с 1938 г. — в США. Один из основателей антифашистского ж. «Bab und wert» («Мера и ценность», Цюрих).

⁴⁴ *В. Сирин*. «Дар». Гл. 3 // Современные записки. 1938. № 66. С. 15—17. «...Начиналось с тёмной, крутой, невероятно запущенной лестницы, которой вполне соответствовала злоеющая ветхость помещения конторы, что не относилось лишь к кабинету главного адвоката, где жирные кресла и стеклянный стол-гигант резко отличались от обстановки прочих комнат. Канцелярская, большая, неказистая, с гольими, вздрагивающими окнами, задыхалась от нагромождения пыльной, грязной мебели, — особенно был страшен диван, тускло-багровый, с вылезшими пружинами, — ужасный и непристойный предмет, выброшенный, как на свалку, после постепенного прохождения через кабинет всех трёх директоров — Траума, Баума и Кзебира...»

⁴⁵ В письме М. Карповичу летом 1941 г. Набоков писал: «...“Я прохожу через довольно мучительный период, т. к. выяснилось, что приходится переводить не только стихи, но и прозу — например, “Шинель”. Существующий перевод — мерзость и срам...» (BAR, Karpovich Papers, box 2). В п. М. Добужинскому от 25 июля 1941 г. Н. писал: «...“Читаю свои лекции в общем с удовольствием, но мало у меня досуга для собственных трудов и много себе задаю лишней работы, особенно в смысле переводов на английский, но что поделаешь, когда существующие переводы (например, “Шинели”) не перекладные лошади просвещения, а дикие ослы дикого невежества. Какая небрежность, какая недобросовестность...» (Звезда. 1996. № 11. С. 98). В п. 1 авг. 1941 г. А. А. Гольденвейзер отвечал: «Надеюсь, что его переводы Пушкина и Гоголя будут скоро напечатаны. Они несомненно будут драгоценным вкладом в посредственную литературу английских переводов с русского».

⁴⁶ С окт. 1941 по весну 1942 г. Набоков преподавал курс сравн. лит-ры в Wellesley College (MA). С 1943 по 1948 г. в том же колледже он работал в качестве временного лектора по рус. яз. и лит-ре. С осени же 1941 г. Н. начал работать в Гарвардском музее сравнительной зоологии сначала как волонтер, а с 1942-го по 1948 г. занимал платную должность куратора.

⁴⁷ *V. Nabokov*. The Real Life of Sebastian Knight. New Directions. Norfolk. Conn. N. Y., 1941. 23 июля 1941 г. Набоков писал В. Зензинову: «Продам New Directions роман, который написал по-английски в Париже, когда жили на Этуали, в одной комнате — писал его на *bidet*, в ванной». («Дорогой и милый Одиссей...») Переписка В. В. Набокова и В. М. Зензинова. Публ. Г. Глушанок // Наше наследие. 2000. № 53. С. 90.

⁴⁸ Emergency quota — срочная квота. Правила въезда в США в 40-е г. всё время менялись. В 1941—42 г. г. требовалось два аффидевита (гарантированных подтверждения) от состоят. лиц с подтверждением их имущ. положения. Чтобы выехать из Франции, «нужно было иметь выездную французскую визу, испанскую транзитную визу, португальскую транзитную визу, американскую (или другого гос-

ва) въездную визу и билет на пароход. Все эти документы выдавались на срок 4 месяца, и если какой-то из документов устаревал, всё нужно было начинать сначала». (В. Базаров. Маяк в ночи (Очерк истории ХИАСа) // Русские евреи в Америке. Кн. 1. Иерусалим—Торонто—Москва. 2005. С. 26.

⁴⁹ См. примечание 12.

⁵⁰ Я полностью поддерживаю; я — за! (англ.).

⁵¹ entscheidungsamt — Организация соц. помощи населению (СОБЕС). (нем.)

⁵² Таборицкий Сергей — один из убийц (вместе с П. Шабельским-Борком) отца Набокова 28 марта 1922 г. в Берлине. Они были приговорены к тюремному сроку, но во время становления гитлеровского режима освобождены. Т. стал заместителем ген. В. В. Бискупского, заведовавшего Бюро по делам рус. беженцев в Германии и в сент. 1936 г. сделал попытку поставить на учёт всех рус. эмигрантов в Германии. Это ускорило отъезд Набоковых из Германии.

⁵³ Краснов Пётр Николаевич (1869 — 1947) — ген.-майор. С 25 окт. 1917 г. возглавлял борьбу с большевиками под Петроградом. Эмигрировал в Германию. С марта 1944 г. начальник Гл. управл. казачьих войск при мин-ве восточных областей Германии. Выдан англичанами в мае 1945 г. и вывезен в СССР. Казнён в Москве 16 января 1947 г.

⁵⁴ Бискупский Василий Викторович (1878 — 1945) — ген.-майор рус. армии, участник Первой мировой войны; в 1918 г. командовал войсками гетмана Скоропадского. С 1919 г. в эмиграции; сблизился с Э. Людендорфом и А. Розенбергом, участвовал в путче Каппа (1920), после подавления которого стал одним из организаторов профашистского общ-ва «Ауфбау»; с приходом к власти Гитлера стал занимать ответственные посты в гос. структурах Третьего рейха: в 1936 г. был назначен главой Бюро русских беженцев. В 1944 г. Б. примкнул к военному заговору против Гитлера. В период репрессий скрывался от гестапо, умер в Мюнхене (по др. данным — в концлагере; справка Н. Мельникова, науч. ред. кн. С. Шифф «Вера», с. 592).

⁵⁵ Родзянко Мария Павловна — дочь Павла Владимировича Родзянко, промышленника, родного брата председателя Гос. Думы. Е. Слоним служил главным управляющим в её имении с 1913 г. до рев.

⁵⁶ HIAS (Hebrew Immigrant Aid Society) — Общество помощи евреям — иммигрантам и беженцам.

⁵⁷ Фрумкин Яков Григорьевич (? — 1971) — петербургский адвокат, нар. социалист, член Еврейского Политич. бюро в Гос. Думе. Эмиграция: Норвегия, Германия, США. В Берлине был представителем книготорговой фирмы «Логос» при изд-ве «Слово». В Нью-Йорке с 1957 г. — председ. исполнит. бюро Союза русских евреев. Автор воспоминаний «Из истории русского еврейства» в Книге о русском еврействе (Н.-Й., 1960.) Являлся одним из редакторов этой книги (вместе с А. А. Гольденвейзером и Г. Я. Аронсоном). Набоков поддерживал дружеские отношения с Ф. в Н.-Й.: приглашал семью Ф. на свои вечера поэзии, посылал свои книги.

⁵⁸ «Новый журнал». 1957. № 49. С. 130—144. Др. часть коммент. к роману «Евгений Онегин» была опубликована в ж-ле «Опыты». 1957. № 8. С. 36—49.

⁵⁹ Объясняя слово «педант», Набоков писал: *«Невежественный и бездарный Бродский (Е. О. роман А. С. П., пособие для учителей средней школы, УЧПЕДГИЗ, 1950) пытается объяснить слово “педант” в применении к Онегину как синоним “революционера”, что зря вводит в заблуждение учителей средней школы»*. Сам Н. дал такое определение: *«В одном из значений “педант” — человек, любящий изрекать, провозглашать, если не проповедовать свои суждения, излагая их в мельчайших подробностях <...> Ещё одна разновидность педанта — это тот, кто вводит людей в заблуждение, демонстрируя свою “учённость”»*. Н. подробно исследует этимологию слова.

⁶⁰ Президент Кеннеди (John Fitzgerald Kennedy) (1917 — 1963) был убит 22 ноября 1963 г. в Далласе, штат Техас. Годы президентства: 1960 — 1963. F. B. I — Federal Bureau of Investigation. Мнение В. Е. Н. было пророческим: в мае 2006 г., более чем через 40 лет, СМИ сообщали о *«пересмотре официальной версии трагедии 1963 г. в Далласе. “Альтернативные” версии предполагают, что в Президента на самом деле стреляли двое или более людей, и что прав-во и спецслужбы США по каким-то причинам скрыли правду о случившемся»*.

⁶¹ «Приглашение на казнь» было издано в кол-ве 1000 экз. по-русски радиостанцией «Свобода» специально для переброски в Советский Союз под маркой несуществовавш. изд-ва Edition Victor. Paris, 1966.

⁶² волна преступности. (англ.)

⁶³ Яковлева Елена Августовна — дочь Августа Исааковича Каминки, друга отца Набокова. Сын Каминки — Михаил — был другом В. Набокова. Муж Елены — Николай Яковлев — возглавлял русскую гимназию в Берлине, где учились сёстры Н. — Ольга и Елена. После гибели Вл. Дм. Каминка помог материально Елене Ив. Набоковой приехать из Праги в Берлин навестить сына.

⁶⁴ план путешествий. (фр.)

⁶⁵ Бродвейский мюзикл «Лолита, любовь моя» (либретто А. Д. Лернера) провалился, и поездка Набоковых не состоялась.

ФЕНОМЕН ДВУЯЗЫЧИЯ СРЕДИ ЕВРЕЙСКОЙ ИММИГРАЦИИ (1880—1915)

Иосиф Богуславский (Бостон, США)

Кратчайший временной промежуток — всего тридцать пять лет. Один миг в масштабах Истории. Но миг этот коснулся перемены участи огромной массы людей, которых отличали от остального человечества только два обстоятельства: они были евреями и жили на территории Российской империи. Два миллиона мужчин и женщин, семейных и одиноких, снялись с родных мест и ринулись в неизвестность. Почти полтора миллиона из них направились долгим морским путем к берегам Америки. Причины, побудившие их на столь непростое решение, давно известны: вспышка антисемитизма, погромы, унижения, духота черты оседлости. Менее известны личностные подробности индивидуумов, составивших первую российско-еврейскую эмигрантскую волну, их профессиональный, образовательный и языковой уровни. Последний представляет особый интерес, поскольку автор намерен исследовать вопрос: как могло случиться, что именно из среды **первого** поколения российского еврейства в Америке выросла представительная группа авторов (писателей, журналистов), для которых «неродной» английский стал не только средством вербального общения, но и языком реализации их литературных дарований.

Обычно, когда в литературоведении заходит речь о двуязычных англо-писавших авторах мировой величины, вспоминаются два имени: Владимир Набоков и Джозеф Конрад. Масштаб писательского дарования обоих — вне всякого сомнения, но при этом не следует забывать об одной немаловажной детали: атмосфере их детства и юности. Русский дворянин Набоков воспитывался в петербургском доме-дворце своего отца, знаменитого юриста и политического деятеля, славившегося англоманией. Эмигрировав из России в восемнадцать лет, он вывез возвращенный гувернантками блестящий английский, отшлифовав его в лондонском Кембридже. Поляку Конраду, сыну шляхтича и поэта, переведившего Диккенса и Шекспира на родной язык, домашний «багаж» помог и в его дальнейших морских странствиях на британских судах, и в завоевании признания у читателей-англичан.

Иное домашнее прошлое оставалось за бортом пароходов, доставлявших в нью-йоркскую гавань, к «Острову слез» толпы перепуганных эмигрантов из России. Бесстрастная статистика береговой таможни фиксирует не только странноватые имена вновь прибывших, но также их профессии и наличие грамотности. Для тех, кто знает особенности еврейского суще-

ствования в России того периода, общая картина не станет неожиданной. Массовой специальностью было портняжничество (почти 40 % рабочих специальностей); далее, в убывающем порядке следовали плотники, сапожники, маляры, кузнецы... А вот и впечатляющая цифра: почти половина евреев-иммигрантов не имела профессий вообще¹.

Не лучше обстояло дело и с грамотностью. Получение евреями из черты оседлости светского образования было для большинства недостижимой мечтой. Как правило, мальчики занимались в хедерах и иешивотах, а семьи с известным достатком приглашали домашних учителей — меламедов. В итоге, многие жители еврейских гетто владели в той или иной степени письменным идиш (он же был и разговорным языком) и, в меньшем объеме, ивритом, на котором происходили богослужения. Что касается русского языка, то он (в бедной, разговорной форме) был уделом немногих избранных. Известен расхожий стереотип: каждый еврей грамотен, он умеет читать и писать. Увы, этот стереотип разбивается о неумолимую статистику нью-йоркской Комиссии по иммиграции, обобщившей анкеты, заполненные клерками «Острова слез» со слов иммигрантов. Оказалось, что почти половина из них была **неграмотна**².

В этой связи будет уместным напомнить о настоящем сражении, разыгравшемся в начале XX века между исполнительной и законодательной ветвями власти США. И в центре этого сражения оказалась безобидная, на первый взгляд, проблема языка иммигрантов-евреев. В 1894 году группа активных националистов из Бостона создает Лигу ограничения иммиграции для оказания давления на иностранную политику Вашингтона. Спустя два года Конгресс утверждает предложенный Лигой законопроект об ограничении потока «нежелательных» восточноевропейских иммигрантов. Разрешалось допускать только тех, кто пройдет тест «на грамотность», то есть на «знание английского языка, или языка страны, из которой иммигрант выехал, или какого либо иного языка». Сенатору Генри Лоджу, известному историку и издателю, убежденному изоляционисту, а впоследствии резкому противнику вступления США в Лигу Наций, столь «широкая» формулировка пришлась не по душе, и он настоял на изъятии последних слов: «или какого-либо иного языка».

Это была откровенная дискриминация именно российских евреев, которые, как показано выше, знали только идиш или были вовсе неграмотны. Лишь многочисленные публичные протесты заставили членов Конгресса восстановить первоначальный текст законопроекта, впрочем, так и не ставшего законом по причине вето президента Г. Кливленда, разъяснившего, что введение подобного «ценза грамотности» означало бы недостойный отказ от исторической роли США как прибежища преследуемых. Но на этом дело не завершилось. С поразительной настойчивостью в течение двадцати лет Конгресс принимал аналогичные законопроекты, и каждый раз они отвергались уже другими президентами: У. Тафтом (в

1913-ом) и дважды В. Вильсоном (в 1915-м и 1917-м). Оба государственных мужа при этом руководствовались не партийными страстями (они принадлежали к разным партиям) или потенциальной реакцией электората, а высокой нравственностью³.

Имеется свидетельство одного из персонажей данного очерка, известного журналиста Г. Бернштейна (см. далее) о его встречах с Вудро Вильсоном как раз в период острых дискуссий вокруг «теста на грамотность». Вот слова президента США, сказанные им в интервью почти сто лет назад, но и сегодня не устаревшие: *«Это несправедливый и неправомерный тест для иммигрантов. Для шарлатанов и людей с криминальным прошлым, прибывающим к этим берегам с сомнительными и вредными жизненными установками, тест на грамотность не станет препятствием. Все они умеют читать и писать. А вот для многих из тех, кто бежал к нам, спасаясь от религиозных и политических преследований, кто не имел в своей стране возможности овладеть знаниями письма и чтения, этот тест окажется барьером на пути в Америку, хотя это честные и трудолюбивые мужчины и женщины, ищущие равных возможностей, полные страстного желания адаптироваться к американским жизненным стандартам и готовые внести свой вклад в процветание Америки».*

Доказательства последних провидческих слов руководителя государства не заставили долго ждать. В 1922 году вышел популярный ежегодник⁴, в котором содержится перечень знаменитых евреев Америки с указанием места рождения каждого. Среди 1500 имен оказалось 400 человек, то есть более одной четверти (!), рожденных в России. А ведь иммигрантский прибой к моменту выхода книги только-только утих, и значительная часть новых американцев просто в силу возраста не могла еще полностью состояться. В каких же профессиях проявили себя «знаменитости», распрощавшиеся когда-то с имперской родиной? Первые места занимают, разумеется, «молчаливые» специальности: музыканты и художники. Солидно представлены также деятели науки, инженерии, медицины... Есть и юристы, даже несколько местных конгрессменов, есть будущие вершители судеб киноиндустрии и т. д. А как же обстояло дело с мастерами слова?

Прежде всего, появление на берегах Атлантики сотен тысяч носителей языка идиш вдохнуло жизнь во влачившую жалкое существование идишистскую литературу и журналистику. Незамедлительно возникли новые еврейские газеты, а прежние увеличили свои тиражи в несколько раз. В 1916 году, например, только в одном Нью-Йорке выходило пять ежедневных газет на идиш (*Forverts*, *Jewish Daily News* и др.) общим тиражом около полумиллиона экземпляров, что превышало показатели многих популярных национальных газет США. А там, где растущие тиражи, там и новые имена. Вслед за патриархом идишистской литературы Шолом-Алейхемом (он умер в Нью-Йорке в 1916 году) к читателю пришли де-

сятки молодых, талантливых авторов, многих из которых ждали переводы на английский и, стало быть, всеамериканское признание. Вершиной этого потока стал Башевис Зингер (1904—1991), иммигрант из Польши, увенчанный в 1978 году Нобелевской премией по литературе.

Итак, мы приблизились к известным именам, особенность которых состояла в заявленном в заголовке очерка «двуязычии». И сразу возникает первоочередная задача: как определить эту самую «известность»? Где те критерии, которые позволили бы объективно оценить значительность творческого вклада литератора или журналиста в жизнь страны? Конечно, существует великое множество биографических словарей и энциклопедий, в том числе подготовленных еврейскими составителями и издательствами: «*American National Biography*», «*Encyclopedia Judaica*», «*Who's Who in American Jewry*», «*The Concise Dictionary of American Jewish Biography*» и др. Крупнейшие имена повторяются в каждом из подобных изданий, чего нельзя сказать об авторах «среднего звена», хотя среди них тоже были яркие фигуры с незаурядной судьбой. Чтобы не попасть в зависимость от индивидуального вкуса и знаний составителей энциклопедических индексов и ограничить возможность неминуемых пропусков, было решено в данной очерке определять понятие «известность» того или иного лица по наличию в газете «*New York Times*» некролога о его кончине. Эта газета — одна из старейших (основана в 1851 г.) и влиятельных в стране. С учетом указанных соображений и составилась перечень из 51 имени, сведенный в таблицу.

РУССКО-ЕВРЕЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ В США, писавшие на английском языке

Имя	Name	Даты жизни	Приб. в США
Азимов Айзек	Asimov Isaac	1920-92	ребенком
Ангофф Чарльз	Angoff Charles	1902-79	— « —
Антин Мери	Antin Mary	1881-1949	13 лет
Аш Натан	Asch Nathan	1902-64	13 лет
Бернштейн Герман	Bernstein Herman	1876-1935	17 лет
Бернштейн Гиллель	Bernstein Hillel	1896-1977	ребенком
Браун Лез	Brown Lew	1893-1958	— « —
Брудно Езра	Brudno Ezra	1877-1954	15 лет
Винер Лео	Wiener Lec	1862-1939	20 лет
Гаер Джозеф	Gaer Joseph	1897-1969	20 лет
Голомб Джозеф	Gollomb Joseph	1881-1950	ребенком

Давидсон Густав	Davidson Gustav	1895-1971	— « —
Дин Вера	Deen Vera	1903-72	16 лет
Дуран Ариель	Durant Ariel	1898-1981	ребенком
Езерская Андзя	Yezierska Anzia	1885-1970	16 лет
Зигель Эли	Siegel Eli	1902-78	ребенком
Карсон Саул	Carson Saul	1895-1971	— « —
Кобер Артур	Kober Arthur	1900-75	— « —
Кoen Роза	Cohen Rose	1880-1925	— « —
Курнос Джон	Cournos John	1881-1966	— « —
Лайонс Юджин	Lyons Eugene	1898-1985	— « —
Левин Исаак	Levine Isaac	1892-1981	19 лет
Левин Соня	Levien Sonya	1890-1960	ребенком
Лернер Макс	Lerner Max	1902-92	— « —
Либерман Элиас	Lieberman Elias	1883-1969	— « —
Лоренс Уильям	Laurence William	1888-1977	17 лет
Маркин Макс	Marcin Max	1879-1948	ребенком
Медисон Чарльз	Madison Charles	1896-1985	— « —
Рав Филип	Rahv Philip	1908-73	14 лет
Рейвич Герман	Rewitch Herman	1868-1944	ребенком
Рейсс Самуэль	Reiss Samuel	1905-64	— « —
Рибалов Гарольд	Ribalow Harold	1919-82	— « —
Ростен Лео	Rosten Leo	1908-97	— « —
Рот Генри	Roth Henry	1906-95	— « —
Рэнд Айн	Rand Ayn	1905-82	21 год
Слободкина Эсфирь	Slobodkina Esfir	1908-2002	20 лет
Спевак Самуэль	Spewack Samuel	1899-1971	ребенком
Стерн Элизабет	Stern Elizabeth	1890-1954	— « —
Струнски Анна	Strunsky Anna	1879-1964	— « —
Струнски Симеон	Strunsky Simeon	1879-1948	— « —
Тобенкин Элиас	Tobenkin Elias	1882-1963	17 лет
Фегин Натан	Fagin Nathan	1892-1972	ребенком
Флейшер Чарльз	Fleischer Charles	1871-1942	— « —
Френкель Михаил	Fraenkel Michael	1896-1957	— « —
Фриман Джозеф	Freeman Joseph	1897-1965	— « —
Фрейман Луис	Freiman Louis	1892-1967	14 лет
Хиндус Морис	Hindus Maurice	1891-1969	14 лет
Цейтлин Яков	Zeitlin Jacob	1883-1937	ребенком
Шаплен Джозеф	Shaplen Joseph	1893-1946	13 лет
Шнейдер Исидор	Schneider Isidor	1896-1967	ребенком
Ярмолинский Авраам	Yarmolinsky Avrahm	1890-1975	23 года

На последнюю графу таблицы следует обратить особое внимание. Научные разработки в области детской психологии, да и обычный житейский опыт подсказывают, что дети адаптируются к незнакомой языковой среде чрезвычайно быстро. Некоторые трудности возникают при несовпадении домашней и школьной языковой среды (весьма частая ситуация в семьях тогдашнего российского еврейства в Америке), но даже и в этих случаях у многих способных детей с незаурядным слухом исчезает со временем даже речевой акцент. Переломным становится возраст 13-14 лет и старше, когда восприятие «чужого» языка требует значительных усилий, а совершенное владение им на писательской ниве предполагает мощный лингвистический талант, свидетельство своеобразного феномена. В таблице представлено восемнадцать владельцев подобного таланта, то есть более одной трети имен. В силу ограниченности объема очерка, попробуем познакомиться поближе только с тремя из них, имевших два сходных биографических обстоятельства. Во-первых, все трое прибыли в Америку в примерно одинаковом, юношеском возрасте (около двадцати лет), а во-вторых, хотя их профессиональная жизнь сложилась по-разному (журналист-дипломат, ученый-филолог, библиотекарь), каждый посвятил немало времени переводам русской классики на английский язык, отдав дань подлинному двуязычию и подтвердив своим пером образное и меткое выражение Пушкина: «переводчики — почтовые лошади просвещения».

Герман Бернштейн. В 1893 году семья мелкого торговца Давида Бернштейна покинула белорусский Могилев в поисках счастья за океаном. Семнадцатилетний Герман, получивший традиционное еврейское образование, штурмовал английский язык, не жалея сил, и настолько успешно, что уже через несколько лет вышла его стихотворная книжка «Бег времени» (1899), а вслед за ней сборник рассказов «У ворот Израиля» (1902) и роман «Кающиеся сердца» (1905). Тема прозаических вещей, конечно же, еврейская иммиграция, сложные взаимоотношения ортодоксального и реформистского иудаизма. Живая и экспрессивная речь, совершенная словесная стилистика впечатлили многих издателей, что привело к приглашению сотрудничать с ведущими газетами: «*New York Herald*», «*New York Evening Post*», «*New York Times*».

Первая журналистская публикация (1905) — отчет о восстании русских матросов на броненосце «Потемкин» в далекой Одессе. Информация о событии была оперативно добыта Бернштейном у сестры высокопоставленного российского дипломата в Нью-Йорке. Русско-английское двуязычие молодого журналиста быстро оценили владельцы газет, и, начиная с 1908 года, Бернштейн — их специальный корреспондент в Европе. Особенно часто он появлялся на родине, в России, где уже начались тектонические процессы общественного переустройства, живым свидетелем которых он стал. Крупнейшие деятели культуры и политики были его

собеседниками: Лев Толстой и Леонид Андреев, граф Витте и Александр Керенский (с ним было несколько встреч — первая в августе 1917 года в Зимнем дворце, как с главой кабинета министров, остальные — в Лондоне и Париже, его пристанищах после бегства из России). Не «пропустил» Бернштейн и набиравшего вес Льва Троцкого, который дал ему интервью в марте 1918 года в опустевшем большевистском Смольном, готовившемся к переезду в Москву. Троцкий, сын управляющего имением на Украине Давида Бронштейна и интервьюер, сын белорусского торговца Давида Бернштейна, начали разговор на английском, но по предложению американца сразу перешли на русский. Важнейшие европейские события, отражавшиеся в корреспонденциях Бернштейна, публиковались на первых полосах американских газет: Версальская мирная конференция (1919—1920), Рапальский советско-германский договор (1922). И «попутно» снова беседы с властителями дум: Б. Шоу, философом А. Бергсоном, скульптором О. Роденом, Х. Вейцманом (тогда президентом Всемирной сионистской организации), А. Эйнштейном... Собранные под одну обложку три десятка интервью стали широко известны и неоднократно переиздавались.⁶

Не однажды сопутствовали Бернштейну крупные журналистские удачи. Одна из них случилась в 1917 году, когда, воспользовавшись хаосом, царившим повсюду, в том числе и в петроградских архивах, он с помощью своего знакомого Владимира Бурцева, известного публициста и издателя, обнаружил секретную переписку (65 телеграмм) между германским кайзером Вильгельмом II и царем Николаем II в период 1904—1907 годов. Содержание документов свидетельствовало о неосуществленном заговоре двух высоких корреспондентов против Британии. Переписка была тайно вывезена Бернштейном на запад и впервые опубликована (1918) в США с предисловием бывшего президента Теодора Рузвельта, возглавлявшего страну как раз в период тайного обмена телеграммами⁷.

С 1920 года визиты Бернштейна в Россию были запрещены, что несколько не удивительно, поскольку на базе личных наблюдений он опубликовал острый памфлет с названием-прогнозом «Большевики: мировые террористы» («The Bolsheviks: The World Dynamiters», 1919). Но неугомонному Бернштейну хватало дел и в Америке. Еврейская тема не оставляла его никогда. Еще в 1914 году он возглавил издание ежедневной газеты на идиш «*Der Tog*» («День»), получив по этому случаю личное поздравление В. Вильсона. Затем последовало руководство еженедельниками «*American Hebrew*» и «*Jewish Tribune*». Бернштейн подал свой громкий голос в защиту Менделя Бейлиса на провокационном процессе в Киеве (1911—1913), разоблачив вовлеченность в него царской охраны. Но, пожалуй, самой громкой акцией Бернштейна против антисемитизма стал его судебный иск к миллиардеру Генри Форду.

Ненависть автомобильного короля к евреям не была большим секретом. Особо осязаемо проявилась она, когда в собственной газете «*Dear-*

born Independent» Форд опубликовал (1920) фальшивку «Протоколы сионских мудрецов», рожденную в недрах царских спецслужб. Речь в ней шла о методах грядущего захвата мирового господства евреями, которые, судя по фордовским комментариям, уже сейчас приступили к этой задаче в Америке, подчинив себе Нью-Йорк и заняв главенствующее положение в музыкальной жизни США. Вся Америка следила за исходом дела по обвинению всемогущего промышленника в клевете. Массовые протесты и отказ евреев, и не только их, от покупки «опозоренных» автомобилей заставили Форда признать в суде свою вину, принести публичные извинения и обещать в дальнейшем прекратить публикацию подобных текстов. Правда, это обещание сохраняло силу недолго: Форд бурно приветствовал приход Гитлера к власти, часто гостил у него и даже был награжден высоким фашистским орденом.

В 1930 году Бернштейн был назначен президентом Г. Гувером посланником США в Албании. Они были сверстниками и знакомы еще со времен Парижской (Версальской) мирной конференции, на которой будущий президент входил в состав американской делегации. Бернштейн поддержал Гувера на президентских выборах, издав его биографию, озаглавленную «Человек, который открыл Америке мир». Трехлетнее исполнение дипломатической миссии сопровождалось не только регулярной информацией Госдепа о положении на Балканах, но привело к заключению важных для США договоров с Албанией. За заслуги на этом посту Бернштейн был награжден высшим албанским орденом Скандербеге.

Еще одна ипостась Бернштейна — переводчик художественной литературы. В этом качестве он познакомил англо-читающий мир с русской прозой и драматургией. Выбор имен таков — все они современники переводчика, с некоторыми, как мы знаем, он был лично знаком: Лев Толстой представлен рассказами, Леонид Андреев — десятком нашумевших пьес («Анатэма», «Самсон в цепях», «Дневник сатаны» и др.). Чем-то заинтересовал Бернштейна ранний М. Горький, он перевел его пухлый роман «Фома Гордеев» буквально через год после выхода из печати (1901). И совсем неожиданная фигура: драматург и теоретик театра Николай Евреинов (1879—1953), эмигрировавший в Париж в 20-е годы и посему исчезнувший из советских словарей.

Последний труд появился в год смерти Бернштейна (1935). На вынесенный в заголовок книги вопрос «Можем ли мы избежать войны?» («Can we abolish war?») авторский ответ был весьма пессимистичен... Вторая мировая война началась через четыре года.

* * *

Лео Винер. Если в обществе начитанных людей произнести это имя, — многие тут же закивают: как же, знаем — знаем, это создатель кибернетики! И будут правы только частично. Научного гения звали Норберт Винер,

и был он сыном человека, краткой биографией которого мы займемся. Льву (Лео) Винеру повезло с рождением чуть больше, чем его единоверцам в черте оседлости. Местом его появления на свет стал крупный польский город Белосток, где жестокости антисемитизма были послабее. Родителям удалось послать сына на учебу в Варшаву, там он закончил гимназию и начал было изучать медицину в университете. Что-то с учебными предметами не заладилось, и юноша переезжает в Берлин. Два года учебы в политехническом институте не привили Винеру любви к точным наукам, но помогли на первых порах акклиматизироваться в Америке, куда он прибыл в 1882 году. Потрудившись немного разнорабочим и развозчиком фруктов, Лео находит место учителя математики в крошечном городке Одесса в штате Миссури (к слову, на географической карте США не меньше пяти Одесс).

Через два года миссурийские власти повысили его в должности до преподавателя-инструктора старших классов в Канзас-сити. И только спустя восемь лет природные склонности и дарование взяли свое: Винер — ассистент профессора кафедры романо-германских языков местного университета. Его первые работы получили известность в научных кругах, в 1896 он был приглашен в престижный Гарвардский университет (Бостон) преподавать славянские языки и литературу. Здесь Винер проработал тридцать пять лет, пройдя все академические ступени научной карьеры и уйдя в отставку в 1930 г. Начал он с исследования лингвистических элементов идиш в польском, немецком, украинском и белорусском языках. Поездка в Европу позволила собрать уникальные материалы для двух книг, вышедших в 1899 году: «Народные песни российских евреев» и «История литературы на идиш в 19-м столетии». Последняя стала, по существу, первым исследованием в этой маргинальной области литературоведения. Не случайно во вступлении автор не без сарказма заметил: «Идишистская литература сегодня меньше известна миру, чем цыганская, малайская или северо-американских индейцев».

Однако славистика Гарварда требовала, разумеется, иных горизонтов. В 1902—1903 гг. Винер выпустил в своем переводе двухтомник «Антология русской литературы от начального периода до наших дней» (поэзия вошла в него в переводах других авторов). Издание было настолько успешным, что его тиражи периодически повторялись, а дата последнего выпуска — 2001 год, то есть спустя почти сто лет. Перечень имен (каждое сопровождалось небольшой биографией) представляет весь Олимп русской словесности, от Ломоносова и Радищева до Достоевского и Чехова, хотя среди богов «второй величины» есть и фигуры, не сделавшие своим творчеством заявку на вечность. Но ведь любая антология несовершенна и отражает лишь вкус составителя.

Следующий шаг ассистента профессора был просто ошеломляющим. За два года (1904—1905) Винер выпустил на английском собрание сочине-

ний Льва Толстого в **двадцати четырех томах**. Великий тезка переводчика, еще не завершивший к этому моменту свой жизненный путь, давно был его кумиром. Но отрывки из «Анны Карениной» и «Войны и мира» в упомянутой выше «Антологии» были только подступом к грандиозному труду, во вступительной статье к которому Винер заметил о себе: *«Переводчик родился и получил первоначальное образование в России, так что жизненный фон, изображенный Толстым, знаком ему как уроженцу этих мест, но с другой стороны, юность и возмужание переводчика пришлось на Америку, где вот уже двадцать лет он активно участвует в образовательной и литературной англо-саксонской жизни. Таким образом, перевод работ великого мыслителя невольно соединяет в себе точку зрения и русского, и американца. Полная сочувствия любовь переводчика к автору определяется во многих случаях еще и общностью практических установок и идей: он тоже многолетний вегетарианец и трезвенник, ему близки толстовские педагогические идеи»*⁸.

Остается загадкой, как известный славист (с 1911 года — профессор), выпуская год за годом такие, например, работы, как «Представление о русском народе» (1915), перевод записок «На войне» участника русско-японской кампании В. Вересаева (1917), «Современная драматургия России» (1924) и др., — находил время для реализации самых неожиданных замыслов: трехтомника «Африка и открытие Америки» (1919) или «Происхождение народов майя и мексиканцев» (1926). Винер был привлечен к очередному изданию всемирно известного словаря Вебстера («Webster's New International Dictionary»), для которого он подготовил более 8000 этимологических терминов.

Поздняя профессиональная известность на родине пришла к Винеру спустя много лет после кончины. В 9-томной «Литературной энциклопедии», выпущенной издательством «Советская энциклопедия» (1962—77) в статье «Славяноведение»⁹ сказано: «В США славистика зародилась в конце 19 в. благодаря стараниям Л. Винера». Подпись — Н. И. Толстой. Так правнук писателя, крупный академик-филолог Никита Толстой отметил заслуги заокеанского коллеги и почитателя своего великого прадеда.

* * *

Авраам Ярмолинский. По законам алфавита эта фамилия стоит в конце табличного списка, хотя по праву могла бы возглавить его. Родился Ярмолинский в городке Гайсин Подольской губернии в семье торговца, школьное образование получил в Кишиневе. В 1911 году эмигрировал, но не в общем беженском потоке за океан, а в Швейцарию, где около двух лет изучал современные языки. Пароход из Гавра доставил его в гавань Нью-Йорка в июле 1913 года. Через три года, по окончании Сити-колледжа, ему была присвоена степень бакалавра, а докторская — после защиты диссертации о творчестве Достоевского в Колумбийском универ-

ситете в 1921 году. Она явилась первой в истории научной работой, защищенной в американских университетах по русской литературе и языку.

Уникальная ситуация: еще в пору студенчества, в 1918 году, Ярмолинский был принят на работу в крупнейшую в то время городскую Публичную библиотеку в качестве куратора (руководителя) ее Славянского отдела и стал третьим на этом посту, занимая его почти сорок лет. К моменту его прихода книжные фонды отдела составляли 25 тысяч томов, что вывело тогда это хранилище на третье место в стране (после Библиотеки Конгресса и Гарвардского университета), а к выходу Ярмолинского на пенсию (1955) коллекция отдела превысила 100 тысяч книг, причем две трети из них были на русском языке¹⁰. Главные источники поступления составили межбиблиотечный обмен, дарения и закупка книг за рубежом. Последнее приобрело первостепенное значение в самом начале двадцатых годов, когда постреволюционная разруха в России поставила часть книжных богатств на грань исчезновения. Поэтому, когда в 1923 году библиотека выделила сумму на приобретение книг в России (5 тысяч долларов), решение командировать туда куратора Славянского отдела было принято незамедлительно.

Следует заметить, что Ярмолинский к этому времени мог предъявить на родине уже немалый литературный арсенал. Его переводы рассказов Л. Андреева, Куприна, Бунина и Короленко в ведущих журналах показали, что в его лице читающая Америка приобрела многообещающего мастера. Не удивительно, что, когда Матильда Витте, жившая в Бельгии вдова бывшего премьер-министра России, решила опубликовать секретные воспоминания своего мужа на английском, взоры ее американского издателя обратились именно к Ярмолинскому. Его перевод вышел в 1921 году и сразу стал бестселлером: в США еще не забыли роль, которую сыграл граф Витте в 1905 году во время русско-японских мирных переговоров, прошедших в Нью-Хэмпшире по инициативе президента Т. Рузвельта, ставшего в связи с этой акцией лауреатом Нобелевской премии мира. В статье о С. Ю. Витте в Британской энциклопедии (2002) перевод Ярмолинского удостоен высокой оценки.

Были и два личных момента, подтолкнувшие Ярмолинского к поездке в новую Россию. У него была в разгаре работа над большой биографией Тургенева, и он надеялся погрузиться в заманчивые библиотечные фонды Москвы и Петрограда. И еще он хотел показать молодой жене, поэтессе Бабетте Дейч (эмигрантке из Германии), свою родину, привезя с собой их первый совместный сборник-альманах «Современная русская поэзия» (1921). Почти трехмесячное путешествие было до предела насыщенным. Впечатляет количество приобретенных книг и периодики — более 9 тысяч¹¹. Это был результат тщательного обследования складов государственных и частных издательств, где ценнейшие книги зачастую грудились на полу в неразобранном и некаталогизированном состоянии. Москов-

ским и петроградским коллегам были прочитаны лекции о постановке библиотечного дела в Америке. Но главное — состоялось знакомство с виднейшими деятелями культуры России. Их неполный список мог бы и сегодня украсить любую энциклопедию: Анна Ахматова (была гидом американцев по Царскому Селу), Андрей Белый, Валерий Брюсов, Федор Сологуб, Владимир Маяковский, юрист Анатолий Кони (последний из живших корреспондентов Тургенева), Казимир Малевич, Всеволод Мейерхольд...

Имена двух писателей следует выделить особо — Евгения Замятина и Корнея Чуковского. С ними, уже после отъезда из России, у Ярмолинского завязалась многолетняя переписка. С Замятиным она была непродолжительной, поскольку замалчивание его творчества в СССР привело к выезду в Париж, где он и жил до своей смерти в 1937 году. Что же касается Чуковского, то в его лице Ярмолинский приобрел не только доброжелательного старшего коллегу, но и творческого единомышленника. Их переписка, ждущая своего публикатора, составила целую эпоху: с 1925-го по 1969-й годы, с большим и вполне объяснимым перерывом на время с конца 30-х до второй половины 50-х годов.

Через несколько лет после поездки в Россию увидело свет новое издание антологии русской поэзии (1927), и это стало многолетней традицией. В каждом новом сборнике перечень имен постоянно расширялся, вплоть до современных, молодых поэтов, рекомендованных Ярмолинскому Чуковским. Творческий семейный тандем Ярмолинских одолел даже такую поэтическую вершину, как пушкинский «Онегин» (1936). И хотя до и после существовало немало подобных попыток, их версия, сохраняющая дух и букву оригинала, в том числе и знаменитую «онегинскую строфу», до сих пор считается первоклассной¹². Но и русская проза не оставалась в стороне. Ярмолинский — автор биографий Тургенева (1926) и Достоевского (1934), ставших классическими в этом жанре. В его переводах американцы познакомились с Куприным и Лесковым, Чеховым и Салтыковым-Щедринным... А когда советские писатели оказывались в Нью-Йорке, миновать Публичную библиотеку и руководителя ее Славянского отдела они никак не могли. Так, например, в 1922 году состоялась встреча Ярмолинского с Сергеем Есениным, сопровождавшим А. Дункан во время ее американских гастролей¹³; в 1935 году — с Ильей Ильфом, который вместе с Е. Петровым путешествовал по стране в преддверии создания «Одноэтажной Америки»¹⁴.

Особняком в творчестве Ярмолинского стоят работы, которые он сам относил к рубрике «Russian Americana», то есть «Русская Америка». Будучи блестящим библиографом (на его счету — превосходные перечни литературоведческих работ на английском языке о Пушкине, 1937; Лермонтове, 1942; Чехове, 1949), он опубликовал исследование, благодаря которому впервые интереснейший трехсотлетний период отношений

между Россией и Новым Светом обрел реальную источниковедческую базу, введенную в научный оборот¹⁵. Его интерес привлекали имена русских путешественников, первыми ступившими на американскую землю: Г. И. Шелехова (1747—1795), основавшего русские поселения на Аляске и знаменитую «Российско-Американскую компанию», а также Н. П. Резанова (1764—1807), крупного государственного деятеля и почетного члена Петербургской Академии наук, участника кругосветной экспедиции, «русского Колумба», как назвал его Ярмолинский.

Могла ли тема русского еврейства пройти мимо эмигранта-слависта? Нет, разумеется. Его самой первой работой (1917) еще в период учебы был перевод литературного сборника «Щит»¹⁶, выпущенного под редакцией Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба в 1915 году в Москве «Русским обществом для изучения еврейской жизни». В сборнике, выражавшем резкий протест против бушевавшего антисемитизма, помимо редакторов, приняли участие К. Бальмонт, И. Бунин, В. Короленко, П. Милюков и другие. Внимательно следя за еврейской жизнью в СССР, Ярмолинский опубликовал обзор «Евреи и другие меньшинства при советском режиме» (1927), затем он привлекался издателями энциклопедий и словарей к ведению разделов, посвященных российским евреям-писателям. Так, в многотомной «The Universal Jewish Encyclopedia», изданной в 1939—1943 годах, перу Ярмолинского принадлежит не менее трех десятков статей, в которых упоминаются и имена писателей, исчезнувших с литературного поля: Исаак Бабель, уничтоженный к тому времени в тайных застенках, или Андрей Соболев, покончивший с собой.

В конце жизни А. Ярмолинский решил еще раз навестить Москву и своими глазами посмотреть на хрущевскую «оттепель». В 1962 году его и жену в Переделькино тепло принимал Чуковский. Двум старым корреспондентам было о чем побеседовать спустя сорок лет...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ S. Joseph. Jewish Immigration to the United States From 1881 to 1910. New York, 1969. P. 191.

² Ibid. P. 195.

³ J. Gribetz. The Timetables of Jewish History. New York, 1993. P. 316, 321, 325, 368.

⁴ American Jewish Year Book. New York, 1922. № 24.

⁵ А. Пушкин. набросок, 1830 (?). Полн. собр. соч. в 17 т., Л., 1937—59. т. 12. С. 179

⁶ Celebrities of Our Time. Interviews by H. Bernstein. New York, 1924.

⁷ The Willy-Nicky correspondence, being the secret and intimate telegrams exchanged between the Kaiser and the Tsar. New York, 1918.

⁸ The complete works of Count Tolstoy (translated and edited by Leo Wiener). NY, 1904-05. v. 1

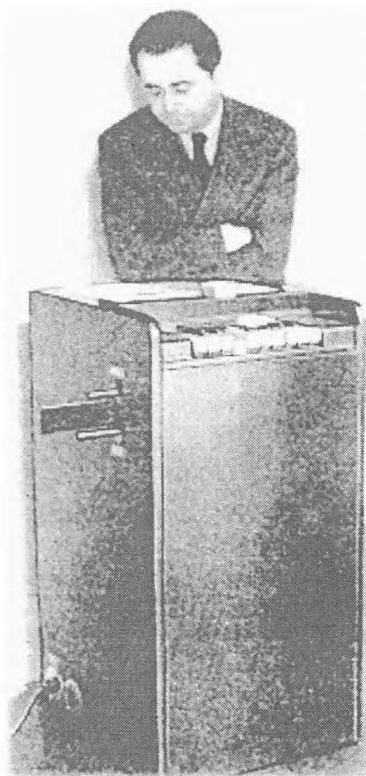
⁹ Том 6 (1971 г.). С. 928.

- ¹⁰ *R. H. Davis*. Slavic and Baltic Library Resources in the New York Public Library, 1994.
- ¹¹ Bulletin of the New York Public Library. 1926, February.
- ¹² Encyclopedia Britannica in 30 volumes, v. 15, article «A. Pushkin», list of English translations.
- ¹³ *А. Ярмолинский*. Есенин в Нью-Йорке. Новый журнал, кн. 51. Нью-Йорк, 1957. С. 112-19.
- ¹⁴ И. Ильф. Записные книжки 1925—1937. М., 2000. С. 435-43, 440.
- ¹⁵ *A. Yarmolinsky*. Russian Americana, Sixteenth to Eighteenth Centuries. NY, 1943.
- ¹⁶ The Shield. Edited by M. Gorky, L. Andreyev and F. Sologub. Transl. by A. Yarmolinsky. NY, 1917.

ИСКУССТВО

«ПЕРЕРОС МУЗЫКУ КАК ТАКОВУЮ»

ЕЛЕНА ДУБИНЕЦ (Сиэтл, США)

И. ШИЛЛИНГЕР

Композитор, музыковед, поэт, математик, художник, скульптор, фотограф — этими и другими профессиями обладал Иосиф Моисеевич Шиллингер, родившийся 1 сентября 1895 года в Харькове и умерший 23 марта 1943 года в Нью-Йорке. Человек, которого в двадцатые годы уважали в России, перед именем которого в середине века благоговели многие музыканты Нового Света. Однако к концу столетия сведения о нем оказались знакомыми очень и очень немногим. Это был человек, создавший интересные произведения в разных жанрах искусства и разработавший математическую теорию их анализа. Он был также создателем универсальной теории сочинения музыкальных произведений.

«Здесь, в США, труд Шиллингера одновременно почитается и презирается. В 1930-е и вплоть до смерти в 1943 году Шиллингер был наиболее популярным преподавателем музыки в Нью-Йорке. Однако даже тогда деятельность Шиллингера вызывала разноречивые оценки. Но после его смерти она стала казаться еще более

спорной, потому что он уже не мог редактировать свои записные книжки, в которых изложена его система музыкальной композиции¹, и не имел возможности усовершенствовать и защитить свое творение. Несмотря на доблестные усилия миссис Шиллингер и некоторых его бывших учеников, идеи этого теоретика постепенно оказались в немилости в музыкальном мире. Сегодня лишь некоторые знают здесь о шиллингеровских теориях. Многие из них объявляют его труд ничего не стоящим, несмотря на то, что они не удосужились

его досконально изучить. В этом и заключается проблема. Для того чтобы глубоко изучить труд Шиллингера, необходимо иметь учителя, поскольку книга написана очень плохо, а найти кого-то, кто от начала и до конца изучил двенадцать книг системы — нелегкая задача», — так писал о Шиллингере американский исследователь его творчества Лу Пайн² в письме к Е. Дубинцу 15 февраля 1997 года³.

На вопрос жены: «Кто может обучаться по системе?» — Шиллингер ответил: «Любой, кто хочет тяжело работать и обладает интеллектом и здравым смыслом. Этим моя система не может снабдить. Если у человека небольшой умишко, он не сможет сочинять великую музыку. Знание моей системы позволит ему писать лучшую музыку, на которую он способен. Вот почему интеллект и здравый смысл более важны в изучении моей системы, чем обычный музыкальный “талант” или “гений”, к которому обращены традиционные теории музыки. Это происходит из-за того, что старые теории не предоставляют реальных материалов, из которых состоит композиция. Мои теории справедливы во всех видах искусства, потому что я открыл... принципы, которые применяются ко всем искусствам — музыке, дизайну и комбинации техник, составляющих кинематографию, телевидение и еще не возникшие формы искусства»⁴.

Шиллингеровский подход к музыке был архитектурным. Он охватывал все ступени и стадии сочинения произведения, а не только одну из его сторон (как это бывает в современных теориях звукорядовых или ритмических преобразований). Шиллингер стремился рационализировать принципы искусства так, чтобы по его системе можно было сочинять в любом жанре или даже виде искусства. Один из его последователей, Гарри Лиден, утверждал: «Опередив свое время, Иосиф Шиллингер понял, что музыка — это естественная наука. Он беспристрастно и без эмоций установил ее свойства и составные части и изобразил их графически. Шиллингер первым разработал метод, позволяющий генерировать бесконечное количество ритмических фигур, а также научно анализировать модели прошлого. Это позволило нам проследить происхождение музыкального языка. Шиллингер также учит нас рационально создавать мелодию»⁵.

В целом, теория Шиллингера достаточно последовательно и целенаправленно отражает его взгляды о точном соответствии жизненных и художественных явлений и о математических основах искусств. Практика реализации этой теории неоднозначна и полемична, она вызывала и вызывает многие нарекания и недоумения, однако система Шиллингера была и остается уникальным целостным явлением в истории музыки.

При этом Шиллингер был талантливым композитором, которому удалось завоевать довольно большую известность в сравнительно молодом возрасте. Друг Д. Шостаковича, И. Шиллингер считался одним из самых ярких композиторов раннего советского периода. Его симфоническая рапсодия «Октябрь» была признана лучшим произведением первого со-

ветского десятилетия. Симфонические сочинения Шиллингера заказывались и исполнялись ведущими оркестрами России и позже Америки, о его музыке тепло отзывались Н. Мясковский, А. Мосолов, И. Глебов, Л. Стоковский и многие другие известные музыканты. Решив навсегда распрощаться с революцией и осев в заокеанском «Городе Желтого Дьявола», Шиллингер через несколько лет почти полностью перестал сочинять, предавшись занятиям музыкальной теорией и педагогикой. Почему? Прежде чем ответить на этот вопрос, вернемся в Харьков его детства.

Его родители, как сейчас принято говорить, деловые люди⁶, имевшие небольшое собственное предприятие, не поощряли художественных занятий единственного сына, проча ему карьеру в бизнесе. Однако, окончив в 1914 году классическую гимназию, Шиллингер (даже родители с детства звали его по фамилии!) решил посвятить себя музыке: он приезжает в Петроград и проходит полный курс обучения на композиторском отделении научно-композиторского факультета Петроградской государственной консерватории (учится у В. П. Калафати, М. М. Чернова, Н. Н. Черепнина, И. И. Витоля)⁸, а параллельно слушает курсы славянской истории и мифологии в Государственном университете Петрограда. Он уделяет большое внимание таким предметам, как история Египта, история Средних веков, история восточной философии, история религиозных систем. По утверждению Шиллингера, к двадцати пяти годам он знал шесть иностранных языков: иврит, латынь, немецкий, французский, английский и итальянский⁹.

После окончания консерватории молодой музыкант начинает преподавать композицию и теорию музыки, а в 1921 году становится профессором и деканом факультета композиции Харьковского музыкально-драматического института, являясь одновременно дирижером студенческого оркестра, консультантом Государственного оперного театра Украины и лектором культурно-просветительского отдела Харьковского технологического института.

В 1921—1922 годах его приглашают в Москву для работы консультантом Наркомпроса России, а с 1922 по 1926 год он занимает ту же должность в Петрограде¹⁰. В те же годы и вплоть до своей эмиграции Шиллингер преподает теорию музыки и композицию в Государственном институте музыкального просвещения, с 1925 года — на Высших государственных курсах искусствоведения при Государственном институте истории искусств в Ленинграде, с 1926 года — в Государственном центральном музыкальном техникуме Ленинграда. До 1928 года Шиллингер был также постоянным сотрудником журналов «Жизнь искусства» и «Вестник зарубежной литературы». В 1926 году он становится вице-президентом Ленинградского отделения Международного общества современной музыки и членом правления Ленинградской ассоциации современной му-

зыка, а в 1928-м — членом президиума Комитета современной музыки при Государственном институте истории искусств в Ленинграде.

Последние два года жизни в России были связаны у Шиллингера с «американским элементом» — джазом. Шиллингер становится лектором при Первом джазовом оркестре России.

28 апреля 1927 года в зале Государственной академической капеллы Ленинграда состоялся концерт Первого концертного джаз-банда под управлением консерваторского друга Шиллингера, молодого пианиста Леопольда Теплицкого. Перед концертом Шиллингер прочитал доклад, тезисы которого запечатлелись в программке:

«Исторические предпосылки джаза и его возникновение. Народные истоки джаза. Инструменты джаза. Импровизация и основы исполнительской техники в джазе. Репертуар. Джаз и современная музыка.

Джаз и “Д. Е.”. Похороны по Шпенглеру. Два метода омоложения: Штейнбах и Джазбо. Европа хочет омолодиться. Классики дыбом. Трансатлантическая инфекция. “Сердца и доллары”.

Социальное значение джаза. Осуществление лозунга “Музыка массам”. Перспективы русского джаза. Джаз и МОТ (“Музыкальная организация труда”). Гипотеза Штумпфа о происхождении музыки. Сигнал в производстве, как исток грядущих музыкальных форм. Механические музыкальные инструменты. Электрификация музыки. Музыка будущего и ее социальное значение»¹¹.

Этот же концерт был с успехом повторен 9 мая 1927 года в зале Ильича Клуба металлистов «Красный путиловец».

Через некоторое время в журнале «Музыка и революция» появилась рецензия Мариана Ковалю на этот концерт следующего содержания¹²:

«С легкой руки Росфила, вывезшего из Европы в прошлом концертном сезоне европейско-негритянский “джаз-банд” — нововведение это начало популяризоваться в СССР. Увеличилось количество “джаза”, частично заразились этой эпидемией и клубы.

Но через некоторое время волна увлечения начала падать, “джаз” не нашел прав гражданства в нашем советском искусстве. Однако отголоски этой эпидемии еще кое-где остались. Этим “кое-где” оказался Ленинград. Недавно в Ленинграде организовался “Первый концертный джаз-банд”, первое выступление которого состоялось в апреле с. г. в зале Гос. Ак. Капеллы.

Вступительное слово говорил композитор И. М. Шиллингер, выдвинувший ряд следующих положений:

1) “Фокстрот и джаз — формула, эквивалентная сознанию современного человека”,

2) “От симфонии к джазу”,

3) “Классики должны быть поставлены дыбом — исполнять их нужно на современный лад”,

4) “Джаз — средство омоложения Европы”,

5) *“Джаз конкурирует с вокальной музыкой”.*

Затем докладчик почему-то сравнил «Джаз-банд» с По-Рамо (!), заметил, что для “Джаза” более приличной была бы “театрализованная форма доклада” и объявил, ... что “МОТ” (музыкальная организация труда — джаз во время работы) повышает производительность труда на 30-40 %. Этот “обстоятельный доклад” был прерван криками “довольно”, и докладчик, скомкав конец, в заключение попугал находящихся в зале композиторов “электрификацией музыки”, благодаря которой композиторам будет “нечего делать”...

После докладчика выступил сам “джаз-банд”, аккуратно и чистенько исполнивший ряд американских фокстротов среднего и низкого качества, часть которых написана на мелодии Римского-Корсакова, Верди, Гуно и Рубинштейна (“классики дыбом”...). Даже русская песня “Эй, ухнем” была удостоена переделки на фокстрот. Публике было смешно. Но некоторые ушли даже в “восхищении”. “Первый концертный джаз-банд” имел “успех”.

Мы рассматриваем этот факт как наступление музыкальной реакции, нашедшей себе место в условиях НЭПа, и считаем необходимым поднять голос против пропаганды подобных экспериментов “омоложения”.

Однако, в архивах Шиллингера сохранилось несколько забавных и вполне оптимистичных записок¹³ от присутствовавших на этом концерте рабочих: «Джаз-банд будет музыкой будущего... Джаз-банд — давай музыке в духе рабочего быта России!»; «Тов. Шиллингер. С Вами вполне согласен, что эта музыка действительно оздоравливает и омолаживает. Как Вы выразились, главная причина этому первым делом — строгий ритм»; «Приятно и радостно слушать веселые с сильным ритмом фокстроты».

В программе концерта, помимо джазовых обработок известных классических мелодий, были и подлинно джазовые произведения американских композиторов, таких, как И. Берлин, Дж. Гершвин, Ф. Блэк и другие. Знаменательно, что некоторые из них позже стали учениками Шиллингера.

Перенесемся через десятилетие и через океан и увидим, как в феврале 1936 года всемирно известный композитор Джордж Гершвин дарит учителю партитуру своей оперы «Порги и Бесс» с надписью на опубликованной там собственной фотографии: «Иосифу Шиллингеру: В знак признательности его огромного учительского таланта и с наилучшими пожеланиями. Джордж Гершвин»¹⁴. Н. Слонимский утверждает, что Гершвин «применил шиллингеровскую технику гармонического напластования в оркестровой партии оперы «Порги и Бесс». Он также использовал идеи Шиллингера о сериях для расширения тональности и времени, включая повторение интервалов темы»¹⁵.

16 мая 1935 года Гершвин пишет Шиллингеру: «Я закончил музыку для оперы и также оркестровку первого акта. Сейчас я работаю над вторым актом партитуры, но это продвигается медленно. Хотелось бы увидеть Вас в один из дней и, возможно, продолжить брать уроки, так как я планирую

*быть в Нью-Йорке все лето»*¹⁶. После этого плодотворного лета¹⁷, в октябре 1935 года, состоялась премьера «Порги и Бесс», принесшая ее автору мировую славу, а Шиллингеру — новых учеников. Однако его роль в создании оперы осталась почти незамеченной.

20 октября 1942 года Шиллингер написал письмо музыковеду Дэвиду Ивзну, только что издавшему книгу о современных композиторах, в котором, сославшись на отсутствие информации о себе в главе о Гершвине из этой книги, сообщил: *«Гершвин учился у меня в течение четырех с половиной лет, беря по три урока в неделю все это время. “Порги и Бесс” была написана полностью под моим руководством; это заняло полтора года, по три урока еженедельно (что равнялось в то время четырем с половиной часам в неделю). Он изучил все разделы моей теории композиции, т. е. ритм, мелодию, гармонию, контрапункт и т.д., за исключением оркестровки»*¹⁸.

Публицист Э. Феррис свидетельствовал, что Гершвин сочинил по вдохновению только одну мелодию из «Порги» — знаменитую «Summer time», — все же остальные были просчитаны по шиллингеровскому методу¹⁹. Считается, что именно Шиллингер превратил «бродвейского балладиста»²⁰ Джорджа Гершвина в автора «Порги и Бесс».

По утверждению Вернона Дюка, *«Гершвин пришел к Шиллингеру не для того, чтобы просить у него помощи в написании “Порги”...»*²¹. *«“Шиллингеровское рабство” принесло непредвиденную свободу музыкальному выражению Гершвина»*²². Помимо «Порги и Бесс», под влиянием Шиллингера было написано сочинение для фортепиано с оркестром «У меня есть ритм». Тем не менее, влияние системы Шиллингера на творчество Гершвина подвергалось сомнению и замалчивалось до тех пор, пока в 1997 году выпускник Московской консерватории и Чикагского университета Илья Левинсон не защитил докторскую диссертацию на тему «О чем поведали треугольники: проявления “системы музыкальной композиции Шиллингера” в “Порги и Бесс” Джорджа Гершвина»²³. В этой работе проводится подробный анализ фрагмента третьего акта оперы Гершвина с точки зрения преломления в нем шиллингеровских инструкций, в результате которого автор делает вывод о том, что *«использование шиллингеровской техники в опере очевидно. Это можно проиллюстрировать, поняв некоторые приемы системы Шиллингера и затем проанализировав отдельные места оперы, в которых Гершвин отступает от своего раннего стиля или привносит его в новые области [...] Я полагаю, что Гершвин использовал идеи Шиллингера свободно, не становясь строгим последователем его правил, благодаря опыту активного и плодотворного композитора»*²⁴.

Через год после премьеры оперы, 13 октября 1936 года, Гершвин пишет Шиллингеру из Голливуда: *«Я довольно часто вижу Оскара Леванта и Эда Пауэлла, и мы много говорим о Вас. На самом деле, здесь, по крайней мере, полдюжины Ваших бывших учеников. Может быть, когда-то Вы тоже решите сюда приехать»*²⁵.

Джазовый пианист Оскар Левант подарил Шиллингеру партитуру своей «Сонатины», написав на титульном листе: *«Джозефу Шиллингеру (моему учителю) с уважением и восхищением. Оскар Левант»*²⁶.

Известно, что Гленн Миллер написал свою знаменитую «Серенаду лунного света» в качестве упражнения по системе Шиллингера. Бенни Гудмен²⁷, Томми Дорсей, Джерри Маллиган и другие знаменитые джазовые музыканты также учились у Шиллингера.

На Западе существует мнение, что именно из-за своей предконцертной лекции о джазе — первого теоретического слова о джазе в Советской России, — вызвавшей бурно негодующую реакцию в определенных кругах, Шиллингер был вынужден эмигрировать в Америку. По утверждению американского музыковеда Ф. Старра²⁸, Шиллингер неоднократно допрашивался в ГПУ в 1928 году и решил уехать из страны при первой же возможности, которая возникла благодаря приезду в Ленинград чикагского педагога Джона Дуя, организовавшего для Шиллингера приглашение в Америку.

Заручившись рекомендательными бумагами от советских организаций, в которых он работал, Шиллингер собирает чемоданы. По свидетельству Старра, *«последний телефонный звонок, полученный Шиллингером перед отъездом из Ленинграда, был от матери его близкого друга Дмитрия Шостаковича, которая обратилась к Шиллингеру с просьбой сделать все возможное для того, чтобы организовать эмиграцию в Америку ее сына»*²⁹.

Итак, эмиграция. Шиллингер выехал из Советского Союза как бы в командировку, оформив заграничный паспорт следующего содержания: *«Предъявитель сего, гражданин Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Союза Советских Социалистических Республик Шиллингер Иосиф Моисеевич отправляется за пределы Союза Советских Социалистических Республик за исключением: Болгарии и Румынии, в удостоверение чего и для свободного проезда дан сей паспорт с приложением печати.*

*Настоящий паспорт действителен для проживания вне пределов Союза Советских Социалистических Республик в течение одного года со дня переезда границы»*³⁰.

По визам, проставленным в паспорте, можно судить о пути следования Шиллингера в Америку. 25 июля 1928 года он прибыл в Германию, где задержался для «музыкальных изучений» до начала ноября. Затем он въехал во Францию, побывал в Париже, погрузился в Шербуре в каюту второго класса на корабле «Маджестик», следовавшем из Англии в Нью-Йорк, куда и прибыл 13 ноября 1928 года *«для чтения лекций о современной российской музыке по приглашению Американского общества культурных отношений с Россией»*. Заметим, что процесс получения американской визы для Шиллингера был не прост, поскольку пригласившее его Общество считалось в США рассадником коммунистической пропаганды,

и Шиллингеру было изначально отказано в визе по подозрению в коммунизме. Однако Обществу удалось доказать, что эти подозрения ложны, и переслать по требованию консула в Берлин 1300 долларов для снабжения Шиллингера необходимыми средствами для существования в США, после чего ему была выдана американская виза.

2 февраля 1929 года в Американском обществе культурных отношений с Россией был устроен прием в честь Шиллингера, на котором исполнялось несколько его произведений (в том числе впервые — «Танцевальная сюита» для виолончели соло, ор. 20), и сам композитор прочитал лекцию о своем творчестве, набросок которой сохранился³¹. Он говорит, что *«считает себя представителем конструктивизма, претендующего на эмоциональную реакцию слушателя, в отличие от конструктивизма аэмоционального, характерного для современной германо-австрийской музыки. Будучи написаны с расчетом вызвать определенную реакцию, исполняемые произведения являются результатом рационального композиторского процесса, учитывающего как возможности инструмента, так и рефлексологию слушателя определенной категории... Наряду с этим, одной из главных задач автора является музыкальное сюжетосложение, имеющее много общего с техникой монтажа кино-фильма»*.

Через год после прибытия в Новый Свет начинается борьба Шиллингера за получение легального статуса для жизни на американской земле. 21 ноября 1929 года он получает петицию за номером 99246/569 из иммиграционной службы департамента труда на *«продление Вашего временного разрешения [на работу в Америке] до 1 июня 1930 года, поскольку были предоставлены выездные документы и удовлетворительные гарантии»*.

В начале следующего года Шиллингер подает прошение об иммиграционном статусе временного жителя Америки. С 14 по 17 апреля 1930 года он находился в Торонто, где сдал свои документы в канадский консулат США и вновь въехал в США, уже подав заявление на иммиграционную визу. Среди этих документов было письменное показание под присягой Олина Доунса, музыкального редактора «Нью-Йорк Таймс», который был в России в 1929 году, слышал записи композитора и разговаривал с официальными лицами об Иосифе Шиллингере³²:

«3 апреля 30 г.

Тем, кого это может касаться:

Это письмо написано в подтверждение того, что я знаю Иосифа Шиллингера как музыковеда и композитора в течение 15 месяцев и что до прибытия в Америку около 1. 5 лет тому назад он был сотрудником факультета Государственного института истории искусств в Ленинграде (Россия). Когда я был в Ленинграде в мае прошлого (1929) года, я разговаривал в Институте о работе Шиллингера, и мне показывали примеры его произведений, а также свидетельства его работы как профессора, собирателя и исследователя русской народной музыки.

Его композиторская деятельность известна в нашей стране, в России и в Европе. Я знаю, что он абсолютно честен, что его деятельность в нашей стране не имеет политической подоплеки или цели и что в последние месяцы пребывания в этой стране [США] он работал в музыкальной лаборатории профессора Термена, располагающейся в доме 24 по 59-й Вест стрит в Нью-Йорке. Один из наших симфонических оркестров исполнял в Нью-Йорке и других американских городах произведения, которые мистер Шиллингер специально сочинил для использования мистером Терменом.

Я рад дать эти показания о мистере Шиллингере как человеке и музыканте и буду счастлив ответить на любые дальнейшие вопросы о нем.

Олин Доунс».

Помимо этого свидетельства, Шиллингером было представлено письменное показание его лучшего друга Льва Термена, касающееся деятельности Шиллингера в США³³:

«Лев Термен под присягой подтверждает:

[...] что он знает Иосифа Шиллингера, который ходатайствует о вневизитной визе иммигранта США;

что указанный Иосиф Шиллингер работал с ним в городе Нью-Йорке с 15. 03. 29 до настоящего времени... Названный Иосиф Шиллингер участвует в его акустических исследованиях и развивает новую теорию музыки, которая охватила бы эфирно-волновую музыку;

что названный Иосиф Шиллингер в этот период также участвовал в создании книги “Эфирно-волновая музыка”, в которой описываются произведения, созданные свидетелем [Львом Терменом — Е.Д.] и названным Иосифом Шиллингером в течение этого времени;

что он подтверждает данную 16 октября 1929 года американскому департаменту труда в Вашингтоне информацию о сотрудничестве Иосифа Шиллингера с ним и что, как он полагает, на основе этого свидетельства Бюро иммиграции продлит разрешение указанному Иосифу Шиллингеру на временное проживание в США.

11 апреля 1930 года».

Итак, с 1928 по 1931 годы Шиллингер сотрудничал с Л. Терменом, одним из самых близких ему по духу людей. В ноябре 1929 года он написал «Фельетон о Термене»³⁴, в котором есть такие фразы: «Слушая впервые музыкальный инструмент Термена в 1922 году в Ленинграде, я сразу учел огромные преимущества этого инструмента перед всеми до сих пор бывшими в употреблении. “Здесь начинается вторая половина истории музыки”, сказал я тогда своим друзьям... Звук терменвокса настолько оздоравливающее действует на слух, что когда я впервые услышал его, а на следующий день посетил столичный симфонический концерт, впечатление от последнего было таково, словно я еду на громоздкой, запряженной битюгом колыхаге, что мне тряско, шатко, ненадежно. Меня всегда поражало это несоответствие состояния общей материальной культуры по сравнению с материальной куль-

турой музыки. Я постоянно испытываю какое-то чувство неловкости, когда с улицы, где пятидесятиэтажные дома воздвигаются в шесть месяцев, попадаю в концерт, где играют на дудках, рожках, бьют по натянутой телячьей шкуре, конским волосом трут жилы и т. п.... Инструмент Термена прежде всего замечателен тем, что, будучи последним словом инженерии и не требуя от исполнителя никаких физических усилий, он в то же время по чуткости в отношении воли исполнителя, по возможности индивидуального проявления последнего — превосходит все существующие музыкальные инструменты, в том числе и человеческий голос... После первого прослушивания терменвокса в 1922 году для меня не осталось никаких сомнений, что в будущем он вытеснит все инструменты, не соответствующие уровню общей материальной культуры. И тогда же я осознал, что наивысшей творческой радостью будет для меня возможность писать «аэрофонии», т. е. симфонии для оркестра, целиком состоящего из подобных инструментов... «Первая Аэрофоническая Сюита» — только первый шаг в ряду моих композиторских замыслов, связанных с этим инструментом. Следующее крупное сочинение я рассчитываю сделать для ансамбля из этих инструментов с органом. Из существующих музыкальных инструментов орган дает наилучший результат в сочетании с терменвоксом... Я считаю симфонический оркестр высшим достижением музыки прошлого. Сочетание RCAtheremin'a с оркестром меня интересует, как соединение последнего слова инструментария прошлого — с первым словом инструментария будущего».

Через много лет после плачевного возвращения³⁵ Термена на родину и ухода его друга Шиллингера в мир иной, в 1967 году, в Москве, Термен получает письмо от вдовы Шиллингера и отвечает ей 2 мая того же года пространным письмом, в котором есть такие строки: «Я очень скорблю, что Мр. Шиллингер покинул нас, но я уверен, что его труды навсегда останутся в музыкальном искусстве и композиторстве будущего... Для меня очень важно иметь копию музыки, написанной моим лучшим другом Иосифом, «Первой Аэрофонической сюиты». Имея партитуру, мы, конечно, исполним это произведение с нашим оркестром и, я уверен, с большим успехом. Я так рад, что неожиданно получил от Вас это сочинение. Иначе я должен был бы сожалеть о безвозвратной потере этой самой дорогой для меня памяти»³⁶. В следующем письме, написанном 15 августа того же года, Термен благодарит Фрэнсис за присланные ноты, сообщает о подготовке к исполнению «Аэрофонической сюиты» и о том, что Святослав Рихтер вряд ли будет исполнять фортепианные сочинения Шиллингера³⁷, зато 19-летняя дочь Термена Натали очень хочет их сыграть. По всей видимости, ни «Аэрофоническая сюита», ни фортепианные пьесы так и не были исполнены в России.

Вскоре после завершения плодотворной совместной работы с Терменом, 1 июля 1932 года Шиллингер подает документы на грант фонда Гугенхейма³⁸, благодаря которому он собирался написать книгу

«Материалы в одной части, основанные на физико-математической теории музыкальной композиции, и приложение этой теории к творчеству, синтезу звука, свету и действию». О цели своих занятий Шиллингер пишет в русскоязычном эскизе заявления так (стиль автора оставлен без изменений): *«Параллельно с работой над физико-математической теорией музыкальной композиции я предполагаю разработать с помощью Л. Термена проекты различных машин для автоматической композиции музыки. Л. С. Термен считает такие машины вполне осуществимыми. Я не считаю своевременным затрагивать этот вопрос в настоящем заявлении. Однако укажу, что, например, механизм, относящийся к первой части теории (одноголосию), будет основан на принципе движения шарика по электромагнитному полю и будучи индуктирован электромагнитами разной силы и разно расположенными, — будет двигаться по некоторой кривой, оставляющей след и могущей быть переведенной впоследствии на ноты, либо непосредственно производя звуки от присоединенного электрического музыкального инструмента. При этих условиях музыкальное произведение может передаваться по радио в то время как оно сочиняется машиной. Конечной целью занятий является построение синтетической машины, могущей сочинять произведения высшего порядка и притом с большей степенью совершенства, чем это доступно живым композиторам. Машине будет задаваться только общая физико-математическая идея, а выполнение будет идти автоматически».*

Таким образом, Шиллингер оказался пророком: он предсказал создание компьютерных технологий сочинения музыки. Однако эту свою идею он не только не осуществил, но и не описал должным образом нигде, кроме данного эскиза.

В том же заявлении Шиллингер признается, что Америка — лучшее место для написания его книги. Здесь же он прилагает краткие сведения о себе:

«Родился 1 сентября 1895 года. Мой родной язык — русский. Я читаю и пишу по-латыни. Я читаю, пишу и говорю по-английски, французски и немецки. Я могу консультироваться с работами по моему предмету по-русски, латыни, английски, французски и немецки.

Член: Genossenschaft Deutscher Tonsetzer, Берлин; Музыковедческого общества в Нью-Йорке; Национального географического общества в Вашингтоне.

Моя первая публикация в Америке — статья об электронной музыке, которая появилась в “Модерн мюзик” в апреле 1931 года. Моим вкладом в работу Нью-Йоркского музыковедческого общества являются доклады “Классификация ладов внутри равномерной темпериции” (прочитанный год назад) и “Система тональной гармонии”, который я прочитал 9 ноября 1931 года.

Мое расписание на эту зиму включает ряд курсов в семинаре по современной музыке в Новой школе социальных исследований и лекцию по русской народной музыке 8 февраля 1932 года.

Доклад, озаглавленный "Теория синхронизации музыки и фильма", был представлен в Государственном институте истории искусств в Ленинграде (Россия) в апреле 1928 года.

Среди статей, опубликованных непосредственно перед отъездом из России, были "Симфоническая драма", "Музыка и электричество", "Современная полифония". Несколько лекций, которые я прочитал незадолго до отъезда, назывались "Музыка и относительность", "Социальное значение джаза в Америке и Европе", "Пути современной музыки", "Очерк эволюции гармонии".

Я прибыл в Америку по приглашению Американского общества культурных отношений с Россией для прочтения лекций по современной русской музыке. Найдя, что Америка как нельзя лучше стимулирует творчество, и поняв, что моя деятельность имела бы наибольший размах и простор в Нью-Йорке, и что мой вклад был бы здесь наибольшим, я стал постоянным жителем страны и подал мои первые документы на гражданство 18 ноября 1930 года.

Среди последних исполнений моих музыкальных композиций:

"Соната-рапсодия" для фортепиано в лекции-концерте Кита Корелли в "Музыкальном исследовательском обществе" в Вашингтоне, округ Колумбия, в аудитории Библиотеки Конгресса;

"Траурный марш" в исполнении "Лиги композиторов" 2 марта 1930 года в Нью-Йорке;

фортепианные сочинения "Танец", "Гротеск" и "Эксцентриада" в трансляции из Мюнхена (Германия) 25 февраля 1930 года в исполнении Ирены Вестерман из Берлина;

"Песенка" (дуэт) в исполнении Нины Кошиц и Габриэля Леонова в четвертой лекции-концерте "Школы канторов Нью-Йорка" в танцевальном зале Колониального клуба 8 января 1930 года;

"Поступь Востока" в исполнении Кенигсбергского симфонического оркестра (Германия) под управлением Эриха Сидлера, которое транслировалось по Восточному радио 8 мая 1931 года;

балет "Люди и пророк" в исполнении Бенджамина Зимаха и его группы 25 января 1931 года в Гражданском театре Нью-Йорка;

вокальные сочинения с аккомпанементом для электрического музыкального инструмента были представлены Ниной Кошиц и Львом Терменом в Сити холле Нью-Йорка 4 января 1931 года;

много сочинений для электрических инструментов, исполнявшихся Львом Терменом и его ассистентами в Америке и Канаде.

Среди композиций, которые будут исполнены и переданы по радио в Америке в течение этого сезона — "Великорусская симфония" для Большого симфонического оркестра, сочиненная по заказу "РКА-Виктор компани" в течение лета 1930 года.

В этом же заявлении Шиллингер рассказывает, как он пришел к созданию математической теории музыкальной композиции. Приведенный ниже фрагмент поможет лучше понять натуру Шиллингера и ответить

на вопрос, почему через несколько лет Шиллингер практически перестал сочинять музыку:

«Проявляя еще в раннем детстве большую творческую одаренность в разных областях искусства, наряду с этим и пожалуй еще ранее того меня мучительно интересовала механическая сущность биологических и эстетических явлений. Мое первое воспоминание относится к полуторалетнему возрасту, когда я разбил голову куклы для того, чтобы узнать, каким образом она открывает и закрывает глаза. С пятилетнего возраста я стал писать стихи, прозу и пьесы для театра. Я впоследствии прошел курс версификации, был профессиональным журналистом и оставил занятия художественной литературой лишь в 1922 году. В 1921 году Украинским государственным издательством была опубликована моя философская поэма “Скрижаль теурга”, а в следующем году книга мистических поэм “Светлая весть”.

В 1928 году я написал либретто для оперы “Игра в волан”, а в 1929 году фельетон об электрической музыке и скептиках (в форме диалога)⁹. В России было указано огромное количество моих статей по музыке и синтетическому искусству. Целый ряд моих статей и теоретических работ оказались пророческими. В 1918 году я опубликовал первую статью о необходимости для целей музыкального прогресса производить звук непосредственно от электрического источника, а годом позднее состоялась первая публичная демонстрация электрического музыкального инструмента. В 1922 году я опубликовал статью о “Симфонической драме”, где предлагается пользоваться кинетикой музыкальной симфонии для построения драматического спектакля. В 1922 году я представил проект теории синтетической киномузыкальной формы в Северо-Западное отделение государственной кинематографии. Даже в настоящее время положения этой теории едва начинают применяться на практике. Мне пришлось прочесть множество публичных лекций на самые разнообразные темы. Упомяну несколько тем: “Музыка и относительность”, “Социологическая роль джаза в Америке и Европе”, “Пути современной музыки”, “Электрическая музыка” и др.

Сочинение музыки с десятилетнего возраста стало для меня биологической необходимостью. Это было ощущение, подобное чувству голода. Музыкальные образы стали меня одолевать очень рано. С семилетнего возраста я уже был способен запоминать и воспроизводить в точности целый ряд арий с одного прослушивания оперы. Я выучился нотам самоучкой и исключительно с целью сочинять музыку. С десяти до пятнадцати лет я написал невероятное количество фортепианной и вокальной музыки. При этом до пятнадцатилетнего возраста у меня не было никакого музыкального инструмента, а в доме не было никакого музицирования. Книги по музыкальным теориям с первого же прочтения усваивались мною необычайно легко и почему-то сразу казались мне знакомыми.

В восьмилетнем возрасте я придумал язык с полной грамматикой и словарем. Так как эти записи хранились в течение многих лет, то впоследствии

было очень любопытно обнаружить, что из всех существующих языков этот мой язык оказался наиболее близким к санскриту.

Неудивительно поэтому, что и желание построить свою теорию музыки обнаружилось сравнительно рано. Уже в 1916 году я сделал много исследований в области конструктивной формы. Занятия по теории композиции в Императорской петербургской⁴⁰ консерватории меня не удовлетворяли с самого начала. Я решил не терять времени и окончил ее в три года, вместо минимальных четырех. В 1918 году мною была уже разработана самостоятельная система тональной гармонии, послужившая базисом для моих дальнейших работ в этой области. Не столько занятия математикой, сколько личное почти постоянное общение с выдающимися математиками (из коих один был превосходным музыкантом) определило в дальнейшем направление моей мысли в области музыкальных теорий.

Мою композиторскую деятельность и карьеру я не могу не считать в высшей степени удачной, поскольку моя музыка исполняется в различных странах, отличными дирижерами, поскольку мои произведения принимаются аудиториями восторженно и поскольку ни одно произведение не залеживается в портфеле. Исполнение моей "Аэрофонической сюиты" в Нью-Йорке вызвало овацию, длившуюся ровно столько, сколько само произведение. Это отмечено прессой. При отборе наилучших произведений, написанных за последнее десятилетие, для посылки на интернациональный фестиваль в Льеже, московская художественная комиссия во главе с композитором и профессором композиции Московской государственной консерватории Н. Я. Мясковским поставила на первое место мою "Симфоническую рапсодию". Это произведение было указано в программе Филадельфийского оркестра п. у. Леопольда Стоковского (по неизвестной мне причине было снято с программы с рядом других современных произведений за три дня до концерта).

Прошлым летом я написал в течение шести недель по заказу Victor Comptu первую симфонию, специально написанную для радиопередачи. Эта симфония будет исполняться в текущем сезоне⁴¹.

Однако несмотря на безусловный успех, профессиональное композиторство меня более не удовлетворяет. Я могу этим заниматься между прочим, как я могу играть между прочим в другие игры. Я чувствую себя переросшим этот род деятельности. Я чувствую своим культурным долгом выполнить задачу несравнимо более важную и ответственную, чем сочинение симфоний по способу "как подсказывает чувство и вкус".

Таким образом, Шиллингер решает создать научную теорию «сочинения симфоний» по строго просчитанным методам, а не полагаясь на «чувство и вкус» (и сочиняет с тех пор редко и по математическим принципам). Основы этой теории к тому времени были им уже разработаны, а окончательно она сформируется в ближайшие годы, в процессе подготовки к частным урокам⁴², которые все более и более занимают время Шиллингера и приносят ему немалый доход. Постепенно он и вовсе

откажется от других видов заработков, а пока он пытается добиться гранта от фонда Гуггенхайма.

К документам, поданным на грант, была приложена рекомендация, данная Шиллингеру замечательным музыковедом Николаем Слонимским⁴³:

«Я знаю мистера Шиллингера в течение нескольких лет и наблюдаю развитие его идей с большим интересом.

Я считаю работу Шиллингера по установлению физико-математической основы для музыкальной композиции делом исключительной важности. Музыкальная композиция, до этого обусловленная чисто случайными эстетическими соображениями и полагающаяся на интуитивный подход отдельных композиторов, сейчас ставится на научную основу благодаря аналитическому методу мистера Шиллингера, который будет иметь последствия в синтетическом применении к искусству. Я не знаю никого, кто бы приблизился к этой задаче с большей смелостью, оригинальностью и ясностью мыслей.

Далее, я полагаю, что далекая от благовидных спекуляций теория мистера Шиллингера предлагает новые возможности в музыкальной пропедевтике, которые могут перевернуть уже устаревающую систему музыкального образования. Преподавательский метод мистера Шиллингера находится в таком же отношении к используемому сейчас методу, как алгебраическое уравнение к тождественному арифметическому равенству. Мистер Шиллингер заменяет старые и произвольные правила, выведенные из случайной истории и традиций, общими законами, действующими во всех случаях.

Я горячо поддерживаю поучительные занятия мистера Шиллингера».

Еще одну, более дифференцированную, характеристику дал Шиллингеру известный композитор Генри Кауэлл:

«Я знаю мистера Шиллингера более трех лет и часто имел возможность обсуждать с ним вопросы музыковедения. Исходя из ясности и оригинальности его идей, из его способности сжато их излагать, из правдивых и пронизательных анализов исторических применений теории музыки, я убежден, что он — один из немногих людей в мире, способных сделать намеченную им работу. Я бы назвал его и Ч. Сигера наиболее яркими в Америке музыковедами-экспериментаторами; следовательно, Шиллингер, по моему мнению, является одним из двух лучших музыковедов в Америке. Я видел концентрические круги, с помощью которых он демонстрирует полную механизацию традиционной музыкальной теории. Они превосходны и совершенны. Я считаю, что он полностью доказывает свою точку зрения. Важнейшая ценность его как музыковеда заключается в том, что он абсолютно точен — большинство теоретиков так смешивают вопросы музыкального выражения, мистицизм и теорию, что невозможно найти определенные заключения в их теориях; Шиллингер же изъясняется ясно и стремится сделать свою теорию всецело совершенным механизмом, не принимая во внимание музыкальный мистицизм. Это очень важно: разумеется, если вообще есть цен-

ность в музыкальной теории в целом, то нужно преподносить ее по существу и в жестко сконструированной форме — как настоящую науку, насколько это возможно, без слабинок, которые становятся уступками способу выражения. Это еще никогда не было сделано, и Шиллингер — один из немногих людей, живущих с ясным пониманием ситуации и способных попытаться это сделать. Я полностью одобряю его проект теоретического исследования и рекомендовал бы его принятие.

Однако мое отношение к его сочинениям — совсем другое. Шиллингер также запрашивает время и поддержку для своего индивидуального творчества. Я знаком почти со всеми его произведениями и считаю их слабыми, неоригинальными, неинтересными, время от времени неприятно сентиментальными (так часто выражаются в искусстве сверхумные люди) и совершенно невыдающимися. Существует полсотни юных русских композиторов, чья музыка звучит примерно так же. Если бы я выдавал стипендию, я бы дал ее на один год для научных изысканий вместо двух лет творческой и научной работы».

Возможно, последние фразы Кауэлла негативным образом повлияли на решение комиссии, и ни в 1932-м, ни в последующие годы искомый грант Шиллингер не получил и был вынужден зарабатывать деньги педагогическим трудом. В 1932—1933 годах он преподавал в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке, вслед за этим, в 1934—1936 годах — в учительском колледже Колумбийского университета и в 1936 году — в Нью-Йоркском университете.

Наконец, 9 июля 1936 года Шиллингер получает вожеленное американское гражданство. В Свидетельстве о гражданстве № 4 027 969 приводится небезинтересное нам «персональное описание субъекта в день натурализации»:

возраст	40 лет
пол	мужской
цвет кожи	белый
цвет лица	темный
цвет глаз	карий
цвет волос	коричневый
рост	5 футов 6 дюймов
вес	135 фунтов
видимые отличительные черты	нет
семейное положение	разведен ⁴⁴
бывшая национальность	русский
(по гражданству)	

Отныне Шиллингер — полноправный американец. Теперь вновь зададимся вопросом о том, почему же, получив стабильность, известность и финансовое благополучие, Шиллингер почти перестал сочинять музы-

ку. Он сам отвечает на этот вопрос, рассказывая парижской знакомой о своем американском самоощущении⁴⁵: *«Страшно подумать, что истекла вторая семилетка со времени Харькова и первая семилетка с тех пор как я видел тебя и Эйфелеву башню. Эти последние семь лет кажутся мне короче предыдущих. Масса впечатлений и много интересного в жизни вообще. Нью-Йорк — самый подходящий для меня город на свете. Я также очень люблю U. S. A. вообще. “Природа и люди” находятся здесь в большей гармонии, чем в других странах. Американцы действительно умеют жить. [...] Когда я тебя видел в последний раз, я был совершенно измочален физически и морально. Америка меня прекрасно стимулирует и дает большую пищу моим авантурным наклонностям. Я здесь так много успел в смысле моей личной эволюции, что даже перерос музыку как таковую».*

Итак, Шиллингер перерос музыку. Ему уже стало неинтересно просто сочинять или изучать музыку, даже по своей системе, которая к этому времени уже была полностью разработана. Он начинает заниматься другими видами искусств и научными изысканиями. В характеристике, данной Шиллингеру 4 февраля 1938 года⁴⁶, Клэр Рейз пишет: *«Иосиф Шиллингер... создал первую научную теорию искусств (а именно, индивидуальных и общих форм искусства, основанных на пяти чувствах, пространстве и времени) (1931—33)... Среди его произведений: работы в жанрах художественного, индустриального и сценического дизайна; оформление интерьера; инкрустация (с Александром Виноградовым) по дереву в Архитектурной лиге Нью-Йорка (1932); фотография; выжигание и гравюры по дереву; работы с отражающими зеркалами; эксперименты в мультипликации; синхронизация (с М. Е. Бьютом и Льюисом Джекобсом); абстрактная цветная композиция (с Д. Голдбергом, М. Е. Бьютом и Э. Кацем)».*

17 апреля 1940 года Шиллингер написал проект для студии У. Диснея о координации между визуальным, слуховым и семантическим (сюжетным) элементами, вместе с индивидуальным развитием каждого из них⁴⁷.

Таким образом, Шиллингер все больше отдается далеким от музыки областям деятельности. По словам его вдовы, он неимоверно гордился тем, что сделанные им фотографии были опубликованы в одном из ведущих фотографических журналов Америки. Книга «Математические основы искусства», подготовленная Шиллингером в этот период и опубликованная посмертно в 1948 году, охватывает различные виды искусств и принципы их конструкции.

Обретя широкий круг знакомств и общаясь с самыми разнообразными людьми, в основном — не музыкантами, Шиллингер тем не менее начинает дружить с известными американскими композиторами. Еще в конце двадцатых годов он знакомится с Генри Кауэллом, пра-отцом американского экспериментализма и активным пропагандистом американской современной музыки. 6 июля 1933 года датируется письмо к Шиллингеру от Кауэлла, в котором есть такие слова: *«Мне настолько*

нравитесь Вы и Ваша работа, что я хочу сказать, как я благодарен Вам за ясность мыслей и ценные и необычные исследования в музыковедении, которые, надеюсь, будут вскоре опубликованы»⁴⁸.

Позже Шиллингер оказал Кауэллу большую моральную поддержку, когда тот попал в тюрьму Сан-Квентин по обвинению в развращении 17-летнего мальчика⁴⁹. 21 декабря 1938 года Шиллингер пишет Кауэллу в тюрьму:

«Дорогой Генри:

Я был очень рад получить от Вас открытку к Рождеству. Мы всегда думаем о Вас и надеемся, что Вы скоро снова будете с нами.

Зная Ваше философское отношение к жизни, я уверен, что Вы попытаетесь извлечь наилучшее из Вашей теперешней ситуации, продолжая Ваши изучения и экспериментальную работу. Как Вы знаете, в этом мире сравнительно мало оригинальных умов, и, будучи одним из них, Вы должны дальше прогрессировать в Вашей работе во имя будущего.

Полагаю, что Вы жаждете получать новости из нашего мира. Я не слишком много общаюсь с другими людьми, поскольку для меня это — пустая трата времени. Я пытаюсь делать как можно больше для своей собственной работы.

В прошлом году меня пригласили выступить на ежегодной встрече музыковедов и преподавателей музыки в Питтсбурге, где я прочитал доклад, который мог бы быть Вам интересен. Уверен, что очень мало людей в аудитории были готовы к его пониманию. Прилагаю копию доклада, озаглавленного “Судьба тонального искусства”, и буду рад узнать Вашу реакцию на него.

Моя теория сейчас достаточно разработана и, кажется, хорошо применяется по всем направлениям. У меня есть экстраординарная лаборатория, где могут быть проведены все эксперименты. Кроме того, моя лаборатория — это также радиовещательные системы NBC и CBS и несколько камерных и симфонических оркестров, поскольку мои сегодняшние студенты работают практически во всех областях развлекательной музыки. Мне кажется замечательным, что у меня есть возможность предлагать некие приспособления, которые позже могут быть применены и услышаны миллионами слушателей, часто выражающими свою реакцию на них. Я бросил всякое преподавание в школах, ограничив мою работу частными уроками.

Могу с гордостью Вам сказать, что оборудование в моей студии намного лучше, чем в любом музыкальном отделении любого университета или консерватории. Сейчас у меня есть отличный новый рояль Стейнвей того дизайна, который был представлен на Парижской международной выставке в 1937 году, орган “Наттонс.” последней модели “Е”, двойная звукозаписывающая система высокой точности воспроизведения с частотой от 30 до 15 тысяч циклов, с независимым контролем низких и высоких частот, новейшей микрофонной системой и некоторыми другими полезными инструментами, такими, как ритмикон, который я купил у Николая Слонимского, и очень

хороший пятидюймовый экранный осциллограф. Я также много работаю в области фотографии и движущихся картин, включая цветные.

Я никогда не встречаюсь с нашими общими друзьями и знакомыми композиторами, так как их произведения меня очень мало интересуют. Я записываю много различных радиопрограмм, где исполняются некоторые выдающиеся произведения, а также работы моих студентов, которые служат иллюстрацией моему преподаванию [...].

Я хотел бы побольше узнать о Вашей собственной работе, если у Вас есть возможность написать мне [...].

С нетерпением жду вестей от Вас. Искренне Ваш, Иосиф Шиллингер».

Через месяц, 30 января 1938 года, Шиллингер получил от Кауэлла в ответ подробное письмо, начинающееся так:

«Дорогой Иосиф:

Я наслаждаюсь Вашим письмом от 21 декабря и очень благодарю Вас за то, что Вы прислали мне Вашу замечательную монографию “Судьба тонального искусства”. Это — единственная здравомыслящая вещь, прочитанная мной по этому вопросу за долгое время! Вы сконцентрировали в ней материал, которого хватило бы на несколько книг, и я восхищен тем, что он так сжато выражен.

Вы очень правильно не заботитесь о развитии некоторых идей, т. к. если читатель достаточно интеллигентен, чтобы разделять Ваше мнение, он сможет сделать некоторые выводы самостоятельно.

Мне нравится находить важные материи, которые могли бы потребовать многих громоздких слов для словесного объяснения, изложенными сжато, как будто в виде математических формул; это большая экономия времени и энергии.... Надеюсь, что со временем мы сможем обсудить это сочинение вместе. Чувствую, что никто, кроме Вас, не смог бы написать его, и что среди тех работ, которые мне знакомы, нет ни одной, с которой я был бы столь согласен».

Генри Кауэлл был настолько уверен во всемогущем обаянии Шиллингера, что адресовал к нему молодого Джона Кейджа⁵⁰ в надежде, что Шиллингер поможет тому найти себя на поприще электронной музыки. Приведем здесь частично сохранившуюся переписку Кейджа и Шиллингера⁵¹.

ДЖОН КЕЙДЖ, из Сан-Франциско, 13 июня 1940 года:

«Дорогой мистер Шиллингер,

Несколько дней назад я вновь с удовольствием увиделся с Генри Кауэллом. Как Вы, несомненно, знаете, он освобожден досрочно и, как только бюрократические процедуры будут завершены, покинет Сан-Квентин. В ходе нашей беседы он упомянул Ваше эссе “Судьба тонального искусства”. Мне бы хотелось иметь копию этого эссе, и я был бы признателен, если бы Вы дали мне знать, где и как я могу ее получить.

Некоторое время тому назад, пытаясь привести в исполнение план по работе в области электронной музыки, я написал 16 писем в организации на

востоке страны и получил 15 ответов, но ни в одном из них не было приглашения на работу. Они различались по количеству проявленного интереса. Наиболее заинтересованным оказался Корнелльский университет. Тем не менее, они не обещали никаких изменений в программах в течение следующих трех или четырех лет.

Я стремлюсь быть в курсе того, что происходит в этой области, и был бы признателен за любую информацию, которую Вы могли бы мне предоставить. Перед тем как уехать из Корниш школы в Сизтле, я создал свой второй "Воображаемый пейзаж", еще один результат перезаписи. Если Вам интересно, я могу послать Вам записи двух "Воображаемых пейзажей", в которых используются постоянные и изменяющиеся частоты в сочетании со звучанием ударных инструментов.

Этим летом, как я сообщал Вам раньше, я работаю в Миллс колледже, однако после этого я свободен. Не могу найти слов, чтобы рассказать Вам, как мне хочется работать в области электронной музыки, и насколько я убежден в ее очевидности.

Следующий концерт музыки для ударных состоится в Миллс колледже 18 июля. Я надеюсь, что в нем прозвучит сюита Хосе Ардевола, в которой, среди других предметов, используются две сирены. Было бы хорошо иметь эти инструменты, чтобы работать с ними. (Я не знаю, известно ли Вам, что в моей коллекции сейчас более 150 ударных инструментов).

Множество партитур для ударных инструментов и один из моих "Пейзажей" были скопированы для "Флейшер коллекции" оркестровой музыки в Филадельфийской свободной библиотеке. Если Вам случится быть в Филадельфии, Вам будет интересно просмотреть эти партитуры.

Искренне Ваш, Джон Кейдж».

ИОСИФ ШИЛЛИНГЕР, 26 июня 1940 года:

«Дорогой мистер Кейдж:

Я был рад узнать, что Генри Кауэлла освобожден досрочно, и надеюсь, что он уже на свободе. Посылаю Вам копию статьи "Судьба тонального искусства", которая, надеюсь, Вам понравится. Мне не терпится услышать записи Ваших "Воображаемых пейзажей", о которых Вы упоминаете. У меня есть усовершенствованное звуковое оборудование, на котором они бы прозвучали наилучшим образом. Благодарю Вас за информацию о Ваших партитурах во "Флейшер коллекции" в Филадельфии. Я посмотрю их в следующий раз, когда буду там.

Ужасно, что я не могу ничего сделать, для Вас в области электронной музыки, поскольку мне тоже хочется видеть развитие этого направления. Я надеюсь, что Вы зайдете ко мне, если когда-нибудь окажетесь в Нью-Йорке.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш, Иосиф Шиллингер».

Фрэнсис Шиллингер рассказывает³², что Кейдж (которого она называет «композитором для ударных») однажды приходил к ним домой и четыре

часа подряд играл с ее мужем в четыре руки на рояле, изучая ритмические теории Шиллингера. Кейдж позже признался, что он был настолько воодушевлен занятием с Шиллингером, что по пути домой даже не заметил сильного дождя и промок до нитки.

В начале 40-х годов Шиллингер задумывается о судьбе своих музыкальных композиций и пытается добиться их исполнения. 10 ноября 1941 года он пишет письмо С. Кусевицкому, в котором напоминает, что после прибытия в Америку посылал ему свое лучшее сочинение — «Октябрь», отвергнутое дирижером по политическим соображениям. Сейчас он посылает «Великорусскую симфонию», которая может быть актуальна в связи с повышением интереса к России. Однако, ответа от Кусевицкого не последовало.

Тогда он выбирает своим объектом Н. А. Малько. 27 сентября 1942 года Шиллингер пишет ему большое письмо (по-русски), одно из последних своих посланий, в котором рассказывает о своих достижениях:

«Многоуважаемый Николай Андреевич!

Я слышал, что не так давно Вы приехали в Америку. Несколько дней назад, будучи проездом в Чикаго, всего лишь на несколько часов, встретил одного из Ваших учеников по дирижированию. Зная теперь, где Вы находитесь, я решил написать Вам это письмо. Вы, вероятно, припомните, что в одном из концертов в Ленинградской государственной Филармонии Вы исполнили, в первый раз в 1926 году, мою партитуру “Поступь Востока” (известную впоследствии под именем «Schrift des Ostens» в Германии и “March of the Orient” в Америке). На той же программе Вы исполнили в первый раз “Первую симфонию” Мити Шостаковича.

“Поступь Востока” впоследствии исполнялась с большим успехом в концертах и по радио (помимо Московских исполнений Персимфансом) в Германии (Шерхен и Зайдлер) и в Америке (Кливлендским оркестром), во многих городах Соединенных Штатов и в Канаде.

Моя симфоническая рапсодия “Октябрь” исполнялась с большим успехом Персимфансом (в Москве, в 1927 году) и Филадельфийским оркестром под управлением Стоковского (в Филадельфии, в 1929 году). После этого я написал по заказу Кливлендского оркестра “Первую аэрофоническую сюиту” (“The First Aerophonic Suite”), которая исполнялась тем же оркестром в Кливленде и в Нью-Йорке под управлением Соколова и при участии Льва Сергеевича Термена, в качестве солиста, на инструменте его изобретения (который в это время, т. е. в 1929 году, был известен под именем R. C. A. Theremin).

Будучи еще в России, я разработал собственную систему музыкальной композиции и импровизации. Я преподавал эту систему в течение нескольких лет в Харькове и Ленинграде (Ваша супруга была студенткой в одном из моих классов). Еще до моего отъезда из России некоторые из моих учеников приобрели известность в качестве композиторов (Виктор Белый, Мариан Коваль, Сергей Давиденко), иные — в качестве преподавателей моей системы.

По моему приезду в Америку, в конце 1928 года, научные интересы стали перевешивать мою природную склонность к сочинению музыки (я начал писать с десятилетнего возраста). Не научная область, как таковая, а приложения научного метода к сочинению и анализу музыки и, впоследствии, других искусств. В результате этих работ я написал капитальный труд “Математическая основа искусства”, “Система музыкальной композиции” (также на математической основе), “Калейдофон”, а также целый ряд журнальных статей.

Моя система в короткий срок завоевала рынок американской прикладной музыки (радио, театр, кинематограф, телевидение и т. п.) до такой степени, что в настоящее время уже трудно найти музыкального директора, дирижера, композитора, оркестровщика и т. п. с именем, который либо не пользовался бы моим методом, либо не был бы моим учеником⁵³. По чисто статистическим данным влияние этой системы отражается на приблизительно семидесяти процентах этой массовой музыкальной продукции.

Моя студия помещается в самом лучшем районе Нью-Йорка и оборудована всевозможными музыкальными и акустическими инструментами, включая специально разработанную звуковую установку. Я буду очень рад принять Вас и вашу супругу и познакомить Вас с моей женой (она американка), когда Вы будете в Нью-Йорке. Я уверен, что Вы найдете очень занимательным провести с нами вечерок, побеседовать и послушать кое-какие граммофонные пластинки, являющиеся иллюстрациями моих научно-художественных идей.

Несколько лет назад я чувствовал потребность написать короткую, выразительную и легкую для слушателя симфонию в великорусском стиле. Нечто, что могло бы занять место “Болеро” Равеля в русской музыке. Я написал эту партитуру (65 страниц) для обычного большого состава и соло гармонии (венской или клавиатурной). Первая и последняя части написаны в быстром темпе, средняя часть — в умеренном. Исполнение всей партитуры требует всего лишь 11 минут. В то же время эта пьеса, написанная в почти непрерывных сменах (Durch-Komponiertes Musik), включает много тем (две из них народные, остальные — оригинальные), фугато, остинато, вариации и т. п. Имеется много мелодического элемента (автентического великорусского характера), часто в сочетании с простой народной типа гетерофонией и капризными метрами песенно-плясового типа. Помимо классических метров, попадаются пяти- и семи-ударные такты.

Я назвал эту пьесу “Великорусская симфония”. Переводя на английский, я решил не дать никому повода исказить название, так как точный перевод “Great-Russian Symphony”, в случае опечатки, в форме опущения единственного знака, может быть легко искажен в смысл: «Великая Русская Симфония». По этой причине по-английски я назвал эту партитуру “North-Russian Symphony”, в самозащиту.

Так как Россия сейчас героический миф, а американская публика обожает героев, как Вы знаете по собственному опыту, может быть, сейчас как раз

наилучшее время для Вас и для меня представить это сочинение американской публике. Партитура и партии имеются сейчас в моем распоряжении.

Когда я писал эту пьесу, я думал о Борисе Владимировиче Асафьеве как критике и о Вас как исполнителе, которому я не должен был бы объяснять или доказывать, что это сочинение необычайно близко по своему характеру к истокам настоящей русской музыкальной культуры. Вы, я знаю, дали бы этой партитуре надлежащую интерпретацию.

Музыка этого сочинения проста, мелодична и ритмически достаточно занимательна. По этой причине, я уверен, она пройдет с выдающимся успехом.

Если Вы находите, что исполнение этой партитуры, как премьеры, совпадает с Вашими планами и интересами, я буду рад послать Вам ее для просмотра. Дома у меня имеется также фортепианный эскиз и граммофонная пластинка этого эскиза, которую Вы можете прослушать с партитурой в руках.

Вы, вероятно, дирижируете концертами в Чикаго, и я слышал от Вашего ученика, что Вы будете дирижировать NBC Симфоническим оркестром в Нью-Йорке. Если Вы решите исполнять эту партитуру, я предоставлю Вам судить, где и с каким оркестром было бы лучше всего дать премьеру.

Пожалуйста, примите мои искренние уверения, что я приглашаю Вас и Вашу супругу посетить нас, вне всякой зависимости от возможности Вашего исполнения моей музыки, но просто как знакомых, связанных общим прошлым и общей культурой. Я всегда питал глубокое уважение к Вашей деятельности в Мариинском театре, в Филармонии и к Вашим выдающимся контрибуциям русской музыкальной культуре, где только я могу, я говорю о Вас как о дирижере, в лице которого Америка приобрела большую ценность. Я надеюсь, у вас будет возможность убедить в этом американскую публику.

Я буду очень рад получить от Вас весть о Вашем теперешнем благосостоянии, успехе, планах и т. д. Я слышал, что у Вас есть шестилетний сын, говорящий по-русски и по-датски.

Желаю Вам всего наилучшего, с совершенным почтением.

Joseph Schillinger (Иосиф Моисеевич Шиллингер)

Сердечный привет Вашей жене»⁵⁴.

Так и не известно, посетил ли Малько квартиру Шиллингера, но исполнять его «Великорусскую симфонию» он не стал — вероятно, из-за последовавшей через полгода скоропостижной смерти композитора от рака, операция по лечению которого оказалась неудачной. Фрэнсис пишет, что в последние дни Шиллингер в бреду много разговаривал по-русски и часто спрашивал ее, нет ли здесь рядом Дмитрия Шостаковича. Ему также представлялся некий друг, который уговаривал его вернуться в Россию, поскольку «только русские по-настоящему понимают и ценят мою музыку»⁵⁵.

Похоже, что Шиллингер ошибался. Если бы он продолжал активно писать музыку в Америке, он бы добился большого успеха. Ведь американские премьеры всех его сочинений неизменно сопровождались овациями, а его научная теория встретила удивительное понимание.

26 марта 1943 года, через три дня после печального события, Фрэнсис получила письмо от Сидней Кауэлл, жены композитора: *«Генри и я шокированы, опечалены и ужасно горюем вместе с Вами. Мы оба полагаем, что Джозеф был одним из величайших умов нашего времени в музыке и, хотя его влияние будет безусловно расти со временем, его личное отсутствие трудно перенести»*⁵⁶.

В 1945 году в Джульярдской школе в Нью-Йорке состоялись первые летние курсы обучения композиции по системе Шиллингера, организованные Обществом Шиллингера под руководством Арнольда Шоу и Фрэнсис Шиллингер. В течение нескольких лет после этого подобные курсы проводились также в Нью-Йоркском университете, в «Доме Шиллингера» в Бостоне, в Главной музыкальной школе Чикаго, в Гамильтонской школе музыки в Филадельфии и во многих других учебных заведениях. С 1946 по 1950 годы в бостонском «Доме Шиллингера» учился один из самых смелых новаторов в американской музыке, друг и коллега Д. Кейджа Эрл Браун⁵⁷. С 1950 по 1952 годы Браун работал в качестве преподавателя системы Шиллингера в Денвере, штат Колорадо. Переехав после этого в Нью-Йорк, Браун пытался привлечь Общество Шиллингера к *«более реалистическому и музыкальному применению»*⁵⁸ шиллингеровских идей. Браун создал по методу Шиллингера «Три пьесы для фортепиано» (1951), фортепианные «Перспективы» (1952) и «Музыку для скрипки, виолончели и фортепиано» (1952). В шиллингеровских разработках Брауна прежде всего привлекали нумерологические аспекты, *«пропорции, балансы, симметрии и асимметрии с интеллектуальной точки зрения»*⁵⁹, этот ракурс был близок господствовавшей тогда в Европе технике сериализма.

1 декабря 1958 года Эрл Браун обратился к издателю «Системы» Шиллингера мистеру Ван дер Гольцу с просьбой разрешить процитировать несколько ее постулатов в своей статье, написав при этом: *«Возможно, только сейчас приходит время, когда шиллингеровские техники обретут свое наибольшее влияние... по крайней мере, академически. Эти два тома, по моему мнению, по-прежнему являются единственным введением и ключом к тому, что происходит в наиболее передовой музыке сегодняшнего дня и недавнего прошлого, и они же будут уместны в будущем развитии музыки»*⁶⁰.

В письме к миссис Шиллингер от 12 сентября 1962 года Браун сообщает о своем давнем желании написать книгу, популяризирующую систему Шиллингера, и просит Фрэнсис помочь ему в этом, хотя и не легко осуществимом, намерении. Он обсуждает положения системы с П. Булезом, К. Штокхаузеном, Л. Берио, Л. Ноно и другими композиторами и делает

все возможное, чтобы придать системе известность и применение. Браун заключает это письмо словами: *«Поразительно, как много современных движений параллельны шиллингерской работе, однако никто не отдает должное Шиллингеру..., к большому несчастью».*

В письме к Фрэнсис от 18 августа 1967 года, не отступаясь от своей идеи написать книгу о Шиллингере, Браун признается, что труды ее мужа были невероятно важны для его жизни и музыки. По мнению Брауна, сам он заслужил большее признание в Европе, чем в родной Америке, именно из-за того всеобъемлющего фундамента, который он получил в «Доме Шиллингера». Браун считает, что Шиллингер предвидел теорию сериализма, по которой работают Мессиан, Булез и Штокхаузен. Она наиболее близка (по времени и технике) теории Шиллингера. *«Сериальная музыка, электронная музыка, компьютерная музыка, “статистическая” композиция, искусство смешанных средств, кинетическое искусство, “тотальное искусство окружающей среды”,... все это есть в этих книгах [Шиллингера]; и никто до сегодняшнего дня не сформулировал понятия “контроля и производства” так рационально, интеллигентно и проницательно, как это сделал Шиллингер».*

Но почему же систему Шиллингера, за исключением Брауна и некоторых других «серьезных» музыкантов, приняли к использованию, главным образом, представители джазовой и популярной музыки? Фрэнсис Шиллингер считает, что *«у “коммерческих композиторов” нет времени для того, чтобы ждать “вдохновения”, и они не могут позволить себе быть “гениями”. От них требуется быть компетентными ремесленниками, которые могут писать музыку для любой цели в короткое время. Такие люди быстро осознали, что система Шиллингера обеспечивает их средствами именно для этого»*⁶¹.

Система Шиллингера ценна тем, что представляет автономное видение музыкального искусства, отличное от традиционного и достаточно хорошо организованное. С Шиллингером можно спорить и не соглашаться, критиковать его авторитарность и ригоризм⁶², его математические и терминологические познания (что неоднократно делалось в западной музыковедческой литературе), однако необходимо признать, что его система — уникальное явление в истории современного искусства. Ни один теоретик не осмелился совершить то, о чем многие говорили и предполагали, что буквально «носилось в воздухе». но не поддавалось легкому и дерзкому воплощению. Шиллингер за свою короткую жизнь сумел это осуществить, донести до умов множества своих учеников и даже оставить в письменном (пусть и неотредактированном) виде.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Система издана в виде книги: *Schillinger, Joseph. The Schillinger System of Musical Composition*. Eds. Lyle Dowling and Arnold Shaw. New York: Carl Fischer, 1946.

Довольно информативное, хотя и весьма поверхностное толкование теории Шиллингера, а также ее основных положений в изложении А. Шоу можно найти в статье Г. Шнеерсона «Американская музыкальная инженерия» (статья опубликована во втором номере журнала «Советская музыка» за 1948 год, с. 161—167), при этом следует абстрагироваться от злобно-сатирического тона статьи (оправдание этому тону можно найти не только в следовании автором политической конъюнктуры, но и во вполне понятном и близком нам недоверии к любым способам просчитывания искусства).

² Автор хочет выразить особую благодарность Лу Пайну за огромную помощь и поддержку, которую он оказал при сборе материалов о И. Шиллингере. Мы также признательны вдове нашего героя Фрэнсис Шиллингер за любезное разрешение использовать архивные материалы ее мужа. Мы благодарим за содействие в поиске и исследовании материалов руководства следующих библиотек и фондов, в которых хранятся архивы Шиллингера:

библиотеки Артура Фридхейма в Пибоди консерватории при университете Джона Хопкинса в Балтиморе, штат Мэрилэнд;

архива Центра американского наследия университета штата Вайоминг;

фондов Астора, Ленокса и Тилдена в музыкальном отделении Публичной библиотеки Нью-Йорка, в Линкольн-центре, штат Нью-Йорк;

Флейшер коллекции в Свободной библиотеке Филадельфии, штат Пенсильвания;

Мемориального фонда Джона Симона Гуггенхейма в Нью-Йорке.

³ Здесь и далее все неоговоренные переводы англоязычных писем, документов и фрагментов публикаций принадлежат Е. Дубинец.

⁴ *Schillinger, Frances. Joseph Schillinger: A Memoir. New York, 1949. P. 186—187.*

⁵ Из письма к Е. Дубинец от 25 января 1997 года.

⁶ У матери Шиллингера Анны Гильгур была в Харькове шляпная мастерская двора Его Императорского Величества; отец композитора получил прекрасное музыкальное образование в Петербурге и был скрипачом, но рано бросил эту профессию.

⁷ См. об этом: *Schillinger, F. Ibid. P. 36.*

⁸ И. Левинсон проводит параллели между теорией Шиллингера и учениями С. Танеева, Г. Конюса и других русских композиторов и музыковедов, которые Шиллингер, очевидно, хорошо знал (*Levinson I. What the Triangles Have Told Me: the Manifestation of the Schillinger System of Musical Composition in George Gershwin's Porgy and Bess. A PhD Thesis submitted to the Division of Humanities, the University of Illinois. Chicago, Illinois, March 1997. P. 14—16.*)

⁹ См. об этом: *Schillinger, F. Ibid. P. 155.*

¹⁰ В 1924 году Петроград переименован в Ленинград.

¹¹ В архивах Шиллингера, подаренных его вдовой Нью-Йоркской публичной библиотеке в 1966 году (общий шифр документов, хранящихся в этой коллекции и цитированных в данной статье — «*MNY-amer: Schillinger»), сохранился набросок, сделанный, по всей видимости, для данной части его доклада:

«Музыка будущего и ее социальное значение. Неоднократно высказывалась мысль, которой придерживается и Бюхнер, что все искусства родились из житейских потребностей. “Вначале было дело” (мысль Гетевского Фауста). Какие же практические потребности послужили для создания музыки? Штумпф высказывает гипотезу, что “основной причиной была потребность в подаче звуковых сигналов”.

Музыкальное искусство, двигаясь по эволюционной спирали, в настоящее время подходит к месту, лежащему над первичной точкой. Снова музыка возникает как сигнал (уже теперь в машинной индустрии), снова регулирует, ритмизует,

организует труд. Из этого организованного музыкой труда будут возникать новые формулы, которые лягут в основу грядущих музыкальных форм».

¹² Пропаганда «Джаз-банда». Музыка и революция. 1927, №V—VI. С. 49. Эта же рецензия процитирована в статье Детлефа Гойови (Detlef Gojowy) «Иосиф Шиллингер — композитор и утопист» (Russian Literature, XXIX (1991), P. 57—65, North-Holland).

¹³ Эти записки, наряду с программой концерта, хранятся в архивах Шиллингера в библиотеке Линкольн-центра в Нью-Йорке (их шифр см. выше).

¹⁴ См. об этом в подборке о взаимоотношениях Дж. Гершвина и И. Шиллингера в библиотеке Пибоди консерватории в Балтиморе (общее название шиллингерской коллекции в этой библиотеке — «Mrs. Joseph Schillinger Papers»). Все цитируемые ниже документы о связях И. Шиллингера и Дж. Гершвина, кроме оригиналов их писем, хранятся в этой подборке.

¹⁵ *Slonimsky, Nicolas*. Rev. of *The Schillinger System of Musical Composition*. The Musical Quarterly № 32 (1947). P. 465—470.

¹⁶ Переписка Шиллингера с Гершвином хранится в библиотеке Линкольн-центра в Нью-Йорке.

¹⁷ Вернон Дюк (псевдоним композитора русского происхождения Владимира Дукельского (1903 — 1969), который учился в Киевской консерватории у М. Глиэра, в 1922 году эмигрировал в Америку и в 1934 — 1935 году был учеником Шиллингера) свидетельствует, что Гершвин и Шиллингер соседствовали в одном доме на Файр Айленд летом 1935 года, во время самой напряженной работы Гершвина над оперой «Порги и Бесс».

¹⁸ Фотокопия этого письма хранится в библиотеке Пибоди консерватории в Балтиморе в подборке о связях И. Шиллингера и Дж. Гершвина.

¹⁹ См. газету «Variety» от 4 апреля 1956 года.

²⁰ Цит. по: *Human, Alfred*. Schillinger Challenges Genius. Musical Digest, № 29. 84, 1947. P. 12.

²¹ *Duke, Vernon*. Gershwin, Schillinger, and Dukelsky. The Musical Quarterly, № 32, 1947. P. 102—115.

²² *Duke, Vernon*. Passport to Paris. Boston, 1955. P. 313

²³ *Levinson I*. Ibid.

²⁴ *Levinson I*. Ibid. P. 11.

²⁵ Из переписки Шиллингера с Дж. Гершвином, хранящейся в библиотеке Линкольн-центра в Нью-Йорке.

²⁶ Из подборки о взаимоотношениях И. Шиллингера и Д. Гершвина, хранящейся в библиотеке Пибоди консерватории в Балтиморе.

²⁷ В книге *Hathaway, Charlie*, ed. Benny Goodman's Own Clarinet Method. New York: Regent Music, 1941 приводится карикатура, на которой изображены Гудмен и Шиллингер, с подписью: «Бенни начал думать о том, чтобы создать собственный джаз-банд. Для подготовки к этому он изучает аранжировку и композицию под руководством Джозефа Шиллингера и других замечательных учителей».

²⁸ *Starr, S. Frederick*. Red & Hot. The Fate of Jazz in the Soviet Union. New York: Oxford UP, 1994. P. 75—76. Вдова Шиллингера рассказывала, что у Шиллингера были знакомые, работавшие в ГПУ, которых он называл убийцами (*Schillinger, F*. Ibid. P. 164).

²⁹ *Starr, S. Frederick*. Ibid. P. 76.

³⁰ Этот и все другие цитированные ниже документы И. Шиллингера хранятся в библиотеке Линкольн-центра в Нью-Йорке.

³¹ Он находится в библиотеке Линкольн-центра в Нью-Йорке.

³² Документ хранится в библиотеке Линкольн-центра в Нью-Йорке.

- ³³ Документ хранится в библиотеке Линкольн-центра в Нью-Йорке.
- ³⁴ Русскоязычная рукопись Шиллингера находится в библиотеке Линкольн-центра в Нью-Йорке.
- ³⁵ Вскоре после возвращения в Россию в 1938 году Термен был сослан в лагерь.
- ³⁶ Письма Л. Термена к Ф. Шиллингер хранятся в библиотеке Пибоди консерватории в Балтиморе.
- ³⁷ В архиве вдовы Шиллингера в библиотеке Пибоди консерватории в Балтиморе есть письмо к ней от С. Рихтера, в котором пианист обещает просмотреть присланные ею ноты ее мужа по возвращении домой.
- ³⁸ В библиотеке Нью-Йоркского Линкольн-центра хранится сделанный рукой Шиллингера русскоязычный набросок, который можно датировать 1931 — началом 1932 года — по всей видимости, это эскиз заявления на грант Гуггенхейма.
- ³⁹ Имеется в виду упомянутый выше «Фельетон о Термене».
- ⁴⁰ Так у Шиллингера.
- ⁴¹ Имеется в виду «Великорусская симфония».
- ⁴² Собственно говоря, написать свою главную книгу Шиллингер так и не успел. Как уже говорилось в начале статьи, посмертное издание его «Системы музыкальной композиции» было сделано на основе двадцати четырех записных книжек (точнее — больших тетрадей) — конспектов к частным урокам и урокам по переписке. Эти записные книжки хранятся в Публичной библиотеке Нью-Йорка под шифром «*MNZ-amer: Schillinger».
- ⁴³ Характеристики, данные Шиллингеру Н. Слонимским и Г. Кауэллом, наряду с полным комплектом документов, поданных Шиллингером на грант фонда Гуггенхейма, хранятся в Мемориальном фонде Джона Симона Гуггенхейма в Нью-Йорке.
- ⁴⁴ 22 мая 1930 года, уже во время пребывания Шиллингера в Америке, им было получено российское свидетельство о разводе с Ольгой Михайловной Шиллингер. Первая жена Шиллингера — Ольга Голдберг — была хорошей актрисой и талантливой писательницей. 12 ноября 1938 года Шиллингер женился на Фрэнсис Розенфельд Айнгес.
- ⁴⁵ В библиотеке Линкольн-центра в Нью-Йорке хранится неотправленный набросок этого письма от 27 сентября 1935 года, озаглавленного «Дорогая Полюка».
- ⁴⁶ Эта характеристика хранится в библиотеке Линкольн-центра в Нью-Йорке.
- ⁴⁷ Проект остался нереализованным. Его эскиз находится в библиотеке Пибоди консерватории в Балтиморе.
- ⁴⁸ Переписка Шиллингера и Кауэлла хранится в библиотеке Линкольн-центра в Нью-Йорке.
- ⁴⁹ Под давлением общественности Кауэлл был досрочно освобожден в 1940 году. Переехав в Нью-Йорк, он женился и в 1942 году был признан невиновным и оправдан.
- ⁵⁰ Джон Кейдж (1912—1992) — знаменитый американский композитор-эксцентрик, авантюрист, совершивший подлинную революцию в искусстве XX века посредством привлечения в музыку немusical sounds и принципов формобразования, а также использования самых разнообразных техник композиции.
- ⁵¹ Она хранится в библиотеке Линкольн-центра в Нью-Йорке.
- ⁵² *Schillinger, F. Ibid., P. 198.*
- ⁵³ Длительно, что нью-йоркский аранжировщик Бен Людлов гордился тем, что он был единственным аранжировщиком своего времени, не учившимся у Шиллингера.

⁵⁴ Письмо хранится в библиотеке Линкольн-центра в Нью-Йорке

⁵⁵ *Schillinger, F.* Ibid. P. 223.

⁵⁶ Письмо хранится в библиотеке Пибоди консерватории в Балтиморе.

⁵⁷ См. о нем: *Е. Дубинец*. Эрл Браун: открытия в нотации. *Ars Notandi*. Нотация в меняющемся мире. М., 1997. С. 101-108.

⁵⁸ Цит. по: *Potter, K.* Earle Brown in Context. *Musical Times*, December, 1986, Vol. 127. P. 680.

⁵⁹ Цит. по: *Potter, K.* Ibid. P. 681.

⁶⁰ Переписка Э. Брауна с издателями и Ф. Шиллингер хранится в библиотеке Пибоди консерватории в Балтиморе.

⁶¹ *Schillinger, F.* Ibid. P. 176.

⁶² В частности, Шиллингер прямолинейно оценивает с позиций своей теории творчество Баха, Бетховена и других великих музыкантов, обвиняя их в некомпетентности и недостаточной продуманности композиций. Об этом много и гневно написано в упомянутой выше статье Г. Шнеерсона.

СУДЬБА МУЗЫКАНТА. ВИТАЛИЙ МАРГУЛИС — ПИАНИСТ, ПЕДАГОГ, ПИСАТЕЛЬ

НАТАЛИЯ РАСТОПЧИНА (НЬЮ-ЙОРК, США)

Старик Маргулис на бульваре
Нам пел Бетховена...
О. Мандельштам

В. Маргулис

Ночью в моей нью-йоркской квартире раздался телефонный звонок. Из Лос-Анджелеса звонил старый друг, пианист. Голос звучал взволнованно и счастливо:

— Я сыграл сейчас свой лучший в жизни концерт.

— А что ты играл?

— Опус сто одиннадцатый Бетховена. Когда закончил, была такая тишина! Мне сказали, что многие в зале плакали...

— А ты что чувствовал?

— Я не сразу пришел в себя. Думал, что умираю. Ведь у меня договор с Богом, что я уйду из жизни во время очень удачного концерта.

— А как тебе удалось заключить такой договор?!!

— Ну... Договор, вообще-то, односторонний. Только одна подпись...

В этом диалоге — весь Маргулис. Его страстная любовь к сцене и профессии, его спокойное восприятие смерти как естественного продолжения жизни, его редкая способность украсить обыденность неожиданной шуткой. А сто одиннадцатый опус — это последняя (№32) соната Бетховена, в которой сосредоточены мысли композитора о жизни, смерти и бессмертии человеческой души. Великое творение, изучению которого Виталий Маргулис посвятил почти четверть века...

Долг был путь музыканта от украинского города Харькова до Лос-Анджелеса, и на этом пути было многое: борьба, любовь, препятствия, творческие взлеты и кризисы, надежды и разочарования. Но никогда, ни разу не видела я его в унынии и бездеятельности. А знакомы мы более полувека!

Его музыкальной родословной можно позавидовать. Отец, Иосиф Маргулис, талантливый пианист и импровизатор, был учеником дяди ле-

гендарного Владимира Горовица, Александра Горовица, который, в свою очередь, обучался у Скрябина!

В тридцатые годы семья Маргулисов жила в Харькове. Время было трудное. Не хватало хлеба, но в квартире всегда было два инструмента. В своей книге под интригующим названием «Паралипоменон» (так называется одна из глав библии, в русском издании переведенная как «Летопись») Виталий с юмором рассказывает о своем детстве¹. Он спал на крышке одного из роялей. Бывало, что среди ночи отца посещало вдохновение, и он начинал играть. Ребенок сквозь сон слышал музыку, а утром подбирал по слуху то, что звучало в голове: мелодии Шопена, Чайковского, Шумана. В пять лет началось систематическое обучение. Отец был очень строг, заставлял малыша много заниматься, а порой даже поколачивал. Метод, скажем прямо, не новый, но плодотворный во все времена. По воспоминаниям современников, им пользовались отцы Вольфганга Моцарта и Никколо Паганини, а во время домашних занятий маленького Эмиля Гилельса на стуле рядом с пианино лежал ремень...

Когда Виталий подросток, мать отвела его в харьковский Дворец пионеров, и у мальчика началось как бы «раздвоение сознания». Педагог музыки во Дворце пионеров задавал «Бирюльки» Майкапара, а отец разучивал с ним Этюды Скрябина и «Лунную сонату» Бетховена. *«Как это ни странно, я выучил концерт Чайковского без особого труда, — вспоминает пианист, — и играл его с оркестром, когда мне было десять лет. “Бирюльки” так и остались недоученными, так как музыку нельзя учить без любви...»*. Любопытно, что о том же, вспоминая свое детство и обучение музыке, пишет Марина Цветаева: «Музыку любила. Я только не любила — свою. Для ребенка будущего нет, есть только *сейчас* (которое для него — *всегда*). А сейчас были гаммы, и ганоны, и ничтожные, оскорблявшие меня своей малюточностью “пъески”»².

Впервые я увидела Виталия, когда мне было девять лет. Шла война. Ленинградская консерватория и школа-десятилетка для музыкально-одаренных детей находились в Ташкенте. Правительство Узбекистана предоставило ленинградцам бывший клуб швейных работников. В распоряжении музыкантов оказалось только четырнадцать классов. Заниматься приходилось круглосуточно. Ночью консерватория принадлежала студентам, днем шли занятия по расписанию, рано утром в клуб приходили дети. Впрочем, все интересы, все разговоры в течение дня были сосредоточены не на музыке, а на еде: вспоминали, кто что ел на завтрак до войны. Сейчас же завтрак (как и обед и ужин) был однообразен — жидкая каша из темной, почти черной муки — затируха, которую красиво именовали «свиная отбивная», в смысле — отбили у свиньи...

Школьное общежитие — деревянный барак — состояло из двух больших комнат для мальчиков и девочек. В каждой жило человек по сорок.

Пианино было одно на всех, каждый мог играть только по 15—20 минут в день.

И вот появился Виталий. Веселый, жизнерадостный, красивый и очень общительный, он сразу привлек внимание детей и взрослых. Он всех поразил невероятной для четырнадцатилетнего подростка целеустремленностью и любовью к музыке. Ежедневно вставал в пять утра и уходил в консерваторию, чтобы успеть поиграть до начала занятий. О его трудолюбии ходили легенды. То он отказывался покинуть на ночь помещение консерватории, то утром его находили на стуле у рояля, крепко спящим и обнимающим клавиатуру. Однажды дети посоветовали ему посушить мокрые сапоги на углях остывающего мангала³. Утром от сапог осталось лишь несколько гвоздей, но все равно, обмотав ноги тряпками, он, еще затемно, ушел заниматься. Если, согласно эмигрантской шутке, USA — это трудовой лагерь с повышенным питанием, то Виталий был просто создан для жизни в Америке! Но это было еще и призвание, когда игра на любимом инструменте воспринимается как естественный способ существования, как главный смысл жизни.

«Талант — это любовь», — говорил Лев Толстой. Талант и одержимость музыкой позволили Маргулису стать одним из лучших учеников известного ленинградского музыканта и педагога Самария Савшинского и достойным «музыкальным внуком» Леонида Николаева — учителя Дмитрия Шостаковича, Владимира Софроницкого, Марии Юдиной.

Осенью 1944 года коллектив консерватории вернулся в Ленинград. Прекрасное старинное здание на Театральной площади уцелело, но требовало большого ремонта. Заколоченные досками окна не пропускали дневного света, лепные стены концертных залов были пробиты снарядами, крыша протекала. Осуществить ремонт можно было лишь собственными силами, и молодые музыканты — пианисты, скрипачи, певцы — временно превратились в маляров и штукатуров. И хотя не хватало музыкальных инструментов и классов для занятий (на первое время школа-десятилетка разместилась в здании консерватории), все же это был родной дом и родной город. Харьковчанин Маргулис не сомневался, что Ленинград станет родным и для него.

Мое поколение помнит невероятный подъем зимы и весны 1945 года. 9 мая 1945 года стало для всех, переживших эту войну, самым счастливым днем в жизни. В этот день молодежный музыкальный ансамбль консерватории, всю войну выступавший с концертами в госпиталях и воинских частях, дал на Исаакиевской площади свой тысячный (!) по счету концерт. Площадь была переполнена, незнакомые люди обнимались и плакали. Кто-то смеялся, кто-то молился. Все были уверены, что теперь начнется другая, новая и счастливая эпоха. Увы, это оказалось иллюзией. Много позже мы узнаем, что Сталин еще в конце войны заметил, что люди его страны изменились. Ежедневное соседство со смертью притупило страх.

Нужны были новые репрессии. Началась полоса арестов, сначала так называемых «повторников», т. е. тех, кто уже отсидел в тридцатые годы, затем настала очередь новых жертв. Посыпались постановления ЦК партии по вопросам идеологии и искусства. Они обсуждались не только в художественных вузах, но и в среднем звене — в музыкальных училищах и специальных школах. Дети знали о судьбах Зощенко и Ахматовой, Прокофьева и Шостаковича не меньше, чем взрослые. У меня были друзья-художники, и я как-то попала на такое собрание в Академию художеств. Студентка первого курса задала вопрос: кто же такой Шостакович — гениальный создатель Седьмой «Ленинградской» симфонии, автор популярной народной песенки «Фонарики» или космополит, формалист и враг нашего народа? Через полчаса после собрания ее арестовали. Восемнадцатилетняя девочка получила два года тюрьмы за политическую неблагодарность.

Не знаю, как относился к событиям тех лет студент консерватории Маргулис. Ведь даже самые близкие друзья не отваживались говорить на эти темы между собой. Думаю, что скорее интуитивно, чем сознательно, он уходил от действительности в работу, в музыку. Ежедневно играл на рояле по шесть-восемь часов, читал, ходил на занятия в консерваторию, посещал лекции в университете, постоянно бывал на концертах в филармонии, обожал знаменитые ленинградские музеи.

... В один из июньских дней 1951 года в консерватории, в Малом зале имени Александра Глазунова, собралось много народа. Послушать лучшего студента выпуска пришли и мы, школьники. В программу Виталия входили труднейшие сочинения, жемчужины классического фортепианного репертуара: «Аппассионата» Бетховена, пятиголосная fuga Баха, Соната Листа си минор, Третий концерт Рахманинова для фортепиано с оркестром. Природная эмоциональность и превосходный пианизм позволили исполнителю с первой же ноты захватить слушателей. И даже нам, детям, было ясно, что играет музыкант мощной художественной индивидуальности, для которого на первом плане в музыке — содержательное драматическое начало. Интерпретация знаменитой «Аппассионаты» являла поразительный сплав страсти, блеска, глубокого размышления и воли к упорядоченности. И мы, школьники девятых-десятых классов, думали: вот бы у кого поучиться! Пустые мечты! Тогда, в начале 50-х, в годы расцвета государственного антисемитизма, Маргулис и думать не мог о работе в Ленинграде, об аспирантуре. На следующий день после исполнения сольной программы Виталий должен был играть «Элегическое трио» Рахманинова для фортепиано, скрипки и виолончели. Мы снова пришли в консерваторию. Однако в назначенный час исполнители на эстраде не появились. Оказалось, что когда до выхода на сцену оставались считанные минуты, посторонние люди вошли в артистическую и, предъявив ордер на арест, увели виолончелиста Оскара Бурштейна. Фактом ареста никого нельзя было тогда удивить, но чтобы среди бела дня,

в консерватории...⁴ Комментируя этот факт, Маргулис мудро заметил: *«На месте Оскара мог быть любой из нас. Что же огорчаться, что я не могу остаться в Ленинграде? Ведь меня ждет не тюрьма, не ссылка, а всего лишь какая-то филармония на Урале».*

И он уехал. Началась активная концертная работа в свердловской филармонии, попытки поступить в аспирантуру (восемь раз!) и пробиться на международные конкурсы. После очередной неудачи обычно следовала бессонная ночь, а на следующий день в шесть утра пианист, как в далеком детстве, садился за рояль и начинал учить новую программу к новому конкурсу. «Но поражения от победы ты сам не должен отличать», — сказал поэт. Эти занятия, возможно, и были самой ценной победой в самой трудной борьбе — с отчаянием, одиночеством, с самим собой. Но был ли он одинок? В своей книге «Багатели. Мысли и афоризмы пианиста» Маргулис пишет: *«Рояль лучше самого близкого друга способен понять и отозваться на наши самые сокровенные чувства. Умеющий хорошо играть никогда не будет одиноким»⁵.*

В конце 50-х он вернулся в Ленинград, наконец, поступил в аспирантуру и начал преподавать в «альма-матер». Большой разнообразный репертуар и богатый концертный опыт помогали молодому педагогу. Воздействие на учеников не ограничивалось занятиями в классе. Виталий постоянно беседует со своими воспитанниками, ходит с ними в музеи, показывает город, который очень любит и знает лучше многих коренных ленинградцев. Знаменитые архитектурные ансамбли и памятники, мосты, сады, решетки — все оживало, когда Маргулис рассказывал о них — весело, увлекательно, влюбленно...

Забегая вперед, скажу, что эта влюбленность в город на Неве сохранилась у Виталия на всю жизнь. Весной 1988 года он, впервые после отъезда из России, приехал в Ленинград. Мы встретились на центральной лестнице Русского Музея, и почти первые его слова были: «Я видел всю красоту мира, дважды был в кругосветном путешествии и, поверь, нет на земле второго такого города, как Ленинград!»

Но это будет почти через тридцать лет, а пока, в начале шестидесятых, он учит молодых музыкантов, и учит хорошо. Его воспитанники играют очень сложные произведения (например, «Гольдберговские вариации» И. С. Баха), украшающие репертуар немногих исполнителей. Но время идет, и становится ясно, что студенты класса Маргулиса не имеют никаких творческих перспектив. Причина заключалась и в «пятом пункте» учителя, и в его характере. Виталий родился с более живым, свободным и радостным мироощущением, чем это допускалось в советском обществе. Таким людям труднее было мириться с идеологическими установками, пользоваться словесными штампами, «единодушно голосовать» за очередное решение правительства, приспосабливаться и притворяться. Их выдавали манеры, интонации, выражение лица. Они очень раздражали

советских чиновников. Маргулиса не любили те, от кого многое зависело, — коммунисты фортепианного факультета, члены партийного бюро и «лично» ректор консерватории, народный артист Советского Союза Павел Серебряков.

Сегодня имя Серебрякова почти забыто, а в 50—60-е годы прошлого века это был известный пианист, выступавший с лучшими дирижерами в лучших концертных залах мира. Можно было бы объяснить нелюбовь ректора к Маргулису банальным антисемитизмом, но Серебряков не был антисемитом и этим выгодно отличался от многих своих коллег⁶. Истоки его неприязни к Маргулису были, на мой взгляд, в многолетнем противостоянии между Серебряковым и учителем Маргулиса профессором Савшинским. Когда тридцатилетний Серебряков в 1938 году возглавил консерваторию, Савшинский был директором школы-десятилетки, заведующим кафедрой фортепиано в консерватории, а с 1941 года — деканом фортепианного факультета. Оба музыканта долгое время работали рука об руку, но при этом творчески и психологически были совершенно противоположными натурами. Музыкант аналитического склада, Савшинский принадлежал к типу *чистых* педагогов (определение Генриха Нейгауза), т.е. никогда не выступал на концертной эстраде, а свой богатый педагогический опыт обобщал в многочисленных книгах о фортепианном искусстве. Серебряков, для которого исполнительство и педагогика были неразделимы, не понимал, как можно воспитывать концертирующего пианиста, не имея собственного эстрадного опыта, только с помощью теоретических рассуждений и книг.

Любопытно, что молодой Маргулис, один из лучших и самых преданных учеников Савшинского, и профессионально, и человечески имел немало общего именно с Серебряковым. Оба принадлежали к романтическому типу исполнителей. Оба были виртуозы с крупным пианистическим дарованием. Оба адресовали свое эмоционально открытое искусство широкой массовой аудитории. Совпадали и репертуарные пристрастия — Шопен, Лист, Брамс, Рахманинов. Наконец, оба были людьми страстными, любили жизнь во всех ее проявлениях, были беззаветно преданы музыке и фортепиано. Обоих можно было назвать «трудоголиками». Но если Серебряков, крупный номенклатурный работник (ректор, член партийного бюро вуза, член районного комитета партии) и гастролирующий по всему свету пианист, обязан был с раннего утра до поздней ночи распределять свой день с хронометрической точностью, то Маргулис, закончив трудиться, принадлежал себе. В распоряжении Виталия были прогулки по вечернему городу, беседы с друзьями, книги, концерты, музеи и одиночество, необходимое художнику для раздумий о жизни, искусстве, себе самом.

В отличие от Маргулиса, не интересовавшегося ректором ни как личностью, ни профессионально, Серебряков хорошо знал Виталия со сту-

денческой скамьи, следил за его жизнью, полной мучительной борьбы и трудных достижений. Он ходил на консерваторские концерты Маргулиса, и его случайно оброненные реплики, вопросы, иронические словечки позволяли думать, что маститый профессор и прославленный артист испытывает к никому не известному молодому преподавателю странное чувство ревности. Казалось, глядя на непоколебимую внутреннюю свободу Маргулиса, Серебряков спрашивал себя: а не упустил ли я что-то в собственной жизни, пройдя по ней так прямо и твердо — по коммунистически? Каждый из них шел своим путем, но профессиональная судьба Виталия во многом зависела от отношения ректора вуза. Маргулис никогда не выезжает с гастрольями за рубеж. В Союзе концертирует, в основном, на периферии. Высшая аттестационная комиссия (ВАК) постоянно отказывает ему в присвоении звания доцента. Его статьи о фортепианном искусстве не публикуются.

В тридцать семь лет у Виталия случился инфаркт. Для любого человека это серьезное испытание, меняющее ритм и уклад всей жизни. Для концертирующего артиста — почти трагедия. Маргулис сумел превратить это событие в удачу. Спустя много лет он скажет: *«Раньше я суетился, бросался от программы к программе, от конкурса к конкурсу. После инфаркта стал больше думать, больше читать. Обратился к Гете, Новалису, Шиллеру. Увлёкся идеями буддизма и христианства. Начал писать исследование о последней сонате Бетховена...»*

В 1974 году Маргулис решил подать документы на выезд. *«Дело было не только в отсутствии концертных залов, званий и степеней, — говорил он впоследствии, — дело было в потере веры в будущее, в чувстве полной бесперспективности».*

В Риме он сразу же стал играть на органах многих соборов, даже Собора Святого Петра. Настоятель американской католической церкви в Риме, сняв на собственные деньги зал и арендовав рояль фирмы «Стейнвей», организовал Виталию концерт. Этот вечер решил его судьбу. В зале находился известный немецкий клавесинист Станислав Хеллер, который немедленно предложил Маргулису поездку в Германию.

Опустим подробности авантюрных переездов через границы без документов. После первого же выступления перед немецкими музыкантами Маргулису было предложено место профессора фортепиано в одном из лучших музыкальных учебных заведений Европы — Высшей музыкальной школе Фрайбурга. Все стало на свои места. Как в старых добрых сказках, превратился он из гадкого утенка в стройного лебедя, из бедного пастуха в прекрасного принца.

Начинаются концерты по всему миру. О его выступлениях пишут как о «событиях выдающегося значения», называют «одним из самых крупных исполнителей нашего времени», «пианистом мирового класса», даже такие выражения как «secret genius» не боятся пускать в ход (Йоахим Кайзер,

«Suddeutsche Zeitung»). Парижская «La Disque Ideal» считает его интерпретацию Третьей сонаты Скрябина «подлинным шедевром, превосходящим широко известные записи Горовица и Софроницкого». Итальянская «Musica» называет его исполнение Этюдов Шопена «волнующим и фантастическим», «новым словом в истории фортепианного искусства».

Очень велики были достижения музыканта в педагогике. Десятки его воспитанников становятся лауреатами международных конкурсов. Маргулис выступает с открытыми уроками в городах Германии, в парижской консерватории, в музыкальном колледже в Осаке, на фестивале в Шлезвиг-Голдштейне, в нью-йоркской Manhattan School of Music, записывает диски западно-европейской и русской фортепианной классики.

Живя в Европе, Виталий часто приезжает в Америку. В Вашингтоне живет дочь Елена и внуки, в Нью-Йорке — друзья, коллеги по ленинградской консерватории, старший брат Константин — интересный, оригинальный художник. Живопись всегда была семейной страстью Маргулисов. Помню, еще школьницей я пошла с Виталием в Эрмитаж, где бывала и раньше, т. к. росла в интеллигентной ленинградской семье. Я считалась девушкой культурной, способной «блеснуть эрудицией», но этот поход меня потряс. Маргулис ориентировался в залах Эрмитажа как в собственной квартире и мог прочесть лекцию о любом художнике и любой эпохе. Мы долго топтались около одной картины, на которой не было ничего, кроме сплошного черного пространства. «Ищем ракурс», — объяснил Виталий. И когда мы ракурс нашли, я вдруг увидела освещенную луной палубу корабля и на ней — две прижавшиеся друг к другу человеческие фигурки. Маргулис произнес:

Когда на глади полотна
Художник ночь изображает,
Чтоб эта ночь была видна...
Хоть луч один он оставляет⁷.

Мы вспомнили об этом эпизоде во время посещения одного из нью-йоркских музеев. Интерес Маргулиса к живописи всегда был профессиональным интересом музыканта, ищущего аналогии к красочным возможностям фортепиано в других видах искусства, прежде всего, в творчестве художников.

... В апреле 1990 года я с волнением шла на концерт Виталия Маргулиса в Алис Талли-холле нью-йоркского Линкольн-центра. Программа была составлена из произведений Шопена. Трудно назвать пианиста, который не играл бы великого польского композитора, но обращение Маргулиса к Шопену — не дань традиции, а проявление внутренней природы художника, склонного к романтическому восприятию жизни и искусства.

Я не слышала пианиста шестнадцать лет и еще раз убедилась в богатом, раскрепощающем творческую личность влиянии среды, которая зовется «свободным миром». В артисте, если можно так выразиться, стало больше его самого. Первое, что я сразу заметила в интерпретации знаменитой шопеновской Сонаты № 2 (с траурным маршем в третьей части) — отход от сложившейся традиции исполнения. Замедленный темп (в первой части особенно), усиленная выразительность каждой интонации, каждого мелодического оборота подчеркивали не столько героикомонументальную, сколько лирико-философскую линию шопеновского творчества. Большое впечатление оставило исполнение ноктюрнов и вальсов, показавшее, сколь широк может быть круг настроений и образов в пределах одного — лирического жанра. Казалось бы, мир изысканных, хрупких образов не вписывается в круг артистических склонностей Маргулиса — пианиста масштабного, крупного, игра которого всегда отличалась большим и насыщенным звуком. Однако здесь было иное. Артист играл «вполголоса», словно открывая слушателю возможности «тихой беседы клавишей». И что самое главное — игра была абсолютно органична, естественна, лилась подобно человеческой речи. Мне вспомнились мудрые слова Шопена: «последней приходит простота, которая выступает во всем очаровании как высшая печать искусства...»

В 1994 году Маргулис переезжает в Америку. Побеждает в конкурсе на место профессора фортепиано в самом крупном университете Калифорнии — UCLA, в стенах которого работали Яша Хейфец, Арнольд Шенберг, Григорий Пятигорский. Это был первый «международный конкурс», до которого Виталий Маргулис, наконец, «был допущен». Более шестидесяти музыкантов со всего мира принимали в нем участие. Каждый кандидат должен был сыграть концерт и провести открытый урок. *«Я не думаю, что моя педагогика могла сильно впечатлить»,* — вспоминает пианист, — *так как по-английски я знал полтора слова*⁸. В одном интервью Виталий пошутил, что ему помогла старая истина — нет пророка в своем отечестве: *«Для России я был никто, для Германии — музыкант из знаменитой первой русской консерватории, а для Америки — уже европейская знаменитость»*. Но если говорить серьезно, то пианист очень удачно исполнил сольную программу (важнейшая часть конкурса), особенно те самые Этюды Шопена, интерпретацию которых итальянский музыкальный критик назвал «волнующей» и «фантастической». Необычайно высока была и педагогическая репутация музыканта. Более ста премий завоевали на международных конкурсах его воспитанники, из них двадцать восемь — первых.

Одновременно с предложением занять место профессора в UCLA, Маргулис получает приглашение преподавать в Японии, но выбирает Штаты. *«Америка была мне чем-то родная»,* — пишет он в своей автобиографической книге. — *Когда я приезжал в Америку, будучи еще педагогом в Германии, я говорил своим друзьям, что умереть хочу в Америке — почему-*

то Америка, а не Германия и не Европа представлялась мне родной. И я оказался прав»⁹.

В январе 1994 года Маргулис приступил к работе в UCLA. Началась новая жизнь. Ему было шестьдесят шесть лет, он почти не знал английского. Жена и трое детей (все музыканты) остались в Европе.

После маленького Фрайбурга, университет поразил пианиста своими масштабами и величием. По территории курсировал автобус, связывающий отдельные департаменты. Огромный кинозал, богатейшая библиотека, прекрасный концертный зал, в котором выступали Сергей Рахманинов, Яша Хейфец, Игорь Стравинский. Но пианистический уровень учащихся — увй! — оставлял желать лучшего. На фортепианном отделении не было практики сольных концертов студентов, не существовало традиции выступлений классов. Спустя несколько лет после приезда в Лос-Анджелес Маргулис признался, что «фортепианный факультет был довольно слабым. Сейчас, чтобы поступить ко мне в класс, нужно хорошо играть, а раньше было необязательно»¹⁰.

Его ученикам повезло. Природа, щедро одарив Маргулиса как исполнителя, не поскупилась и на педагогические способности. Острый ум, склонность к анализу, к постоянным поискам нового в области «музыкального слова», эрудиция в разнообразных видах искусства сделали его интереснейшей фигурой среди педагогов факультета. Добавим к этому владение огромным фортепианным репертуаром, колоссальный эстрадный опыт, рекордное количество воспитанных им лауреатов, и станет ясно, почему класс профессора Маргулиса привлекает множество молодых музыкантов из самых разных стран. Немалую роль в популярности Маргулиса-педагога играет его личное обаяние, чувство юмора, трудолюбие и преданность профессии.

Вскоре после того, как Виталий начал работать в UCLA, я впервые приехала в Лос-Анджелес. Много часов провела в его классе. Всё было знакомо, и всё было по-новому. Я привыкла, что на Западе в классе присутствуют только двое: учитель и ученик. Ученик заплатил за час занятий, и этот час принадлежит только ему. В классе Маргулиса одновременно собирались его студенты и аспиранты из UCLA, бывшие воспитанники из Фрайбурга, слушатели его многочисленных мастер-классов со всего мира. Они учатся на примере друг друга. Педагог немногословен, сосредоточен и *очень* внимателен к реакции всех присутствующих. Он никому не позволяет быть просто наблюдателем и внезапным обращением, репликой, вопросом вовлекает каждого в общий творческий поиск. Он не просто учит «хорошо играть», но старается развить своих подопечных, сделать умнее, горячее, преданнее своему делу. Можно ли осуществить это при слабом знании языка? В первый раз оказавшись в классе Маргулиса, я подумала: урок ведется на эсперанто. Немецкий, русский, английский (с сильным немецким и русским акцентом), обильная итальянская тер-

минология. Пожалуй, это было именно то, что требовалось для такого «многоязыкого» класса, состоявшего из американцев, немцев, японцев, русских, испанцев, швейцарцев и др.

Не будем забывать и о специфике *музыкальных* занятий. Ведь музыку, ее воспроизведение, исполнение можно выразить не только и не столько словами (порой, словами как раз и невозможно), сколько жестом, интонацией, особым духовным настроем. В классе Маргулиса постоянно царит атмосфера приподнятости, праздника. Всё, о чем бы ни заходила речь — темпы, характер звучания, фразировка, левая рука, — Маргулис *показывает*, и если словесного объяснения не всегда достаточно, показ всегда убедителен, ярок и, если можно так выразиться, корректен. Иными словами, никогда показ учителя не подавляет ученика, никогда Маргулис не навязывает своей трактовки. Порой в совместных поисках рождаются находки драгоценные и неожиданные. Помню, как, в работе над «Мефисто-вальсом» Листа, Виталий вместе с учеником искал момент, когда Маргарита, уступив любви, «пала». Именно в этот миг, по замыслу педагога, должны были измениться звук, дыхание музыки, темп исполнения. Я с интересом наблюдала, как большой музыкант всеми доступными средствами передавал ученикам способность органично соединить в исполнительстве расчет и вдохновение, фантазию и темперамент с «энергией торможения», а, в конечном итоге, способность овладеть секретом воздействия на аудиторию.

Класс Маргулиса становится заметным явлением в музыкальной жизни университета. Входят в практику ежегодные концерты его учеников в знаменитом Шенберг-холле. Студенты начинают выступать с сольными программами, участвовать и побеждать в американских и международных конкурсах, концерттировать по стране с сольными, камерными и симфоническими программами. Не придерживаясь хронологии, назову некоторых из них.

О победительнице американского конкурса в Монтерее Джуди Хуанг рецензент Los Angeles Times писал, что ее игра «впечатляет не только могучей техникой, но и огромным разнообразием эмоций». Другой критик назвал исполнительницу «музыкантом большого шарма». Недавно состоялся дебют Джуди в нью-йоркском Карнеги-холле.

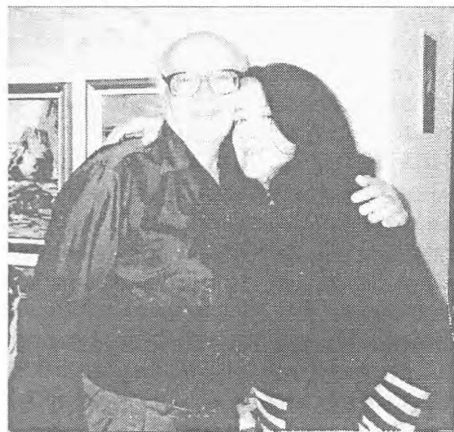
Двадцать два диска с записью всех фортепианных концертов Моцарта выпустила Христиана Энгель (внучка Альберта Швейцера). В 2006 году, когда отмечалось 250 лет со дня рождения композитора, она была приглашена в Прагу, где в зале Рудольфино исполняла два концерта Моцарта с пражским Stern Orchestra.

В январе этого года New York Times посвятила большую статью ученице Маргулиса Ингрид Флитер, ставшей победительницей престижного конкурса имени Гилмора (The Gilmore Artist Award). Премия присуждается за исполнительскую деятельность и составляет 300 000 долларов. Флитер также серебряный призер конкурса имени Шопена в Варшаве.

Бывшие воспитанники Маргулиса постоянно поддерживают контакты с учителем. Аксель Шмит, дважды призер конкурса имени Ф. Листа, через год после окончания университета приехал в Лос-Анджелес, чтобы сыграть учителю 24 прелюдии и фуги Баха. Ортвин Штюмер, известный интерпретатор авангардной музыки, несколько раз в году приезжает проконсультироваться с Маргулисом по поводу исполнения произведений А. Шенберга, И. Мальцена, Х. Радулеску.

Сегодня ученики Маргулиса — выпускники UCLA работают во многих колледжах Америки, в городах Канады, Германии, Австрии, Японии, концертируют по всему миру. Университету есть чем гордиться. 70-летие и 75-летие музыканта отмечалось гала-концертами, в которых принимали участие юбиляр, его ученики, его дети: пианист Юрий (победитель нескольких международных конкурсов), скрипачка Алиса (также лауреат нескольких конкурсов), и виолончелистка Наташа. Выступала и давний друг Маргулиса выдающаяся пианистка Марта Аргерих.

Педагогическая деятельность пианиста очень разнообразна. Она включает и редактирование фортепианной музыки, и открытые уроки (мастер-классы), и чтение лекций по вопросам фортепианного искусства. Только в этом году Маргулис несколько раз выступал на «Методическом объединении фортепианных педагогов» и на «Международном симпозиуме по вопро-

В. Маргулис и М. Аргерих

сам фортепианной педагогики», проходивших в Лос-Анджелесе. Лекции («Прелюдии Дебюсси», «Фуги Баха», «Проблемы фортепианного звука и педали») читались по-английски, а «страховала» Маргулиса участница симпозиума, его бывшая студентка, дважды победительница международных конкурсов молодых исполнителей в Нью-Йорке, а ныне профессор техасского университета в Остине София Гильмсон.

Интенсивная педагогика сочетается у Виталия Маргулиса с концертированием. В канику-

лярное время он гастролирует в Германии, Италии, Португалии, Венгрии, Бельгии, Японии. О его игре в Сантандере (Испания) рецензент писал: *«Три сонаты Бетховена — “Лунная”, “Les Adieux” и грандиозная Opus 111 — по качеству и зрелости исполнения неподражаемы. Его очень индивидуальная интерпретация Бетховена установила недостижимый стандарт»*.

В Америке пианист выступает соло и с симфоническим оркестром в Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Бостоне, Сан-Диего. Из его выступле-

ний с оркестром стоит отметить исполнение Второго концерта Рахманинова с Русским национальным оркестром (художественный руководитель М. Плетнев), состоявшееся в зале Hollywood Bowl на 18 000 человек.

Маргулис выступал в Большом зале ленинградской государственной филармонии имени Шостаковича, в Большом зале московской консерватории, в Музыкальной Академии имени Гнесиных с сольными вечерами-монографиями из произведений Шопена, Шуберта, Скрябина. Как выразился один из лос-анджелесских журналистов, «приятно прибыть на родину на белом коне». Да, наверное, приятно играть на сценах лучших концертных залов, о которых в молодости не мог даже мечтать, проводить творческие встречи в стенах прославленных старейших музыкальных учебных заведений. Но, думаю, при этом испытываешь чувство более глубокое и серьезное, чем просто удовлетворенное самолюбие: сознание творческой осуществленности.

В 2003 году Виталий играл в Alma-mater. Руководство С.-Петербургской консерватории пригласило его участвовать в Третьем Фестивале «Международная неделя консерватории». В рамках фестиваля состоялся концерт Маргулиса и его лос-анджелесских учеников — Канаи Мацумото и Акселя Шмита, а также презентация книги «Багатели op. 10».

Стремление вовлечь читателя в размышления об искусстве, природе, людях, добре и зле побуждает музыканта постоянно браться за перо. В его статьях и книгах — жажда познания, влечение к исследованию, сопутствующие пианисту всю жизнь. Его стремление донести до советского читателя, еще в брежневскую эпоху, оригинальные мысли о религиозно-философских взглядах Баха и Бетховена напоминало попытки булгаковского Мастера издать в советской печати роман об Иисусе Христе. Позже, в Германии будет опубликован имевший широкий резонанс труд «Хорошо темперированный клавир Баха и визуальная церковная символика», а в 1991 году в московском издательстве «Музыка» выйдет его книга «Об интерпретации фортепианных произведений Бетховена». В том же году в Германии впервые будут опубликованы уже упоминавшиеся «Багатели». Это «мысли пианиста, спрессованные многолетней практикой до афористической краткости», — так сам автор определяет жанр.

В Америке Маргулис продолжал работу над «Багателями». Книга, адресованная профессионалам и любителям фортепианной музыки, выдержала десять изданий и была переведена на семь языков. В предисловии к последнему, десятому опусу, Марта Аргерих писала: «Виталий Маргулис обладает мудростью и юмором, выдающейся интуицией и знанием природы и духовной сущности человека»¹¹. Она называет книгу «захватывающей», «неотразимой», одинаково интересной для музыкантов и не музыкантов. Я уверена, что если бы Марта знала русский язык, она адресовала бы не менее восторженный отзыв и о последней книге пианиста «Паралипоменон. Новеллеты из жизни музыканта». Прикасаясь к самому личному,

исповедальному — вера, Бог, «тема души», ее бытие, ее бессмертие (глава «Ариетта — звучащая вечность»), и в других, совсем «земных» новеллах автор старается заглянуть в самую суть явления, факта, стремится понять человека в его сокровенной глубине и сложности. Но о чем бы ни шла речь, Маргулиса никогда не покидает чувство юмора. Ирония, самоирония, вкус к шутке придают «новеллетам» особый аромат. Эмоциональная, написанная живым языком, эта книга рассказывает об одинокой борьбе человека с советской действительностью, о вынужденной эмиграции, об исторически парадоксальном признании русского еврея в Германии и, наконец, на закате трудно прожитой жизни, об обретении дома, покоя, счастья здесь, в Америке. *«Я чувствую себя здесь дома. В принципе, я никогда раньше не видел ортодоксальных евреев — в черных кафтанах и прочих аксессуарах. Дед у меня был религиозным евреем, но умер рано. И когда я их вижу, душа отогревается: я здесь чувствую себя среди множества незнакомых родственников»*¹².

В уютном (хоть и небольшом — по меркам Bell Air и Beverly Hills) доме постоянно звучит музыка. С раннего утра, как в далеком детстве, начинается занятия хозяин дома. Играют ученики. Приезжают и занимаются дети. После выступлений в музыкальном центре Лос-Анджелеса, приходят и музицируют артисты. Однажды, после своего выступления пришел Аркадий Володось и сыграл здесь целый концерт с новой программой. В другой раз Ефим Бронфман вместе с Алисой играли с листа скрипичные сонаты Моцарта и Бетховена, а Марта Аргерих переворачивала Ефиму страницы. В этом гостеприимном доме, где царит творческий дух, юмор, тепло, любят бывать и приезжающие на гастроли старые приятели: Дмитрий Башкиров, Сергей Доренский, Николай Петров, Михаил Воскресенский...

Мы сидим с Виталием в его кабинете-студии. В центре комнаты — два великолепных «Стейнвея». Очень много книг: по истории, философии, живописи и, конечно, по музыке. С балкона открывается типичный калифорнийский пейзаж: по дороге, окруженной кипарисами и пальмами, мчатся ягуары и мерседесы, а вдали голубые холмы сливаются с океаном. Мы вспоминаем десятиметровую комнатку в коммуналке на улице Декабристов с раскладушкой и старым зубоврачебным креслом в качестве мебели, где прошла студенческая молодость и начиналась самостоятельная жизнь артиста. Он рассказывает о последних выступлениях.

— Записал впервые «Крейслериану» Шумана, предстоит сыграть с оркестром ля-мажорный концерт Моцарта, который раньше не играл. Конечно, немного волнуюсь. Память уже не та.

— Зачем при таком огромном репертуаре учить новые пьесы? — спрашиваю я.

— Знаешь, Сократ в ночь накануне казни попросил своего стражника научить его играть на ручной арфе. «Старик, зачем тебе это, ведь утром

тебя казнят», — сказал стражник. «Когда же еще я найду время для этого?» — ответил Сократ.

— В одной из газет я прочитала, что «музыкальный мир второй половины XX-го века трудно представить без вклада Виталия Маргулиса». А что ты сам считаешь главным в этом вкладе — исполнительство или педагогику?

— Трудно сказать. Когда-то, в 60-е годы количество моих сольных концертов доходило до семидесяти в год, и я был убежден, что мое призвание — исполнительство. Впоследствии, когда я играл только Баха, число выступлений резко сократилось. В Германии я играл примерно двенадцать концертов в сезон, на первом месте была педагогика. В Америке я, по-прежнему, ежегодно даю несколько концертов и учу новые пьесы. Вся моя разнообразная работа находится в единстве. Есть диски, книги, например, маленькая книжечка «Багатели». Краткость, если она еще и приправлена юмором, лучше усваивается. Я всё ношусь с мыслью сократить время фортепианного урока, который, по существу, не изменился со времен Моцарта. Возможно, теперь, после издания «Багателей», можно будет сказать ученику: «Прочитайте, пожалуйста, страницы такие-то и такие-то. И до свидания». Ну, а главное... В Вашингтоне живет моя старшая дочь Лена Маргулис-Котт...

Здесь я ненадолго прерву повествование Виталия, чтобы рассказать о его дочери чуть подробнее. Талантливая пианистка, она, еще учась в одиннадцатом классе школы для одаренных детей при ленинградской консерватории, вышла замуж за пятикурсника одного из технических вузов Сашу Котта. Саша увлекался сионизмом, еврейской историей. Вскоре они подали заявление на выезд и получили отказ. Началась стандартная жизнь отказников: они подметали улицы, продавали мороженое и ждали первого ребенка — Илюшу. Некоторое время Саша работал в котельной, где был самым «малообразованным» (другие рабочие — тоже отказники — были кандидатами и докторами наук). Саше и Лене повезло — перед московской Олимпиадой 80-го года власти решили очистить Ленинград от «нежелательных элементов». Мгновенно они получили разрешение на выезд и предписание покинуть Россию в течение шести дней. Сейчас они живут в Вашингтоне. Саша — один из ведущих специалистов организации DARPA, разрабатывающей новые технологии для обороны США. А Лена закончила фортепианный факультет Университета Карнеги-Мелон и преподает в двух музыкальных школах. А теперь продолжает Виталий Маргулис: *«Лена — воплощение счастья. У нее двенадцать детей, и я никогда не видел ее в плохом настроении. Она умеет быть счастливой и знает, как это делается. У нее в сердце достаточно любви и внимания для каждого ребенка, и потому у нее замечательные дети, а у меня — замечательные внуки и уже двое правнуков. Лена — главный мой вклад в жизнь».*

Я слушаю этого красивого, темпераментного, остроумного 78-летнего

человека, музыканта и философа, и думаю, что он, как и его дочь Лена, владеет самым главным искусством в мире — искусством жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Маргулис В.* Паралипоменон. Новеллетты из жизни музыканта. М.: Классика XXI, 2006.

² *Цветаева М.* Мать и музыка. Соч. в двух томах. Художественная литература, М., 1984. Т. 2. С. 90.

³ Мангал — печь, которой пользовались в Средней Азии для обогрева помещения и приготовления пищи.

⁴ Оскар Бурштейн был приговорен к десяти годам заключения и пяти годам поражения в правах за «пропаганду и агитацию, направленную на подрыв советской власти». Реабилитирован после смерти Сталина. Сейчас живет с семьей в Вашингтоне. Мать Оскара, старый петербургский музыкант Берта Яковлевна Бурштейн, была моим первым учителем музыки.

⁵ *Маргулис В.* Багатели. Мысли и афоризмы пианиста. Opus 1. СПб., 1992.

⁶ Показательно, что именно в мрачные 50-е годы Серебряков был отстранен от руководства с формулировкой «засорение кадров вуза», а в 1961-м, в период «оттепели», возвращен на пост ректора.

⁷ Четверостишие испанского драматурга Лопе де Вега.

⁸ *Маргулис В.* Паралипоменон. Новеллетты из жизни музыканта. М., Классика XXI, 2006.

⁹ Там же, С. 197.

¹⁰ Интервью в газете «Пятница», Лос-Анджелес, 1996, 14—20.

¹¹ *Маргулис В.* Багатели. Opus 10. М., Классика XXI, 2003.

¹² Интервью в «Интересной газете», Нью-Йорк, 1996, июль.

СОЛ ЮРОК: ИМПРЕСАРИО — ЭТО НЕ ПРОФЕССИЯ, ЭТО ЛЮБОВЬ

ЭРНСТ НЕХАМКИН (НЬЮ-ЙОРК, США)

Если ты умен и юрок,
Не насилуй интеллекта:
Нету лучшего агента,
Чем великий наш Сол Юрок.
Мстислав Ростропович

В Брянской области, у самой границы между Россией и Украиной, приютился маленький городок Погар. «Погар», «погорелище» — наименование о пожарище, бушевавшем когда-то в этих местах.

9 апреля 1888 года в семье местного лавочника Израиля Гуркова появилось прибавление — третий сын. Нарекли его библейским именем Соломон.

Маленький Соломон не отличался никакими особыми талантами, разве что любовью к музыке; впрочем, музыку в Погаре любили все, и даже теперь самое видное здание на главной площади города — это местная музыкальная школа. Пытался учиться играть на балалайке, но, по собственному признанию, не было в Погаре худшего балалаечника, чем он. Отец его учил другому: умению выжить в стране, в которой еврею жить было непросто. Почтенный Израиль видел будущее сына в исконно еврейском занятии — торговле, и когда Соломону исполнилось семнадцать лет, послал его в Харьков учиться торговому ремеслу.

До Харькова потенциальный лавочник не доехал. По дороге он встретил товарища, который направлялся в Америку и уговорил его присоединиться к нему. Недолго думая, юный Гурков вместе со своей возлюбленной Тамарой Шапиро отправился в дальний путь.

Их ближайшей целью был Гамбург, где местные еврейские организации помогали беженцам из России добраться до Америки. В Брест-Литовске они нашли контрабандистов, которые за 350 рублей — большие по тем временам деньги — брались довести их в Гамбург. Для доставки был выбран кружной, но более безопасный, по мнению «специалистов», путь через Австро-Венгрию. Прижавшись друг к другу на жесткой полке вагона третьего класса, они доехали до границы с Австро-Венгрией, откуда пограничники завернули их восвояси. Однако контрабандисты оказались людьми слова и решили попробовать другой путь, через германскую границу. Глубокой ночью группа беженцев, держа пожитки над головой, переправилась вброд через пограничную реку Нысу и очутилась на территории кайзеровской Германии.

В Гамбурге беженцы провели три недели в бараке, спали на полу в одежде, подложив под голову свой скарб. Вокруг российских евреев роем вились различного рода аферисты, пытавшиеся всучить им липовые билеты на пароход. Наконец, потратив все выданные ему отцом деньги, Гурков очутился в Нью-Йорке. Это произошло в мае 1906 года.

Когда иммиграционный клерк услышал фамилию «Гурков», да еще произнесенную с мягким украинско-белорусским «г», он, ничтоже сумняшеся, записал «Нурок», и с тех пор Соломон Израилевич Гурков стал именоваться «Сол Юрок», с характерным для англо-американских фамилий ударением на первом слоге.

Оставив Тамару у ее сестры в Бруклине, Сол уехал к своему старшему брату (или дяде, в его рассказах встречается и тот, и другой вариант) в Филадельфию. За шесть месяцев пребывания там он сменил шестнадцать работ, и первой была работа «педлера» — что-то вроде русского коробейника. Спустя много лет Юрок вспоминал: *«Я начал работать в понедельник утром и сразу же узнал кое-что об Америке: понедельник — это день всеобщей чистки и мойки. Первым клиентом, наблюдавшим мою пантомиму, была домашняя хозяйка, свесившаяся из окна второго этажа и вытряхнувшая пыльную тряпку на меня и мою корзину. Другая женщина окатила меня водой, некоторые спускали на меня собак. Я совершенно упал духом. Страна свободы слова и собраний выглядела не такой уж прекрасной. Я сел под деревом и заплакал. Я плакал и плакал, а потом сказал себе: “Нельзя так смотреть на жизнь. Встань, Сол Юрок!” И как только я встал, какая-то пожилая женщина остановилась около меня и купила все мои полотенца за один доллар». Доход от его первой продажи составил сто процентов, и его друзья предрекали ему будущее большого бизнесмена.*

Затем у него было множество других работ: от мойщика бутылок до кондуктора трамвая, объявлявшего остановки на ужасающем английском, за что он и был уволен. (До конца своей долгой жизни Юрок так и не смог по-настоящему овладеть английским. Скрипач Айзек Стерн говорил: «Юрок знает шесть языков, и все они — идиш».)

Однажды репортер местной газеты Линтон Мартин, готовившийся стать музыкальным критиком, пригласил к себе нескольких молодых людей, Сола в их числе, послушать серьезную музыку, чтобы посмотреть, как на нее реагирует «простонародье». Он играл на рояле Вагнера, Сол с товарищами слушали, раскрыв рты, а потом долго обсуждали все, что слышали. «Если продавать билеты по доступной цене, народ пойдет на концерты самой серьезной музыки», — именно тогда эта мысль впервые пришла к Солу.

Юрок вернулся в Нью-Йорк и с головой окунулся в жизненную круговорот. Как и большинство тогдашних еврейских иммигрантов из России, он верил в социализм и поддерживал левое движение, но его политическая деятельность была необычной: он обеспечивал бруклинских социалистич-

ческих политиков музыкальной «поддержкой», поставляя на их митинги певцов и музыкантов. Обычно это были начинающие безвестные артисты, но однажды ему удалось организовать для трудового люда Бруклина концерт восходящей звезды — скрипача Ефрема Цимбалиста.

Выпускник Петербургской консерватории, ученик знаменитого Леопольда Ауэра, Ефрем Цимбалист дебютировал в Америке в октябре 1911 года, и его концерт сразу же стал сенсацией. Руководствуясь непреложным для импресарио правилом «куй железо, пока горячо», Юрок решил заполучить Цимбалиста для своих друзей-социалистов. Вот как описывает Юрок их встречу: *«Я был на своей работе в выставочном зале автомобилей, когда в зал вошла моя судьба в лице Ефрема Цимбалиста. Я предложил ему дать концерт для рабочих Бруклина. Скрипач согласился, концерт прошел с большим успехом, и началась моя карьера импресарио».*

Однако более правдоподобной кажется другая версия их встречи, о которой позже рассказал тот же Юрок. Набравшись наглости, он поймал менеджера скрипача и сказал ему, что хочет, чтобы его клиент дал концерт в Бруклине и отдал часть гонорара в пользу Социалистической партии. К удивлению Юрока, менеджер не выгнал его, а посоветовал поговорить непосредственно со скрипачом и дал его адрес. *«Это был момент, запомнившийся на всю жизнь, — вспоминал Юрок. — Впервые я сидел и разговаривал, лицом к лицу, как менеджер с артистом, с Большим Именем... Цимбалист был деликатным молодым человеком с кудрявыми черными волосами и нежным открытым лицом. Он слушал меня с благожелательной учтивостью. Когда я ушел от него, у меня в кармане лежал контракт».*

Имя Ефрема Цимбалиста открывает блестящий «послужной список» деятелей искусства, которых представлял публике Сол Юрок.

В 1908 году он женился на Тамаре Шапиро, через три года у них родилась дочь. Хорошим семьянином Юрок не был никогда: сначала работа, потом уж семья, и, кроме того, в отличие от своей жены, он всеми силами старался избавиться от местечкового налета и стать «настоящим американцем» во всем: в одежде, в манере держаться, в подборе друзей. После похорон Тамары в 1945 году он сказал дочери: *«Твоя мать была прекрасной женщиной, но она так никогда и не уехала из Погара».*

20 ноября 1907 года Юрок впервые услышал Шаляпина. В театре Метрополитен шла опера Бойто «Мефистофель», Шаляпин пел заглавную партию, Сол с приятелем сидел на галерке. Громадный талант певца поразил Сола. Под впечатлением от увиденного и услышанного он сказал тогда приятелю: *«Когда-нибудь я буду представлять таких артистов, а может быть, и его самого».*

Однако нью-йоркским музыкальным критикам Шаляпин не понравился. Напряженный драматизм его игры раздражал их пуританскую чувствительность, а мощный, «неотшлифованный», по их мнению, голос осквернял их деликатные уши. *«Мне жаль американцев, — говорил Шаля-*

пин, — в их жизни нет ни света, ни мелодии. Во всем, что касается искусства, они просто дети».

Обиженный Шаляпин уехал из Америки, но мечта стать его импресарио овладела Юроком. Он стал бомбардировать великого певца письмами с предложением своих услуг в качестве менеджера, но Шаляпин молчал. После удаchi с Цимбалистом Сол набрался храбрости, послал гастролировавшему в Париже Шаляпину телеграмму и, к своему удивлению, получил ответ: *«Встречайте меня Гранд Отеле Париж Шаляпин»*. Соврав на всякий случай жене, что отправляется в Калифорнию, окрыленный надеждой двадцатичетырехлетний начинающий импресарио отплыл во Францию.

Шаляпин был большим шутником. Его шутки порой были очень жестокими, особенно по отношению к тем, кто от него чего-то добивался. Почему бы не подразнить этого нахального американского новичка, осмелившегося четыре года забрасывать письмами его, великого? *«Я никогда не поеду опять в Америку. Нью-йоркские критики смертельно обидели меня. Я позвал вас сюда только для того, чтобы посмотреть на вас. Париж — прекрасный город, вы можете полюбоваться Эйфелевой башней, побывать в Лувре, посмотреть, в конце концов, на меня»*, — подшучивал он над Юроком.

Пройдет девять лет, и он приедет в Америку, и его менеджером будет Сол Юрок. А пока незадачливый импресарио возвращается в Бруклин, обедневший, но не сломленный.

Между тем, бизнес Юрока набирал обороты. Вместе с товарищами по Социалистической партии он приобрел помещение, которое они называли «Трудовым Лицеем», и проводили в нем дебаты, лекции, банкеты, балы и, конечно, концерты. Для концертов была задействована и недавно открывшаяся Бруклинская Академия музыки. Юрок успешно постигал профессиональные секреты и трюки организаторов концертов: анонсируя концерт бельгийского скрипача Эжена Изаи, он воспользовался пребыванием в это время в Америке бельгийской королевской четы и сотворил такую афишу:

ИХ ВЫСОЧЕСТВА ПРИНЦ И ПРИНЦЕССА БЕЛЬГИИ
УВЕДОМЛЕНЫ И, ВОЗМОЖНО,
БУДУТ ПРИСУТСТВОВАТЬ НА КОНЦЕРТЕ ИЗАИ,
ВЕЛИЧАЙШЕГО В МИРЕ СКРИПАЧА

Все билеты на концерт были проданы, хотя высочества так и не появились.

«Из всех искусств важнейшим» для Юрока был балет, причем балет классический. А лучшими в мире танцовщиками были воспитанники петербургской школы, и когда авторитет Юрока поднялся достаточно высоко, он стал организатором американских гастролей великих танцовщиков Михаила Фокина и Анны Павловой.

Отношения Юрока и Анны Павловой вышли за деловые рамки, их связывала многолетняя дружба. Поговаривали даже о более глубоких чувствах, но если и была любовь, то лишь со стороны Сола, а он, по воспоминаниям коллег, влюблялся во всех артистов, которых он представлял и которые приносили ему успех. Тем не менее, их отношения были очень близкими, и Павлова как-то по секрету призналась ему, что она — незаконнорожденная дочь богатого еврея, московского банкира Лазаря Полякова, хотя официальным ее отцом был русский крестьянин Матвей Павлов.

Впервые Анна Павлова танцевала в Америке в 1910 году и уже тогда завоевала симпатии балетоманов. Ее гастроли в 1916 году были триумфальными, она стала кумиром для многих, и Юрок был в их числе. Пять месяцев она выступала в организованном известным менеджером Чарльзом Диллингемом «Большом шоу», и каждый вечер Юрок приходил в нью-йоркский концертный зал «Ипподром», чтобы «видеть ее и поклоняться ей издали». В один из вечеров Диллингем пригласил его за кулисы встретиться с Павловой. Позже Юрок вспоминал:

«Слова, которые я хотел произнести при встрече с Анной Павловой, давно уже были у меня на языке. Я шифовал их и повторял тысячу раз при возникавшей в моем воображении личной встрече с ней. Я репетировал свою речь то по-русски, то по-английски и никак не мог решить, на каком языке моя цветистая риторика будет наиболее эффектной».

Следует сказать, что «риторика» Юрока на любом языке была бы убогой, поскольку его английский все еще был примитивным, а русский, смешанный с украинским и идиш, был очень далек от рафинированного петербургского языка Павловой.

«Она сидела перед своим туалетным столиком в наброшенном на плечи маленьком красном халатике. Голос Диллингема, представлявшего меня, прозвучал так, как будто он был от нас на расстоянии в несколько миль. Английский или русский, русский или английский? На каком мне говорить? Никак не в состоянии выбрать, я стоял, бессловесный, оцепеневший, окутанный туманом, в котором русские и английские слова смешивались и превращались в санскрит и древнегреческий».

Она улыбалась. Она протянула мне руку, и я, как автомат, склонился над ней. Когда я выпрямился, она сказала Диллингему: “Давайте возьмем с собой вашего друга. Втроем нам будет так весело!”

Так я повстречался с Павловой и был приглашен ею на ужин, не сказав ни единого слова».

Потом было много совместных ужинов, но их настоящее сотрудничество началось с сезона 1921—22 годов и продолжалось до ее последнего американского тура 1925 года. Она выступала «по городам и весям» Соединенных Штатов, часто в совершенно не приспособленных помещениях, и Юрок почти всегда сопровождал ее. *«Не обращай внимания, Юрокчик, — говорила она, когда в одном городе ей пришлось выступать*

в зале с протекающей крышей и лужей на сцене. — *Здесь люди, которым мы нужны, и это доставляет мне радость большую, чем тогда, когда я танцую в Метрополитен-опере.*

В июле 1921 года народный комиссар просвещения Анатолий Васильевич Луначарский послал Шаляпину письмо следующего содержания:

«Я получил для Вас очень серьезный контракт от фирмы с интригующим названием “Несравненная Павлова”. Очень желательно, чтобы Вы подписали его. Гонорар завидный. По расчетам Наркомфина, за каждое ваше выступление Вы будете получать 57,5 миллиона в нашей валюте. Но так как мы будем Вас грабить, Вы получите только пять миллионов за выступление».

Контракт прислал Юрок, а «Несравненная Павлова» была рекламой, которую Луначарский принял за название фирмы.

Контракт пришел от Юрока очень вовремя. Жизнь в России становилась все более трудной и непредсказуемой для всех, в том числе и для Шаляпина, и он намеревался уехать из страны на какое-то время. *«Наступил день, когда мне показалось совершенно необходимым оставить Россию и посмотреть, не буду ли я забыт».* Письмо Юрока давало ему нужный повод. С помощью Луначарского он получил разрешение, паспорт и место в правительственном вагоне, увозившем официальных лиц в Ригу. После нескольких концертов в Риге и Лондоне Шаляпин оказался на борту парохода, направлявшегося в Нью-Йорк.

В нью-йоркском порту его встречала толпа соотечественников, среди которых, естественно, был и Юрок. Дождался его в своем «Паккарде» и владелец ресторана «Castle Cave» («Погребок в замке»), который стал процветать после того, как пятнадцать лет назад Шаляпин назвал его заведение «лучшим местом в Нью-Йорке». Ресторатор устроил в честь певца благодарственный ужин со своими знаменитыми устрицами, которых Шаляпин съел три или четыре дюжины, и огромными бифштексами.

То ли от переедания, то ли по какой-то другой причине Шаляпин заболел, и запланированные Юроком концерты трижды пришлось отменять. Наконец, 13 ноября 1921 года Шаляпин согласился выступить, и то лишь после того, как его попросила об этом его «дорогой старый друг» Анна Павлова, которую привел за кулисы Юрок. Позже он вспоминал: *«Она обхватила своими тонкими руками его массивные плечи, и слезы потекли из ее глаз — и из его тоже. “Ладно, Анюта, ладно”, — сказал он. — Только пусть кто-нибудь выйдет и скажет им, что я простужен, иначе я не могу».*

После того, как было объявлено о его недомогании, Шаляпин спел романсы и арии из опер, исполнение которых Юрок посчитал «достойным сожаления», но критики были более снисходительными и щедрыми на похвалы.

Впрочем, известный американский писатель и психолог Дейл Карнеги несколько по-иному описывает этот, или похожий на этот эпизод:

«В течение трех лет Юрок был импресарио Федора Шаляпина — одного из величайших басов, вызывавших восторги лож Метрополитен-оперы. Ша-

ляпин был вечной проблемой. Он вел себя, как избалованный ребенок. По собственным словам Юрока, “с Шаляпиным каждый раз было адски трудно”.

Например, Шаляпин звонит Юроку в полдень того дня, когда он должен петь и заявляет: “Сол, я ужасно себя чувствую. Мое горло — как рубленый шницель. Я не могу выступить сегодня вечером”. Мистер Юрок начинает спорить? Ничего подобного! Он знает, что антрепренер не может так поступить с артистом. Он мчится в отель к Шаляпину, насквозь проникнутый сочувствием. “Как жаль! — сетует он, — какая досада! Мой бедный друг! Конечно, вы не можете петь! Я сейчас же расторгну контракт. Правда, это обойдется вам в пару тысяч долларов, но это пустяки по сравнению с вашей репутацией!”

Шаляпин вздыхает и говорит: “Можете заглянуть ко мне попозже? Приходите часов в пять. Посмотрим, как я буду себя чувствовать”.

В пять часов мистер Юрок врывается в отель, затопляя его волнами сочувствия. Снова настаивает на том, чтобы расторгнуть контракт. И снова Шаляпин вздыхает и говорит: “Может, вы зайдете еще раз? Может, позже мне станет легче?”

В 19.30 великий бас соглашается петь, при условии, однако, что мистер Юрок выйдет на сцену Метрополитен-оперы и предупредит, что у Шаляпина сильная простуда и он не в голосе. Мистер Юрок лжет, обещая выполнить это условие. Он знает, что это единственный способ вытащить Шаляпина на сцену».

Исполнение заглавной роли в спектакле Метрополитен-оперы «Борис Годунов» стало вершиной гастролей Шаляпина в Нью-Йорке. Даже тот факт, что Шаляпин пел по-русски, а остальные исполнители — итальянски, не мог уменьшить драматический эффект его исполнения. Публику и критиков больше всего изумляла способность певца полностью войти в образ преступного и обреченного царя, буквально стать им, используя голос как одно из средств в арсенале драматического мастерства. По окончании спектакля слушатели неистовствовали, не отпуская своего кумира в течение пятнадцати минут.

Ошеломленный таким приемом, Шаляпин понял, что поднялся на новую, очень важную ступень своей карьеры. Позже он писал: «В тот вечер в Метрополитен-опере я действительно был коронован как артист!»

А Юрок, аплодировавший громче всех, был коронован как импресарио.

Несмотря на то что в письмах и воспоминаниях Шаляпина он ни разу не упомянул имени Юрока, существует множество свидетельств того, что они были достаточно близки в этот его приезд в Америку. Юрок вспоминает, как они бродили вместе по Нью-Йорку, заглядывая в самые темные закоулки. Есть фотография, на которой они запечатлены сидящими за столом с какими-то неприглядными личностями. Юрок любил рассказывать, как они с Шаляпиным ходили в турецкую баню, где они выполняли обязательный банный ритуал, часто включавший философ-

ствование: *«Как-то, когда мы обсыхали, он сказал мне: “Толкуют о демократии — посмотри вокруг себя: никаких лимузинов, никаких шоферов, все пользуются одинаковым мылом и даже едят одну и ту же еду за одним столом — и при этом все голые! Скажу тебе, Юрок, только в турецкой бане ты найдешь настоящую демократию!”»*

Шаляпин никогда не относился к Юроку как к равному себе, и об этом говорят многие свидетели. Одним из них был давний друг певца пианист Артур Рубинштейн. Он вспоминает, что завтракал в номере Шаляпина в нью-йоркском отеле, когда туда приехал Юрок. Шаляпин обращался с ним с удивившей Рубинштейна высокомерностью. Не обижаясь на такое поведение хозяина, Юрок спокойно сидел в уголке, а Шаляпин попросил Рубинштейна сыграть ему фортепианное переложение «Петрушки» Стравинского. *«Я открыл крышку пианино и начал играть “Русский танец”. Шаляпин, хорошо знавший и любивший эту пьесу, не позволил мне остановиться, пока я не сыграл ее почти всю. Потом он обнял меня и воскликнул: “Ты великолепен!” И, обращаясь к Юроку, сказал: “Сол, ты слышал, как он играет?” А затем сказал мне громко: “Этот парень ничего не понимает в музыке”».*

Юрок действительно не очень разбирался в музыке, но, не будучи силен в тонкостях музыкального искусства, он, тем не менее, обладал безошибочным «нюхом» на таланты и четко знал, будет ли артист пользоваться успехом у публики, или она не пойдет на него.

Через несколько дней не очень удачливый агент Рубинштейна позвонил своему клиенту и сказал: *«Ко мне пришел мой коллега Юрок, головастый парень. Он организует несколько концертов в “Инпподроме” и предлагает, чтобы вы приняли участие в концерте Титта Руффо... Думаю, что вам нужно принять его предложение».*

Рубинштейн согласился, и это стало поворотным пунктом в его карьере. Публика, не очень довольная пением Руффо, который был не в голосе, наградила тридцатичетырехлетнего пианиста такой овацией, которую он привык получать в Буэнос-Айресе или Мадриде, но никогда не имел в Соединенных Штатах. Поверив Шаляпину, Юрок сыграл решающую роль в дальнейшей судьбе Рубинштейна, и их знакомство переросло в крепкую дружбу.

Сотрудничество с Шаляпиным продолжалось несколько сезонов. Зимой 1924—25 годов Шаляпин стал выступать вместе с труппой Russian Opera Company, и это, естественно, увеличило расходы Юрока, поставив его на грань банкротства. Он стал намекать Шаляпину на необходимость умерить его финансовый аппетит и даже пытался шантажировать его, пригрозив сделать достоянием прессы тот факт, что Шаляпин, женатый на Иоле Торнаги, находился в Штатах с другой женщиной, Марией Валентиновой Петцольд. (В 1906 году в подобной ситуации оказался Максим Горький, и это вызвало грандиозный скандал, заставивший писателя сократить пребывание в Штатах). Шаляпин обиделся, и после 1927 года их сотрудничество не возобновлялось, хотя Юрок не афишировал их разрыв.

«Шаляпинская тема» имела любопытное продолжение. В 1936 году Юрок смотрел во МХАТе спектакль «Дни Турбиных» и в антракте был представлен Немировичем-Данченко Сталину как американский импресарио Шаляпина.

«Что делает Шаляпин? — спросил Сталин. — Почему не приезжает в Москву?»

«Полагаю, — ответил Немирович-Данченко, — что ему нужно много денег, и он делает их за границей».

«Мы дадим ему денег, если ему нужны деньги», — сказал Сталин.

«Ну, и еще дело в жилье, Вы знаете, у него большая семья».

«Мы дадим ему дом в Москве. Мы дадим ему и дом в деревне. Скажите ему, чтобы приезжал домой».

Юрок передал Шаляпину приглашение Сталина, однако певец оставил его без внимания.

Но вернемся в начало 20-х годов. В октябре 1922 года по приглашению Юрока в Нью-Йорк из России прибыла Айседора Дункан с мужем Сергеем Есениным.

Не исключено, что пригласить Дункан уговорила Юрока Анна Павлова. Часто воспринимаемые как полярные противоположности в жизни и в искусстве, обе эти балерины, тем не менее, относились друг к другу с глубоким уважением. Павлова уже пять лет танцевала в императорском балете, когда в Петербург впервые приехала Дункан, поразившая публику своим свободным стилем танца и шокирующей белой туникой. Провозглашенный ею принцип «естественного движения» в танце побудил Михаила Фокина в чем-то пересмотреть хореографию, созданную им для Павловой.

1 октября 1922 года Юрок ожидал прибытие парохода «Париж» в порту Нью-Йорка. Неприятности начались сразу же. Обуреваемые яростными антибольшевистскими чувствами иммиграционные чиновники оставили Айседору ночевать на борту, чтобы наутро задать вопросы по поводу некоторых ее высказываний о советском режиме. Кроме того, они утверждали, что, выйдя замуж за иностранца, она лишилась американского гражданства и поэтому должна пройти процедуру, применяемую для каждого иностранца, прибывающего в страну.

Под их подозрение попал даже Юрок. После того, как он навестил Айседору в каюте, чиновники его допросили и тщательно обыскали, пытаясь найти уличающие записки. Разгневанный импресарио пообещал написать в Вашингтон жалобу на инспектора, нарушившего его конституционные права. Жалобу он не написал, но воспользовался случившимся для паблисити: в газете «Музыкальная Америка», как раз перед первым выступлением Дункан в Карнеги-холле, появилась статья об «издевательском поведении властей».

Айседору и Есенина отпустили на следующий день лишь после того, как исследовали содержимое их одежды и багажа и конфисковали несколько русских книг «для перевода». Очутившись на суше, они сразу же

попали под прицел репортеров, стремившихся запечатлеть каждый шаг экзотической пары.

7 октября 1922 года три тысячи зрителей собрались в Карнеги-холле посмотреть на эту «женщину с Марса», представившую свое толкование 6-й симфонии и «Славянского марша» Чайковского. *«Каждая поза и жест мисс Дункан, — писала нью-йоркская «Tribune», — говорили о надеждах, опасениях, разочарованиях и страданиях русского народа».* Свое выступление она завершила страстной речью:

«Я протянула руку России и призываю вас сделать то же самое. Я призываю вас любить Россию, потому что в России есть все, в чем нуждается Америка, так же, как и в Америке есть все, в чем нуждается Россия. День, когда Россия и Америка поймут друг друга, станет для человечества началом новой эпохи».

Пророческие слова, но глубоко чуждые для нью-йоркской публики 1922 года.

А в Бостоне поведение богемной пары имело серьезные последствия. Подвыпивший Есенин с криком «Да здравствует большевизм!» вывесил из окна Симфони-холла красный флаг. Оскорбленная аудитория приняла выступление Айседоры так холодно, что та, размахивая красным шелковым шарфом, обратилась к публике: *«Красный цвет — это цвет жизни и энергии. Когда-то вы были здесь дикими, необузданными. Не позволяйте себя приручать!» И, рванув на себе тонкую красную тунику, обнажила грудь, воскликнув: «Это прекрасно!»*

Мэр Бостона запретил дальнейшие концерты Дункан в городе, и титул «Запрещенная в Бостоне» привлекал публику везде, где она выступала. В Чикаго она проигнорировала требование Юрока ни в коем случае не произносить речи у занавеса и заявила: *«Мой менеджер сказал мне, что, если я еще раз обращусь к публике, мои гастроли закончатся. Что ж, пусть они кончатся. Я уеду в Москву, где есть водка, музыка, поэзия, танцы и, конечно, свобода!»*

Тем не менее, гастроли продолжались, и сопровождавшая их атмосфера скандала способствовала росту популярности как самой балерины, так и ее импресарио. 15 января 1923 года Айседора Дункан последний раз выступила в Карнеги-холле, завершив свое пребывание в Америке танцем под музыку «Интернационала».

Сол Юрок стал заметной фигурой в культурной жизни Америки. Офис его недавно созданной компании «S. Hurok, Inc.», находился в престижнейшем месте Нью-Йорка, на 42-й улице около 5-й авеню. В воскресном номере «New York Times Magazine» 22 апреля 1923 года появилась хвалебная статья о нем.

Почти каждое лето вплоть до 1937 года Юрок отправлялся в Европу на поиски новых исполнителей. В 1929 году в Берлине он попал на представление русского шоу «Синяя птица». За роялем, окутанная папирос-

ным дымом, сидела красивая женщина и пела «Очи черные». Юрок был сражен наповал, и Эмма Борисовна Рыбкина-Перпер стала его второй женой. Родившаяся в Петербурге в богатой еврейской семье и получившая музыкальное образование в столичной консерватории, она дважды была замужем, имела троих сыновей и всю свою последующую жизнь с Юроком снисходительно позволяла ему любить себя.

Очевидно, по настоянию жены в том же 1929 году Юрок пригласил в Америку Александра Константиновича Глазунова, выдающегося русского композитора и обожаемого всеми студентами и выпускниками многолетнего директора и педагога Петербургской консерватории. После Октябрьской революции Глазунов предпочел остаться в России и продолжал руководить консерваторией до 1928 года, когда он выехал в Вену как член жюри Международного конкурса имени Шуберта и остался в Европе, официально — по болезни.

В 1923 году Юрок уже приглашал Глазунова, но тот не смог приехать, и сейчас они встретились в Париже, где жил композитор. Юрок повторил приглашение, на что Глазунов ответил: *«Мистер Юрок, я такая тяжелая артиллерия. Стоит ли мне ехать так далеко?»* Но Юрок не отступал: *«Я убеждал Глазунова, что его визит очень важен для возникновения интереса к его музыке, для его многочисленных учеников и, наконец, для русского искусства. С полным к нему уважением я сказал ему, что не собираюсь делать на нем деньги. Я готов оплатить все расходы и согласен на любые потери ради огромного удовольствия и гордости за то, что стану первым, кто привез Глазунова в Америку. Он был тронут моими словами и согласился приехать»*.

Энтузиазм Юрока имел, конечно, и скрытую меркантильную подоплеку. Теперь, когда он зачастил в Советский Союз и был в шаге от подписания соглашения на гастроли советских артистов в Соединенных Штатах, его щедрость по отношению к Глазунову должны были отметить московские чиновники от культуры, с которыми Глазунов поддерживал хорошие отношения.

Гастроли Глазунова начались в Нью-Йорке. Высокомерная Нью-Йоркская филармония не проявила никакого интереса к Глазунову-дирижеру, и Юрок организовал сборный оркестр, в основном из бывших выпускников столичной консерватории, и арендовал зал Метрополитен-оперы на вечер 4 декабря 1929 года. Композитор и дирижер Вальтер Дамрош произнес яркую вступительную речь, в которую включил и благодарность Юроку, назвав его «королем менеджеров». Когда на сцену вышел Глазунов, присутствующие в зале встали и устроили ему десятиминутную овацию.

Юрок любил рассказывать о том, что во время гастролей Глазунова по Америке они сделали остановку, чтобы посмотреть Ниагарские водопады. *«Была зима, и Ниагара была покрыта льдом и снегом. Несмотря на холод, Глазунов пешком обошел водопады и сказал мне: "Много лет я мечтал увидеть Ниагару, и, наконец, моя мечта сбылась. Теперь я могу спокойно умереть"»*.

Спустя несколько лет американские почитатели Глазунова приглашали его в Америку отпраздновать пятидесятилетие его творческой деятельности, но он им сказал: *«Раз Юрок не пригласил меня, значит, мне не нужно приезжать»*.

Между тем, Юрок продолжал ездить в СССР в попытках, пока без-успешных, залучить в Америку советских артистов и музыкантов. В поездках его часто сопровождала Эмма. Они побывали в Ленинграде, где она встречалась со своими братьями, а Юрок навестил своего старшего брата Ашера.

Находясь в Советском Союзе, Юрок неоднократно просил советские власти разрешить ему съездить на родину в Погар. Зона вокруг Погара была закрыта для иностранцев, но ему разрешили побывать в Минске, и летом 1930 года он провел там два дня со своими родными.

Встреча была печальной: за несколько месяцев до этого умер Израиль Гурков, отец Юрока. Он был арестован во время коллективизации и борьбы с мелкими собственниками, и этот арест был, по существу, причиной его инфаркта и смерти.

Существуют две фотографии, запечатлевшие Юрока в Минске. На одной Юрок, блистающий в тропическом белом костюме с темной рубашкой и белым галстуком, в мягкой фетровой шляпе, стоит посреди грязной булыжной мостовой и с опаской держит за вожжи лохматую лошадь, запряженную в телегу, на которой с безразличным видом сидят, не глядя в камеру, некие местные жители. На другой фотографии Юрок стоит в какой-то комнате, возвышаясь в своем белом костюме над темным грязным человеком, сидящим у стола с красивым чайным сервизом и набивающим рот пищей.

Весной 1935 года Юрок был в Париже. Его давнишний друг Артур Рубинштейн посоветовал ему послушать негритянскую певицу-контральто, которая не сумела преодолеть неприязнь американской публики и вынуждена была уехать в более терпимую Европу. Юрок засомневался: «Цветной народ не делает кассу», но все-таки уступил настояниям Рубинштейна, послушал певицу в концерте и сразу же подписал с ней контракт. Это была Мариан Андерсон, и ее представительство стало одним из триумфов в карьере Юрока.

На родине Андерсон продолжала страдать от расовой дискриминации, несмотря на то, что Элеонора Рузвельт пригласила ее петь в Белом доме. Попытки Юрока организовать ее концерт в Вашингтоне встретили упорное сопротивление владельцев концертных залов. И тогда возникла идея использовать для выступления певицы Мемориал Линкольна. 9 апреля 1939 года 75 тысяч зрителей, собравшихся на площади у мраморных ступеней Мемориала, затаив дыхание, слушали удивительный голос. Имя Мариан Андерсон стало символом борьбы за национальное и расовое равноправие, и в рождении этого символа одну из ключевых ролей сы-

М. Андерсон и С. Юрок

грал еврейский иммигрант из России Сол Юрок.

Гастролями в декабре 1926 года Московского еврейского театра «Габима» — детища Евгения Вахтангова, будущего Национального театра Израиля — началась ярчайшая страница в деятельности Юрока, которая продолжалась до последних дней его жизни. С 1926 по 1937 и с 1956 по 1973 годы он ежегодно ездил в Советский Союз и привозил в Америку советских артистов.

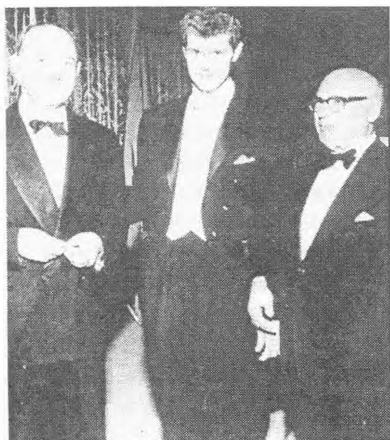
В апреле 1958 года в Соединенных Штатах начались гастроли Государственного ансамбля народного танца СССР под руководством Игоря Моисеева, коллектива, за приезд которого

в Штаты Юрок сражался с советскими чиновниками несколько месяцев. Успех гастролей был оглушительным. Во время первого выступления ансамбля в зале Метрополитен-оперы к стоявшему за кулисами Юроку подошел главный капельдинер театра и сказал: *«Мистер Юрок, это самое захватывающее зрелище из всего, что вы здесь показывали».* *«А почему вы так в этом уверены?»* — спросил Юрок. *«А вы посмотрите: выступление смотрят все швейцары и билетеры, а они никогда этого не делают».* Швейцары и билетеры присоединились к восторженной публике, семь раз вызывавшей на поклон танцоров и выражавшей им свое восхищение.

Опекаемый Юроком, ансамбль побывал чуть ли не во всех крупных городах США и Канады, и везде его выступления вызывали ажиотаж. Этому в большой степени способствовала победа на проходившем в это время Московском конкурсе имени Чайковского молодого американского пианиста Вэна Клайберна — Вана Клиберна, как звали его в России. Клайберн стал любимцем российских меломанов и национальным героем Соединенных Штатов, и американцы старались показать «русским», что в оценке действительно великолепного искусства советских артистов они не уступают им.

Через год Вэна Клайберна стал представлять Сол Юрок. «Я всегда знал, что хочу стать артистом Юрока», — говорил пианист.

Огромный успех организованных Юроком гастролей вызвал зависть у его конкурентов, один из которых в беседе с представителями Госдепартамента пожаловался на «монополию» Юрока в культурном обмене с Россией. «Госдепартамент никогда не проводил и не желает проводить дискриминации среди импресарио, однако очевидно, что Юрок более энергичен и активен в привлечении советских исполнителей», — ответили ему.

Д. Раск, В. Клайберн и С. Юрок

Между тем, Юрока не покидала мечта привезти в Америку русский балет, в частности, балет Большого театра и его приму-балерину, несравненную Галину Уланову. После успешных гастролей ансамбля Моисеева и последовавших за ними выступлений ансамбля «Березка» Министерство культуры СССР дало добро на гастрольный тур Большого балета.

Юрок видел Уланову на сцене в Москве и в Лондоне, во время знаменитого дебюта труппы в 1956 году с балетом Прокофьева «Ромео и Джульетта». Их первая личная встреча в директорской ложе Большого театра в конце 1958 года была не очень удачной: у нее

болели зубы. Она вспоминала:

«Я была очень бледна, без всякой косметики, с заплетенными в косички волосами, одета совершенно неофициально. В ложе был Лавровский (главный хореограф Большого театра — Э. Н.) и еще несколько человек, мы пили чай, и Юрок пристально разглядывал меня. Лавровский рассказывал Юроку обо мне и о ролях, которые я танцевала, а Юрок поглядывал на меня довольно мрачно, с недоверием».

Улановой было уже 49 лет, но Юрок все-таки решил привезти ее в Соединенные Штаты. Для репертуара первых гастролей Большого балета он отобрал несколько спектаклей, особенно любимых Улановой: прокофьевские «Ромео и Джульетту» и «Сказ о каменном цветке», а также «Жизель» и «Лебединое озеро».

Когда труппа прибыла в Нью-Йорк, Юрок окружил ее свойственной ему заботой и вниманием. Уланова, очень скромная и непритязательная женщина, была потрясена, когда импресарио показал ей и ее мужу, главному художнику Большого театра Вадиму Рындину, их роскошный трехкомнатный номер в гостинице. Холодильник в номере был забит икрой, шампанским и другими продуктами, необходимыми, по мнению Юрока, балерине. Узнав, что Уланова любит кофе, он поставил на столике кофейник. В номере было много цветов, и, что больше всего поразило Уланову, балетная стойка с зеркалом по всю стену.

Вечер 6 апреля 1959 года, когда на сцене Метрополитен-оперы спектаклем «Ромео и Джульетта» начались гастролы балета Большого театра, стал величайшим событием в карьере Юрока, воплощением его тридцатилетних мечтаний, замыслов и усилий.

Театральная публика неистовствовала в своих попытках достать билеты

на спектакли. По эмоциональному утверждению одного из критиков, *«люди не просто желали увидеть спектакль, они были готовы совершить поджог, лжесвидетельствовать, нанести увечье и даже пойти на убийство ради того, чтобы добыть заветный билет»*. Всего за время гастролей было продано более ста тысяч билетов, а заявок было подано еще на девятьсот тысяч.

Хотя не все критики одинаково оценивали гастроли — некоторые считали, что репертуар слишком консервативен, — все они были едины в том, что это что-то такое, что должен посмотреть каждый. После того, как стало ясно, что гастроли проходят с огромным успехом, Юрок признался Улановой: *«Должен сказать откровенно, что когда я впервые встретился с вами в Большом театре, я подумал про себя: "Боже мой, на кого ты ставишь свою судьбу? Мало того, что она так непрезентабельна — она ведь такая старая!" Но, вы знаете, я человек опытный и люблю рисковать, — и оказалось, что и на этот раз я не ошибся в выборе»*.

Для Улановой американские гастроли 1959 года стали ее «лебединой песней». Вскоре она перестала танцевать и перешла на педагогическую работу. Но в труппе была восхитительная юная балерина Майя Плисецкая, чья совершенно иная индивидуальность продолжала развиваться в последующие годы, и Юрок обожал их обеих так же, как когда-то он обожал Анну Павлову.

В последующие годы опекаемая Юроком Плисецкая несколько раз приезжала с гастролями в Америку. Семья Кеннеди была особенно благосклонна к балерине. Сенатор Эдвард Кеннеди устроил в своем доме торжество по случаю ее дня рождения, а Роберт Кеннеди был так увлечен ею, что даже поползли слухи о романтических отношениях между ними. Помощник Юрока рассказывал, что он был свидетелем стычки между Робертом Кеннеди и Юроком за право сопровождать Майю на обед после репетиции. Когда Юрок сказал, что она должна отдохнуть перед предстоящим на следующий день выступлением, Кеннеди ему ответил: *«Мистер Юрок, вы знаете, они сейчас не в России. Они в Америке. Вы, наверно, забыли, что они могут делать все, что хотят»*.

В конце концов, они все пошли в ночной клуб, и Плисецкая танцевала с Кеннеди, возвышаясь над невысоким политиком.

В 1962 году во время очередных гастролей балета Большого театра посмотреть Плисецкую в Нью-Йорк приехал Рудольф Нуреев, опальный советский танцовщик, оставшийся за границей год назад. Приезд Нуреева, цветы, которые он посылал Плисецкой, его дружеское общение с труппой стоили нервов не только сопровождавшим балет «официальным лицам», но и организовавшему гастроли Юроку.

«Головная боль» Юрока усугублялась еще и тем, что он собирался пригласить на гастроли в Америку лондонский Королевский Балет во главе с выдающейся балериной Марго Фонтейн. Приглашенным танцовщиком в труппе Королевского Балета был Нуреев, ставший к этому времени международной звездой первой величины и находившийся под личным по-

кровительством Фонтейн. Гастроли знаменитого коллектива без Нуреева были невозможны, и Юрок, боявшийся потерять «рынок» советских исполнителей, поехал в Москву объясниться. По утверждению Владимира Ашкенази, импресарио беседовал с самим Хрущевым, который, пытаясь несколько изменить создавшийся за рубежом «тюремный» образ СССР, согласился на дальнейшее сотрудничество с Юроком.

Звездная пара Фонтейн — Нуреев во всей красе предстала перед публикой в «Корсаре». После исполнения «па-де-де» зрители устроили двадцатиминутную овацию. Специально приехавшая в Нью-Йорк посмотреть балет Жаклин Кеннеди захотела пойти за кулисы и выразить свой восторг, но Юрок, боясь осложнений, категорически запретил ей делать это, якобы из-за опасений, что она упадет и ударится, и даже запер дверь комнаты Нуреева. Она подчинилась и ушла, а Юрок потом хвастался, как он не пустил за кулисы первую леди.

Однако вскоре после этого Жаклин прислала в Нью-Йорк личный самолет за Нуреевым, Фонтейн и несколькими другими участниками труппы, приняла их в Белом Доме и представила президенту. Нуреев даже посидел в кресле Кеннеди в Овальном кабинете, чем вызвал ярость Юрока.

«Я, конечно, понимал его, — говорил Нуреев несколько лет спустя. — Он боялся потерять все прибыльные российские договоренности и российских артистов. Но позже, когда он увидел, что я обладаю невероятной силой притяжения для публики, его душа несколько смягчилась, и обычно, когда все билеты были проданы, вы могли слышать, как он напевает русские песни».

Впечатляет список советских исполнителей и коллективов, с которыми познакомилась американская публика благодаря неугомонному импресарио: скрипачи Давид и Игорь Ойстрахи, Леонид Коган, Виктор Третьяков, Валерий Климов; пианисты Эмиль Гилельс, Святослав Рихтер, Владимир Ашкенази; виолончелист Мстислав Ростропович, певицы Галина Вишневская, Ирина Архипова, Зара Долуханова, Елена Образцова; балет Большого и Кировского театров, ансамбли Игоря Моисеева и «Березка»; МХАТ и театр Сергея Образцова.

В свою очередь, советские любители музыки аплодировали американским «детям папы Юрока»: скрипачу Айзеку Стерну, певцу Жану Пирсу и, конечно, всеобщему любимцу, пианисту Вэну Клайберну.

«С Юроком вы чувствовали себя защищенными, — вспоминает Галина Вишневская. — Если он брался работать с артистом, вы могли быть уверенными, что он сделает для вас все возможное, а иногда и невозможное».

Его доброжелательность и щедрость в отношениях с советскими артистами были поистине беспредельны. Зная, как скуден их денежный «пакет», он кормил их за свой счет, чтобы они могли купить подарки родным и близким. «Только в Москве ни слова!» — предупреждал он, резонно предполагая, что Госконцерт снизит артистам «командировочные».

В зависимости от состояния советско-американских отношений взаимобмен в области культуры варьировался от широкого потока до ручейка, но даже в самые «морозные» дни «холодной» войны Юрок ухитрялся не прерывать его. В напряженнейший момент кубинского кризиса 1962 года балет Большого театра гастролировал по Соединенным Штатам, и американцы аплодировали артистам, понимая их непричастность к политике властей.

Однако такое понимание было присуще не всем и не всегда, и это Юрок испытал почти буквально «на собственной шкуре».

В мае 1968 года нью-йоркский ребе Меир Кахане организовал экстремистскую Лигу защиты евреев, которая пыталась заставить советское правительство разрешить евреям выезд в Израиль. Члены Лиги стали пикетировать выступления советских артистов, а затем перешли к террористическим актам против тех, кто, как они считали, пособничал антисемитским властям.

26 января 1972 года в офис агентства Сола Юрока, которое в то время располагалось на 12-м этаже стеклянного небоскреба около Карнеги-холла, вошли двое молодых людей и спросили у секретаря, не могут ли они приобрести билеты на интересующий их концерт. Секретарь вышел за информацией в соседнюю комнату, а когда он вернулся, посетители уже ушли, оставив на стуле кейс-дипломат. Через несколько секунд «дипломат» взорвался, наполнив комнату удушливым дымом и нестерпимым жаром.

Небоскреб был построен по новой моде, был весь кондиционирован, окна не открывались, поэтому дым и жар быстро распространились по всему офису и достигли кабинета Юрока. Увидев выходящий из кондиционера густой дым и почувствовав обжигающий жар, восьмидесяти-четырёхлетний старик схватил увесистое пресс-папье и разбил им толстое оконное стекло.

Когда пожарные добрались до кабинета Юрока, они нашли его лежащим без движения на полу и подумали, что он мертв, но он был жив, только ослабел от жара и дыма. И даже в этот момент старый импресарио остался верен себе: он не захотел, чтобы его унесли до прихода телеоператоров, запечатлевших разгромленный офис и его самого, лежащего на носилках.

После взрыва анонимные члены Лиги защиты евреев сообщили по телефону прессе, что акция была совершена в знак протеста: *«Мосты культуры не будут строиться на трупах советских евреев!»* — заявили они. В результате акции было ранено тринадцать человек и погибла молодая сотрудница Айрис Конес — еврейка...

В эти дни в Нью-Йорке находился Евгений Евтушенко. На следующий после взрыва день он побывал в разгромленном офисе и под впечатлением увиденного написал стихи «Бомбами — по искусству»:

Бедная Айрис,
жертвою века
пала ты, хрупкая,
темноглазая,
дымом задушенная еврейка,
словно в нацистской камере газовой...
Сколько друзей,
Соломон Израилевич,
в офисе вашем
в рамках под стеклами!
И на полу —
Станиславский израненный,
рядом Плисецкая
полурастоптанная.
Там, где проклятая бомба
шарахнула,
басом рычит возле чьих-то
сережек
взрывом разбитый портрет
Шалапина
с надписью крупной:
«тебе, Семенчик»...

Ни бомбы экстремистов, ни растущее в связи с ними сопротивление советских властей культурному обмену не могли остановить Юрока: летом 1973 года он снова в Москве, и к его возвращению в сентябре у него в кармане был контракт на гастроль оперной труппы Большого театра в Метрополитен в 1975 году.

Однако увидеть и услышать Большую оперу в Америке ему уже не пришлось. 5 марта 1974 года в два часа пополудни он шел на встречу со своим старым знакомым, президентом банка «Чейз Манхэттен» Дэвидом Рокфеллером договориться о возможности проведения в Радио-Сити концерта «Нуреев и друзья». Войдя в офис банка, он упал без сознания. Подоспевшая медицинская бригада доставила его в госпиталь, где была установлена смерть от обширного инфаркта. Лишь месяц и четыре дня он не дожид до восьмидесяти шести.

Хотя Юрок и посещал время от времени синагоги, он не был их членом, и в городе не нашлось ни одной, которая бы согласилась провести погребальную церемонию, поэтому друзья и дочь покойного решили провести панихиду в Карнеги-холле. 9 марта 1974 года свыше двух с половиной тысяч благодарных зрителей, среди которых были звезды американской и мировой культуры, политические деятели (от Советского Союза — Яков Малик, полномочный представитель страны в ООН), пришли на последнее представление Сола Юрока — проститься с великим импресарио.

В своем прощальном слове Мариан Андерсон сказала: *«Он положил начало сотням карьер, он воодушевил тысячи других — и этим он внес чувство радости и наполненности в жизнь миллионов».*

Медленно опустился белый занавес. Сол Юрок — Соломон Израилевич Гурков — завершил свой долгий и славный жизненный путь.

Его похоронили на еврейском кладбище в маленьком городке Гастингс-на-Гудзоне в графстве Вестчестер штата Нью-Йорк. На скромном памятнике надпись: «Его целью было объединить мир с помощью искусства».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Robinson, Harlow. The Last Impresario. The Life, Times, and Legacy of Sol Hurok.* Viking, NY, 1994.
2. *А. Клименко.* Дела и судьбы братьев Поляковых. «Жизнь — неделя», № 109, 25. 07. 02. (www.life.donetsk.ua) .
3. *Дейл Карнеги.* Как завоевать друзей и оказать влияние на людей. (<http://lib.ru>) .
4. «Известия» № 25 (16953) от 29 января 1972 г.
5. *Hurok, Sol (in collaboration with Ruth Goode) . Impresario: A Memoir.* NY, Random House, 1946.

СИДОР БЕЛАРСКИЙ, ПОЛНОМОЧНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЕВРЕЙСКОЙ ПЕСНИ

ЭРНСТ ЗАЛЬЦБЕРГ (ТОРОНТО, КАНАДА)

С. Беларский

Родезийская газета «Родезия Геральд» писала о Сидоре Беларском: *«Его называют наследником Шаляпина и, действительно, их голоса сходны по тембру и диапазону звучания»*. Газете вторит известный американский кантор Самуэл Розенбаум: *«Некоторые утверждают, что Беларский напоминает им Шаляпина. Если это так, то это комплимент им обоим»*. Кем же был этот певец, которого сравнивали с великим Шаляпиным?

Сидор Беларский (настоящее имя — Исидор Лившиц) родился 22 февраля 1898 года в г. Крижополе, недалеко от Одессы. Его отец, Моше Лившиц, был мелким торговцем, мать Эстер вела домашнее хозяйство. В семье было еще шесть сестер, все младше Исидора. В 15 лет он уехал в Одессу, которая в начале XX века насчитывала 200 тыс. жителей и была культурным центром юга России. Проучившись шесть лет в местной консерватории, он затем продолжил музыкальное образование в Берлине (1919—1921).

В 1925 г. Беларский вместе с женой Кларой и дочерью Изабеллой переехал в Ленинград и поступил в консерваторию в класс выдающегося вокального педагога Иосифа Семеновича Томерса (1867—1934), учениками которого были такие известные певцы, как Г. Нэлепп, Г. Орлов и Е. Флакс. Еще будучи студентом консерватории, Беларский был принят в оперную труппу Мариинского театра, где спел ряд ведущих партий басового репертуара.

В 1929 г. пение Беларского в московской опере услышал доктор Франклин Харрис¹, президент мормонского университета Brigham Young в штате Юта, США, и предложил ему пост профессора музыки в университете. После годичного ожидания Беларские получили от советских властей разрешение на выезд и покинули СССР. Через Варшаву и Берлин они прибыли в Париж, и после короткой остановки во французской столице отбыли в США на борту «Аквитании».

Беларские прибыли в Нью-Йорк 8 февраля 1930 г. и вскоре достигли конечной цели своего путешествия, города Прово в штате Юта, где на-

ходил в университет. Через много лет Изабелла Беларская вспоминала: *«Мы были евреи, русские евреи, оказавшиеся среди мормонов Юты, которые в жизни не видели русских евреев. Но они прекрасно отнеслись к нам, и мы сумели вписаться в их общество. Спустя почти 50 лет они устроили прием в мою честь, и я до сих пор поддерживаю с ними теплые отношения»*.

В течение следующих двух лет Беларский преподавал в университете и занимался концертной деятельностью. В качестве солиста он выступал с университетским симфоническим оркестром и дал сольные концерты в Прово и Нью-Йорке.

В 1932 г. Беларский переехал в Лос-Анджелес. Здесь началось его тесное сотрудничество с местным симфоническим оркестром и его дирижером Артуром Родзинским², с которыми он выступал много раз.

В Лос-Анджелесе Беларский основал Американскую оперную компанию. В письме Ф. Харрису от 23 июня 1934 г. певец писал о ней: *«Мы намерены ставить оперы силами американских певцов и для американских слушателей, и поэтому все постановки должны быть на английском языке. В первом спектакле участвовала труппа в составе 120 человек, большой симфонический оркестр, были использованы декорации и костюмы, специально созданные для этой постановки. Для будущего сезона мы репетируем три оперы, включая уже показанного “Бориса Годунова”*». Сохранились лишь отрывочные сведения о деятельности этой компании, в частности, известно, что помимо «Бориса Годунова» она осуществила постановку «Евгения Онегина» П. Чайковского.

Похоже, что опера должна была занять основное место в творчестве Беларского. Помимо работы в Лос-Анджелесе, он много гастролировал и исполнял ведущие басовые партии в оперных театрах Нью-Йорка, Чикаго, Сан-Франциско, Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айреса. Однако, начиная с 1934 года, в репертуаре певца все большее место занимали еврейские народные песни. Со слов Изабеллы, в этом году Сидор выступал перед участниками еврейского банкета, среди которых был известный сионистский лидер, эссеист и издатель Хаим Гринберг. Покоренный исполнением Беларского песен на идиш, он познакомил его с деятелями сионистских организаций, которые проявили интерес к этой стороне творчества певца. В 1934 году он переехал в Нью-Йорк и начал выступать на собраниях рабочих сионистских организаций. Выступления Беларского вскоре стали «гвоздем» различных мероприятий Гистадрута³, их с нетерпением ожидали участники конференций, заседаний, банкетов и обедов.

Любимым местом выступлений Беларского становится Таун-холл в Нью-Йорке. Здесь он ежегодно (а иногда и по несколько раз в году) дает концерты еврейской народной музыки. Беларский — желанный участник фестивалей еврейского искусства и Ханукальных концертов в Карнеги-холле в Нью-Йорке.

KIMBALL HALL
Saturday Evening, January 5th at 8:30

RECITAL

SIDOR BELARSKY

BASSO CHICAGO GRAND OPERA COMPANY

DIRECTION BERTHA OTT

PROGRAM

I. Caro mio ben Aria from "Le Juive" Aria from "The Barber of Seville"	GIORDANI HALEVY ROSSINI GLINKA
II. Doubt Violin Obligato Beatrice Teller Spachner Autumn Not One Word, My Friend! Oriental Song The Leaves Are Falling Slowly When the King Went to War	TSCHAIKOWSKY RACHMANINOFF MOUSSORGSKY KENNEMAN
INTERMISSION	
III. Konechal's Aria Prince Igor's Aria Vladimir Galitsky's Aria	BORODIN
IV. Songs by Modern Russian Composers Folk Song Arabian Melody Liszt's Arioso The Blacksmith	TURENKOFF GNESSIN VASILENKO DAVIDENKO
SERGE TARNOWSKY at the Piano KIMBALL PIANO from THE W. W. KIMBALL CO.	

Программа концерта С. Беларского 5 января 1935 г. в Кимбалл холле, Чикаго. Аккомпаниатор — проф. С. Тарновский, один из учителей В. Горовица в Киевской консерватории.

Программа, с которым он регулярно выступает в Таун-холле и Карнеги-холле в Нью-Йорке. В 1948 г. с концертной программой «Песни Израиля» он побывал во многих американских городах, включая Чикаго, Филадельфию, Сан-Франциско, Лос-Анджелес. Будучи убежденным сионистом, он много раз выступал в Израиле и в 1948 г. принял участие в концерте, посвященном образованию Государства Израиль.

Певец постоянно пополнял свой репертуар. Так, в начале 50-х годов он исполнил и записал песни Холокоста и еврейских партизан времен Отечественной войны. Кантор Самуэл Розенбаум писал о репертуаре Беларского: «Песни Израиля, песни евреев Советского Союза... находили в нем прекрасного исполнителя. Но для меня он всегда остается выразителем духа маленьких городов и местечек, воссозданных с такой любовью и мастерством в творчестве Шолом-Алейхема, Переца, Гебертига и Мангера»⁴.

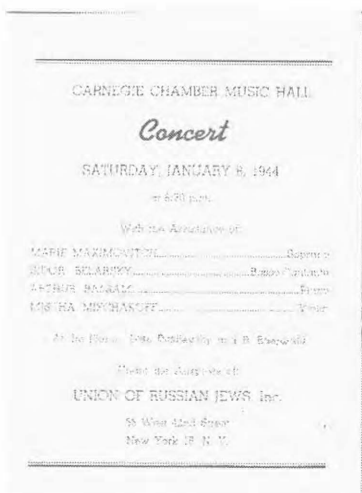
В 1959 — 1960 гг. певец предпринял марафонский концертный тур, который включал выступления в Северной и Южной Америке, Европе, Центральной и Южной Африке, Австралии и Новой Зеландии. Вот некоторые отзывы прессы на его выступления в разных странах мира в ходе этой поездки:

«Берлинске Тиденде» (Копенгаген, Дания): «Интерпретации песен Беларского отличаются силой, пафос, истинное чувство и мастерство».

В 30-е и 40-е годы певец продолжает исполнять камерный и оперный репертуар. Вершиной его карьеры оперного певца была партия Рокко в радиопостановке оперы Бетховена «Фиделио», которая была осуществлена в 1944 г. солистами и оркестром NBC под управлением Артуро Тосканини. В этом же году Беларский исполнил партию Анжелотти в опере «Тоска» Пуччини на сцене Нью-Йоркской городской оперы.

Во время войны певец часто включал в свои программы произведения русских и советских композиторов и русские народные песни.

В послевоенные годы Беларский снова уделяет основное внимание еврейскому ре-

Программа благотворительного концерта 8 января 1944 г. в Карнеги холл с участием С. Беларского в помощь сверям-беженцам в Швейцарии.

Творческая активность Беларского не убывала в 60-е и 70-е годы. Он часто выступал в Нью-Йорке, пел в синагогах Южной Америки, занимался педагогической деятельностью. На мастер-классах в Еврейской учительской семинарии в Нью-Йорке, которые он вел в 1960 — 1969 гг., он учил студентов исполнению еврейской народной и синагогальной музыки. Среди его студентов была солистка Метрополитен-оперы итальянка Лоретта Ди Франко, которая под влиянием Беларского стала включать в свой репертуар еврейские народные песни.

Известная исполнительница еврейских народных песен и современница Беларского, Маша Бениа, так отзывалась о нем: *«У него я училась фразировке, дикции, умению акцентировать нужные слова... Меня восхищало его изумительное умение контролировать дыхание... Он обладал замечательным, несравненным голосом, подобно которому редко можно услышать на эстраде»⁵.*

Певец продолжал выступать почти до самой смерти; он скончался 7 июня 1975 г. в Нью-Йорке.

С. Беларский совмещал в одном лице оперного певца и исполнителя классического камерного репертуара, синагогальной музыки и еврейских народных песен, собирателя песен на идиш и иврите, аранжировщика и композитора. За время своей певческой карьеры в США, продолжавшейся сорок пять лет, он сделал около трехсот пятидесяти записей, большая часть которых были песни на идиш. Беларский также составил и из-

«Лондон Кроникл» (Лондон, Англия): *«Он не только интерпретирует произведения, он живет в них».*

«Курьер» (Женева, Швейцария): *«Мистер Беларский — выдающийся интерпретатор, исполняющий каждую песню с предельной выразительностью».*

«Ивнинг Пост» (Порт Элизабет, Южная Африка): *«Мистер Беларский обладает голосом редкой красоты, силы и гибкости».*

«Стар» (Йоханнесбург, Южная Африка): *«Бас мистера Беларского — редкой силы и красоты звучания. Его фразировка отмечена целостностью и законченностью».*

«Ултима Ора» (Рио-де-Жанейро, Бразилия): *«Мистер Беларский — обладатель высокого баса редкой красоты. Его пение захватывает слушателей и ведет их за собой».*

дал два сборника песен. Первый озаглавлен «Sidor Belarsky Songbook, 77 Songs With Piano Accompaniment», опубликован издательством Yiddish Books, Queens College, Flushing, NY, без указания даты публикации. Второй сборник озаглавлен «Sidor Belarsky: My Favorite Songs», издательство Tara Publications, Cedarhurst, NY, 1951.

Беларский был любим еврейской аудиторией в разных странах. Его ежегодные концерты в Таун-холле и Карнеги-холле были значительными музыкальными событиями в жизни еврейского Нью-Йорка. У него было много как безвестных, так и именитых почитателей во всем мире. Президент Израиля Залман Шезар любил слушать исполнение Беларским хасидских песен; одно из стихотворений Шезара было положено певцом на музыку. Выдающийся американский скрипач Ицхак Перельман говорил, что он «вырос на Беларском». Пением Беларского был покорен А. Эйнштейн. На вопрос, кто из исполнителей мог бы выступить на банкете в его честь, он ответил без колебаний: «Конечно, Беларский». Нобелевский лауреат Эли Визель писал Изабелле Беларской: «Спасибо за возможность снова услышать замечательный голос уникального певца, которым многие из нас восхищаются по сей день». Молли Фридман, чей муж собрал коллекцию из более чем 1500 записей песен на идиш (включая записи Беларского) вспоминала: «Он был певец нашей эпохи, — мой папа слушал его записи каждое воскресенье. В итальянских домах звучал Карузо, в нашем доме — Беларский»⁶.

После смерти отца Изабелла Беларская сделала много для сохранения его наследия. Так, по ее инициативе и с ее участием многие старые пластинки Беларского были перезаписаны на кассеты и компакт диски. В течение многих лет она устраивала ежегодные концерты памяти отца, на которых выступали видные исполнители еврейских народных песен и синагогальной музыки, а также его бывшие ученики, включая упоминавшуюся выше Л. Ди Франко. Сама Изабелла неоднократно выступала с лекциями о жизни и творчестве отца в библиотеке Брайтон Бич в Нью-Йорке. В память о нем она учредила стипендию для изучения еврейской музыки в Центре культуры Elaine Kaufman в Нью-Йорке. Благодаря стараниям Изабеллы, искусство Беларского было сохранено и стало доступным новым поколениям слушателей. Певец внес большой вклад в еврейскую музыку и развитие еврейского самосознания в США и других странах, и в этом качестве занял свое место в современной истории еврейской культуры.

Кантор Самуэл Розенбаум говорил, что «более, чем кто-либо другой, Сидор Беларский был певцом, который научил американских евреев понимать и ценить такой уникальный компонент еврейского культурного наследия, как песни восточноевропейского еврейства. Но он был не только певцом, выдающимся музыкантом и вдохновенным поэтом песни. Он был исследователем и учителем, который сумел наиболее полно выразить опыт европейского еврейства и евреев Израиля»⁸.

Другой кантор, Джоэл Колмен, писал, что *«народные песни на идиш — наше вечно живое музыкальное наследие. Они должны быть услышаны и молодой аудиторией, и людьми более пожилого возраста. Если певцу или любителю музыки нужен пример того, как исполнять эти песни, все, что он должен сделать, — это послушать записи Беларского»*⁹.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Хроника жизни и творчества С. Беларского (составлена J. Colman, см. прим. 4)

- 1898** — 22 февраля родился в г. Крижополе, недалеко от Одессы.
- 1910** — пел в местной синагоге.
- 1913** — поступил в Одесскую консерваторию.
- 1919** — женился на Кларе Сойхет. Уехал с женой в Берлин, где прожил два года.
- 1920** — родилась дочь Изабелла.
- 1925 — 1929** — учился в Ленинградской консерватории.
- 1926 — 1929** — солист Ленинградского Мариинского театра.
- 1929** — получил приглашение от доктора Ф. Харриса, президента университета Brigham Young в штате Юта, США, занять пост профессора музыки. Уехал с семьей во Францию, и после трехнедельного пребывания в Париже отплыл в США.
- 1930** — 8 февраля прибыл в Нью-Йорк. Преподавал в университетах Brigham Young и штата Юта. Концерт в Колледж-холле в университете Brigham Young, в котором исполнял произведения на русском, английском, итальянском и немецком языках.
- 1931** — 15 апреля — концерт оперной музыки в Карнеги-холле в Нью-Йорке. 13 июля — концерт студентов Беларского в Колледж-холле в университете Brigham Young. 14 ноября — концерт в Таун-холле в Нью-Йорке, исполнял негритянские спиричуэлс. Критическая рецензия на концерт в газете «Нью-Йорк Ивнинг Пост».
- 1932** — переехал в Лос-Анджелес, основал Американскую оперную компанию. Выступал солистом в оперных театрах Лос-Анджелеса, Сан-Франциско, Чикаго, Буэнос-Айреса. Преподавал пение в Лос-Анджелесе и летом — в университете штата Юта.
- 1934** — назначен генеральным директором Американской оперной компании в Лос-Анджелесе. Х. Гринберг познакомил Беларского с руководителями еврейских организаций.
- 1936** — переехал в Нью-Йорк. Пел в синагогах под именем Лившиц и Браун; использовал имя Беларский только для концертов светской музыки. Пел в синагогах Южной Америки и Южной Африки. Выступил на банкете в честь А. Эйнштейна.
- 1937** — концерт в Таун-холле в Нью-Йорке.
- 1939** — концерт камерной вокальной музыки в Таун-холле в Нью-Йорке.

1940 — 21 апреля исполнил заглавную партию в опере Н. Лысенко «Тарас Бульба» в Месса Auditorium в Нью-Йорке.

1942 — концерт из произведений русских композиторов в Таун-холле в Нью-Йорке. Концерт русской музыки в Международном доме в Нью-Йорке, организованный Славянским студенческим комитетом.

1943 — концерт русских народных и современных песен в Таун-холле в Нью-Йорке.

1944 — солист Нью-Йоркской городской оперы (роль Анжелотти в опере Пуччини «Тоска»). Исполнил партию Рокко в радиопостановке оперы Бетховена «Фиделио» (дирижер — А. Тосканини). 8 января — участвовал в концерте камерной музыки, организованном Союзом русских евреев в Нью-Йорке. 11 июня — концерт оперной музыки, а также песен на идиш и иврите (пианист — Лазар Вейнер). 29 ноября — участвовал в Ханукальном концерте в Академии музыки в Нью-Йорке.

1945 — 29 января — концерт русской музыки в Карнеги-холле в Нью-Йорке.

1946 — участвовал в концертном исполнении оперы Д. Вейнберга «Хехалуц» («Nechalutz») на 6-м Фестивале еврейского искусства в Карнеги-холле в Нью-Йорке.

1947 — концерт камерной вокальной музыки в Таун-холле в Нью-Йорке. Концерт в Тель-Авиве.

1948 — участвовал в торжественном концерте в Израиле, посвященном провозглашению независимости государства. Концерты с программой «Песни Израиля» (пианист — Лазар Вейнер) в Нью-Йорке, Чикаго, Филадельфии, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе и других американских городах.

1951 — гастроль в Израиле, организованные Гистадрутом.

1952 — 4 января — концерт в Таун-холле в Нью-Йорке.

24 февраля — участвовал в 12-м Фестивале еврейского искусства в Карнеги-холле в Нью-Йорке. 6 апреля — концерт в Таун-холле в Нью-Йорке, организованный Ассоциацией по увековечиванию памяти украинских евреев (пианист — Лазар Вейнер).

1953 — 4 января — концерт камерной и оперной музыки в Таун-холле в Нью-Йорке.

1957 — 21 февраля — участвовал в концерте идишистской музыки в Таун-холле в Нью-Йорке. 2 апреля — концерт камерной вокальной музыки и ивритской музыки в Таун-холле в Нью-Йорке.

1959 — 21 марта — концерт камерной вокальной музыки и ивритской и идишистской музыки в Таун-холле в Нью-Йорке (пианист — Иван Базилевский).

17 мая — концерт в Таун-холле в Нью-Йорке, организованный Женской лигой Национального совета Молодого Израиля. 27 декабря — участвовал в Ханукальном концерте в Карнеги-холле в Нью-Йорке, исполнял песни на идиш и иврите.

1959 — 1960 — совершил гастрольную поездку по многим странам мира.

1960 — 1969 — преподавал пение в Еврейской учительской семинарии в Нью-Йорке. Пел в синагоге Сан-Пауло, Бразилия, на Рош-а-Шана и Новый Год.

1960 — 9 января — концерт в Таун-холле в Нью-Йорке, в программе — песни на русском, иврите и идиш (пианист — Иван Базилевский). 17 и 18 декабря — концерты в Таун-холле в Нью-Йорке.

- 1963 — 17 марта — участвовал в Пурим фестивале в Таун-холле в Нью-Йорке.
- 1966 — 15 декабря — участвовал а Ханукальном концерте в Карнеги-холле в Нью-Йорке.
- 1968 — 31 марта — концерт песен на идиш советских композиторов и поэтов в Таун-холле в Нью-Йорке. 26 июня — концерт синагогальной музыки в Монреале, Канада.
- 1974 — 24 марта — участвовал в концерте, посвященном 30-летию празднования месячной еврейской музыки в Таун-холле в Нью-Йорке. 6 сентября — концерт в Сан-Пауло, Бразилия.
- 1975 — 16 февраля — выступил с исполнением еврейских песен на конференции Фонда Гистадрута в Майами, Флорида. 7 июня — скончался в Нью-Йорке.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА О С. БЕЛАРСКОМ.

Rabbi Berkowitz, William. Sidor Belarsky, Ambassador of Song to the Jewish People. Personal Reminiscences on the Occasion of the Centennial of his Birth. 2000.

Cohen, Jeffrey. Bibliography and Discography of Music by Sidor Belarsky. Unpublished course paper. Cantors Institute — Seminary College of Jewish Music — Jewish Theology Seminary of America. New York, 1986.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дядя Беларского, Бенджамин Лившиц, покинувший Россию около 1905 г. и взявший в Америке фамилию Браун, был членом еврейского сельскохозяйственного кооператива в штате Юта. Будучи активистом Организации за еврейскую колонизацию СССР, он убедил президента мормонского университета Brigham Young доктора Франклина Харриса возглавить миссию в СССР с тем, чтобы изучить на месте возможности переселения американских евреев в советский Биробиджан. Миссия, в состав которой вошел и Б. Браун, посетила Москву, Украину, Крым, Биробиджан и Владивосток. Будучи в Москве, Харрис услышал Беларского в оперном театре и пригласил его на работу в университет в г. Прово, штат Юта.

² По предложению А. Родзинского Беларский опустил в своем имени первую букву и стал называться Сидором.

³ Гистадрут — крупнейшее профсоюзное объединение Израиля, основано в 1920 г.

⁴ *Colman, Joel.* Why Sidor Belarsky Was Popular Among American Jewry 1930—1975. A Master Thesis submitted to the Hebrew Union College — Jewish Institute of Religion, School of Sacred Music. New York, 1995.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Автор выражает глубокую признательность И. Беларской, Т. Ольшанской-Аштар, кантору Д. Колмену и Л. Фиалкоу за предоставление материалов о С. Беларском.

⁸ См. прим. 4.

⁹ См. прим. 4.

ЕВРЕИ-ХУДОЖНИКИ ИЗ РОССИИ В НЬЮ-ЙОРКЕ

ЭДВАРД КАСИНЕЦ, ЕЛЕНА КОГАН (Нью-Йорк, США)

Наше сообщение¹ мы начнем с абзаца, которым открывается предисловие к книге-альбому Давида Бурлюка «Русские художники в Америке», изданной в 1928 году в Нью-Йорке: *«Эта страна завалена золотом. Сюда отовсюду свезено все лучшее, все чужое. Только самое последнее время здесь начинают любить свое. Отношение, как у каждого покупателя — всегда свысока... Этим и объясняется многое, что встретили здесь русские художники, попав в Соединенные Штаты».*

Дальше речь пойдет о художниках — живописцах, скульпторах, графиках, сценографах, — особой категории эмигрантов из России, возможно, самой подвижной. Вероятно, никто и никогда не сможет точно подсчитать, сколько их оказалось за пределами страны и как они передвигались в поисках того, ради чего они ее покинули. Было, конечно, и главное, объяснявшее их передвижения: они стремились реализовать свой творческий потенциал. Надо было вписаться в художественное пространство той страны, в которую они эмигрировали, стать видимыми в тех местах, где обосновывались. Все они хотели как можно быстрее адаптироваться, осмыслить творческие течения, школы, примкнуть к художественным центрам и почувствовать себя нужными. Не всем и не всегда это удавалось. Например, живописец, академик **М. С. Иоффе**, покинувший Россию в шестидесятилетнем возрасте и поселившийся в Нью-Йорке в 1931 году, не получил признания и доживал свой век в крайней нужде. Те, кто эмигрировал по политическим мотивам, искали свободу творчества, оставаясь самими собой. Кто-то из художников ориентировался на интерес к России, к русскому искусству. Приходилось преодолевать и национальную замкнутость, и иную ментальность. О финансовых затруднениях говорить не приходится, на первых порах они сопутствовали почти всем.

Нас в основном интересует период между двумя мировыми войнами. Однако и до этого Россию покинули многие художники. Причины известны. Евреи были скованы разными унизительными ограничениями. Только два факта. Скульптор **Наум Аронсон** в 1909 году, как иудей, был выслан из Петербурга, куда, кстати, приехал на время поработать над конкурсным

¹ Сообщение сделано на конференции «Русско-еврейский Нью-Йорк», состоявшейся 4—6 апреля 2006 г. в Нью-Йорке, и опубликовано в журнале «Русское искусство» №1, 2007.

проектом памятника императору Александру II. Позднее Высочайшим повелением ему разрешили проживать в России повсеместно. **Абрагаму Маневичу** повезло меньше: в марте 1915 года он тоже получил Высочайшее разрешение на пребывание в течение одного года «повсеместно в Империи, за исключением Кавказа, области Войска Донского и Сибири». Значительное число художников было изгнано из страны волной погромов, начавшихся с 80-х годов XIX века, а также событиями 1905 года. Как правило, творчески одаренные молодые люди не могли получить образование в художественных учебных заведениях крупных городов. Уже состоявшиеся художники более зрелого возраста испытывали трудности другого рода — они не могли активно выставляться в российских салонах, знакомить общество со своим произведениями, что влияло на их творческое самоутверждение. Покидая страну, лишь немногим из них удавалось вывезти свои работы, и в эмиграции они начинали с нуля.

Эмигрировали художники-евреи преимущественно в европейские страны, где сложились центры художественной культуры. Те же, кто эмигрировал или переезжал, уже будучи эмигрантом, в Соединенные Штаты, помимо желания получить образование, реализовать себя творчески, стремились и к материальному благополучию. Оседали они в основном в Нью-Йорке, что вполне объяснимо. Здесь сосредоточены музеи, галереи, клубы, театры, чаще проходили выставки, были и различные еврейские общественные организации, оказывавшие материальную помощь эмигрантам, в том числе начинающим художникам. Возможностей быть востребованными в Нью-Йорке было значительно больше. Особенно это касалось тех, кто занимался сценографией. Большинство оставалось здесь до конца жизни. Но были и те, кто, обосновавшись на первых порах в Нью-Йорке, через какое-то время переезжали в другие города Америки, например, **Борис Анисфельд**, чья творческая биография была связана и с Чикаго. **Александр Блазас** переехал в Кливленд, где стал профессором скульптуры в Кливлендской академии. Некоторые наезжали в Нью-Йорк на какое-то время. **Савелий Сорин** (1878—1953), известный портретист, живший в Париже, любил здесь проводить зимние месяцы. Ему покровительствовал миллионер Отто Кан (Otto Kahn), который ввел художника в высшие круги американского общества, обеспечив тем самым богатую клиентуру, особенно среди миллионерш. Во время Второй мировой войны Сорин окончательно поселился в США.

Выявление имен художников-евреев, творивших в Нью-Йорке, — дело нелегкое, насколько нам известно, никто пока специально этим не занимался, если не считать живущего в Бостоне Иосифа Богуславского. Он уже несколько лет работает над составлением биобиблиографического словаря «Евреи-эмигранты в Америке» и любезно сообщил нам, что в его картотеке зафиксировано 4000 имен. В присланном им списке художников насчитывается 150 фамилий. Составители словаря «Художники рус-

ского Зарубежья» (О. Л. Лейкинд, К. В. Махров и Д. Я. Северюхин. СПб., 1999) не всегда отмечали национальность или вероисповедание, такая задача и не ставилась, но во вступительной статье есть несколько строк о художниках-иудеях и небольшой раздел об эмиграции в США, в котором названы отдельные имена. Выявляя по этому изданию интересующие нас персоналии, приходилось ориентироваться на написание и звучание фамилий, хотя это, как известно, может ввести в заблуждение. В корпус словаря попали многие художники еврейской национальности. Однако еще не все имена выявлены по каталогам библиотек и выставок, по обзорным статьям в периодике тех лет, по изданным книгам, особенно мемуарам. Обширные списки литературы на русском и других языках в трудах историков эмиграции, искусствоведов, например, Евгения Ковтуна, подтверждают реальность дальнейших поисков, они же свидетельствуют и о том, что обобщающих работ по рассматриваемой теме пока нет.

Но вернемся в Нью-Йорк и назовем хотя бы несколько имен художников, обосновавшихся здесь в рассматриваемый период: Борис Анисфельд, Борис Аронсон, Саул Бейзерман, Илья Болотовский, Иосиф Биль, Абрахам Валькович, Макс Вебер, Марк Иоффе, Морис Кантор, Бенджамен Копман, Луис Лозовик, Аббо Островский, Александр Портнов, братья Соеры.

Интерес к художникам-эмигрантам из России был большой и достиг своего пика в 20-е годы. Этому способствовала повальная увлеченность американцев искусством России. В начале 20-х годов Нью-Йорк был наводнен российскими театральными, танцевальными, музыкальными мастерами. Как пишет Игорь Грабарь в книге «Моя жизнь» (М., 2001), «русское было решительно в моде». Он рассказывает об эмигрантах, называя имена тех, кто помогал в 1924 году в организации большой выставки русских картин и скульптур в Америке. На ней было выставлено девятьсот сорок работ восьмидесяти четырех художников. После закрытия в Grant Central Gallery в Нью-Йорке, экспозиция в течение двух лет показывалась в других городах страны. Именно после этой выставки не вернулись в Москву трое из восьми ее организаторов — Коненков, Захаров и Мекк. Сам Игорь Грабарь получил несколько предложений остаться в Нью-Йорке. А дальше, по причинам известным, — признание Америкой СССР в 1933 году, разразившаяся экономическая депрессия в США — интерес к художникам-эмигрантам упал. И трудности, выпавшие на долю художников страны, переживали и художники-евреи. С началом Второй мировой войны эмигранты-евреи, жившие во Франции, переехали в Нью-Йорк, кто-то навсегда, кто-то через несколько лет вернулся в Париж, например, Осип Цадкин, который оставил в Америке несколько своих знаменитых скульптурных работ, в их числе «Воюющий Арлекин» и «Заключенный».

В небольшом сообщении даже коротко не расскажешь о всех художниках еврейской национальности, сумевших вписаться в художественный

мир Нью-Йорка. Упомянутые **братья Сойеры** — **Мозес** (1899—1974), **Рафаэль** (1899—1987) и **Исаак** (1902—1981), поселились в Америке в 1912 году. Мозес писал портреты, натюрморты, ню. В годы депрессии по заказу правительства работал над монументальными росписями. Его картины и литографии охотно воспроизводились американскими журналами. Рафаэль стал одним из учредителей известного литературно-художественного Клуба Джона Рида левого толка. Он писал сцены из жизни городских окраин и рабочих кварталов Нью-Йорка, вместе с Мозесом расписывал здание почты в Филадельфии, выпустил несколько альбомов, создал галерею портретов друзей-художников, среди них Аршил Горки, Уильям Гроппер, Осип Цадкин, Н. Цицковский, Мозес Сойер и другие. У Д. Бурлюка, кстати, есть поэма «**Братья Сойеры**». В Клубе Джона Рида была секция «Еврейский культурный союз», собиравшая произведения искусства для еврейского музея в Биробиджане.

Борису Анисфельду (1878—1973), известному живописцу и сценографу, повезло: он перебрался в Америку в 1918 году через Японию и вывез большинство своих работ. Это позволило ему сразу окунуться в творческую атмосферу Нью-Йорка: уже в год приезда в Бруклинском музее состоялась его выставка, потом он начал сотрудничать с Метрополитен-оперой, затем перебрался в Чикаго. Он оформил спектакли «Любовь к трем апельсинам», «Мефистофель», «Снегурочка» и другие. Художник включился и в педагогическую работу, имел собственную летнюю художественную школу в штате Колорадо.

В 1923 году в Нью-Йорке поселился киевлянин **Борис Аронсон** (1900—1980). Сначала он эмигрировал в Польшу, затем переехал в Берлин и уже оттуда — в Нью-Йорк, где вскоре стал едва ли не самым знаменитым сценографом. Он оформил более 100 спектаклей на Бродвее, был отмечен самыми престижными премиями и наградами. В области сценографии в Нью-Йорке работали и другие художники-евреи, например, **Евгений Дункель**.

Многие художники занимались графикой, в том числе и книжной. Однако об этом мало сведений, отмечается только, что они иллюстрировали книги и оформляли журналы. Среди них: Борис Аронсон, Бенджамин Копман, Арнольд Лаховский, Александр Либерман, Саул Раскин, Эсфирь Слободкина.

Когда **Аронсон** пребывал в Берлине, издательство «Петрополис» выпустило его книгу «Современная еврейская графика». Переехав в Нью-Йорк, он сразу же оформил обложку к книге Н. Никитина «Ночной пожар». Много работал он и над оформлением журналов. В дальнейшем, как мы уже отмечали, Аронсон сотрудничал с театрами, в том числе и еврейскими. У него было около двадцати персональных выставок; собрав изданные к ним каталоги, можно выявить и оформленные художником книги.

Саул Раскин (1878—1962) принадлежал к старшему поколению художников-графиков. Он поселился в Нью-Йорке в 1904 году и, как иллюстратора, его привлекали книги преимущественно еврейской тематики. Ему принадлежат иллюстрации для «Книги псалмов». Он выпустил книгу «Палестина в рассказах и картинах», а в годы депрессии — графический альбом «Большой бизнес», позднее, в начале 50-х — еще один, под названием «Международные банкиры». Раскин входил в Ассоциацию американских графиков.

Арнольд Лаховский (1880—1937), еще живя в России, сотрудничал с детским издательством «Радуга». Он оформил сказку «Мойдодыр» К. И. Чуковского, «Беглецы» Н. К. Чуковского, выпустил свои детские книжки. В США жил в Нью-Йорке и преподавал в художественной школе. Продолжал ли он заниматься иллюстрированием книг, пока не удалось выяснить. Иллюстрировал детские книги и **Копман**, но их надо выявлять. Предстоит работа и с его личным архивом, который хранится в университетской библиотеке Сиракуз.

Особо можно выделить **Александра Либермана** (1912—1999), о котором много написано. Утверждают, что именно он в значительной мере определил художественный облик американских журналов, среди них «*Gentlemen's Quarterly*», «*House and Garden*». С 1962 по 1994 год он был главным редактором издательского объединения «Conde' Nast Publications».

В 1928 году в Америку приехала **Эсфирь Слободкина** (1908—2002) и, поселившись в Нью-Йорке, стала сочинять и иллюстрировать книги для детей; позднее, в 1958 году, она получила премию имени Льюиса Кэрролла.

Чтобы убедить в том, что поиски книг, иллюстрированных художниками-евреями, могут быть продуктивными, приведем один любопытный пример. Был такой художник **Н. С. Цицковский** (1894—?), в словаре «Художники русского Зарубежья» он значится под фамилией Циковский. Недавно в фонде Славяно-Балтийского отдела Нью-йоркской публичной библиотеки обнаружился конволют — книжный блок, в котором оказались два сборника пролетарского поэта Р. М. Корносевича — «Звездные бразды» и «Кандальный перезвон». Оба выпущены в середине 20-х годов в Нью-Йорке: первый — издательским кооперативом газеты «Русский голос», второй, — со стихами, рассказами и водевилем — издательством левого журнала «Китоврас». В книгах помещены фотографии поэта. Не будем вдаваться в оценку литературных достоинств его произведений — явном продукте своего времени, отметим только, что в предисловии жирным шрифтом выделены слова: «Корносевич являлся одним из представителей русской литературы в Америке». Поэт был дружен с Д. Бурлюком. Иллюстраций в сборниках, как таковых, нет, не считая примитивных рисунков на титульных листах и столь же примитивных концовок. Но вот обложка второго сборника представляет интерес.

Именно на ней, внизу, справа напечатано: «Обложка худ. Н. С. Цицковскаго». В названной книге Бурлюка «Русские художники в Америке» он тоже Цицковский. На этой же обложке рисунок, выполненный черным литографированным карандашом, занимает почти все поле. Пластично изображены три фигуры во весь рост, в движении. Одна — в гимнастерке, при портупее и погонах, туловище и голова несколько повернуты вправо, видно лицо. Две другие фигуры — в длинных пальто, на спинах нарисованы ромбы, заштрихованные красным цветом. Руки их скованы цепью, на ногах — кандалы (вот он, кандалный перезвон). Художнику удалось изобразить порывистость движения. Рисунок присуща некоторая небрежность, примитивизм, характерные для футуристов, авангардистов. Пожалуй, это образец рисунка некоей дерзкой раскованности. Дешевая бумага, дешевая обложка, — атрибуты доступности. Если перефразировать слова Эля Лисицкого «разящая сила слова», глядя на этот рисунок, можно сказать: разящая сила обложки. В 20-е годы таких книг с иллюстрированными футуристами и авангардистами обложками (они же иногда выступали и в качестве авторов), издавалось, как известно, много, но это уже отдельная тема.

Мы лишь пунктирно обозначили заявленную тему. Нами двигали чисто книговедческие и, на наш взгляд, достаточно серьезные мотивы. Настоящие библиотекари выступают не только в роли хранителей фондов. Они заинтересованы и в том, чтобы эти фонды, образно говоря, работали. И когда в них обнаруживаются малоизвестные или вообще неизвестные интересные материалы, а иногда и целые коллекции, возникает ощущение, что они, как бы затаившись, ждут своего часа, своего исследователя. И вот, как оказалось, в некоторых библиотеках, в том числе Нью-Йоркской публичной, хранятся те самые малоизвестные и даже совсем неизвестные материалы, в том числе и изобразительные, характеризующие творчество художников-евреев из России. Некоторые из этих материалов рассредоточены по разным библиотекам, а в таких крупных, как Нью-Йоркская публичная, — даже и по разным отделам. И, возможно, это одна из главных причин того, что они **пока** выпали из поля зрения исследователей — искусствоведов, музееведов, историков эмиграции, славистов. Есть еще один аспект темы: многие художники-эмигранты, имена которых мы называли, влившись в художественную жизнь Нью-Йорка и получив признание, перестали считать себя художниками-евреями из России, они стали американскими художниками. Однако это вовсе не исключает их национальное происхождение, особенно, когда пишутся или будут писаться их биографии, изучаться творческие искания. Палитра американской культуры в целом и художественной в частности, ее развитие, обогащение в национальном отношении многогранна, и эта ее особенность заслуживает внимания исследователей.

В нашем сообщении нет никаких оценок, потому что мы не искусство-

веды, но, как библиографы, можем подсказать: источников для углубления содержания и расширения границ темы много, как первичных, так и вторичных. Например, в Нью-Йоркской публичной библиотеке с конца XIX века библиограф еврейского отдела Авраам Шломо (Соломон) Фрейдус (1867—1923) составлял картотеку книг еврейских авторов, собранных в этой библиотеке. В ней около 25 тысяч названий. Фрейдус попытался систематизировать эту массу и ввел в картотеку 500 разделов. О Фрейдусе есть материал, и было бы интересно изучить его картотеку, в которой, несомненно, есть описания иллюстрированных книг. Присутствующим известен «Новый журнал», издающийся в Нью-Йорке с 1942 года на русском языке. Этот «толстячок», объемом в 300 и более страниц, в первые годы своего существования печатал немало статей о художниках и художественной жизни Нью-Йорка. Некоторые из них носили ретроспективный характер. Особый интерес представляли обзоры выставок. Только на долю Веры Коварской приходится около 30 таких обзоров, и в них можно встретить сведения о творчестве художников-евреев. А сколько журналов на английском языке, освещавших художественную жизнь Америки, издавалось в рассматриваемый период! Недавно в Славяно-Балтийский отдел поступила интереснейшая коллекция искусствоведа Владимира Михайловича Тетерятникова, в 150 ее больших папках содержатся вырезки из эмигрантских и американских газет по многим темам, в том числе о художниках и выставках. Поисковую базу можно расширять до бесконечности, это понятно. Вот только нашлись бы заинтересованные люди.

HAYKA

ДВЕ ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА ДАВИДА САРНОВА, РОДИВШЕГОСЯ В ЕВРЕЙСКОМ МЕСТЕЧКЕ

МАРК ЗАЛЬЦБЕРГ (Хьюстон, США)

Я невероятно счастлив, что провел последние годы в этой удивительной стране, где нашел столько талантливых помощников и друзей.

В. Н. Ипатьев¹

Д. Сарнов

Вы включаете телевизор, вы слушаете радио или свои любимые музыкальные записи, вы спешите домой, чтобы не пропустить трансляцию оперного спектакля из Метрополитен-оперы, вы работаете на компьютере или электронном микроскопе. За всем этим стоят имена гениев, среди которых и несколько выходцев из России, в том числе Давида Сарнова, Владимира Зворыкина и Норберта Винера. Это им мы обязаны чудесами радиоэлектроники.

Россия всегда теряла талантливых людей. В любой период ее истории сотни, а иногда и сотни тысяч наиболее ценных для страны, для нации граждан приходили к выводу, что дальше так жить нельзя, и отправлялись начинать новую жизнь за границу. Василий Ключевский, великий русский историк, писал более ста двадцати лет назад, ссылаясь на летописи, что из России «люди брели розно», в Литву, на Украину и в Западную Европу, не желая со своими талантами и вольнолюбием прозябать в качестве тотальной собственности Государя и Государства, что в России всегда было одним и тем же. Вспомним князя Курбского и Герцена, Мечникова и Сикорского, Ипатьева и Зворыкина, да и себя вместе с многочисленными эмигрантами, покинувшими уже СССР в XX веке.

Итак, генерал из местечка! Речь пойдет о Давиде Сарнове — выдающемся человеке, основателе американского радиовещания и телевидения, организаторе радиоэлектронной промышленности США, крупном общественном деятеле, благотворителе и бригадном генерале. Можно было бы просто сказать, что Давид Сарнов был основателем

¹ Владимир Николаевич Ипатьев (1867—1952), академик, основатель американской нефтехимии, эмигрировал из России в США в 1931 г.

и президентом радиокорпорации RCA, и более ничего не говорить. Нет в Америке грамотного человека, который не знал бы этого названия! О Сарнове написаны книги, множество статей, длинный перечень его почетных званий и государственных наград поражает читателя. Он дружил с Эйнштейном и Тосканини, президентами Рузвельтом, Труменом, Эйзенхауэром и Никсоном. Он чувствовал себя одинаково свободно с артистами и учеными, инженерами и музыкантами, бизнесменами и политиками. Это был человек-легенда!

Когда я слышу вопли американских либералов о том, что в Америке бедному человеку не пробыть, что все усилия общества (и деньги тоже) надо направить на поддержку разного рода неграмотных бездельников, наркоманов и просто безобразников, предпочитающих жить за счет общества, ничего не делать и даже не учиться в юности, я вспоминаю Давида Сарнова и старую Америку, где героями были Сарновы, а не паразиты.

Сарнов родился 27 февраля 1891 года, а 2 июля 1900 года Давид вместе с матерью и двумя младшими братьями приехал в США. Путь был длинный. Из маленького местечка Узляны в черте оседлости Минской губернии в Либаву, оттуда на пароходе в Ливерпуль и далее в Монреаль. Поезд привез их из Монреаля в Нью-Йорк. Глава семьи — маляр Абрам Сарнов, уехавший в Америку четырем годами ранее, все это время копил деньги на их переселение. И вот, семья в сборе. По-английски не говорил никто. Даже у Абрама язык был очень примитивный. Поселились они в East Side в бедном еврейском районе. Отец Давида был слаб здоровьем и много работать уже не мог. Заботы о семье пришлось на долю матери, а очень скоро стали и обязанностью девятилетнего Давида.

Прежде чем продолжить описание их жизни в Нью-Йорке, давайте вернемся в царскую Россию конца XIX века. Узляны Минской губернии — это город из «Скрипача на крыше». Бедные, гнилые домишки, в них земляной пол, улицы по колено в грязи или в снегу. Деревянный пол в доме уже был признаком успеха! Ни электричества, ни водопровода. Фонограф казался чудом. Столетия еврейских традиций, вечное ожидание Мессии. Центр жизни — синагога, которая стояла в Узлянах со времен чуть ли не крестовых походов. Раввин был законом, судьей и полицией. Традиции и общественное мнение позволяли обходиться без этих, обязательных в любом обществе, ограничителей человеческой агрессивности, жадности и бессовестности. Это было возможно еще и потому, что неграмотность в еврейском обществе считалась грехом и позором. Еврей обязан читать книгу Бога, это его высший долг, и маленький Давид, не достигнув и четырех лет, начал ходить в хедер.

Следует сообщить тем, кто не читал Шолом Алейхема, что никаких государственных школ, а тем более университетов, для евреев в России

тогда не полагалось, и хедер, существовавший на общественных началах, был единственным источником образования в черте оседлости. Ученики при керосиновой лампе в тесных и грязных комнатах с утра до вечера учили наизусть Тору на древнееврейском языке, общаясь между собой на идиш. Социальный статус в таких местечках определялся образованностью и добрыми делами. Вся эта нищета, политическое бесправие, голод и болезни были, тем не менее, не самыми страшными явлениями в жизни российских евреев. Были вещи и похуже — погромы! Это было нормальным явлением в России тех лет. Давид повидал их не мало. А еще, маленький Давид видел в Минске, как конные казаки избивали толпу, давили своими лошадьми детей и женщин, и запомнил это на всю жизнь.

К пяти годам Давид свободно читал и цитировал наизусть Ветхий Завет. Хедер в Узлянах был закончен. Мальчик был красив, умен, и бабка Ривка решила отправить его учиться к своему брату-раввину в город Кормы вблизи Борисова. Снова еврейская традиция! Способный ребенок должен учиться у лучших учителей. Давид провел в школе у бабкиного брата четыре года. Бедность, граничащая с нищетой. Без игр, без игрушек, без достаточного питания. Двенадцать — четырнадцать часов в день занятия с одним перерывом на скудную пищу. Занятия были серьезными. Пророков изучали на древнееврейском языке, Талмуд на арамейском. Все наизусть, с распеванием текста, шесть дней в неделю, тысячи страниц! Изучали русский и идиш. Когда Давиду было восемь лет, он знал все это наизусть. Вот где, по моему мнению, лежит «секрет» еврейского таланта. По сравнению с такими занятиями учение в обыкновенной школе было детской игрой, развлечением.

Такое обучение с раннего детства отбирало наиболее талантливых, было отличной тренировкой памяти и прививало привычку к интеллектуальному труду. Кроме того, Талмуд и Тора являются прекрасными источниками знаний о человеческом поведении, психологии и древней истории. Человека, знающего наизусть эти древние книги, не так-то легко обмануть или подвигнуть на нечестные поступки. Несмотря на трудности учения, почти непосильного для малышей в возрасте от четырех до восьми лет, никому из родителей не приходило в голову, что детям не легко. Наоборот. Попастъ в такую «мясорубку» мог только самый толковый ребенок, и это считалось и удачей, и честью. Сделать из ребенка раввина или учителя было заветной мечтой любой семьи. И это второй «секрет». Знание считалось целью жизни, абсолютной ценностью и большим сокровищем, чем даже деньги. Недаром впоследствии, когда евреям стало доступно гимназическое и университетское образование сначала в Западной Европе, а потом и в России, тысячи еврейских детей так сдавали экзамены в эти учебные заведе-

ния, как будто все две тысячи лет, не имея этой возможности, только и делали, что готовились к ним. Блестяще закончив обучение и в этой школе, Давид вернулся к матери, и семья начала собираться в дорогу к отцу, который уехал в Америку в 1896 году.

А теперь, вернемся к началу рассказа. Приехав в Нью-Йорк, девятилетний Давид стал учиться в государственной школе, что было совершенно естественно в Америке начала XX века и абсолютно неестественно для еврея в России. С чем столкнулись Сарновы в США? С нищетой, еще более страшной, чем в России. Чужая культура, незнакомый язык, больной отец и мать с тремя детьми, старшему из которых всего девять лет. Понятно, что со всем этим много не заработаешь. Но, отличие от России было! В Америке не было погромов, обучение в школе было обязательным для всех, а трудолюбие и талант были в те годы надежной гарантией успеха. До конца учебного года Давид уже хорошо говорил по-английски, и он сказал себе: «Если не я помогу семье, то кто же?» Ему исполнилось тогда девять с половиной лет. Ему было с кого брать пример. Судьба Линкольна так поразила Давида, что он купил себе портрет Президента — старинную гравюру, с которой не расставался всю жизнь. Детство Президента было очень похоже на детство Давида.

Давид начал работать. Конечно, не следует полагать, что условия, в которых он очутился, были благоприятными для ребенка. У него не было игр и игрушек, не было товарищей. Ему приходилось утверждать себя и кулаками в среде мальчишек — конкурентов. Он не умел играть, не умел плавать. Ему было некогда, да и сил на это не оставалось. Все это весьма отразилось на его характере, как говорил он впоследствии. Но такая жизнь производила не только гангстеров, но и гениев. Работа Давида состояла в торговле газетами, он был также посыльным в лавке, торговал сигаретами. Все это приносило гроши, но без них семья бы не выжила. Вставая еще до рассвета, он до школы успевал справиться со своими обязанностями, а после школы непрерывно читал, учился. У него хватало времени и сил на то, что он считал для себя совершенно необходимым. Будучи хорошо вокально подготовлен еще в еврейских школах в России (помните, как ученики распевали тексты священных книг), он стал петь в синагогальном хоре. У него был хороший голос. Это было серьезное дело. Постоянные репетиции, обучение нотной грамоте, пение на свадьбах и праздниках, приносившее певцу регулярно полтора доллара в неделю. Кантор Каминский привил ему любовь к опере и классической музыке, и маленький хорист не жалел пятидесяти центов, чтобы пойти в Метрополитен-оперу в те редкие часы, когда был не занят. Все это, повторяю, делал ребенок, не достигший еще и двенадцати лет. Какое ясное понимание цели, какая настойчивость, работоспособность и от-

ветственность! Кантора Каминского он почитал всю жизнь. Когда, уже будучи президентом RCA, он узнал во время совещания, которое вел, о похоронах своего учителя (ему сообщили об этом по телефону), Сарнов извинился и немедленно уехал проститься с ним.

Но и хора ему было мало. Он стал ходить в вечерние классы общества Educational Alliance, организованного для пополнения образования и детей, и взрослых. Давид занимался в группе ораторов, практикуясь в языке и красноречии. Теперь на доске почета этого общества значится имя Давида Сарнова, губернатора штата Нью-Йорк Альфреда Смита и нескольких других знаменитых американцев, бывших в юности слушателями этой организации.

Невозможно в рамках этой статьи подробно рассказывать о коммерческих и организационных успехах Давида, не достигшего еще и тринадцати лет. Достаточно сказать, что он к этому возрасту уже имел газетный киоск и организовал службу доставки газет многочисленным подписчикам, в которой работало несколько его друзей-мальчиков. Но прежде чем мы перейдем к описанию его взрослой жизни, а у еврейского мальчика она начиналась тогда с бар-мицвы, необходимо рассказать об одном важном эпизоде его школьной жизни. Из него мы поймем еще лучше и характер нашего героя, и страну, в которую он приехал. Школьный учитель, рассказывая о пьесе Шекспира «Венецианский купец», сказал классу, что такие негодяи, как Шейлок, выходят из еврейской среды тысячами даже и теперь, в Нью-Йорке. Давид вскочил и громко сказал, что учитель обучает детей антисемитизму, за что и был немедленно изгнан из класса. Мальчик рассказал о случившемся директору школы и в разговоре с учителем у директора сказал, что заниматься у такого преподавателя он не хочет. При попытке директора разрядить обстановку учитель сказал: «Или я, или Давид!» Директор отреагировал немедленно: «Ваша отставка принята, господин учитель». Возможно ли было такое в России или в СССР? Ответ не нужен. Много лет спустя мистер Сарнов, зайдя по делам в банк, узнал в вице-президенте банка своего изгнанного из школы за антисемитизм учителя. «Вы в большом долгу у меня, — сказал Сарнов, — ведь если бы не я, вы до сих пор сидели бы учителем в школе».

Америка всех расставляла тогда по своим местам. Продавая газеты, Давид мечтал сам стать репортером. Он умел и любил писать и говорить, и однажды, хорошо одетый, явился в здание газеты «Herald» предложить себя в качестве работника на любую низшую должность. Он знал, что с восемью классами претендовать на большее он не может. Но, по счастью для всех нас, он по ошибке попал не в помещение газеты, а в соседнее помещение Коммерческой телеграфной компании. Встретивший его чиновник сказал: «Я не знаю про “Herald”, но у меня есть место рассыльного за доллар в неделю и десять центов в час

сверхурочных». «Я беру это место» — сказал мальчик и подумал: «Газета-то рядом». Так началась его радиоэлектронная карьера, принесшая ему славу, а всему миру — выдающегося технического, коммерческого и общественного деятеля. И было ему тогда пятнадцать лет. Как говорила его мама Лия о своих сыновьях: «Один был самым умным, другой — самым красивым, третий — самым добрым, а Давид — самым удачливым». Но удача его скоро покинула, правда, не раньше, чем он самостоятельно овладел азбукой Морзе и телеграфным аппаратом, который купил для упражнений. Из компании его уволили за то, что он отказался работать сверхурочно в Йом Кипур, сказав: «Я же должен петь!» Он не порывал с хором в синагоге. Но и с хором пришлось вскоре расстаться. У него менялся голос. Он вырослел. Пропали возможности любого заработка.

И тут опять везение и провидческое решение юноши, каких теперь зовут в Америке «kid», т.е. «ребенок» по крайней мере лет до двадцати двух, если не долее. Давиду не было и шестнадцати лет. Он пошел в компанию беспроводного телеграфа (так звали тогда радио), которая носила громкое имя изобретателя радио — Маркони. 30 сентября 1906 года юношу взяли на работу «мальчиком на все руки» за 5,5 долларов в неделю. Этот день будущая компания RCA станет отмечать как праздник. Биограф Давида Сарнова Юджин Лайонс напишет об этом событии так: «Мальчик из глухой русской деревни встретился со своим близнецом — электроном». Точнее не скажешь, ибо теперь близнецы не только пройдут до конца по жизни, но и останутся навеки в истории и Америки, и радиоэлектроники.

Сарнов говорил впоследствии, что не только одна лишь удача необходима для успеха, но *«удачей было то, что родители привезли меня на землю свободы и возможностей, которые приходят вслед за свободой, удачей было то, что возможность появилась вместе с промышленностью, которая была моложе меня, и удача состояла в том, что я родился почти в то же время, когда был открыт электрон»*. И опять, как в случае с учителем, — новый курьез. В 1919 году к Сарнову, тогда уже руководителю компании RCA, пришел наниматься на работу тот самый человек, который выгнал его с телеграфа. Он не узнал Сарнова, но Сарнов узнал его. *«Я уверенно могу засвидетельствовать ваш опыт в телеграфном деле. Я также должен поблагодарить Вас за мое увольнение тринадцать лет назад, которое позволило мне войти в электронное дело. И в знак моей благодарности я беру Вас на работу. Приступайте немедленно»*.

Это случилось в 1919 году, а в 1906 «мальчик на все руки» выглядел на два-три года моложе своих пятнадцати лет, несмотря на темный костюм, огромный серый галстук-бабочку и самоуверенный вид. В те годы радиодело развивалось медленно. Сделанные тогда крупные технические изобретения, вроде схемы с обратной связью

Ховарда Армстронга, не заинтересовали инвесторов. Даже изобретение микрофонной радиосвязи вместо связи по азбуке Морзе заметно не продвинуло дела. Связь через микрофон была подвержена большим помехам, и телеграфный ключ по-прежнему был в большом употреблении. Фирма, в которой работал Давид, обслуживала только четыре корабля и имела только четыре радиостанции на территории Америки. Деньги для выплаты служащим добывались с трудом. Давид рос вместе с ростом своего любимого радио. Он отвечал на телефонные звонки, развозил почту, вел корреспонденцию, чистил пишущие машинки и убирал мусор в кабинетах. Это занимало полностью весь рабочий день, и он очень устал. Но никто не видел его уставшим или бездеятельным. В любую свободную минуту он учился.

Он читал книги и учебники по физике, электричеству и радиотелеграфии. Он поглощал знания в невероятных количествах и вскоре стал экспертом в своем увлечении, еще не приступая к практической работе на радиотелеграфе. Все еще подметая пол или разнося корреспонденцию, Давид уже обнаружил, что даже у его начальников знания техники существенно отставали от знаний в области организации дела. Он поставил своей целью знать в совершенстве и то, и другое, понимая, что такая комбинация есть залог крупного успеха в будущем. Он готовил себя к серьезной деятельности в новой отрасли как бизнесмен и инженер. И эта серьезность обратила на себя внимание его коллег-радиооператора на станции, где «мальчиком» работал Давид. Радиооператор объяснял ему устройство аппаратуры, учил ремонтировать ее и работать на ней, так что Давид стал серьезным собеседником профессионала. Встретившись в 1906 году с Давидом, знаменитый Маркони сказал ему после недолгого знакомства: *«Мы знаем, что радио работает, но до сих пор не знаем почему»*.

В том же знаменательном 1906 году Давид Сарнов получил наконец ту работу, ради которой он и появился в фирме. Он стал радиотелеграфистом на одном из кораблей, оборудованных радиостанцией Маркони. Впервые в своей жизни он, одетый в красивую униформу офицера торгового флота, имеющего собственную каюту и бесплатное питание, почувствовал себя взрослым профессионалом с прекрасным будущим и не менее прекрасным настоящим. Ему положили жалованье всего 7,5 долларов в неделю, но если знать, что его семья жила в квартире за 9 долларов в месяц, то понятно, почему Давид наконец полностью оставил свою газетную торговлю по утрам и передал это дело своим младшим братьям. Очень скоро он заслужил репутацию самого быстрого и самого четко работающего на ключе радиста на всем атлантическом побережье Америки. Недолго пришлось ему ждать, чтобы подтвердить это на деле в аварийной ситуации.

В 1908 году Давид уже работал главным радистом на береговой радиостанции в Нантакетте, штат Массачусетс и получал 70 долларов

в месяц, из которых сорок он неизменно отправлял матери. Его отец к тому времени уже умер. Во время испытаний нового дирижабля, оборудованного радиостанцией Маркони, произошла авария, но благодаря четкой работе Сарнова вся команда была спасена. В 1911 году, работая радистом на промысловом судне в Атлантике, Сарнов впервые в мире продемонстрировал ранее никем не предполагавшиеся возможности радио. Он организовал двухстороннюю радиосвязь с кораблем, где находился тяжело больной матрос и не было врача. С помощью радио врач на судне Сарнова давал распоряжения по спасению больного, и тот выздоровел. В завершение рассказа о ранних годах Сарнова следует сказать о том, что, получив работу на берегу, при которой он имел свободные вечера, наш герой немедленно пошел учиться. Pratt Institute of Brooklyn начал специальную вечернюю программу высшего технического образования для специалистов. Ускоренная программа предполагала пройти трехлетний курс обучения в один год. Понятно, что это было под силу очень талантливым и уже хорошо знающим свое дело студентам. Достаточно сказать, что из пятидесяти принятых на курс его окончили лишь двенадцать человек, среди которых был и Сарнов.

Радио начало успешно развиваться технически, но коммерческий успех, как выяснилось впоследствии, пришел только в результате трагедии, показавшей всем, что без радио развитие современной техники невозможно. К 1912 году уже существовали мощные радиостанции, осуществлявшие связь на расстояние до 2500 миль, некоторые, особенно военные, корабли обзавелись радиосвязью, была проведена трансляция с Эйфелевой башни концерта симфонической музыки, а в 1910 — первая трансляция пения Карузо из Метрополитен-оперы в Нью-Йорке. Беда только в том, что слушателей было всего несколько десятков. Это были радисты на судах и наземных радиостанциях да радиоинженеры в своих лабораториях. И вот, 14 апреля 1912 года во время дежурства на станции именно Сарнов услышал в эфире сигналы радиостанции тонущего «Титаника»! Перст судьбы, как сказал бы писатель-романтик. Закономерность — скажем мы. Последующие семьдесят два часа Сарнов обеспечивал связь с «Титаником», пока тот не затонул, и с кораблями, спешившими спасти тех, кто остался жив. Сотни журналистов осаждали его радиостанцию в Нью-Йорке и получали от него информацию. Все это время он не спал, не отдыхал и практически не ел, столь напряженной была его вахта. После этого он стал национальным героем! Понадобилась гибель полутора тысяч человек, чтобы дать мощный толчок к широкому применению радиосвязи. Для Сарнова этот случай тоже имел судьбоносное значение.

В том же году американский Конгресс провел закон об обязательном оборудовании радиостанциями всех американских судов,

имеющих на борту более пятидесяти человек. Понятно, что немногочисленные фирмы, производившие соответствующее оборудование, были предельно загружены работой, а среди них, конечно же, фирма «Маркони», где работал Сарнов. Руководители фирмы высоко оценили работу молодого радиста. Он становится инспектором судовых радиостанций, а вскоре и радиостанций «Маркони» по всей стране, и начинает преподавательскую работу в «Институте Маркони». Он обучает радистов, а потом и администраторов фирм, занимающихся производством оборудования. Многие из его работодателей и даже администратор, взявший его когда-то на работу «мальчиком», стали его учениками. И опять не случай! Сарнов потратил свои молодые годы с наивысшей пользой для себя, он использовал все возможности, предоставляемые Америкой талантливым и трудолюбивым людям. Кому же, как не ему, было пожинать плоды его, прямо скажем, героических усилий, начавшихся еще в девятилетнем возрасте! Уже тогда, как он впоследствии рассказывал, его девизом была непопулярная теперь мысль: «Если мир, в котором ты живешь, тебя не устраивает, если он жесток к тебе, — не старайся усовершенствовать его. Усовершенствуй себя так, чтобы тебе стало удобно в этом мире».

Самое главное в эти ранние годы его деятельности состояло в том, что он как бы инстинктивно чувствовал свою вовлеченность в великое дело, которое будет не только техническим и научным чудом, но и изменит жизнь всего человечества. Сарнов с его техническими и административными способностями был тем, что американцы зовут «нужный человек, на нужном месте и в нужное время». Вскоре он получает назначение на пост руководителя контрактного отдела. Отдел занимался созданием новых предприятий и контролем за продажей и прокатом технического оборудования. В 1913—1914 годах Сарнов руководил большим проектом оборудования радиосвязью поездов железных дорог. Само предложение исходило не от него, но только под его руководством этот проект был успешно реализован. Были воздвигнуты радиоантенны, изготовлено и установлено специальное оборудование, обучены специалисты. Второго января 1914 года Сарнов получил первую в мире радиограмму в движущемся с большой скоростью поезде в присутствии пятисот членов Американского общества гражданских инженеров, ехавших в этом же поезде с целью испытания нового технического чуда. Тогда его и стали звать «чудесным радио-мальчиком», он по-прежнему не выглядел старше восемнадцати лет. Однако, через пятнадцать лет и до конца жизни его станут называть генералом. Сарнов сделался наиболее ценным и квалифицированным сотрудником фирмы «Маркони».

Но он никогда не забывал того, с чего начал, с заботы о своей семье. «Если не я, то кто же?» И вот, где-то в начале 1914 года, он собрал свою се-

мью и сказал, что они переезжают в новую квартиру. Мама Лия спросила, кто же будет паковать вещи и мебель, кто будет их перевозить. Никто, сказал Давид. Ни паковать, ни продавать ничего не надо. Просто переезжайте, и все. Одежду, белье, посуду оставьте в старой квартире. Семью ждала новая квартира в уважаемом районе Бронкса с электричеством, горячей водой, паровым отоплением и ванной. Если вспомнить, что жили они в беднейшем районе Нью-Йорка, без всех этих удобств, казавшихся им недостижимым «люксом», то можно себе представить и удивление семейства, и гордость двадцатичетырехлетнего Давида. Он тайно, несколько месяцев готовил этот переезд, истратив на него все свои сбережения. Но его личная жизнь мало изменилась. Он стал чаще ходить в театр и конечно же, в Метрополитен-оперу, но его «роман» с радио не оставлял ему времени для действительно романтических контактов.

А этот «роман» развивался успешно и требовал постоянной концентрации не столько на чисто технических вопросах, сколько на проблемах коммерческих. Изобретателей было достаточно. Имена Ховарда Армстронга и Ли Де Фореста уже были известны многим специалистам. Американская Телефонная и Телеграфная компания в 1915 году построила в Арлингтоне мощный передатчик с усилителями на вакуумных лампах с использованием обратной связи, в тысячи раз повысившей коэффициент усиления, добиравшей рекордной по дальности радиопередачи, которая принималась в Европе, на Гавайях и в Сан-Франциско, но не смогла вернуть даже части расходов на это грандиозное дело. Радио такой мощности по-прежнему было нужно флоту, армии и больше никому. Только заинтересовав миллионы потребителей, можно было надеяться на большие прибыли и расширение производства, без которых никакое дело процветать не может. А спроса все не было! Мало того, Ли Де Форест — гениальный изобретатель вакуумного триода — усилительной вакуумной радиолампы, едва не попал в тюрьму, т. к. был обвинен незадачливыми акционерами в обмане. Судья постановил, что изобретатель обманом завлек акционеров в производство никому не нужной вакуумной игрушки, не имеющей ни применения, ни спроса.

Сарнов знал об этом, понимал степень риска и все же написал в 1915 году для руководства своей фирмы знаменитый меморандум, предвосхитивший дальнейшее развитие не только его компании, но и всего радиодола на десятилетия вперед. Он предлагал заняться разработкой того, что мы теперь зовем радиовещанием. В его меморандуме указывались все важнейшие области применения радио, от концертов и лекций до национальных новостей и рекламы. Поскольку Сарнов знал и технические стороны этого грандиозного проекта, то он прямо писал о «музыкальном ящике» с приемным, усилительным и звуковоспроизводящим блоками. О «музыкальном ящике», который станет столь же обычным в жизни любой семьи, как граммофон или фортепиано. Сарнов прикинул

и продажную цену радиопремника. При массовом производстве, скажем 100. 000 в год, его цена будет не выше 75 долларов и при этом, если даже 1. 000. 000 штук будет продано, за несколько лет прибыль компании составит 15.000.000 долларов. В Америке, писал он, 15.000.000 семей. Даже если только 7 % из них купят радиоприемник, то указанная прибыль будет обеспечена, а неизвестные сейчас дополнительные области применения смогут, вероятно, приносить еще большие доходы. Он был пророком, и как положено всякому пророчеству, его меморандум был забыт руководством фирмы на пять лет. Европа уже воевала, все ждали вступления в войну Америки и, конечно, в 1915 году было не до этого, сугубо мирного проекта. О нем вспомнили только через пять лет, но об этом в свое время.

В 1917 году фирма «Маркони» объединила несколько различных отделов в Коммерческий отдел, и Сарнов, не достигший еще и двадцати шести лет, был назначен его директором. Американское правительство готовилось к войне, и миллионы долларов в виде военных заказов стали основой будущего процветания фирмы «Маркони» и других компаний, производивших военное оборудование. То, что без радио воевать нельзя, было понятно уже всем. В начале под руководством Сарнова работало 725 служащих на 525 кораблях. Как писал впоследствии один из его биографов, *«коммерческий отдел был приводным колесом всей коммерческой деятельности компании, и самым творческим ее отделом»*.

В 1917 году произошло еще одно знаменательное событие в жизни Сарнова. 4 июля он женился на эмигрантке из Франции Лизетте Герман. Их знакомство состоялось согласно еврейской традиции: мама Лия и мать Лизетты встретились в синагоге и решили познакомить своих детей друг с другом. Это была любовь с первого взгляда! Так как свадьба состоялась в день Независимости США, то в семье с тех пор шутили, что Сарнов в этот день лишился своей собственной независимости. Брак оказался счастливым. Лизетта была его другом и серьезным советчиком. У них было трое сыновей.

В апреле 1917 года Америка вступила в войну. Давид добровольно явился на призывной пункт, чтобы служить по его выбору во флоте. Однако Военно-Морское министерство считало его незаменимым директором коммерческого отдела в фирме «Маркони» и посоветовало несколько умерить свой патриотизм и оставаться на прежнем месте. Воевать его, естественно, не пустили. Как всегда, война стала мощным катализатором новых технологий. Радио не было исключением. Годы мирного развития радио укладывались теперь в недели. Существовавшая к тому времени кабельная связь между континентальной Европой, Англией и Америкой, а также между английскими портами, стала ненадежной, т. к. воюющие стороны не раз повреждали кабели или отключали связь между враждующими странами. Флот же вообще не мог более

обходиться без связи в боевых условиях. Немецкие подводные лодки блокировали морские пути, и Англия, не имея многих собственных источников сырья и большей части продовольствия, вынуждена была организовать серьезную охоту за «волчьими стаями» — так сами немцы называли свои флотилии подводных лодок, которые топили торговые корабли. Без радиосвязи между патрульными самолетами, дирижаблями и кораблями такая охота была бы не возможна. Поскольку львиная доля поставок шла из Америки, военно-морской флот США дал радиоопромышленности приоритет в любых начинаниях, а правительство поставило под контроль все радиостанции США, оставив за частными фирмами инициативу в разработке и производстве радиооборудования. Не осталась без внимания и важность радиопропаганды. В 1918 году речь президента Вильсона с мирными предложениями к воюющим сторонам транслировалась по всему миру, и ее слышали в окопах враждующих армий и в редакциях газет воюющих стран. Регулярные радиобюллетени для американских войск в Европе, содержавшие как информацию, так и пропагандистские материалы, помогали правительству вести войну. Для расширения применения радио требовались тысячи специалистов, и в нескольких университетах Америки открылись курсы, в короткое время подготовившие более 5000 радиооператоров и техников. Для Сарнова с его даром предвидения и талантом администратора создалась благоприятнейшая обстановка. Фирма «Маркони» была самым крупным партнером правительства в распространении и применении радио.

Время Сарнова теперь делилось между его кабинетом в Нью-Йорке, заводами «Маркони» и Конгрессом в Вашингтоне. Он координировал заказы, участвовал в заседаниях военных комиссий и успевал к тому же работать над усовершенствованием оборудования. Основными его достижениями были радиостанции для самолетов и приборы по подавлению статического электричества, вызывавшего помехи в приеме. Но, как принято в Америке, попробуем оценить его успехи как директора коммерческого отдела в денежном выражении. Только в 1917 году фирма продала оборудования на сумму свыше 5 миллионов долларов. Это примерно 100 миллионов в современном исчислении. Гигантская сумма для промышленности, только начавшей свое развитие! И огромный успех для двадцатилетнего директора коммерческого отдела. Подводя итог его успехам в военное время, приведем отрывок из письма Сарнову руководителя радиоотдела военно-морского флота США, капитана первого ранга Сэнфорда Хупера. *«Вы были лишены чести служить в наших войсках, поскольку ваша работа по снабжению флота радиооборудованием была совершенно необходима... Наше постоянное сотрудничество в это напряженное время позволило мне высоко оценить ваш труд, и я понял, что могу надеяться на вас как ни на кого другого».*

Несмотря на свою неправдоподобную занятость и активность, связанные с военными делами, Сарнов не забывал о том, что война скоро кончится. А состояние его промышленности в мирное время внушало ему опасения. Радиодело в гражданском применении было практически никому еще не нужно, а опасность поглощения частной радиопромышленности государством представлялась ему делом весьма возможным. Он внимательно следил за тем, что происходит в этом направлении в Вашингтоне, и использовал любую возможность для декларации и поддержки своей приверженности к частному предпринимательству. Он стал известен в широких правительственных кругах как эксперт в радиоделе и как знаток областей применения радио. Его приглашали на заседания различных комиссий Конгресса, а его высказывания делались известными всей стране. Он заслужил репутацию толкового оратора, всегда конкретного и красноречивого, умеющего убеждать самых несговорчивых оппонентов. Сам Сарнов уже мечтал тогда не только о «музыкальном ящике», стоящем в каждом доме, но и о передаче изображения, т. к. кое-какие опыты в лабораториях уже давали надежду на это. Он оставался пророком в своем отечестве и, в отличие от библейских пророков, отечество станет его внимательно слушать!

Сложившаяся после войны ситуация со средствами связи грозила Америке вытеснением с мировых рынков радиооборудования английскими фирмами. Кабельные средства связи почти полностью находились в английских руках. То же происходило и с радио. Ведь «Маркони» была английской фирмой, и даже ее американское отделение, где работал Сарнов, принадлежало почти полностью английским акционерам. Американское правительство не могло далее мириться с этим. Война показала важность радио, и было ясно, что американская радиопромышленность должна быть по крайней мере самостоятельной, а еще лучше — доминирующей в мире. Наиболее активным в этом движении был военно-морской флот. Было решено создать крупную частную фирму, производящую оборудование с тем, чтобы правительство передало ей все находящиеся в его руках патенты и предприятия с последующей передачей прав на эти патенты их действительным владельцам. Так 1 декабря 1919 года возникла фирма RCA, или по-русски «Американская Радио Корпорация», объединившая американский филиал «Маркони» и корпорацию General Electric (GE). С тех пор аббревиатура RCA известна во всем мире вот уже более восьмидесяти лет. Даже самые непосвященные видели и помнят эмблему «RCA Victor» — белого фокстерьера, слушающего граммофон с надписью по-английски «His master's voice» — «Голос его хозяина». Она появилась после того, как RCA купила граммофонную фирму «Victor». Но и после организации RCA оставалась долгое время единственной фирмой, верящей, во многом благодаря Сарнову, в великое будущее радио. Все сложнейшие переговоры о финансах, организации и структуре новой фирмы, о ее связи

с корпорацией GE возглавлял Давид Сарнов, как наиболее компетентный сотрудник «Маркони». Он по прежнему оставался и в новой корпорации директором коммерческого отдела. Президентом корпорации стал Эдуард Нэлли, председателем совета директоров был избран Оун Д. Янг. Как это ни покажется странным, но и в 1919 году руководство RCA, обсуждая серьезные проекты радиосвязи, совершенно не думало о радиовещании. О нем по-прежнему думал один только Сарнов. Помните его «музыкальный ящик»? А ведь этот ящик стал впоследствии основой процветания не только RCA, но и всего человечества.

В Сарнове счастливо сочетались не только технические и административные таланты и знания. Он хорошо понимал людей, знал, кто из его начальников и подчиненных на что способен, с кем и как надо говорить для наиболее эффективной работы. Председатель совета директоров Янг был юристом и в технических вопросах не разбирался, однако, будучи умным и опытным администратором, он сразу понял, на кого можно полностью положиться в технических и многих других проблемах. Сарнов излучал энергию. Сарнов все знал о радио. Сарнов имел многообещающие идеи, увлекавшие всех сотрудников корпорации. Кроме того, и как личность Сарнов резко отличался от всех остальных сотрудников. Он не играл ни в гольф, ни в карты, не принимал участия в пустопорожном общении на вечеринках, понятия не имел о футболе или бейсболе. Светским развлечениям он предпочитал оперу и концерты классической музыки, чтению модных и пустых книг — классическую литературу. Держался он с достоинством, и только очень немногие, близкие ему по духу люди могли называть его просто по имени. Он не был высокомерен, был доступен всем, но для дела! Его интересы, его отточенная речь, его сдержанные манеры показывали сразу, что он не такой как все, что вызывало у всех только уважение.

Не удивительно, что такой человек как Сарнов смотрел далеко вперед. Он понимал, куда будет двигаться RCA, он знал, что будет нужно потребителю, правительству и стране в самые ближайшие годы. В 1917 году в разговоре с Янгом Сарнов заявил, что RCA в недалеком будущем будет иметь такой же доход, как тот, что имеет сейчас гигантская GE. Сарнов настолько уверенно сказал это, что Янг отнесся к его заявлению вполне серьезно. А ведь годовой доход Дженерал Электрик в 1917 году был равен 270 миллионам, тогда как доход RCA достигал только 1 миллиона.

Тридцать лет спустя, президент RCA Давид Сарнов послал находящемуся уже в отставке 73-летнему Янгу отчет о финансовой деятельности RCA, из которого следовало, что корпорация получила в этом году доход в 300 миллионов долларов. А все потому, что, как говорил Сарнов в той давней беседе с Янгом, «мы не должны забывать в своих планах про электрон». В той же беседе Сарнов говорил Янгу о будущем развитии радиовещания, радиотелефонии, о передаче изображения и прочих, фантасти-

ческих тогда областях применения радио. Настолько фантастических, что и термина «радио» еще не было, а говорилось о беспроводной связи. Но планы Сарнова были еще дерзновеннее. Он мечтал о полной самостоятельности RCA, т. к. интересы ее и GE часто не совпадали. Об этих планах он, разумеется, тогда никому не говорил, так как у него было достаточно завистников, как у всякого талантливого и успешного человека. Давно известно, что люди любят непризнанных гениев и очень сильно мешают жить и работать признанным талантам.

Уже через месяц после организации RCA недоброжелатели стали поговаривать, что Сарнов фактически руководит фирмой, что он амбициозен и слишком молод. Короче — весь стандартный набор, применяемый в таких случаях. Сарнов никак не реагировал на это и продолжал работать. А работа делалась все сложнее. В 1920 году правительство вернуло частным владельцам радиостанции и прочие средства связи, а самое главное — права на патенты, которые принадлежали правительству на время войны. В стране было несколько крупных и богатых фирм-патентовладельцев, большинство из которых уже более пятидесяти лет занимало ключевые позиции в проводной связи и в электротехнике. Каждая из них, хоть и не обладала всеми основными патентами на изобретения, позволявшими захватить рынок, могла доставлять крупные неприятности конкурентам. Применение и производство всех главных компонентов радио, таких, как вакуумные электронные лампы (прародители транзисторов), генераторы, усилители и т. п., не могло быть налажено практически ни одной фирмой, т. к. патенты на них принадлежали разным организациям и изобретателям. Приходилось вести долгие переговоры с владельцами патентов, покупать право на производство, на применение, где-то уступать, где-то тратить большие деньги, чем-то обмениваться. Это было сложно, часто рискованно в юридическом смысле, не говоря уже о финансовом. Президент RCA Янг подтвердил здесь свою репутацию выдающегося юриста, а Сарнов должен был уязвлять все технические стороны переговоров. Ему было доверено выяснять, что необходимо купить, какие технические средства и патенты были необходимы для успешной деятельности фирмы, и активно участвовать в переговорах в качестве технического и коммерческого эксперта.

Но даже и в это время один Сарнов верил и повторял, что будущее радио не только в беспроводной связи между поездками, городами и кораблями, а в радиовещании на каждый дом, на каждую семью, на каждого человека, и не только в США! Его называли мечтателем, не от мира сего и просто свихнувшимся на нелепой идее. А он работал для будущего по 16—18 часов в сутки. И хорошо, что руководство фирмы верило в своего молодого энтузиаста. День, когда все вдруг увидели, что он прав, приближался стремительно. В 1921 году Янгу удалось в результате долгих переговоров сделать патенты, принадлежавшие гигантской электротех-

нической фирме Westinghouse, доступными для использования в RCA. В результате Сарнову пришлось теперь приводить в должную гармонию совместную работу в области радио уже двух гигантов: GE и Westinghouse. В этом же году к этому объединению примкнула United Fruit Company, владевшая разветвленной сетью радиостанций на островах Карибского моря. Таким образом, RCA приступила к созданию международной сети радиосвязи. Работа Сарнова, как руководителя коммерческого отдела, непрерывно усложнялась. А ведь «музыкальный ящик» все еще был в проекте, то есть в воображении Сарнова.

Следует отметить, что не все компоненты радиоприемника существовали в то время. Не было громкоговорителей, или как мы зовем их теперь по-английски, «спикеров». Звук принимался на наушники, как у поколений телеграфистов. Мощность приемников и их избирательность были еще очень недостаточны для высококачественного приема серьезной музыки и пения. Не удивительно, что мало кто верил в «музыкальный ящик» Сарнова. Но он видел, что изобретенный сегодня аппарат или компонент устаревал буквально завтра, так стремительно развивалась новая технология. И спрос на нее, конечно же, был, и немалый, но только как на средство связи, что не обеспечивало многомиллионных заказов. Кроме того, General Electric и Westinghouse производили электротехническое оборудование, продажа которого обеспечивала им гигантские прибыли. Радио было делом все еще убыточным, и только энтузиазм и авторитет Сарнова давали ему возможность работать в этом направлении.

И вот в 1920 году Сарнов вновь, как и в 1915-м, обратился с письмом к Янгу. «Я думаю, настало время для серьезного рассмотрения моего старого проекта», — писал он. Старая оценка расходов и прибыли, сделанная Сарновым пять лет назад, не изменилась. Он рассчитывал продать за три года радиооборудования для вещания на 75 миллионов долларов. На этот раз Сарнов выиграл — проект был принят. На самом деле, с 1922 по 1924 год сумма продаж составила 85 миллионов.

В 1921 году Сарнов снова «отличился» как пророк. Второго июля этого года произошел бой на первенство мира в тяжелом весе по боксу между непобедимым американцем Джеком Демпси и чемпионом Франции Жоржем Карпантье. Собрав буквально за несколько дней необходимую аппаратуру и арендовав у флота самый мощный радиопередатчик в Нью-Йорке, Сарнов с сотрудниками организовал трансляцию этого боя для тысяч радиолюбителей по всему миру. В нескольких кинотеатрах Нью-Йорка сотни людей слушали передачу. «Спикеров» еще не было, но изобретательный Сарнов установил в каждом кинотеатре по 300 граммофонных труб, присоединив к ним наушники. И вот такие механические усилители позволили достаточно громко вести эту историческую трансляцию. Ее слушали радиолюбители даже в Европе, и президент RCA Нелли прислал Сарнову из Лондона поздравительную телеграмму сразу после побе-

ды Демпси в четвертом раунде. «Вы стали исторической личностью». Это была первая в мире радиотрансляция «живого» спортивного поединка!

Первого мая 1921 года тридцатилетний Сарнов был назначен генеральным директором RCA.

Его жалование возросло с 11.000 до 15.000 долларов в год. Через полтора года он стал вице-президентом, оставив за собою пост генерального директора компании. Радиостанции росли по всей стране, как грибы. По-прежнему почти все они обеспечивали радиосвязь, но уже становились серьезными конкурентами RCA. Начались и юридические неприятности. Компанию обвиняли в захвате рынка, в искусственном сдерживании производства компонентов радиоаппаратуры и, прежде всего, усилительных вакуумных радиоламп, тогда как спрос значительно превышал возможности производства. Сарнову временами приходилось беспокоиться даже за будущее компании. Он не боялся остаться без работы. Десятки конкурирующих фирм звали его на гораздо более выгодных условиях. Но он оставался верен RCA, понимая, что нигде он не найдет более благоприятных условий для реализации своих идей. Он был тем редчайшим в Америке специалистом, который не считал деньги единственной в жизни целью. Даже впоследствии, будучи президентом уже самостоятельной и очень богатой фирмы RCA, он был всего лишь ее акционером и не получал многомиллионных окладов, не в пример другим руководителям крупных компаний. Деньги не занимали его, как таковые, и не ими мерил он свой успех в жизни.

Корпорация начала перерастать те границы, которые были предназначены ей при создании. Сарнову приходилось все время отстаивать оригинальность задач и вместе с этим независимость RCA. General Electric и Westinghouse склонны были рассматривать RCA, как одно из своих отделений, ничем не отличающееся от производителей холодильников, стиральных машин или электродвигателей. Естественно, что Сарнов не мог этого допустить. Тематика исследований, расходы на новое дело, квалификация и оплата сотрудников должны были быть для его фирмы другими. Она стояла впереди всех конкурентов в своей области и могла потерять лидирующую роль, если была бы поставлена в ряд с производителем пылесосов. С другой стороны, конкуренты все время шли по пятам, пользуясь часто разработками RCA и все время беспокоя фирму судами по поводу монополизации ею радиодела.

Я уже упоминал о патенте на вакуумный триод, которым владела фирма. От этого триода произошли десятки моделей усилительных радиоламп со многими сложными функциями. Без них радио было бы просто не возможно ни тогда, ни даже через тридцать лет, когда радиолампы стали постепенно вытесняться полупроводниковыми приборами. Вспомним, что и первые компьютеры были собраны в Англии в 1943 году на тех же вакуумных радиолампах. Ли Де Форест создал поистине бессмертную

конструкцию! Мощные усилители и передающие радиостанции до сих пор содержат вакуумные радиолампы Ли Де Фореста. Это были приборы, управлявшие потоками электронов, иногда килоамперной мощности, с невероятной точностью и гибкостью. Кроме них ничего подобного так и не появилось. Да ведь и вся область благодаря электронным усилительным лампам стала называться радиоэлектроникой.

Другой выдающийся талант, Ховард Армстронг, работавший в лаборатории Колумбийского университета, создал сначала суперрегенеративную, а затем и супергетеродинную схему приемника, навсегда ставшую классической и до сих пор использующуюся во всей радиоаппаратуре. Сарнов встретился с ним впервые в 1914 году, и вскоре Армстронг стал другом всей семьи, запросто приходившим «на чашку кофе» как домой, так и в кабинет Сарнова, где происходили обсуждения всех новостей бурно развивающейся науки и технологии. Сарнов убедил дирекцию купить у Армстронга исключительное право на его изобретение, при этом Армстронг получил сначала 200 тысяч долларов наличными и 60 тысяч акций компании, а потом еще 20 тысяч акций, став самым крупным акционером RCA. В результате RCA обеспечила себе право производства наилучшей и, пожалуй, единственно возможной супергетеродинной схемы в радиоаппаратуре, позволявшей прием радиопередач без антенны. И не только производства, но и продажи лицензий на нее другим заинтересованным компаниям. Доходы RCA в результате этой покупки во много раз превзошли доходы Армстронга. Сарнов знал свое дело!

Изобретения Армстронга и Ли Де Фореста сразу сделали RCA ведущей компанией в Америке по производству радиоаппаратуры. Супергетеродинная схема позволила в тысячи раз увеличить чувствительность приемников, избирательность и чистоту звука. Супергетеродин можно поставить в ряд с радиолампой. До сих пор все радиоприемники работают по этой схеме! Казалось бы, обладание патентами на самые важные компоненты радио ставили RCA вне конкуренции в этой области, однако, по остроумному высказыванию Сарнова, «радиodelo быстро перекочевало из лаборатории в суды». В те годы Америку охватила волна борьбы с монополиями, и сотни мелких и крупных конкурентов RCA начали множество судебных дел против фирмы Сарнова. Это стоило многих денег, еще большего расхода времени, и часто его просто не оставалось на работу, не связанную с судами. Сарнов понял, что ситуация зашла в тупик. И он с присущей ему способностью видеть будущее предложил такие изменения в патентном законодательстве, которые позволяли пользоваться патентами без специального разрешения их владельцев в обмен на уплату им определенной суммы денег. Это было революционное и, как казалось тогда всем, рискованное решение.

Сарнов говорил, что такой закон избавил бы его от бесконечных тяжб, а самое главное, способствовал бы свободной конкуренции, защитником

которой он был всегда. Его мнение стало решающим не только для публики и специалистов, но и для правительства. Проект закона был подготовлен Сарновым и принят Конгрессом в 1927 году. Направления развития радио, радиовещания и радиосвязи, а также научных исследований в этой области были видны ему лучше всех. В журнале «American Magazine» еще в 1923 году Роберт Норман писал: *«Давид Сарнов сделался величайшим знатоком развития радио и руководства этим делом из всех живущих ныне людей»*. В годы невиданного роста и прогресса в этой области, путаницы и ложных направлений, неизбежных в столь быстро развивающемся и неизвестном деле остается непостижимым, как удавалось Сарнову не только безошибочно разбираться во всем этом, но и уверенно руководить своей корпорацией, ведя ее от успеха к успеху. Он был лидером всего радиодела в стране! Его приглашали на заседания комиссий Конгресса, на совещания директоров многих отраслей промышленности, пресса пристально следила за его высказываниями. Он продолжал говорить о том, что радио — это мощнейший механизм организации общественного мнения, образования и распространения настоящей культуры. Он видел пути применения радио в промышленности и медицине, в приборостроении и в науке в целом. Мы теперь знаем, что любой измерительный прибор, любой контрольный механизм содержит в себе радиоблоки. Идеи Сарнова не устарели и сейчас, тем более в век телевидения, которое тоже обязано Сарнову своим развитием, особенно цветное. И конечно же, будучи бизнесменом, он никогда не забывал о прибыльной стороне дела. В Америке никакой идеи, не обещающей прибыли, не купят. Он твердо пообещал уже в 1922 году, что в ближайшем будущем сумма продаж радиооборудования опередит сумму продаж оборудования для механической звукозаписи и воспроизведения. Это были, многим теперь уже не известные, фонографы и граммофоны. Граммофонная промышленность продавала в год своей продукции на 400 миллионов долларов. И Сарнов не обманул публику! Уже в 1923 году радиоаппаратуры было продано в стране на сумму 430 миллионов долларов, и всего лишь за 2—3 года радио пришло в каждый дом. А ведь для этого надо было организовать сеть передающих радиостанций и студий при них, надо было привлечь к работе музыкантов и ученых, политиков и инженеров. И все это начиналось с нуля!

Особенно следует подчеркнуть, что Сарнов хотя и заботился о сбыте радиоаппаратуры и о прибыли (без этого промышленность в капиталистической стране не может существовать), но решительно возражал против превращения радиовещания в бизнес. Бизнесом, по его убеждению, должно быть производство и продажа радиоаппаратуры. Одно дело, говорил он, продать приемник, а другое дело — взимать деньги за его слушание, а тем более, облагать радиослушателя налогом за это. Моя идея, повторял он, связать в единую семью все человечество, дать доступ к культуре и образованию любой, самой отдаленной деревне в любой точке планеты. Мож-

но сказать теперь, что это был идеалистический подход к делу (Сарнов слишком переоценил человечество), но ведь мы и о человеке, и об обществе судим по их идеалам. «Эфир принадлежит людям» — был его девиз. Ему было очень трудно убедить артистов и музыкантов, что их популярность только возрастет после выступлений в радиостудии. Они боялись, что мало кто пойдет на концерт или спектакль, прослушав его по радио. Уже в 1924 году в стране было 2,5 миллиона радиоприемников и обслуживало их 523 радиостанции. Не следует думать, что все они были построены, собраны и обслуживались RCA, но только Сарнов был столь непреклонным пропагандистом радио, только Сарнов предвидел его великое будущее, только Сарнов был столь заметной и влиятельной личностью в радиоделе в Америке.

В одной из лекций, прочитанной в Harvard Business School в семестре 1927—1928 года, Сарнов уже уверенно говорил о будущих радиотелефонах и телевидении (а впервые он употребил термин «телевидение» еще в 1923 году в меморандуме руководству RCA). В другой лекции он предсказал проникновение радиоаппаратуры во все составляющие технологической, научной и культурной жизни человечества — от астрономии до металлургии. Уже в 1922 году Сарнов в письме к доктору Гольдшмидту схематически определил направление исследовательских работ по созданию портативных и миниатюрных приемников. Еще поразительнее его уверенность в те же годы, что будущее радиосвязи принадлежит коротким волнам, несмотря на то, что все радиостанции мира работали на длинных волнах. Это значит, что Сарнов внимательно следил за специальной научной литературой. Только там он мог найти сведения об открытом недавно «слое Хевисайда», слое электрически заряженных частиц, окружающем Землю на стратосферной высоте. Этот слой обеспечивал надежную радиосвязь на коротких волнах на любое расстояние при очень малых мощностях передатчиков.

В 1922 году Сарнов уже предсказывал установку приемников в автомобилях и любых транспортных средствах, «во всем, что движется по земле, воде или воздуху». Через 10 лет радио в автомобиле стало обычным делом. В 1927 году он, обращаясь к высшему командному составу американской армии, говорил об управляемых по радио снарядах, самолетах и танках, о применении телевидения для разведки и т. п. Не удивительно, что этикетка «пророк» была прочно приклеена к его имени американской прессой до конца жизни. Его пророчества сбывались на глазах у удивленной страны. Американский биограф Сарнова Юджин Лайонс писал: *«как археолог по кусочкам костей доисторических животных воссоздает их облик, так Сарнов по обрывкам сведений, полученных из университетских лабораторий о новооткрытых свойствах электрона, мог построить картину его будущего применения»*. Нельзя не согласиться с биографом, что это уникальное свойство. Ведь даже профессор Генрих Герц, открывший ра-

диоволны, не сделал никаких практических выводов из своего открытия. И пусть читатель не забывает, что формально Сарнов имел всего лишь восьмилетнее образование!

Сарнов не считал себя изобретателем, хотя имел несколько патентов на свои изобретения. Его роль была, пожалуй, еще важнее, чем роль изобретателя. Он знал, в каком направлении надо изобретать. Он знал, что будет нужно завтра, через год и через десять лет. Он направлял изобретательскую и исследовательскую работу своей корпорации с величайшим успехом. Он умел зажигать огнем энтузиазма своих сотрудников, умел правильно подобрать их для совместной работы, и они верили его инстинкту первооткрывателя в радиоделе. И никогда деньги не были для него доминантой, ни в жизни, ни в работе. Он знал, что без прибылей корпорация не выживет. Он думал о прибыли, будучи бизнесменом, но он никогда не был жаден. Сверхприбыли его не интересовали. Все свободные деньги корпорации он тратил на исследовательские работы. Сам он всегда довольствовался только жалованием, положенным ему Советом директоров корпорации. Он не имел даже значительного количества акций RCA. Во всяком случае, он имел их гораздо меньше, чем многие другие акционеры. И самое главное — он понимал, что без серьезных вложений в науку, которая становилась все дороже, нечего и думать об удержании передовых позиций в своей области. Это, кстати, понимали тогда многие другие руководители крупных фирм страны, что и сделало Америку самой богатой и развитой страной. Теперь это понимание во многом утрачено, сиюминутная жадность одолевает, а после нас хоть потоп...

У нас впереди изучение еще около сорока лет жизни нашего героя, проведенной не менее интенсивно, чем первые сорок лет. Основные достижения последующих лет — это звуковое кино, телевидение (особенно цветное), первые персональные компьютеры, радиоуправляемые снаряды и спутниковая связь. На многих других мы не имеем возможности подробно остановиться за недостатком места. Он был долгие годы моделью успешного американца и национальным «идолом», как теперь принято говорить в этой стране. Следующим значительным предприятием корпорации было звуковое кино, однако следует хотя бы упомянуть о создании им до сих пор существующей в Америке радиовещательной, а теперь и радиотелевизионной компании NBC и о предложении Сарнова президенту General Electric организовать Национальную радиовещательную компанию, или Public Service Broadcasting Company (сейчас она известна под аббревиатурой PBS).

В январе 1927 года в банкетном зале знаменитой гостиницы Waldorf Astoria состоялся грандиозный прием по случаю первой трансляции концерта, осуществленной недавно созданной радиокорпорацией NBC. Тысяча гостей присутствовала на торжестве. Концерт транслировался по радио 25 станциями. Пели великие оперные певцы, играл Нью-Йоркский

симфонический оркестр и знаменитые джаз-банды. Героем был, конечно, Сарнов. Создание Национальной радиовещательной корпорации было его достижением, и оно было уникальным. Много было поздравительных и благодарственных речей, и это событие приравнивали к полету Линдберга через Атлантику.

А теперь — звуковое кино. В 1922—29 году основные конкуренты RCA, Western Electric и American Telephone Company, уже работали по заказу голливудских кинокомпаний над системой звукового кино, основанной на синхронном воспроизведении звука, записанного на пластинку при помощи фонографа, и одновременном проецировании фильма на экран. Теперь ясно, что эта система была не функциональной. Но тогда это видели очень не многие энтузиасты электрона.

RCA, все еще принадлежавшая General Electric, предложила другой принцип, состоящий в записи звука электронным способом при помощи фотоэлемента на ту же самую киноплёнку в виде узкой вертикальной звуковой дорожки. Не вдаваясь в технические детали, можно сразу сказать, что этой системе (ее называли «фотофон») было обеспечено будущее, что вскоре и случилось. Первый полнометражный звуковой фильм «Крылья», сделанный по этому принципу в 1927 году, сразу показал полную бесперспективность старой механической системы и преимущества новой. И до недавнего времени, когда звук стали записывать магнитным способом на ту же плёнку, способ RCA оставался единственным в мире. Но завоевать рынок при наличии сильных конкурентов было очень трудно. Несколько очень рискованных финансовых операций, проведенных Сарновым, обеспечили победу. А ведь бороться пришлось с гигантами Голливуда, сделавшими миллиарды на немом кино, перед которыми RCA выглядела пигмеем. Финансовую помощь в этих операциях оказал ему отец будущего президента США Джозеф Кеннеди, друг Сарнова и мультимиллионер. Он, конечно же, вернул свои расходы сторицей. На то он и был крупнейшим финансистом, понявшим вместе с Сарновым выгодность этого дела. Вскоре RCA стала монопольным производителем оборудования звукового кино. Вера в электрон и на этот раз не подвела Сарнова.

Я уже упоминал о граммофонной фирме «Victor», которую купила RCA. Несколько слов о том, как это произошло. К 1925 году Сарнову удалось осуществить еще один проект «музыкального ящика», который теперь стоит в каждом доме. Это была «радиола», т. е. проигрыватель пластинок, соединенный с радиоприемником. Звук в ней получался не в акустическом усилителе или попросту граммофонной трубе, а усиливался электронной схемой, и вместо трубы звучали всем нам знакомые громкоговорители, или «спикеры». Кроме того, звук можно было плавно регулировать по мощности и по тембру, чего граммофон принципиально не позволял. Все это было сделано в лабораториях и мастерских RCA, и в 1927 году граммофонная фирма, долго сопротивлявшаяся объединению с RCA,

сдалась. Было очевидно, что дни механического воспроизведения звука сочтены. Радиолы хорошо продавались. Началось то, что можно назвать радиоэпидемией. Все хотели иметь радиоприемник или радиолу, все покупали пластинки, носившие теперь ту самую эмблему с фокстерьером и надписью «RCA Victor». Во всех этих достижениях Сарнов показал себя не только знатоком радио, но и искуснейшим финансистом и организатором. Не удивительно, что в 1929 году Сарнов был назначен исполнительным вице-президентом RCA, т. е. ее номинальным руководителем. Корпорация стала крупнейшей в стране и одной из крупнейших в мире по производству радиоаппаратуры, грампластинок и организации радиовещания.

К сорока годам Сарнов стал руководителем крупнейшей в стране радиокорпорации, основателем национального радиовещания, инициатором создания звукового кино и выдающимся финансистом. Его имя регулярно появлялось в прессе, он читал лекции в университетах и престижных собраниях, выступал по радио и был членом многих научных и технических обществ. По существу, карьера сделана, достойная жизнь обеспечена так же, как и место в американской истории. Однако, все это было только прелюдией к еще более грандиозным достижениям.

В 1933 году штаб-квартира RCA переехала в небоскреб, который занимает и поныне. Он стоит в так называемом Radio City, в комплексе Рокфеллеровских небоскребов в Нью-Йорке. Здесь поместилась и NBC с прочими сопутствующими организациями, а на 53 этаже расположился Сарнов. Его солидно, но без роскоши обставленный кабинет украшали портреты Линкольна и Маркони, а под стеклянным колпаком стоял тот самый телеграфный аппарат, на котором в 1912 году Давид принимал сигналы бедствия с «Титаника».

Времена были трудные, депрессия была в разгаре. Сарнов и в этой ситуации оставался верен своим принципам. Он повторял: что бы ни происходило, а без научных работ, без дальней перспективы, связанной с дорогостоящими исследованиями, корпорация или иная фирма обречены на застой и гибель. Для сокращения расходов Сарнов уменьшил жалование всем ведущим работникам корпорации, не забыв и себя. С 80 тысяч в год его заработная плата сократилась до 51 тысячи, ровно на тот же процент, что и у всех остальных. Все свободные деньги Сарнов направлял на научную работу. Разработка телевидения была уже приоритетной в RCA. Сарнов твердил, что конкуренция — это и есть прогресс, и что последний состоит в соревновании научных лабораторий, ведущих за собой промышленность. В 1938 году Сарнов заявил в Государственной Комиссии по связи, что его корпорация подобна дереву с тремя главными ветвями. Одна — это связь, вторая — производство, а третья — радиовещание. Но, важнее ствола и ветвей невидимая часть, которая дает жизнь всему растению — это корни, т. е. исследования. Сарнов не побоялся пожертвовать

необыкновенно дорогими устройствами, которые уже были сооружены корпорацией для дальнего вещания на длинных волнах, когда выяснилось, что длинные волны бесперспективны на дальних расстояниях, и будущее принадлежит вещанию на коротких волнах. Подобные заявления и действия привлекли к нему внимание президента Рузвельта, который стал все чаще приглашать его в Белый Дом для консультаций. Он даже заслужил в прессе звание «советника президента», хотя беседы их носили неофициальный характер и часто происходили за завтраком.

Президенту было особенно интересно познакомиться со взглядами Сарнова на значение радио в идеологической обработке населения. Без идеологии не может жить ни одно государство, равно как без пропаганды и контрпропаганды. В 30-е годы уже поднимал свой голос фашизм, показывая всему миру силу радио и кино, используемых в политических целях. Коммунизм тоже не отставал. Сарнов был одним из немногих, кто уже тогда понимал, что фашизм и коммунизм являются разновидностями одного и того же явления — тоталитаризма и грозят распространиться, подобно раковой опухоли, по всей планете. Именно в начале 30-х годов Сарнов впервые произнес и повторял неоднократно известное теперь всем словосочетание «Голос Америки», убеждая правительство не жалеть денег для контрпропаганды фашизма и коммунизма с использованием радио.

Не менее интересовали Президента Рузвельта идеи Сарнова об изменении налоговой политики с целью поощрения производителей сложной техники вкладывать деньги в научно-исследовательскую работу. Некоторые мысли Сарнова прямо отразились в новых законах о налогах США. Поразительно, как Сарнов, не имевший университетского образования в финансовой области, смог так глубоко проникнуть в нее, что давал советы Президенту страны, имевшему в своем распоряжении самых квалифицированных профессионалов в этом деле!

Невозможно в рамках данной статьи подробно описывать многие интересные стороны жизни Сарнова. Его биография изложена в трех толстых томах, написанных тремя различными авторами, а количество статей в прессе и упоминаний о нем в различных справочниках сосчитать нелегко. Достаточно подробно описанная мною первая половина его жизни особенно важна для нас, т. к. мы интересуемся не только его социальными и профессиональными успехами, но особенно тем, как сформировалась эта, прямо скажем, гигантская фигура в стране, где не было недостатка в подобных личностях. Следует упомянуть, что в 1933 году президент RCA и член Совета директоров Янг ушел на пенсию, и Сарнов стал президентом корпорации. В 1937 году совет директоров RCA установил Сарнову жалование в сто тысяч долларов в год — сумма, которую получали очень немногие в этой стране в те годы. Как любят говорить в Америке, он стоил очень много и очевидно, не только в денежном выражении. Вскоре RCA стала независимой корпорацией, и Сарнову предстояло руководить ею еще три десятилетия. А теперь перейдем к телевидению.

Как и в создании радиовещания, Сарнов сыграл в этой области решающую роль. Ли Де Форест посвятил ему свою новую книгу «Телевидение — сегодня и завтра»: «Моему доброму другу Давиду Сарнову, без прозорливости, финансовой смелости, борьбы и настойчивости которого телевидение до сих пор было бы модной мечтой». Книга вышла в 1941 году, через два года после того, как весной 1939 года RCA продемонстрировала телевидение на Всемирной выставке в Нью-Йорке. К тому времени были разработаны промышленные образцы приемной и передающей аппаратуры, и в продажу поступили первые телевизоры черно-белого изображения. И если Сарнов привлек к развитию радио великих Ли Де Фореста и Армстронга, то телевидение обязано своим массовым применением в Америке тому, что Сарнов взял на работу Владимира Зворыкина, русского эмигранта. Поистине, Сарнов инстинктивно чувствовал, кто наиболее пригоден для решения сложнейших технических задач!

Зворыкин был учеником профессора Санкт-Петербургского университета Розинга, который еще в 1907 году получил первый патент на электронное устройство для передачи статических изображений. Это был примитивный прототип телевизионной трубки, скорее рентгеновская трубка с фосфоресцирующим экраном. Розинг и его ученик уже тогда понимали, что телевидение будет основано на чисто электронных устройствах, без механических синхронизаторов. Но революция положила конец этим исследованиям, а молодой русский инженер-электрик оказался в эмиграции в Америке в 1919 году. Вскоре он был приглашен Сарновым на работу в лабораторию RCA, где зарекомендовал себя как один из талантливейших сотрудников. Уже в 1923 году Зворыкин сконструировал «икоскоп», первое в мире устройство для приема и сканирования изображений электронным методом. Конечно, до промышленного образца было столь далеко, что никто, кроме Сарнова, не видел будущего у этого устройства. Сарнов увидел! Его воображению представился «видео-ящик», подобный музыкальному, стоящий в каждом американском доме.

Телевидение уже начало создаваться в Америке и в Англии. Однако, также как и со звуковым кино, все эти разработки были комбинациями электронного и механического устройств. Для сканирования, т. е. полинейного преобразования элементов изображения в электрические сигналы, изобретатели пытались приспособить известные механические устройства. Это были диски с отверстиями или многогранные зеркала, вращающиеся со скоростью в несколько сот оборотов в секунду. Кроме этих устройств, нужны были и приемные устройства, в которых процесс шел в обратном направлении. Системы получались очень сложные, ненадежные и требующие весьма тщательного обслуживания и частого ремонта. Размеры диска или зеркала ограничивались скоростью вращения и теоретически нельзя было получить изображения площадью более нескольких десятков квадратных дюймов. После разговора со Зворыки-

ным Сарнов понял, что будущее за чисто электронными устройствами, и спросил Зворыкина, сколько же будет стоить доведение его идей до промышленной реализации. Зворыкин назвал сумму в сто тысяч долларов. «Покупаю», — сказал Сарнов. Сумма немалая, однако Сарнов понимал, что делает. Зворыкин получил лабораторию и карт-бланш на расходы и исследования. Однако оба сильно ошиблись в оценке.

К моменту первой демонстрации телепередачи в 1932 году RCA вложила в это дело около пятидесяти миллионов, и только доверие вкладчиков и Совета директоров корпорации к знаменитой интуиции Сарнова позволили делать такие расходы. Следует упомянуть и о том, что конкуренты делали все возможное, чтобы дать ход своим проектам, включая нечестную игру в комиссиях Конгресса. Но к 1932 году стало ясно, что RCA создала самую лучшую систему. Зворыкин изобрел «кинескоп», т. е. ту самую телевизионную трубку для показа изображений, которая, честно проработав более шестидесяти лет, лишь недавно уступила место устройствам, работающим на ином принципе. Сложность задачи не специалисту понять трудно. Все надо было начинать с нуля, от стекловывных работ до создания светящихся на экране специальных покрытий. Приходилось создавать новые электронные схемы и вакуумные приборы, разрабатывать новые принципы передачи звука совместно с изображением. Снова пригодился гений Ли Де Фореста, у которого Сарнов купил патенты на новые радиолампы, и Армстронга, придумавшего передачу звука с частотной модуляцией в отличие от существовавшей амплитудной. И все это надо было делать для массового производства, т. е. создавать промышленные технологии, позволяющие изготавливать всю эту экзотику в миллионах копий!

Достаточно сказать, что даже высококачественный радиоприемник тех лет имел всего пять — семь радиоламп. Это был очень дорогой «люкс», тогда как вполне приемлемый радиоаппарат довольствовался тремя-четырьмя аналогичными приборами. В телевизоре число радиоламп достигало тридцати двух. В Америке и других странах RCA строила заводы по производству оборудования, находила фирмы, которые были в состоянии делать его для RCA. Уже к середине пятидесятых годов в RCA работало по всему миру более 120 тысяч человек с общей зарплатой более 3 миллиардов долларов в год, и только в Америке работало более 20 миллионов телевизоров. Но, кроме телевидения, было еще и радио.

Доходы от продажи радио и кино-аппаратуры были столь велики, что позволили Сарнову приобрести для NBC симфонический оркестр в количестве девяноста двух человек и пригласить в 1937 году для руководства им легендарного дирижера Артуро Тосканини, проработавшего в NBC семнадцать лет. Это было не просто приглашение — это было спасение великого музыканта. На дипломатическом приеме в Риме Тосканини, комментируя какое-то фашистское высказывание Муссолини, назвал его свиньей. Музыкант был немедленно изгнан с работы и ему был запре-

щен выезд из Италии. Зная нравы фашистов, мы можем с уверенностью предположить, что Тосканини ждала в лучшем случае тюрьма. Только с помощью близкого друга Сарнова Джо Кеннеди — американского посла в Англии, и английской разведки дирижер с женой оказался сначала в Швейцарии, а потом в США.

Для нас весьма интересно, что летом 1942 года этот оркестр впервые на Западе выступил с исполнением по радио Седьмой, «Ленинградской» симфонии Д. Шостаковича, и трансляция шла на весь мир. Ее слушали и в осажденном немцами Ленинграде. Оплата музыкантов и 40 тысяч долларов в первый же год для Тосканини всем казалось делом убыточным. Но не Сарнову! Ему были ведомы ценности намного более высокие, чем деньги. Он говорил, что не позволит бездарным трепачам-комикам развлекать слушателей пошлыми шутками, как это делали на радио его конкуренты. Он даже рекламы не разрешал в своем Радио-доме. Он знал, что теряет миллионы, но не хотел служить делу оглушения людей. Он знал, что большинство слушателей равнодушно к классической музыке и серьезным передачам, но, подобно библейскому пророку, надеялся со временем достучаться до их душ и сердец. Но сделать это ему не удалось, и Сарнов, семьдесят пять лет назад организовавший регулярные субботние радиопередачи из Метрополитен-оперы, идущие и до сих пор, уже к началу 40-х годов понял, что проиграл, переоценив своих слушателей. Он был не одинок в своем разочаровании. Зворыкин через десять лет говорил, что если бы знал, во что превратится телевидение, то занялся бы чем-нибудь другим, и что его любимое устройство в телевизоре — это выключатель. Увы, всегда большинство людей предпочитали Элвиса Пресли Бетховену.

После нападения японцев 7 января 1941 года на американскую военноморскую базу на Тихом океане Пирл Харбор и последующего вступления Америки в войну с Японией и Германией, вся промышленность страны была направлена на организацию победы. Корпорация, которой руководил Сарнов, начала выпускать военную продукцию. Это были радиопередатчики и приемники для армии, радары, компоненты радиосхем, включая десятки миллионов радиоламп, управляемые по радио снаряды и самолетные телеустановки для прямой передачи командованию разведанных, дистанционные взрыватели и сонары. Всего и не перечислить. Многие из этих технологий были впервые разработаны в лабораториях RCA в ходе войны.

Осенью 1941 года по инициативе Сарнова в Принстоне был построен исследовательский центр RCA, существующий до сих пор и носящий имя его создателя. Война привела Сарнова в армию в чине подполковника, а потом и бригадного генерала. Он служил в 1944—1945 годах в Европе как руководитель и организатор службы радиосвязи между штабом генерала Эйзенхауэра и штабами действующих армий государств-союзников.

Главнокомандующий силами союзников в Западной Европе Эйзенхауэр потребовал назначения Сарнова на эту должность, давно зная его как крупнейшего специалиста и талантливого дипломата. Организация связи между войсками и правительствами Америки, Великобритании и Франции, не говоря уже об СССР, требовала совершенно уникальных способностей, какими и обладал Сарнов. Он же восстанавливал радиовещание в освобожденных странах Западной Европы. И все же, несмотря на военное время, Сарнов думал о будущем, и RCA уже работала над созданием цветного телевидения.

Но вот война закончилась. Она привела к стремительному развитию многих видов промышленности, включая и электронику. Закончилась депрессия, прекратилась безработица, и миллионы американцев принялись налаживать свою мирную жизнь. Деньги, заработанные военнослужащими в военные годы, налогом не облагались. Избыток денег у населения заставил промышленность в невиданном раньше количестве производить предметы потребления. Сарнов видел в этом блестящие перспективы для сбыта радиотелевизионной аппаратуры. RCA располагала для этого большими возможностями. Прибыли корпорации от сбыта военной продукции только в 1944 году составили более 10 миллионов долларов при сумме продаж в 326 миллионов. Заводы военного оборудования, построенные корпорацией во время войны, были готовы к массовому производству мирной продукции.

Какой, спросите вы? Телевизоров! Сарнов говорил о телевидении везде и при любом случае. Даже на встречах с Уинстоном Черчиллем и руководством BBC, даже на встречах с командующими армий союзников. Он готовил общественное мнение к тому, что без телевидения страна и весь мир существовать не могут. Уже в 1946 году RCA продала 10 тысяч телевизоров с 25 сантиметровым экраном, в 1947 году — 250 тысяч телевизоров по цене 385 долларов. Это было четыре пятых от количества всех проданных в стране телевизоров. Другие производители телевизоров платили RCA деньги за купленные лицензии на их производство. Патенты на основные блоки устройств Сарнов предусмотрительно давно уже купил для корпорации. Росла сеть телевещательных станций и каналов. Собрав Совет директоров корпорации, Сарнов обсудил с ним план исследовательских работ, и было решено вложить в исследования только в области телевидения еще 50 миллионов долларов. Гигантская по тем временам сумма! Сарнов по-прежнему вкладывал деньги в исследование электрона. Его уже тогда называли «отцом американского телевидения».

Но теперь цель была другая — цветное изображение. Разработка цветной системы без участия и руководства Сарнова была бы невозможной. Только он убедил Совет директоров и держателей акций, что за основанной на электронном принципе системой Зворыкина — будущее. Только он решился вложить в эту работу 130 миллионов долларов. Только он пони-

мал, что они окупятся сторицей. Его энтузиазм передавался сотрудникам. Они говорили, что Сарнов верил в них больше, чем они сами. Шестидесятилетний Сарнов почти каждый день бывал в мастерских и лабораториях, вникал в проблемы, решал те, которые зависели от него, и снова работал в те годы по шестнадцать часов в сутки. Ему удалось убедить японское правительство принять стандарты RCA и, к обоюдной выгоде, началось проникновение современной радиоэлектроники в Японию. От одной продажи лицензий на производство телевизоров в Японию и другие страны RCA получала ежегодно более 80 миллионов долларов, а сумма от продажи телевизоров в Америке к 1965 году достигла двух миллиардов долларов. Годовой же доход корпорации превышал 100 миллионную сумму. Кроме телевидения, RCA достигла больших и часто уникальных успехов в других областях радиоэлектроники. Здесь и первая в мире ячейка цифровой памяти в 1946 году, первая ячейка магнитной памяти, термоэлектронный холодильник, первые электронные часы Зворыкина, цветной видеомэгнитофон и т. п. Особенно следует отметить достижение RCA в обеспечении космической связи с первыми спутниками и лунными ракетами в полетах американских астронавтов на Луну. За всем этим стоит энтузиазм и руководство Сарнова. Он руководил своей корпорацией до января 1967 года. Ему было тогда семьдесят шесть лет.

Как жил Сарнов, чем он еще занимался, что думал об еврейских проблемах в Америке и в мире? Уже к сорока годам он был весьма обеспеченным человеком, но его образ жизни соответствовал его характеру и никоим образом не подчеркивал его богатства. Его дом был большим и комфортабельным, но никогда не был бессмысленно роскошным. Целый этаж занимал в этом доме кабинет Сарнова и кабинеты его секретарей и помощников. Он имел большую и тщательно подобранную библиотеку. Трое его сыновей получили прекрасное образование в лучших университетах Америки, его жена в годы войны заведовала госпиталем для ветеранов войны и занимала высокую должность в Красном Кресте, а после войны снова вела дом и занималась скульптурой. Близких друзей у него было немного, и это были такие люди, как Тосканини, Зворыкин и интеллектуалы такого же уровня. Он общался с Эйнштейном и был своим человеком в Белом Доме при Рузвельте, Трумене, Эйзенхауэре, Никсоне и Джонсоне. С Никсоном он переписывался регулярно, и их письма начинались со слов: «Дорогой Давид» и «Дорогой Дик».

Сарнов был одним из «генералов» холодной войны и часто писал речи на эту тему для президентов. Он понимал опасность распространения коммунизма лучше многих профессиональных политиков. Всегда тщательно и строго одетый, сдержанный и корректный, с «черчиллевской сигарой» или с уникальной трубкой, полученной в подарок от Дж. П. Моргана, сделанной для него по заказу знаменитым английским мастером, Сарнов вызывал всеобщее уважение. Любил ездить на дорогах

лимузинах, занимался в годы войны верховой ездой. Не раз высказываясь на еврейскую тему, он говорил, что евреи как самый талантливый народ у всех на виду. Поэтому, повторял он, то, что простят любому другому, еврею никогда не простят. Следовательно, еврей должен всегда помнить, что любой его непорядочный поступок немедленно припишут всему народу. Сарнов говорил: «Мы тоже люди, и у нас есть негодяи, но еврейская мораль, еврейская этика, трехтысячелетнее уважение к знанию требуют от нас и позволяют нам вести себя подобающим образом».

Сарнов не всегда выигрывал. К его крупным финансовым просчетам следует отнести победу CBS и выход ее на первое место в телевещании, просчет со стереозвукозаписью на пластинках 45 оборотов в минуту. Первое место в производстве персональных компьютеров в начале 70-х годов RCA уступила IBM, и это еще не полный список, но навеки в истории Америки и радиоэлектроники останется имя Сарнова, создавшего радиовещание, отца американского телевидения, крупного общественного деятеля и выдающегося организатора гигантской радиокорпорации, существующей до сих пор. Жизнь Сарнова — это подтверждение того, что в свободной стране нет препятствий развитию любых дарований, если их обладатель не жалеет сил, времени и тяжелого труда для достижения своих целей. В Америку и до сих пор стремятся люди калибра Сарнова, хотя социалистические тенденции, уже погубившие Европу, не дают многим этим талантам развернуться теперь в полную силу. Но это уже не тема нашего исследования. Умер Сарнов 12 декабря 1971 года в возрасте восьмидесяти лет. Лизетта пережила его на два года.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bilby, Kenneth*. The General David Sarnoff and the Rise of the Communication Industry. New York, 1986.
2. *Dreher, Carl*. Sarnoff, an American Success. New York, 1977.
3. *Lyons, Eugene*. David Sarnoff, a Biography. New York, 1966.
4. *Magoun, Alexander*. David Sarnoff Research Center. Charleston, SK, 2003.
5. *Freeman, John, Toscanini, Walfredo*. Portraits of Greatness: Toscanini. New York, 1987.

СЕМЕЙСТВО ФУКСОВ В АМЕРИКЕ

Алина Иохвидова (Торонто, Канада)

Я всегда с интересом читала каждый новый выпуск грандиозной серии о жизни русскоязычных евреев в разных странах, куда вновь и вновь забрасывает судьба наше беспокойное племя. Перелистывая эту энциклопедию человеческих жизней, всегда находишь что-то новое и неожиданное даже в рассказах об очень известных личностях. В то же время порой изумляешься, читая о людях не очень знаменитых или вообще неизвестных — оказывается, их жизни тоже не были прожиты зря, в них было много ярких и даже героических моментов. А если их и не было, то разве не из этих незаметных и не героических судеб сложилась летопись целых волн эмиграции — явления монументального в истории человечества?

Естественно, мне было очень лестно получить предложение написать очерк для сборника из серии «Русские евреи в Америке». Но, едва согласившись его написать, я почти сразу же осознала всю сложность поставленной задачи. Причем, самая большая трудность заключалась в выборе героя для такой статьи.

Героя? Но как выбрать одного человека, который воплотил бы все характерные особенности последней волны эмиграции российских евреев? К тому же, с начала этой волны прошло еще сравнительно немного времени, и очень трудно дать объективную оценку вкладу отдельных составляющих данного исторического процесса в жизнь и культуру разных стран.

Нынешняя эмиграция в Америку (не только, кстати, еврейская, а вся, как принято ее называть, русскоязычная), представляет собой выдающееся явление в культурной и научной жизни этого континента. Не буду говорить о целой армии программистов, наводнивших Америку. Я могу, не задумываясь, сразу же назвать десятки имен математиков, физиков и представителей других наук и искусств, которые не просто сделали успешную карьеру по эту сторону океана, но и прославили отечественную науку, искусство спорт. При этом я имею в виду людей, с которыми знакома лично. Понятно, что трудно остановить выбор на ком-то одном. Решение пришлось неожиданно, хотя оно было, пожалуй, самым естественным. Ведь у меня есть родственники, о которых стоит рассказать! Это два семейства, живущие в Болдере, штат Колорадо и в Сан-Франциско, штат Калифорния.

Семья Фуксов-Гольдшлагеров из Калифорнии живет в Америке с начала XX века. Ее родоначальник, Тойва Фукс, уехал из России, вернее,

из Украины, еще в 20-м году при весьма драматических обстоятельствах, а затем в Америке сумел сделать очень успешную карьеру.

Его дочь Нора Гольдшлагер родилась в Америке, стала, как отец, врачом и исследователем, была Президентом Американского общества кардиологов, по сей день является координатором многих научных программ — короче, человек незаурядный и в шестьдесят пять лет полный энергии. «Я никогда не выйду на пенсию!» — твердо заявляет она.

О том, что у меня есть «американский дядюшка», я как-то слыхала от своего отца, профессора математики и известного ученого Иосифа Иохвидова. К сожалению, я не могу включить рассказ о нем в настоящий сборник, так как он умер в 1984 году в Воронеже, и даже не помышлял ни о какой эмиграции. Смысл его жизни составляла созданная им научная школа, и многие ученики продолжают его идеи в разных странах мира. О судьбе Тойвы он рассказывал, когда мы с братом были еще детьми. По-моему, она на моих родителей произвела сильное впечатление, заставила о многом задуматься. Но не до такой степени, чтобы принять столь драматическое решение, как эмиграция.

Иосиф Фукс вплоть до самого отъезда в Америку жил и работал в Харькове. Наши семьи поддерживали хорошие отношения, но виделись не часто. Мы «нашли» друг друга уже здесь, на американском континенте. Нужно ли говорить, что мне было приятно узнать, что у меня в этой части земного шара есть какие-то близкие люди. Но еще более важным было, что Иосиф не просто «солидный» ученый, доктор физико-математических наук, профессор и т. д., а ученый, известный в мире, несмотря на «закрытость» тематики его исследований и на то, что он не выезжал за пределы Советского Союза до 1990 года. Не так уж много мы можем назвать специалистов, которым коллеги в Австралии или в других западных странах сами предлагают контракты или постоянную работу.

Таким образом, все «сошлось»: конечно, писать лучше всего об этих двух семействах, ибо их судьбы, с одной стороны, не совсем обычны, но, с другой стороны, в чем-то очень типичны для нашего народа. Кроме того, их история прослеживается на протяжении всего двадцатого века и начала нового тысячелетия, и отражает разные волны эмиграции российских евреев в Америку.

От Норы пришел интересный, хоть и краткий рассказ на английском (русского она не знает) о ее родителях, а от Иосифа я долго ждала рассказа и, наконец, получила целую повесть, написанную очень увлекательно. Впрочем, я давно уже убедилась в том, что Иосиф прекрасный рассказчик. Его воспоминания во многом «пересекаются» с тем, что написала Нора. Поэтому я решила предоставить, так сказать, трибуну именно ему, ограничившись лишь небольшим послесловием и комментариями.

Иосиф Фукс

Воспоминания детства

Одна из самых первых картин моего детства: мы втроём (папа, мама и я) едем на чем-то вроде брички... Лето 1943-го, мы — в эвакуации на Урале, куда в начале войны был эвакуирован Харьковский турбинный завод, где работал мой папа в рентгеновской лаборатории. Сам завод находился в Свердловске, а семьи рабочих и служащих были расселены по окрестным деревням. Мы попали в деревню Баженово (много лет спустя в соседней деревне Белоярке построили одну из первых атомных станций). Поселили нас в избу к бедной крестьянской семье, у хозяина была открытая форма туберкулёза, и он умер ещё до нашего возвращения в Харьков. Папа приезжал к нам изредка: по-видимому, привозил какую-то еду. Завод делал турбины для военных кораблей, и у папы была «бронь». Зимой 1941—42 гг. мы сильно голодали и с трудом выжили. В следующем году уже было намного легче: весной эвакуированным семьям выделили землю под огороды, и у нас на зиму была не только картошка, но и разнообразные овощи. Мама пошла работать в сельсовет и, кроме того, неплохо прирабатывала как фотограф. Но, тем не менее, никаких молочных продуктов (во всяком случае, в первую зиму) мы не видели. Наверное, из-за недостатка кальция в детстве у меня очень хрупкие кости, а о зубах и говорить стыдно! В более позднем детстве я часто ломал руки и ноги.

В марте 1942 года мама родила мне братика. Назвали его Тоиком (полное имя — Тойва). Потом, когда мы спрашивали у родителей, что это за имена они нам дали — Осик и Тоик — они говорили, что меня называли Иосифом в честь прадедушки, а Тоика — в честь какого-то финского борца за свободу, наверное, коммуниста, Тойвы Антикайнена. Однако в том, что Тоика называли в честь старшего папиного брата Тойвы Фукса, — у меня нет никакого сомнения. К этому времени Тойва уже более двадцати лет жил в Америке, и никаких надежд увидеть его когда-нибудь ни у бабушки, ни у папы в те годы не было. Я вспоминаю, что эти необычные имена доставляли нам в детстве много неприятных минут.

После полугода жизни в одной избе с туберкулёзником с открытым процессом, не удивительно, что и я, и Тоик были с детства инфицированы туберкулёзом. Мне как-то повезло, а Тоик так и не пошёл в школу: он заболел туберкулёзным менингитом в 1949 году и умер в 1952-м, после почти четырех лет полубольничного существования. К этому времени я уже догадывался, что у нас кто-то есть за границей, хотя родители это тщательно скрывали. Когда Тоику был поставлен диагноз «туберкулёзный менингит», что тогда было разносильно

смертному приговору (дети с таким диагнозом жили меньше месяца), папа, отбросив свойственную ему осторожность, попросил сестёр связаться с Тойвой в Америке, чтобы тот помог. Папины родные сёстры Эсфирь и Соня переписывались с Тойвой всё это время, хоть в те годы (да и намного позже) это было небезопасно — иметь близких родственников за границей. Поэтому ни папа, ни его брат Борис, ни их сестра Фрида с Тойвой не имели никаких прямых контактов, а только получали информацию о нём из писем сестёр из Одессы¹. Я помню, что Тойва прислал только что появившийся стрептомицин с инструкцией, как его вводить. Наверное, это бы спасло Тоика, но... никто в харьковской детской больнице не хотел брать на себя ответственность делать инъекции в больших дозах. В конце концов, инъекции стали делать, но в микроскопических дозах, что продлило Тоику жизнь (несколько лет вместо нескольких недель). Но, увы, спасти его так и не удалось.

То, что у нас есть кто-то за границей, можно было «вычислить» и намного раньше. Зимой 1949 года у нас с Тоиком появились шикарные зимние куртки, типа лётных, на меху с кожаными вставками — явно не отечественного производства. Это папины сёстры переслали из Одессы Тойвины подарки. Я помню, как в школе мне все завидовали — ведь большинство детей тогда вообще не имели, что надеть!

ВСТРЕЧА С ДЯДЕЙ

Конечно, ни в каких анкетах, нигде и никогда я не писал, что у меня есть дядя в Америке. На вопрос анкеты «Есть ли у Вас родственники за границей?» я всегда без всяких колебаний, и совершенно честно, отвечал «Нет!», так как в анкете речь шла о близких родственниках.

После окончания университета меня с женой распределили на работу в Институт Радиофизики и Электроники АН УССР (ИРЭ). Там мы и проработали до самого отъезда в Америку, т.е. тридцать пять лет. Правда, где-то в начале 80-х от Института отделились несколько лабораторий в самостоятельный Институт Радиоастрономии, куда мы с Наташей и перешли, но фактически для нас это был всё тот же институт.

Как и вся советская наука, львиную долю финансирования даже академические институты получали от военных — так что волей-неволей нам приходилось участвовать в «закрытых» работах по «спецтематике»: у меня и у Наташи была 2-я форма допуска к секретным материалам. Как только мы начали работать в Институте и получили допуск к «секретам», папа решил подстраховаться и попросил сестёр письма посылать не на наш домашний адрес (до 1975 года мы жили вместе с моими родителями), а «до востребования» в ближайшем к нам почтовом отделении Харькова. Причём, чтобы совсем сбить с толку КГБ, — не на своё имя, а на фамилию На-

таши — Кенигсберг. Опасения были совсем не напрасными, так как тётки дословно переписывали своим почерком письма, которые они получали от Тойвы из Америки, и пересылали их папе.

Где-то в конце 60-х из писем Тойвы стало известно, что он приедет в СССР повидаться с братьями и сёстрами: их в семье было три брата — Тойва, Борис и мой папа Миша (Моисей), и три сестры — Эсфирь, Соня и Фрида. К тому времени семьи были только у Тойвы и у моего папы, на всех шестерых было всего два ребёнка — я и моя кузина Нора (дочь Тойвы, которая родилась в Нью-Йорке в том же 1940-м году, что и я). Естественно, что Тойве очень хотелось повидать единственного наследника фамилии Фукс по мужской линии.

Родители все же решились меня «показать», но с предосторожностями: встреча должна была состояться не в Одессе и, тем более, не в Харькове. Жена Тойвы Нина (мать Норы) к тому времени умерла, и Тойва женился на Симоне — эмигрантке из Кишинёва. У неё было много родственников в Молдавии, и было решено всем встретиться в Кишинёве и жить не в гостинице, а у её родственников (для конспирации).

Встречи с дядей проходили очень тепло и интересно. Он был под большим впечатлением от посещения Израиля, куда они с Симоной заехали «по дороге» в СССР. Он с восторгом говорил об энтузиазме, с которым израильтяне строят свою молодую страну.

Также он много рассказывал о Канаде, куда они с Ниной сначала попали, сбежав из Тульчина буквально из-под расстрела. Это было где-то в 1918—20 гг., в Тульчине власть менялась, как в калейдоскопе — то красные, то белые, то зелёные... Банды махновцев сменялись бандами петлюровцев, при этом больше всего, конечно, доставалось евреям. Бабушка мне рассказывала, что их как-то вывели на расстрел (её, дедушку, дочерей и моего папу; сыновья Борис и Тойва уже были достаточно взрослыми к тому времени и где-то прятались), но в последний момент бандита наклонился с седла, вырвал у бабушки из ушей золотые серьги, а их всех отпустил. Это мне бабушка рассказала, когда я поинтересовался, почему у неё порваны мочки ушей. Кажется, при этом у неё сняли с пальцев и все кольца, в том числе обручальное. После этого Тойва сказал, что не желает больше оставаться в этой стране, где никогда ничего хорошего не будет. Каким-то чудом им с невестой удалось добраться до порта и отплыть в Америку.

В Канаде Тойва получил высшее медицинское образование в университете Мак-Гилла в Монреале. Он учился, и они с женой жили в это время на деньги какого-то благотворительного еврейского фонда, благодарность к которому он сохранил на всю жизнь: каждый год до самой смерти он переводил довольно крупную сумму на счёт этого фонда — как он нам тогда объяснял, чтобы другие, такие же, как он, иммигранты могли получить специальность и стать на ноги в чужой стране. Спустя некоторое время

они переехали в Нью-Йорк. Тойва стал довольно известным врачом-кардиологом, у него был офис с лаборантами и рентгеном, где он принимал пациентов, и какое-то количество коек в госпитале, где его пациенты лечились в стационаре. Нора, дочь, пошла по его стопам: она тоже стала известным врачом-кардиологом, и даже как-то избиралась председателем Американского общества кардиологов. До сих пор она «нарасхват» — непрерывно летает по всей Америке: либо даёт консультации, либо участвует в симпозиумах и конференциях; насколько я знаю, она часто летает и в Европу, — видно, не последний человек в этой области! Во всяком случае, мы уже восемь лет живём в Америке, и нам до сих пор не удалось устроить полномасштабный family reunion (сбор семьи в полном составе) — у Норы то консультации, то конференции... Правда, она повидала уже моих детей и их супругов у себя в Калифорнии.

ВСТРЕЧА С КУЗИНОЙ

Конец 80-х, начало 90-х, «перестройка», послабление по всем линиям, в том числе и по «режиму секретности». Мой первый выезд за границу — в Чехословакию, в Прагу в 1990 году. Как мы жили в это время в Харькове, нужно рассказывать отдельно, — только тогда можно понять, что я испытывал, заглядывая в продуктовые магазины, гуляя по улицам, площадям Праги и по мостам через Влтаву.

Потом, в том же году, — месяц в Болгарии, в Софии, по приглашению их Академии наук. Так началось для меня знакомство с «внешним миром».

Наступил 1992 год, я получаю приглашение принять участие в летнем симпозиуме по «сцинтилляциям» в США, в Сиэтле! Оказывается, несколько военных ведомств США «скинулись», собрали порядка ста тысяч долларов и пригласили двадцать советских учёных — посмотреть, кто чего стоит, и послушать, чем они там, за «железным занавесом», занимались и чего достигли. Кто проводил отбор, я не знаю, но я попал в число приглашенных.

Представляется возможность увидиться с Норой, но у меня нет ни её адреса, ни телефона... Нахожу среди писем покойных тетушек Эсфири и Сони какое-то старое письмо от Тойвы. Прошу через знакомых, чьи дети «уже» в Нью-Йорке, пойти по этому адресу и, если повезёт, узнать, как найти Нору. Повезло: это оказался адрес Тойвы, где он жил последние годы с Симоной, и она была ещё жива в то время и, к счастью, никуда не переехала! Получаю Норин адрес в Сан-Франциско и телефон. Звоню с домашнего телефона в АМЕРИКУ (об этом нельзя было и мечтать ещё несколько лет назад!), пытаюсь на ужасном английском языке объяснить Норе, что я её двоюродный брат из Харькова, сын Моисея-Муси (Мусей папу называли сёстры и Борис между собой) и надеюсь, что Норе это имя

что-то скажет, но напрасно, — как потом оказалось, там, в Америке, оно звучало как Moses. Кроме того, Нора вообще не подозревала о моём существовании: Тойва, как и мой папа, старался особенно не посвящать её в детали наличия родственников в СССР: есть какие-то папины сёстры и братья где-то там, в Russia, и не больше! Дело в том, что она, как и я, имела что-то вроде нашего допуска (clearance), работая с мужем в военных госпиталях, и эти «родственники за границей» ей были совсем некстати.

Как вспоминаю, я ей написал письмо, дал его исправить университетской преподавательнице английского. По-моему, даже вложил в письмо какую-то фотографию, снятую ещё в Кишинёве, где мой отец и тетки были запечатлены вместе с Тойвой и Симоной. В письме сообщил, что в Сиэтле она меня может найти на такой-то конференции, в университете. Конечно, где это и куда нас, «русских», посылает, я тогда понятия не имел. Я привёз с собой десяток семейных фотографий всех Фуксов, надеясь, что хоть часть из них ей знакома, а также несколько фотографий Тойвы — из семейного архива. Но самым сильным доказательством того, что я — это я, оказалась её свадебная фотография: она в длинном белом платье, очень похожая на известную американскую киноактрису Одри Хэпберн, вместе со своим женихом Арни во время церемонии еврейского бракосочетания. Там она была совершенно очаровательной и очень мне нравилась!

Как-то она меня всё-таки нашла в университетском кампусе в Сиэтле: звонила с мобильного телефона дежурному по общежитию, куда поселили всех «русских», он каким-то образом нашёл меня, объяснил в чём дело, я вышел её встречать и, конечно, узнал сразу: в более зрелом возрасте (по сравнению с её свадебной фотографией, где ей всего двадцать два года) она стала очень похожа на нашу тётю Эсфирь.

После предъявления «вещественных доказательств» нашего родства — фотографий, — она посадила меня в такси, на котором приехала из аэропорта, и повезла на набережную Сиэтла. Потом, во время наших более поздних встреч, она призналась, что самое сильное впечатление на неё произвели мои золотые зубы: уже тогда в Америке (и, по-видимому, во всём цивилизованном мире) давно забыли о золотых, а тем более, стальных зубах и коронках, и я, с полным ртом золотых зубов, выглядел очень дико! Потом, уже приехав в Америку надолго, я безошибочно «вычислял» недавно приехавших из СССР по золотым коронкам! А мне в Харькове удалось с большим трудом поставить золотые зубы, и то только потому, что я был профессором университета: в очередь на «золотое» протезирование ставили только тех, чья работа была напрямую связана с «открыванием рта» — артистов, преподавателей и штатных лекторов.

Тогда, во время прогулки с Норой по набережной в Сиэтле, меня поразили две вещи. Во-первых, что заплатив сумасшедшую цену за свежесловленного, но уже малосольного лосося, можно прямо у прилавка по-

просить, чтобы его самолётом (в холодильнике, естественно) доставили к ней домой в Сан-Франциско. А во-вторых, что, стоя прямо на улице, можно по сотовому телефону вызвать такси, сообщив, на перекрёстке каких улиц ты находишься! (Шел 1992 год, и в Харькове ещё и в помине не было сотовой связи!)

Как женщина деловая и сильно занятая, Нора смогла побыть со мной только пару часов — и улетела в тот же день домой. Предварительно она узнала адрес, по которому можно выслать мне авиабилеты, чтобы я прилетел к ней в Сан-Франциско. Дело в том, что у меня уже было приглашение после конференции прочитать лекцию (провести семинар) в Washington State University at Pullman, где занимались близкими мне вопросами. Где-то, наверное, сохранилась фотография — я стою на границе двух штатов (Вашингтон и Айдахо) у столба, на котором написано, что до Москвы всего 15 миль! Действительно, если посмотреть на карту, то можно обнаружить в Айдахо, недалеко от границы со штатом Вашингтон, маленький городок Moscow!

В аэропорту Сан-Франциско меня встречала Норина младшая дочь Хиллари на джипе и «с ветерком» доставила меня к Норе домой. Обе её дочки уже к тому времени жили отдельно. Старшую называли Нина — в честь Норининой матери. Когда я сказал, что мою маму тоже звали Нина, Норе пришла в голову мысль вообще сравнить наши биографии. К нашему удивлению, оказалось, что почти все важные события нашей жизни происходили «синхронно»: мы оба родились в 1940 году; у нас были братики, которые умерли в раннем возрасте; в 1962 году я женился, а Нора, соответственно, вышла замуж; наши первые дочери (моя Галя и её Нина) тоже родились с небольшой разницей во времени; через приблизительно десять лет у нас появилось по второму ребёнку (у меня сын Алёша, а у неё — дочь Хиллари). Она с детства тоже проявляла склонность к точным наукам, и, по-моему, даже немножко гордилась мной: «выдающийся» физик из семьи Фуксов! Как врач, она видела в этом некую генную предопределённость — вот, мы, Фуксы, какие! Я, как мог, пытался донести до неё свою примитивную «теорию» моих «способностей» к точным наукам. У меня с самого детства была очень плохая память: заучить наизусть стихи (а, тем более, отрывки из прозы), запомнить исторические даты или фамилии, географические названия и т.д., — для меня было совершенно непосильной задачей! Я объяснял это плохим питанием в своём раннем детстве. По-видимому, мой мозг тоже недополучил каких-то необходимых веществ, что и сказалось, в первую очередь, на памяти. Но учиться как-то надо было! И тут я обнаружил, что выучить уроки по точным наукам можно, ничего не запоминая: достаточно ПОНЯТЬ, о чём идёт речь и построить для себя логическую цепочку вывода, основанную на этом понимании. С этих пор физика, химия и математика стали для меня любимыми предметами, и я по ним стал получать отличные оценки. Что же касается гу-

манитарных предметов, то учителя, зная мою неспособность к механическому запоминанию, смотрели «сквозь пальцы» как на школьных сочинениях во время урока я списываю с промокашки цитаты из произведений, которые мы «проходили». Я до сих пор с благодарностью вспоминаю их — это Ада Львовна Тарнопольская и Сарра Самойловна (фамилию её я запомнил) — учительницы русского языка и литературы, которые беззаветно любили свой *предмет* и пытались передать эту любовь и нам! И, хотя в течение всех десяти школьных лет я и не был первым учеником, они-таки «вытянули» меня на золотую медаль. В те годы это было очень важно: золотые медалисты поступали в ВУЗы без экзаменов! А для мальчика с фамилией Фукс — это было просто необходимо: ведь тогда ещё негласно существовала «норма» приёма евреев в вузы.

Сомневаюсь, что в тот, первый визит к Норе, я смог донести до неё эти мои «теории»: как потом она мне говорила, я и фразы ни одной построить не мог, — произносил только отдельные слова, да и те плохо. Поэтому она как-то в один из первых дней моего пребывания в Сан-Франциско пригласила меня и какую-то свою знакомую, чтобы та за обедом переводила ей на английский мои «откровения». Тогда все американцы, по-видимому, были в эйфории от «перестройки», от Горбачёва и Ельцина: окончание «холодной войны», падение Берлинской стены, воссоединение Западной и Восточной Германии, Договор об ограничении ядерных вооружений, «потепление» отношений с Америкой, первый в истории визит Ельцина в Америку (после чего он говорил о Клинтоне «мой друг Билл!») — всё это рисовало радужные перспективы мирного сосуществования! Я, как мог, пытался умирить их пыл: говорил, что оба они коммунисты «до мозга костей», и что демократические преобразования в СССР произошли, во многом, помимо их воли. Обе они как-то очень недоверчиво воспринимали мои высказывания — людям свойственно быть оптимистами, особенно американцам!

В выходные дни Нора повезла меня на экскурсию на юг — в Монтерей и в Кармел. Помню, что когда мы попытались выехать на дорогу, идущую по берегу океана, попали в невообразимой длины «пробку» — такое было впечатление, что все жители Сан-Франциско в это субботнее утро собрались ехать на юг именно по этой дороге! И тут Нора, произнеся какое-то «сильное» выражение на английском, разворачивается на хайвее в обратную сторону через две сплошные линии (!) — и мы едем на юг не вдоль берега, а через всю Силиконовую долину! Это было не менее интересно: я увидел знаменитый радиотелескоп Стэнфордского университета, нескончаемые корпуса IBM и «царство» программистов Билла Гейтса! В Монтерее и в Кармеле мы не купались (я-то думал, что если мы едем на океан, то с единственной целью — выкупаться в нём!): вода вдоль всего Тихоокеанского побережья Америки очень холодная из-за течения, которое идёт от Аляски вдоль всего побережья. Хотя и была середина

лета, но никто не купался: люди сидели на пляжах на топчанах и на надувных матрасах при «полном параде» — в пиджаках и некоторые даже в галстуках!

В Монтерее и Кармеле Нора побегала по антикварным магазинчикам, по-видимому, ей хорошо знакомым, купила по баснословной цене какую-то маленькую шкатулочку из рога носорога (так ей, во всяком случае, сказали), и мы поехали обратно, теперь уже вдоль океана.

Тогда, во время моего первого визита к Норе, я впервые побывал в американском доме, в американской семье. Буквально всё мне было внове: громадный дом с бесчисленным (так мне тогда показалось) количеством комнат и приходящей прислужкой; мобильные телефоны — помню моё удивление, когда из машины Нора слушала сообщения, оставленные на её домашнем телефоне; отдельный зал для охотничьих трофеев её мужа — каждый год он ездит охотиться либо в Африку, либо на Аляску, привозит шкуры убитых им зверей, из которых местный таксодермист делает ему чучела, не хуже, чем в музеях! Когда мы с внучкой Катей гостили у Норы несколько лет спустя (к тому времени мы уже перебрались в Америку), на Катю этот дом произвёл настолько большое впечатление, что она тут же заявила, что будет врачом. А ведь Норин отец приехал в Америку без гроша в кармане, так что только одного поколения хватило, чтобы «выбиться в люди»! Так для меня расхожее выражение «Америка — страна неограниченных возможностей» приобрело вполне конкретный смысл. И, что тоже существенно, это благосостояние было нажито не путём биржевых спекуляций, или какого-то «дикого» везения (типа выигрыша в лотерею), а трудом обычного врача!

КАК МЫ ОЧУТИЛИСЬ В АМЕРИКЕ

1992—1994 годы были, пожалуй, самыми тяжелыми в нашей жизни в Харькове. Дикая инфляция, отсутствие самого необходимого в магазинах, полный застой на работе. Денег в институте еле хватает на зарплату, которую задерживают уже на полгода. Да и зарплата не поспевает за фантастическим ростом цен: бывало время, когда на свою месячную зарплату я мог купить только две канистры бензина для машины. Помнится, что по этой причине мы в течение года совсем своей машиной не пользовались. Голодать мы, конечно, не голодали, но практически все деньги уходили на еду.

К этому времени научная работа почти совсем остановилась. Денег не было не то что на научные командировки, но и на подписку на научные журналы. Одно время наш академический институт получал в свою библиотеку только один иностранный журнал: не то Science, не то Nature, на который нас подписал какой-то меценат из Канады, украинец по происхождению. Если учесть, что об Интернете мы тогда вообще понятия

не имели, ясно, что, находясь в полной изоляции от всего остального мира, науку «двигать» мы не могли никак. И всё это происходило на фоне набирающего силу дикого украинского национализма не только в масс-медиа, но и в науке.

Когда сын Алёша летом 1994 года заявил нам, что он с семьёй уезжает в Канаду, мы сильно расстроились, так как полагали, что больше уже с ним вряд ли встретимся. Зять Дима улетел в Америку приблизительно в это же время, а в конце декабря, как раз под Новый год, туда улетели и дочь Галя с нашей внучкой Катей. Мы остались совсем одни в Харькове.

В начале 1995 года к нам в институт приехал из Австралии некто Stuart Anderson — сотрудник чуть ли не единственного в Австралии «военного» института Defense and Science Technology Organization (DSTO). Воевать Австралии вроде бы не с кем, но у них очень остро стоит проблема нелегальной иммиграции из Индонезии и других стран Юго-Восточной Азии. Прибывают эти нелегалы в Австралию на маленьких судах или лёгких самолётах, которые днём и в ясную погоду легко обнаруживаются с самолётов патрульной службы, непрерывно барражирующих вдоль океанского побережья. А в плохую погоду или ночью — надежда только на загоризонтные радиолокаторы, которые в Австралии специально для этого и построены. Среди прочих технических проблем, связанных с обслуживанием этих радиолокаторов, одной из самых важных является борьба с помехами от моря, т.е. то, чем я занимался всю сознательную жизнь! Так вот, этот Андерсон приехал в Харьков специально, чтобы пригласить меня поработать в Австралии и передать им свой опыт и знания в этой области. За пару лет до этого он «умыкнул» из Одессы известного специалиста по распространению радиоволн в ионосфере Юрия Абрамовича (большая дальность действия загоризонтных радиолокаторов обеспечивается, в основном, за счёт отражения радиоволн от ионосферы). А теперь им понадобился человек, который что-то понимает в отражении радиоволн от поверхности моря — и они вышли на меня. Без лишних слов, Андерсон сразу же мне предлагает контракт на пару лет! Если вспомнить, в каком плачевном состоянии мы тогда находились, станет ясно, что это предложение было как «дар божий»! Но ехать на целых два года, или даже на год, — нет, это невозможно! Как же мой отдел без меня, а лекции в университете, и, наконец, дача, которую надо достраивать?! Я соглашаюсь, но только на три осенних месяца — пока у меня нет лекций в университете, а работы на даче уже сворачиваются в преддверии зимы. Но тут он — ни в какую: да весь мой заработок за эти три месяца уйдёт на наши с Наташей авиабилеты в Австралию и обратно! «Сторговались» мы на полгода — с августа по февраль. Но до этого нам удалось побывать в Америке и повидаться с детьми.

Туда же мне переслали по факсу официальное письмо из Австралии с приглашением на работу — и мы получили австралийские визы в их кон-

сульстве в Нью-Йорке. Вернувшись в Харьков, мы вскоре вылетели в Австралию. Маршрут был очень странный: сначала мы полетели в Лондон, в аэропорт Хитроу, где у нас была пересадка. Там нас вообще не хотели выпускать с терминала, поскольку у нас не было визы в Англию, но предъявив авиабилеты в Австралию, мы всё-таки уговорили выпустить нас переночевать в гостинице в Лондоне. Мы сразу же сели в метро и поехали в центр Лондона, вышли из метро на площади Пикадилли со статуей Эроса в центре, потом как-то попали на Трафальгарскую площадь, посреди которой стоит памятник адмиралу Нельсону, вышли на набережную Темзы, — в общем, «побывали» в Лондоне! На следующий день мы вылетели в Австралию, причём пролетали над самой Москвой!

О нашей жизни в течение полугода в Австралии можно рассказывать очень много. Для нас, пятидесятипятiletних «совков», всё было в диковинку! Я пишу здесь об этом только для того, чтобы дать понять, как, когда и где мы «прозрели» и поняли, что в мире есть места, где жить несравненно лучше, чем там, где мы прожили всю свою предшествующую жизнь! Главным итогом этой поездки было то, что, вернувшись в Харьков, мы позвонили дочери Гале и попросили прислать нам вызов в Америку на ПМЖ (постоянное место жительства)! Пока мы были в очереди на интервью в американском посольстве в Москве, я стал подумывать о том, где же я буду там, в этой Америке, работать? И тут как-то звонит нам домой Галка и говорит, что ей стало достоверно известно, что в Болдере, в Колорадо есть вакансии в том же учреждении, где работает член-корреспондент В. И. Татарский и целый ряд других известных мне учёных. Я звоню Татарскому в Болдер и спрашиваю, правда ли, что у него есть вакансии, — я уже «созрел» для переезда! Он мне отвечает, что если я надумал-таки ехать, то он это постарается организовать. Пикантность ситуации заключалась в том, что когда я был в Сиэтле на конференции, одним из организаторов которой и был Татарский, вокруг него увивалось множество ученых из России, которые как раз и надеялись получить через него приглашение на работу в Америке. Это было настолько явно, что я сразу ему заявил: «Валериан Ильич! Во избежание всяких недоразумений, хочу вам сказать, что у меня нет никаких намерений эмигрировать в Америку и поэтому я с удовольствием общаюсь с Вами без всяких “задних” мыслей!» Это заявление, по-видимому, ему понравилось, тем более, было видно, что я не лукавлю, а так на самом деле и есть!

Приглашение на работу по программе обмена учеными, которую курирует National Science Foundation (NSF) — организация, которая в Америке играет, по сути, ту же роль, что Академия наук в СССР, — я получил в феврале 1997 года, но мы хотели дождаться интервью в американском посольстве на предмет получения статуса беженцев, чтобы остаться в Америке уже сразу и навсегда. Однако сразу после интервью нам объявили, что статус беженцев «не для нас», и мы, буквально уже на следующий

день, поехали в Киев и получили «J-1» визы по письму-приглашению. Как пелось в песне про «боевой восемнадцатый год», наши «сборы были не долги». Кроме постельного белья, самой необходимой одежды, какой-то посуды и нескольких книг по моей специальности, у нас, по сути, ничего и не было. Таможенникам в Шереметьево что-то показалось подозрительным в нашем багаже при его просвечивании. Каково же было их удивление, когда Наташа вытащила из баула совсем не новую кастрюлю, а из неё — старую, с почти стёршимися ножами, мясорубку! Таможенник, когда это увидел, замахал брезгливо руками — мол, идите, идите, и чтоб вас здесь и близко не было!

А дело было в том, что, живя незадолго перед этим полгода в Австралии, мы испытывали там одно время очень серьёзные материальные затруднения. Как-то мне захотелось котлет, а мясорубки у нас нет, купить её мы не в состоянии, а готовый фарш — дороже мяса! Глубоко врезалось также в память, как Наташа радовалась, когда ей удалось купить в лавочке уже не новую кастрюлю чуть ли не за 20 центов! Имея такой «богатый опыт» жизни за границей, мы и взяли с собой много вещей, как потом оказалось, совершенно не нужных. Татарский, кстати, на мой вопрос, что с собой везти, ответил: «Только постельное бельё и несколько летних рубашек, чтобы было что надеть до первой зарплаты! С первой же зарплаты всё, что нужно, купите!» Мы не поверили, и очень жалели: лучше бы больше книг с собой привезли!

Первые несколько дней по приезде мы жили у Саши Вороновича, который перед отъездом в Америку был зам. директора Института океанологии в Москве. Мы были знакомы раньше — я был у него официальным оппонентом по докторской диссертации. Он вместе с Татарским и рекомендовал меня принять на работу, как специалиста по радиолокации над морем. Вообще, на новом месте работы в Америке для меня сложилась несколько забавная ситуация: я работаю на фирме вместе с несколькими известными учеными из бывшего Советского Союза. Раньше мы жили в разных городах страны и могли встречаться только на конференциях или симпозиумах. Ныне же, для того, чтобы увидеть кого-либо из них, мне достаточно выйти в коридор нашей фирмы.

Тот же Саша Воронович помог нам найти жильё, в котором мы и прожили почти два года. Первые два года я не платил налогов (как учёный, приехавший по программе обмена специалистами) и, хотя я и получал небольшую зарплату, это позволило нам накопить необходимую сумму денег на первый взнос и купить через два года дом!

Так, всего через два года у нас уже осуществилась пресловутая «американская мечта» — мы стали жить в собственном доме!

Первого августа 1997 года я, наконец, первый раз вышел на свою новую работу. Формально меня зачислили в Cooperative Institute of Research in Environmental Sciences (CIRES) при Колорадском университете в Бол-

дере, а фактически я работал в Environmental Research Laboratory (ERL), входящей в National Oceanic and Atmospheric Administration (NOAA). Эта последняя организация — некий аналог нашего Гидрометцентра, но я занимаюсь тем же, чем занимался и раньше — теорией распространения и рассеяния волн, дифракцией и смежными вопросами.

В 2000 году стали перераспределяться финансовые потоки, поступающие от правительства на научные исследования. Кто-то решил, что нечего платить накладные расходы в CIRES — пусть деньги по-прежнему идут к нам, но уже через частную фирму. Так я и мои коллеги расстались с университетом и с 2001 года стали сотрудниками в фирме Zel Technologies, LLC. Главный офис самой фирмы находится где-то в штате Вирджиния, но никто из нас там никогда не был.

Принимать на работу в Zel Technologies, LLC приехал «сам» президент компании! Нас по очереди вызывают к президенту на собеседование для обсуждения условий контракта. Подходит моя очередь, я представляюсь, рассказываю, какой я большой учёный, какие ответственные должности занимал в Харькове и каких высот в научной иерархии я там достиг. Когда заходит речь о зарплате, я достаю заранее подготовленную таблицу, где сравниваются «бенефиты», которые я имею, работая в университете, с тем, что предлагают они. Говорю, стараясь быть как можно более скромным, что я никогда не торговался из-за зарплаты — в советской системе оплаты труда всегда были жёсткие ставки, определяемые по чётко формальным признакам (учёная степень, стаж работы, занимаемая должность). Так что я не имею никакого опыта в такого рода переговорах и, может быть, делаю что-то не так... Полковник как-то грустно на меня посмотрел и произнёс с тоской в голосе: «Тем не менее, у Вас это очень хорошо получается!»

В результате, как оказалось, я «выторговал» весьма солидную добавку к зарплате и сразу стал получать денег в полтора раза (!) больше, чем в университете. Вот когда я был, наконец, вознаграждён за многолетние муки изучения английского языка! Без языка я вряд ли смог бы «выступить» так успешно!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

На этом заканчивается первая часть воспоминаний Иосифа Фукса, в которых переплелись судьбы родных и двоюродных братьев и сестер, вaley судеб разнесенных по разным уголкам света. Так бы и прожили они свои жизни, почти ничего не зная ни друг о друге, ни о разных местах земного шара, если бы не пришел конец «холодной войне».

Так вот, если говорить о «значительных плюсах» перестройки, мне кажется, что едва ли не главным достижением оказалась подлинная перестройка в умах и душах многих людей: они попытались жить с незашо-

ренными глазами, увидеть большой мир и себя в нем. Этот процесс отмирания старого и обретения нового оказался тоже достаточно сложным. Ведь многим, попав в Новый Свет, пришлось не только радоваться новым возможностям и успехам, но и распрощаться со многими иллюзиями относительно «заморского рая».

Наверное, по-иному и быть не могло: любая духовная ломка протекает болезненно, даже при самых удачно складывающихся обстоятельствах. Но даже в том случае, если кто-то разочаровался в «американских ценностях» или любых иных, осознал, что его место все же там, где он родился и вырос, — все равно, это есть осознанный выбор, принятый свободным человеком, а не навязанное ему «кнутом и пряником» мировоззрение.

О СОЦИАЛИЗАЦИИ¹ РУССКИХ ЕВРЕЕВ-ВРАЧЕЙ В США

НЕЛЛИ МЕЛЬМАН (Кенсингтон, США)

Пусть же дети рода Авраамова, поселившиеся на этой земле, и впредь заслуженно пользуются добрым к ним отношением со стороны других жителей, когда каждый сможет сидеть безопасно под своей собственной виноградной лозой и смоковницей и ничто не будет угрожать ему.

Джордж Вашингтон

В 2004 году исполнилось 350 лет со времени начала эмиграции евреев в Северную Америку. Указанная дата явилась поводом для анализа и всесторонних обобщений этого исторического события — опубликованы сотни статей и книг, созданы художественные произведения разных жанров. Большие выставки, отражающие различные аспекты эмиграции, экспонировались и продолжают экспонироваться во многих городах США.

В эмиграции русских евреев принято различать четыре волны, которые отличаются между собой причинами, масштабом, возрастным и социальным составом, процессом адаптации и пр. Первая волна эмиграции, в основном вызванная бесправием евреев и погромами, относится к концу XIX — началу XX в. Вторая пришлась на 1945—1947 гг. и включала главным образом тех, кто уцелел в огне Второй мировой войны, прошёл через ад гетто и концлагерей. Третья волна со второй половины 1970-х годов и почти до конца 80-х была связана с введением в Советском Союзе жесткой процентной нормы для евреев при поступлении в высшие и средние учебные заведения, а также запрета работать в так называемых «закрытых» сферах деятельности. Пик четвёртой волны — крупнейшего исхода евреев из Советского Союза, — датируется 1988—1993 гг., в период «перестройки», когда был разрешён свободный выезд из страны.

Последняя волна еврейской эмиграции в большинстве случаев состояла из хорошо образованных специалистов, с опытом работы в различных отраслях народного хозяйства и науки, которые не могли полностью реализовать свои способности на родине. Третья и четвертая волны эмиграции русских евреев в США характеризуются самым высоким процентом лиц с высшим образованием и учеными степенями. Фактически это была «утечка умов».

Изучение иммиграции и эмиграции русских евреев проводится достаточно давно. Чаше других изучаются их причины и последствия для стран

¹ Социализация — процесс усвоения индивидуумом определенной системы знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве члена общества, обладающего определенными правами.

исхода и иммиграции, при этом исследуются или большие потоки эмигрантов, или отдельные, как правило, выдающиеся личности.

Большое число русских евреев-эмигрантов в США создает реальные предпосылки и диктует необходимость расширенного и углубленного изучения проблемы, в частности социализации, т. е. вхождения в новое общество определенных профессиональных групп эмигрантов.

В последние десятилетия опубликованы обобщающие статьи, в которых описываются, главным образом, крупные общины русских евреев в местах их компактного проживания (Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Чикаго, Бостон, Балтимор и др.).

С понятной гордостью авторы сообщают о выдающихся русских евреях, внесших вклад в науку и искусство Америки и всего мира. Некоторые публикации посвящены отдельным видным врачам (*С. Золотарев*. Чтобы знали и помнили. Балтимор, Мериленд, 2002). Имеется информация о выдающихся достижениях русских евреев и потомков русских евреев-эмигрантов в области теоретической и прикладной медицины. Так, Залман Яковлевич Ваксман (1908—1985), выходец с Украины, стал лауреатом Нобелевской премии за получение стрептомицина, спасшего жизнь миллионам больных туберкулезом. Всемирно известный ученый, сын эмигрантов из России Джонас Солк (1914—1995) создал вакцину против тяжелого и распространенного в свое время заболевания нервной системы — полиомиелита.

Мемуарная литература содержит некоторые сведения о жизни врачей — русских евреев в США.

На основании собственного опыта, опыта друзей и знакомых и единичных публикаций можно заключить, что продолжение профессиональной деятельности для врачей-иммигрантов несравненно труднее, чем для лиц других специальностей (инженеров, педагогов, музыкантов и т. д.).

Известно, что получение профессии врача в США очень сложно даже для американцев. Это занимает 11—14 лет, а иногда и больше. Для того, чтобы стать практикующим врачом, необходимо проучиться четыре года в колледже, следующие четыре года — в медицинской школе и три года — в резидентуре. Обучение в колледже и школе платное. Для получения конкретной специальности (эндокринолог, гематолог, аллерголог, гастроэнтеролог, окулист и т. д.) нужно пройти курсы специализации, т. е. в течение 2—4 лет работать в соответствующем профильном высококвалифицированном учреждении, получая небольшую зарплату.

Особые трудности представляют годы резидентуры — 100-часовая рабочая неделя, с частыми ночными дежурствами, полная зависимость от старших врачей, очень низкая зарплата. Этот период в жизни будущего врача образно называют «рабством».

Не менее сложна специализация, которая включает большую врачебную нагрузку, работу в лаборатории, научные исследования, доклады и многое другое.

Несмотря на указанные трудности, конкурсы в медицинские школы США заметно больше, чем в другие вузы. Это совершенно понятно, т. к. профессия врача в стране — уважаемая, востребованная и очень хорошо оплачиваемая.

Иммигранту для получения права работать врачом, т. е. для получения американского диплома (лайсенса) необходимо сдать четыре сложных экзамена:

1. Основной (Basic), включающий все теоретические дисциплины (анатомия, нормальная и патологическая физиология, фармакология и другие).
2. Клинический, в который входят основные специальности (терапия, хирургия, акушерство, гинекология, инфекционные болезни и т. д.).
3. Так называемый флекс, представляющий сочетание теоретических знаний и практических навыков.
4. Английский язык (устный и письменный).

Экзамен считается сданным, если абитуриент дает не менее 75 % правильных ответов на 500—550 вопросов. Для ответа на каждый вопрос отводится 3—4 минуты. Сложность экзаменов с каждым годом возрастает.

При подготовке к экзаменам врачи узнают много нового, необходимого для врачебной деятельности и не входившего в программы мединституты страны исхода.

Все это нужно, по понятным причинам, осуществить как можно быстрее при недостаточном либо плохом знании английского языка, эмиграционных и иммиграционных стрессах, и, как правило, плохих материально-бытовых условиях. Многим приходится сдавать тот или иной экзамен два раза и более, что нередко становится причиной депрессии.

Даже при однократной сдаче всех экзаменов на это уходит не менее полутора-двух лет.

Экзамены платные — 250—500 долларов каждый. В отдельных случаях материальную поддержку оказывают еврейские общественные организации, синагоги и частные лица.

После сдачи экзаменов, независимо от предшествующего врачебного стажа, обязательно прохождение резидентуры. Это «рабство» для иммигрантов осложняется тем, что во многих советских и постсоветских мединститутах врачи не получают достаточно высокого уровня знаний и практических навыков, не знакомы с современной медицинской аппаратурой и технологией.

Если врач принимает решение приобрести конкретную специальность, он должен, как указано выше, закончить 2—4-летнюю специализацию.

Для получения высшей врачебной категории нужно сдать специальный, довольно сложный платный (750 долларов) экзамен. Подготовка к этому экзамену обычно сочетается с врачебной деятельностью.

Таким образом, в лучшем случае получение американского лайсенса для врача-иммигранта занимает 5—7 лет, подчас до 10 лет.

Анализ и обобщения представленных материалов основаны на анкетировании по специально разработанной нами схеме, интервьюировании, личном знакомстве и общении с врачами-евреями, приехавшими из бывшего Советского Союза в течение почти 17 лет моей жизни в США.

Далеко не всем врачам-иммигрантам удастся подтвердить диплом врача других стран и добиться американского лиценса. Поэтому полученная информация разделена на две группы:

1 группа — врачи, подтвердившие свое право продолжать врачебную деятельность. Для них правомерны термины *реализовавшиеся, состоявшиеся, самоидентифицировавшиеся*.

2 группа — врачи, не получившие американский лиценс, т. е. не имеющие права продолжить врачебную деятельность. Называть всех их *несостоявшимися, нереализовавшимися*, нам думается, все же неправомерно. Об этом — ниже.

Большинство анкетированных иммигрантов-врачей сочетали сдачу экзаменов с различными видами неквалифицированной работы на полный или неполный рабочий день.

О ВРАЧАХ, ПРОДОЛЖИВШИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Тяга к знаниям ради знаний, чуть ли не фантастическая любовь к справедливости, стремление к личной независимости — вот черты еврейской традиции, которая побуждает меня благодарить Господа за принадлежность к этому народу.

Альберт Эйнштейн

Мы располагаем информацией о 40 врачах этой группы, большинство из которых прибыли в США в 1989–92 гг. У 13 человек (32 %) была ученая степень кандидата медицинских наук, у трех (7 %) — доктора медицинских наук. Как правило, это были семейные пары (иногда оба супруга — врачи), имеющие 1–2 детей. Во врачебных парах супруги сдавали экзамены поочередно. Чаще прекращали, либо не сдавали экзамены жены, предоставив эту возможность мужьям. Тем не менее, среди получивших лиценс соотношение мужчин и женщин было 1:1. Это можно объяснить тем, что врачебной деятельностью на бывшей родине чаще занимались женщины.

Возраст отличался большими колебаниями — от 26 до 57 лет. Значительно преобладали лица 36–40 лет (48 %) и 31–35 лет (34 %). Лица в возрасте до 30 и свыше 50 лет составляли по 9 %.

Относительно немолодой возраст врачей, сдавших экзамены, создавал в последующем дополнительные трудности в получении места в резидентуре и, особенно, в прохождении специализации. При этом нельзя

не отметить, насколько сложно врачу в таком возрасте выполнять трудную программу резидента и курсов специализации.

Нередко приему в резидентуру предшествовала работа в госпитале (два—четыре месяца) в качестве волонтера, оценка которой в значительной мере определяла решение о приеме в резидентуру. Таким образом, большинство врачей начинали трудовую деятельность после 40—45 лет.

Возраст иммигранта во многом определяет результат экзаменов — чем он больший, тем вероятность успеха меньше. Поэтому немало врачей старше 45 лет не пытаются получить американский диплом. Появилось даже шуточное двустишие: «Если молод Айболит, он диплом свой подтвердит».

Однако жизнь показывает, что для умных и целеустремленных людей возраст — не помеха в получении лиценса американского врача.

В этой связи расскажу о семейной паре врачей **Марке и Ларисе Фейгиных**.

Марк Фейгин родился в 1924г. в Киеве в семье портного. В школе учился хорошо и закончил ее с отличием. Свое решение стать врачом связывает с военным лихолетьем. Окончив с отличием в 1946 году Киевский мединститут, очень хотел, наряду с лечебной работой, заниматься научными исследованиями, но этому помешала пресловутая «пятая графа». Нашел работу преподавателя по внутренним болезням в Киевском военно-фельдшерском училище. Клинической базой училища была кафедра пропедевтической терапии мединститута, где Марк защитил кандидатскую диссертацию, однако продолжить научную карьеру в институте было невозможно по причине того же «пятого пункта». В 1957г. по конкурсу получил должность заведующего терапевтическим отделением, а позже и главного терапевта Республиканской дорожной больницы. Спустя 12 лет подготовил и успешно защитил докторскую диссертацию.

Жена Лариса Фейгина родилась в Киеве в 1927г. в семье служащих. После окончания Киевского мединститута была участковым врачом, а затем, после прохождения специальных курсов, бесценно работала в кабинете функциональной диагностики.

В 1978г. сын Марка (русский по матери) после антисемитских эксцессов при устройстве на работу решил эмигрировать в Германию. Как только об этом стало известно соответствующим органам, доктора Фейгина сняли с должности главного терапевта и вскоре предложили оставить работу заведующего терапевтическим отделением. Найти другую работу практически было невозможно, и семья приняла решение эмигрировать. Марк, Лариса и две дочери в 1979г. навсегда покинули Киев.

Семья приехала в Чикаго, где жил двоюродный брат Марка. Лариса вскоре приступила к работе техника в кабинете функциональной диагностики. Получив беспроцентный заем, Марк поступил на Каплановские курсы подготовки к сдаче экзаменов. Из-за плохого знания английского языка учиться

было очень трудно, некоторые экзамены сдавал повторно. В возрасте 58 лет начал обучение в резидентуре по специальности физиотерапия и реабилитация, и через три года приступил к врачебной деятельности. Проработав 11 лет, доктор Фейгин вышел на пенсию. Лариса Фейгина вышла на пенсию в возрасте 67 лет.

У Фейгиных большая и дружная семья — трое детей и 5 внуков. Все довольны своей профессиональной и социальной судьбой.

Интерес представляет оценка иммигрантами степени трудности периода получения американского диплома. Казалось бы, он должен быть оценен как тяжелый либо очень тяжелый. А между тем, большинство врачей оценивали его как «нормальный», «предполагаемый». Это можно объяснить тем, что «цель оправдывает средства». А цель сдающих экзаменов была — во что бы то ни стало стать американским врачом.

Основная масса врачей (79 %) получила возможность работать по прежней специальности в несравненно лучших профессиональных и материально-бытовых условиях.

У 21 % врачей анализируемой выборки специальность изменилась. Это происходило либо по собственному желанию, либо в силу сложившихся обстоятельств (высокий конкурс и длительное обучение по хирургическим специальностям и т. п.).

Подготовку врачей в США все иммигранты оценивали как хорошую либо очень хорошую, а в Советском Союзе — как удовлетворительную, реже — хорошую.

После получения лиценса большинство врачей начинали работать компаньонами в частной практике, а в последующем — самостоятельно. 25 % врачей заняты на академических должностях в медицинских школах и институтах. Обычно научно-педагогическая деятельность совмещается с частной практикой.

Врачи регулярно посещают научные конференции по специальности в стране и за рубежом, являются членами профильных Ассоциаций. Периодически и при переезде в некоторые штаты нужно подтверждать врачебный лиценс. Необходимые для этого «баллы» получают за счет участия в конференциях, а также обучения на специальных курсах.

Материальный уровень жизни у всех работающих врачей достаточно высокий (хорошие дома, автомобили для каждого члена семьи и т. п.).

Используют ли врачи-евреи предоставленные им возможности для приобщения к религии, обычаям, истории своего народа? Последняя волна евреев-эмигрантов из России была наиболее ассимилированной по сравнению с предыдущими. До эмиграции еврейские традиции и религия соблюдались только в единичных семьях врачей. Приехав в США, большинство начали соблюдать основные традиции (брит-мила, бат-мицва, бар-мицва, еврейские праздники). Синагоги, общественные

организации и отдельные семьи поддерживают возвращение русских евреев к своим корням.

Практически все семьи регулярно путешествуют по США и многим другим странам, включая Израиль. Систематически посещают музеи, выставки, театры и кино на русском и английском языках. Все это свидетельствует о высоком уровне культурной жизни и достаточных материальных возможностях для его поддержания.

Интерес представляет знакомство с ближайшими и отдаленными планами в иммигрантских семьях. На этот вопрос многие не ответили, считая его конфиденциальным. Ответившие говорили о продолжении профессиональной деятельности, разрешении семейных проблем, путешествиях. Вышедшие на пенсию планируют наслаждаться жизнью, располагая всем необходимым для этого.

США справедливо считаются страной, где личные возможности индивидуума реализуются независимо от его этнической и национальной принадлежности. Думается, что приведенные ниже рассказы еще раз подтверждают эту истину.

Золотаревская-Фельдман Ирина родилась в 1958г. в Москве. После окончания школы поступила в 3 Московский медицинский институт. Вспоминает, как на экзаменах ее пытались «провалить», однако хорошая подготовка помешала этому. Очень нравилась биохимия, физиология. Неоднократно и успешно выступала на студенческих конференциях, много времени проводила на кафедре эндокринологии. Окончив институт с отличием, не смогла остаться в клинической ординатуре либо в аспирантуре по причине «пятого пункта». Работала эндокринологом в межрайонной консультативной поликлинике.

В 1989г. с мужем-физиком и двумя дочерьми приехала в США, штат Мериленд. За 1,5 года успешно сдала необходимые экзамены. После нескольких месяцев работы волонтером получила место резидента в госпитале Дж. Вашингтона.

Мечта быть эндокринологом не покидала доктора Фельдман. После окончания курсов специализации в том же госпитале она была принята на работу в частный медицинский офис по специальности внутренние болезни и эндокринология. Ира имеет высшую врачебную категорию по двум специальностям — эндокринолог и терапевт. Попастъ к ней на прием стремятся как русскоговорящие, так и англоязычные пациенты. Доктор Фельдман не ограничивается своей большой и ответственной профессиональной деятельностью. Она регулярно работает волонтером в различных общественных организациях, читает лекции по специальности в больших фармацевтических фирмах, участвовала в 100-километровом марафоне по сбору средств для помощи больным раком молочной железы, занимается благотворительностью.

Ира была координатором второй конференции Американско-русского медицинского общества (Вашингтон, 2005г.) и выступала там с докладом. Ира никогда не останавливается на достигнутом, у нее постоянно возникают новые планы, и она их успешно реализует. Совсем недавно овладела техникой лазерного лечения повреждений кожи. На традиционный вопрос, как она оценивает процесс социализации, ответила: «Нашей задачей было вырваться из империи зла, поэтому за все доброе, что мы нашли в США, наша глубокая признательность и благодарность».

Алла Шапиро (Каминкер) родилась в 1954г. в Киеве. Мать — врач, отец — инженер, участник Второй мировой войны. Закончив школу с золотой медалью, поступила на педиатрический факультет Киевского медицинского института. Спустя два года после его окончания была избрана на должность младшего научного сотрудника отделения детской гематологии Киевского института переливания крови и гематологии. Через три года подготовила к защите диссертацию на тему «Гормон роста и обмен липидов у детей, больных лейкозом». После публикации материалов диссертации получила просьбу из США прислать статью, однако специальность института воспротивилась этому. Как правило, ученая степень являлась основанием для получения более высокой должности. Осуществить это по месту работы либо в других научных учреждениях оказалось для Аллы, как «лица еврейской национальности», невозможным. Авария на Чернобыльской атомной электростанции (26 апреля 1986 года) резко изменила жизнь и профессиональную деятельность Аллы. С первых же дней она активно участвовала в оказании помощи пострадавшим, возглавила бригаду врачей для обследования детей, проживавших в одном из самых загрязненных радиацией районах (Народичи, Житомирская область). Сразу же после аварии был открыт институт радиационной медицины Академии наук СССР. Его директор предложил Алле Шапиро должность старшего научного сотрудника, однако министр здравоохранения П. Е. Романенко сказал, что лица с такой фамилией не могут работать в этом учреждении. 28 июля 1989 года семья в составе семи человек навсегда покинула родину-мачеху и в декабре прибыла в Мериленд.

Несмотря на все сложности, Алла решила начать подготовку к экзаменам для получения американского диплома. Через еврейские организации взяла беспроцентный заем и поступила на Каплановские курсы. Учеба проходила тяжело. Все экзамены сдавала по несколько раз. В ожидании результатов работала в медицинской библиотеке, санитаркой в стоматологическом кабинете, изредка переводчицей. Спустя 4 года после приезда сдала три основных экзамена.

Следующий этап — резидентура в педиатрическом отделении Университета Джорджтауна. Невзирая на все сложности, очень хотелось продолжить образование по детской гематологии и онкологии. Выдержав

большой конкурс, приступила к работе в Национальном институте здоровья в 1999г. Первый год работы в институтском госпитале был очень нелегким физически и морально. Придавали силы успехи в диагностике и лечении раковых больных, в частности детей; поддерживало чувство долга. Последующие два года работала в лаборатории противораковых лекарств, руководимой видным ученым и замечательным человеком Крисом Тахимото. В программу обучения входили доклады по актуальным проблемам медицины на расширенных конференциях. Доклад, посвященный чернобыльской аварии, привлек внимание гражданских и военных ученых и врачей из Института радиологии вооруженных сил США. В результате совместно проведенных длительных исследований был предложен препарат, оказывающий профилактическое и лечебное воздействие при радиационных поражениях. Алла прошла интервью и практику в Федеральном бюро по контролю лекарств и пищевых продуктов и была зачислена сотрудником онкологического отдела этого бюро. Спустя три года приглашена на работу во вновь открытый отдел, разрабатывающий методы профилактики и лечения радиационных поражений. Сбылась заветная мечта доктора Аллы Шапиро, которая никогда не могла бы быть реализована в бывшем Советском Союзе.

Алла — авторянти научных публикаций, систематически участвует в национальных и интернациональных конференциях и съездах по специальности. Так, она выступила с докладом на международной конференции в Киеве, посвященной 20-й годовщине аварии на Чернобыльской АЭС. Работы доктора А. Шапиро отмечены многими американскими наградами.

О ВРАЧАХ, НЕ ПОЛУЧИВШИХ АМЕРИКАНСКИЙ ДИПЛОМ

Евреи подкупают меня своей стойкостью в борьбе за жизнь, своей неугасающей верой, умной любовью к детям, работе.

Максим Горький

Наши материалы содержат информацию о 42 врачах этой группы. Из них наибольшее количество прибыло в 1989—92 гг. Как правило, они приезжали со взрослыми детьми и внуками и имели статус беженцев. Возрастной состав к моменту приезда: до 50 лет — 6 человек (14%), 50—60 лет — 19 (46%), 61—65 лет — 10 (24%), 66—70 лет — 6 человек (14%), свыше 70 лет — 1 (2%). Следовательно, 70 % были в возрасте от 50 до 65 лет.

Согласно существовавшему в США законодательству, пенсия (как и материальная помощь и медицинское обеспечение, предоставляемые беженцам) выплачивается лицам, достигшим возраста 65 лет (в

некоторых штатах — 62 года). Поэтому лица моложе указанного возраста должны были как можно скорее найти работу. Этому предшествовало изучение английского языка, т. к. на бывшей родине у них практически не было такой возможности. Английский язык изучался на курсах, а в больших городах — в колледжах, в которых учащиеся получают стипендию.

Мало лиц в возрасте 45—50 лет намеревались сдавать экзамены и проходить практическую подготовку для получения лиценса американского врача. Те же, кто решался на это, после 1—2 неудач навсегда отказывались от последующих попыток. Часть врачей не могла сдать экзамены в связи с плохими материальными условиями, болезнью членов семьи, плохим состоянием здоровья, недостаточным знанием английского или тяжелым стрессом.

Приходилось выполнять неквалифицированную работу (уборщика, грузчика), уход за детьми, пожилыми, больными. В последующем большинство находили работу, так или иначе связанную с медициной. Со временем врачи занимали должности медсестер, лаборантов в биохимических и других лабораториях (электрокардиографии, ультразвукового исследования и т. п.). Указанные профессии неплохо оплачиваются, и на них обычно работают до выхода на пенсию.

Везением можно считать единичные случаи, когда американские врачи приглашали в качестве помощников квалифицированных врачей, не имеющих американского диплома. Это доставляло большое моральное удовлетворение и обеспечивало безбедную жизнь.

Лица в возрасте 50—60 лет и старше — это в большинстве своем высококвалифицированные специалисты, занимавшие высокие должности (старшие научные сотрудники, заведующие лабораториями, отделениями и даже кафедрами). Среди них 11 человек были с учеными степенями кандидата или доктора медицинских наук.

Как же сложилась жизнь этих немолодых людей, квалифицированных и высококвалифицированных специалистов, в одночасье потерявших возможность продолжать свою деятельность? Даже тех, кто был теоретически готов к этому, не миновал различной тяжести стресс с последующими депрессивными состояниями.

Оправившись от стресса, гордые успехами и перспективами детей и внуков, большинство стали искать свою «нишу» в совершенно новых для себя условиях.

Это можно проиллюстрировать на примере профессоров А. И. Клейнера и Ю. И. Рафеса.

Анатолий Клейнер родился в 1928 г. в Харькове. Мать — домохозяйка, отец — служащий. Окончил школу с золотой медалью. Под влиянием дяди-биохимика поступил в 1945 г. в Харьковский медицинский институт. В ин-

ституте занимался научными исследованиями на кафедрах биохимии и гистологии. Закончив в 1951 г. институт с отличием, не получил возможности продолжить научную деятельность в Харькове и уехал на практическую работу в Казахстан. Здесь закончил заочную аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию. С 1962 г. работал в Харьковском научно-исследовательском институте гигиены труда и профзаболеваний в должности младшего научного сотрудника. Защитил докторскую диссертацию, подготовил 8 кандидатов медицинских наук, стал руководителем отделения, опубликовал свыше 200 статей и 8 монографий. В 1971 г. получил звание профессора.

Приехав в США в возрасте 64 лет, А. И. понимал, что получить лицензию врача он не сможет. Со свойственной ему целеустремленностью нашел работу лаборанта в госпитале; английский язык изучал в колледже.

Довольно скоро совместно с профессором Д. Б. Голубевым организовал Американско-русское медицинское общество (ARMS), которое объединяло врачей, не работающих по специальности. Постепенно число членов общества увеличивалось. Деятельность его многообразна. Раз в два месяца происходят встречи-конференции, на которых выступают члены общества.

С помощью спонсоров обществом проведены две международные конференции (1997 г. и 1998 г.) по актуальным проблемам медицины и биологии. С докладами выступили ученые бывшего Советского Союза из многих научных центров США.

Высокой оценки заслуживают опубликованные А. Клейнером (самостоятельно и в соавторстве) шесть монографий и справочников (см. Приложение). Они стали ценными медицинскими пособиями для людей, не владеющих английским языком.

На вопрос о самооценке профессор А. Клейнер ответил: «Я удовлетворен всем, что делаю, понимая, что в стране исхода это было бы невозможно. Однако ностальгия по профессии врача и исследователя меня не покидает».

Юлиан Рафес родился в 1924 г. в Вильнюсе (в то время находившемся под властью Польши). Отец — врач и видный еврейский общественный деятель на ниве социальной медицины, один из руководителей Бунда (социал-демократической еврейской партии). До 15-летнего возраста Юлий разговаривал на польском языке и идиш, русского не знал. В день начала войны 1941 г. семья бежала в Советский Союз и оказалась в городе Челябинске. Там Юлиан вначале работал, затем поступил в мединститут. После окончания войны семья переехала в Днепрпетровск, где Юлиан окончил мединститут.

Способный, целеустремленный, образованный доктор Ю. Рафес не оставил мечту заниматься научными исследованиями. Он сделал почти невозможное, — работая в практической медицине, защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертации. Далеко не сразу был приглашен на должность заведующего отделением Днепрпетровского института гастроэнтерологии. Он — автор около 200 научных публикаций, в том числе трех книг,

награжден Золотой медалью Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства. Интересовался историей медицины, международными связями. В 1988г. эмигрировал в США. Свое решение объясняет одиночеством, наступившим после смерти жены и эмиграции единственного сына с семьей. Немавшую роль имел не утихавший в стране антисемитизм.

После приезда в Нью-Йорк в течение 5 лет работал в еврейском научном институте YIVO в должности стипендиата-исследователя. Этому способствовало то, что указанный институт был основан в Вильнюсе и Юлиан располагал очень интересными сведениями о его истории.

Ю. Рафес опубликовал несколько книг на русском и английском языках (см. Приложение), получивших признание в США и за рубежом. Кроме того, Юлиан является автором нескольких телевизионных передач по проблемам Холокоста. Был организатором первой всемирной научной конференции «Еврейское медицинское сопротивление во время Холокоста» (Нью-Йорк, 1996г.). Несмотря на очень активную деятельность и хорошие социально-бытовые условия, испытывает ностальгию по любимой работе и старым друзьям. «Взамен потерянного, — говорит профессор Ю. Рафес, — я получил возможность закончить и опубликовать начатые в Советском Союзе исследования по истории медицины и Холокосту. Я выполнил давно поставленную перед собой задачу написать о моих соучениках по школе в Вильнюсе, сгоревших в пламени Холокоста».

Отрадно, что врачи, не имеющие возможности продолжать профессиональную деятельность, стали регулярно публиковать материалы по так называемой популярной (научно-просветительной) медицине. Они печатаются во многих русскоязычных газетах («Новое русское слово», «Форвертс», «Еврейский мир», «Каскад»). В течение года еженедельно в Нью-Йорке издавалась газета «Медицина и здоровье» (редактор — профессор Даниил Голубев), авторами которой были видные ученые. Статьи на медицинские темы печатаются и в научно-популярных журналах («Панорама», «Здоровье» и др.). Большой интерес представляют монографии, написанные врачами (см. Приложение).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Решение эмигрировать в большинстве случаев направлено на то, чтобы начать новую, лучшую жизнь. Но эмигрант не представляет себе достаточно четко, во что это решение выльется. А результаты, в зависимости от личностных качеств и складывающихся обстоятельств, бывают очень и очень разные. Я как-то шутила подумала, что не плохо было бы придумать «тесты на эмиграцию», определяющие действия тестируемого в конкретных ситуациях. Пока таких тестов не придумали, нужно исходить из существующих конкретных положений и ситуаций.

Полагаю, что представленные фактические материалы позволяют сделать некоторые обобщения.

Принимая решение об эмиграции, необходимо по возможности четко определить ее причины и цели — почему нужно эмигрировать и зачем.

Всем врачам-эмигрантам, включая русских евреев, приходится, по сути, начинать образование почти заново. Оно включает получение хороших знаний американского английского языка. Обучение по специальности приходится сочетать с познанием новой социальной среды, которая во многом отличается от среды в стране исхода.

Положительными факторами являются молодой возраст, поддержка родных и друзей, пренебрежение амбициями. Представленные материалы касаются в общем благоприятных случаев жизни эмигрантов и иммигрантов. Они не специально подобраны — так сложилось... Понаслышке знаю о драматических и даже трагических случаях, связанных с эмиграцией врачей-евреев. Не располагая достаточной информацией, не могла о них писать. Это самостоятельный и чрезвычайно важный раздел. Хочется надеяться, что он еще получит свое освещение.

Нередко возникает вопрос, что потеряли либо нашли страна исхода и страна иммиграции. Думаю, что представленная информация свидетельствует о потерях страны исхода. Эмигрировали способные врачи и научные работники, не получившие возможностей реализовать все свои способности и стремления.

Врачи различного возраста, как получившие американские дипломы, так и без них, вносят много полезного в жизнь США. Причем у лиц, не получивших американского диплома, остается возможность в той или иной степени социализироваться в новой стране.

В заключение выражаю глубокую признательность всем лицам, оказавшим содействие в сборе материалов для данной публикации.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Книги врачей-иммигрантов из России,
изданные в 1996—2004 гг.

- Бердичевский М. Маймонид. Н.-Й., 1998.
Берхин Е. Лекарства без рецептов (справочник американских лекарств и пищевых добавок). Н.-Й., 2002.
Берхин Е. Чем занимаются почки? Н.-Й., 2003.
Векслер И. Этюды о медицине. Н.-Й., 1996.
Голубев Д., Щиглик Д. Путь к Сиону. Н.-Й., 2002.
Геллер И. Из жизни врача. Н.-Й., 2001.
Гольяховский В. Русский доктор в Америке (История успеха). М., 2001.
Клейнер А., Буслович С., Макотченко В. Чем лечиться в Америке. Н.-Й., 1997.

- Клейнер А., Буслович С., Макотченко В. Новые лекарства в Америке (справочник-2). Н.-Й., 2001.
- Клейнер А. (глав. ред.) Американская семейная медицинская энциклопедия. Н.-Й., 2000.
- Клейнер А. Как избежать осложнений при приеме лекарств. Н.-Й., 2002.
- Клейнер А. Что нужно знать о медицинских тестах и анализах. Н.-Й., 2004.
- Клейнер А. Серебряный возраст и наше здоровье. Н.-Й., 2004.
- Мельман Н., Вайнруб Е., Бранован Д. Медицинские последствия аварии на Чернобыльской АЭС. Н.-Й., 2000.
- Мельман Н. Только факты: Антисемитизм на пути образования и науки. Н.-Й., 2002.
- Пинхасов Р. Мужчинам о мужчинах. Н.-Й., 2000.
- Rafes Y. The Way We Were Before Our Destruction. Baltimore—New York, 1997.
- Рафес Ю. Дорогами моей судьбы. Балтимор, 1998.
- Rafes Y. Doctor Tsemakh Shabad. Baltimore—New York, 1999.
- Rafes Y. Duodenal Antifatigue Hormonal Factor. New York, 2001.
- Rafes Y. Doctors and Patients: Doomed to Destruction. New York, 2002.
- Рафес Ю. Эпидемия терроризма и уроки Холокоста. Н.-Й., 2004.
- Rafes Y. Virus of Fanatical Hatred and Epidemic of Terrorism. New York, 2005.
- Рафес Ю. Дуся. Н.-Й., 2006.
- Рафес Ю. Еврейский врач в Восточной Европе. Н.-Й., 2006.
- Файн С. Иудейская война. Н.-Й., 2002.
- Цафрис П. Битва в пути. М., 2001.
- Шамраков Д. Общение без переводчика в англоязычных медицинских учреждениях. Н.-Й., 1999.

СОБЫТИЯ И ЛЮДИ

ВОИНСТВЕННАЯ ДОБРОТА САЯ ФРУМКИНА

Владимир Матлин (Вашингтон, США)

В начале восьмидесятых годов в столичном городе Вашингтоне произошёл такой случай. Федеральное правительство решило строить здание в центре города, но строительству мешал какой-то старый, сильно обветшалый дом. Снести его, и все дела! Ан нет. На беду в этом доме помещалась в последние годы ночлежка для бездомных. «Как это можно? — закричали тут борцы за права обездоленных, — как можно оставить без приюта и так уже бездомных людей!» «Что вы, что вы! — испуганно залепетало правительство, — мы построим для них на другой улице новую, гораздо лучшую ночлежку, со всеми современными удобствами». «Нет! — твердо сказали борцы, — не хотим на новом месте, хотим на старом. А не согласитесь с нами, тогда...»

Угроза была серьезная: главный борец, известный в стране активист и подвижник, грозился начать бессрочную голодовку и уморить себя голодом на глазах у всех. И правительство испугалось. И уступило. (А возглавлял в то время правительство, кстати сказать, отважный победитель коммунизма Рональд Рейган.) Ночлежка осталась на своем месте, борцы торжествовали победу, а бездомные... Да кто их спрашивает? Все равно непонятно, чего они хотят.

Все это, может быть, прямого отношения к моей теме не имеет, но все же заостряет внимание на очень интересном вопросе: кто они, борцы за права других людей, что ими движет? Тогда же в качестве радиожурналиста я встретился с тем самым борцом-активистом. После капитуляции правительства он отменил голодовку, но все равно был тощ и мрачен, глаза его горели, плечи напряжены. Я включил свой магнитофон и задал вопрос: «Что побудило вас заняться правами бездомных?» И то, что он ответил, запомнилось мне навсегда.

«Видите ли, когда в 73 году кончилась вьетнамская война, — сказал мой собеседник, — мы остались не у дел. В течение почти десяти лет мы активно протестовали против войны, боролись с правительством и империалистическими кругами... а тут вдруг мы победили, и все кончилось. Вот тогда я стал смотреть вокруг себя: чем заняться, на что обратить свои силы. И увидел бездомных...»

Понимаете, что удивило меня в таком объяснении: оказывается, не бедственное положение людей или несправедливость вызывает актив-

ность этих борцов, а скорее наоборот: излишек сил, которые они не умеют использовать созидательно и конструктивно, заставляет их отыскивать социальные явления, которые можно объявить злом, требующими искоренения. И начинается активная борьба против этого... или того... или чего-нибудь еще: против глобализации, или охоты на китов, против атомных электростанций или меховых шуб... лишь бы бороться.

Вот теперь, после этого вступления, я добрался до Сая Фрумкина, героя моего очерка. Его тоже называют борцом за права человека, но Боже мой, как мало общего у него с теми вечно протестующими профессиональными «борцами против». Сай не ищет, чем бы заняться, куда обратить свою энергию. На протяжении своей жизни он не смотрел по сторонам в поисках зла — оно само находило его...

В 1941 году гитлеровская армия пришла в его родной город Каунас, или Ковно, как называло его многочисленное тогда еврейское население. К этому моменту Саю было десять лет. Он родился и провел счастливое детство в интеллигентной, благополучной еврейской семье. Как это нередко бывало с еврейскими семьями в Прибалтийских странах, Фрумкины были ориентированы на русскую культуру. В семье говорили по-русски, читали русские книги, образование получали в Петербурге. Дядя Сая Яков Фрумкин был в свое время членом Государственной думы и дружил с А. Керенским. Другой его родственник был министром в правительстве независимой Литвы.

И все это рухнуло в одночасье. Еще до прибытия немецких войск литовцы учинили трехдневный еврейский погром, оставшихся в живых немцы загнали в гетто. Знаменитое Ковенское гетто, пример ужаса и отчаяния. Три года провел Сай в аду, испытывая голод и страх быть убитым. Не когда-нибудь, а сегодня: в гетто постоянно проводился «отсев»: слабых, негодных для работы людей выводили за город к печально известному Девятому Форту и расстреливали. За период существования гетто таким образом было уничтожено семнадцать тысяч человек.

После ликвидации гетто летом 1944 года Сай и его отец попали в Дахау, а мать была направлена в другой концлагерь. Отец погиб в Дахау, а Сай выжил. Он был освобожден из концлагеря американскими войсками и вместе с другими уцелевшими узниками направлен в лагерь для перемещенных лиц в Италию. Он чуть было не попросился домой в Литву, но к этому моменту стала известна практика советских властей, которые требовали от каждого уцелевшего доказать, что он не сотрудничал с немцами и остался живым случайно — что доказать невозможно просто по законам формальной логики: нельзя доказать отсутствие чего-либо. Сай не стал опровергать логику и таким образом избежал еще одного лагеря — советского...

Но в лагере для перемещенных лиц он провел немало времени: ни одна страна в мире не желала впустить этих несчастных, полуживых людей, чу-

дом избежавших смерти. Их приняла бы с готовностью еврейская община Палестины, но Великобритания, державшая мандат над этой областью, строго противилась этому. Тут Саю повезло: его разыскала мать, которую он считал погибшей в лагере. Радостная, но и горькая встреча...

Два с лишним года провел Сай в Европе, переезжая из страны в страну и пытаясь прижиться и продолжить образование. В конце концов его допустили в Венесуэлу, где у мамы обнаружилась сестра — близким родственникам въезд разрешили. И вот Фрумкин живет в Южной Америке, говорит по-испански, при этом учит английский — готовится поступить в университет в Соединенных Штатах. И действительно, в 1949 году поступает в Нью-Йоркский университет, откуда выходит в 1953 году со степенью бакалавра. Позже он снова пошел учиться и получил степень магистра.

Бизнес он открыл в Лос Анджелесе, который и стал его родным городом на всю жизнь. Сай женился, у него двое сыновей. Жизнь его складывалась благополучно и безмятежно, и вот в этот период как раз и стали поступать настораживающие новости касательно положения евреев в Советском Союзе.

Надо прямо сказать, что в отличие от большинства американских евреев Сай Фрумкин не имел никаких иллюзий насчет коммунизма. Он успел повидать его, так сказать, в натуральном виде в своей родной Литве, которая в 1940 году в одну ночь из независимой страны превратилась в маленькую часть советской империи. И помнил, что происходило вслед за этим: экспроприации, аресты, массовые депортации... Конечно, то что людям не дают учить иврит, или не отпускают в Израиль, или не принимают в высшие учебные заведения, или не дают развивать национальную культуру — это еще не концлагеря и не Девятый Форт. Но Сай знал, что коммунистический режим способен на все. Вот тех же отказников — сначала выгоняли с работы, потом стали избивать в подъезде, потом арестовывать. А учителей иврита предали суду и отправили в лагерь. Сай очень хорошо помнил, что такое жить под постоянной угрозой расправы. Значит, это не кончилось с концом нацизма, значит снова людей преследуют за их этническое происхождение, за религию, за идеологические отличия, наконец, за желание уехать из страны, где их преследуют. Неужели все может повториться? Нет, такого допустить нельзя! Not again! Never again! Сквозь благополучие и безмятежность своей американской жизни Сай уловил тревожный шум. Это пепел Холокоста стучал в его сердце...

Легко сказать: надо что-то делать. Но что именно? и как? и с кем?..

Сай недавно написал, что если бы сейчас к нему пришел молодой человек и рассказал, что он собирается делать все то, что Сай собирался сделать тогда, в конце шестидесятых, умудренный ныне опытом Сай просто бы посмеялся над ним. Но тогда он не был мудрым и опытным, тогда он был молодым человеком, помнившим свои страдания в гетто, смерть

отца в Дахау, скитания в качестве перемещенного лица и равнодушие всего мира к судьбе жертв нацизма. И он должен был сделать все возможное и невозможное, чтобы защитить своих братьев в России. Размышления над проблемой и беседы с другими людьми привели его к определенному выводу, который и стал центральной идеей в его действиях: евреи должны иметь возможность эмигрировать из СССР, где они постоянно находятся в опасности.

С этой идеей он, естественно, в первую очередь обратился в ведущие еврейские организации. И был сильно разочарован, мягко говоря. Не то чтобы лидеры еврейских организаций не видели проблем российского еврейства, не то чтобы они не хотели как-то помочь своим соплеменникам — нет, они вполне были за помощь и поддержку, но как? Только тихо-тихо, по официальным каналам, путем переговоров с советскими представителями, в обмен на уступки...

Сай знал этот путь и отвергал его: это был путь умиротворения, мюнхенских уступок, капитуляции перед наглой силой. Этот путь уже привел однажды к Холокосту. Нет, Фрумкин не мог идти по нему снова, даже вместе с авторитетными еврейскими лидерами. Так возникла у него концепция открытых публичных ненасильственных действий в рамках закона и американской демократической традиции.

Но для этого нужны единомышленники, нужна организация, нужны средства. В этот ранний период Сай встретил молодого человека, исповедовавшего близкие ему идеи — Зева Ярославского. Это теперь Ярославский — видный политик, занимающий выборную должность супервайзера Лос-Анджелесского графства, а тогда он был самым обыкновенным двадцатилетним студентом. И вот эти два молодых еврея и оказались у истоков движения, которое имело, без преувеличения, огромный международный резонанс и существенно повлияло на отношения сверхдержав. Конечно, они были не одни. Очень скоро стало известно, что аналогичного направления группы возникают и в других американских городах. И стали известны имена их инициаторов: Лу Розенблюм в Кливленде, Линн Сингер в Нью-Йорке, Хералд Лайт в Сан-Франциско, Айрин Маниковски в Вашингтоне, Лилиан Хофман в Денвере, Женья Интратор в Торонто (это уже в Канаде) и многие другие. В тот период они не были связаны друг с другом организационно, но разделяли сходные взгляды: евреям в Советском Союзе угрожает насильственная ассимиляция, а то и худшая судьба, потому нужно бороться за возможность их эмиграции из той страны; действовать при этом нужно публично, с максимальным общественным резонансом, поскольку тихая дипломатия ничего не даст: даже согласившись на какие-то уступки, советские начальники их не выполнят, как они не выполняют, например, Хельсинские соглашения.

Таковы были взгляды этих людей. Называли они себя по-разному, но сходно: кто — Комитет по делам советских евреев, кто — Совет за права

советских евреев, кто — Объединение борцов за права советских евреев, но побуждения их борьбы были одинаковыми: они не могли допустить нового Холокоста даже в «мягкой» форме — в виде ассимиляции. Пепел Холокоста не давал им покоя. У многих из них были родственники в Советском Союзе, связь с которыми была насильственно прервана в течение долгого времени. Но когда некоторым из них позволили навестить советских родственников, они вернулись домой в полном ужасе: даже не от бедности материального существования в коммунальных квартирах, а куда больше от их запуганности, их страха перед антисемитизмом, от всей этой погромной литературы, выходящей под эгидой государства в миллионных тиражах и находящей живой отклик среди населения. Так что созданный Фрумкиным и Ярославским Южно-Калифорнийский совет в защиту советских евреев был далеко не единственной организацией такого рода, и здесь центральное внимание ей уделяется постольку, поскольку статья эта посвящена Саю Фрумкину.

Создатели движения с самого начала понимали, что успех его во многом зависит от того, насколько им удастся заинтересовать положением евреев в СССР людей за пределами еврейской общины, то есть не-евреев. Чтобы оказать влияние на политику американского правительства, в стране должно быть создано широкое общественное мнение, определенное отношение к этому большому вопросу. И Сай очень скоро в этом убедился.

Счастливым случай свел его с очень яркой личностью — широко известным в Калифорнии радио-ведущим Джорджем Патнэмом. Слушателей у него было много, они любили Джорджа за честность, грубоватую прямолинейность, сочувственное отношение к нуждам простых людей. Когда Патнэм услышал от Сая о положении советских евреев, его возмущению не было предела. Как это бояться ходить в синагогу? Сам он регулярно ходил в церковь, и какие-либо препятствия на пути в дом Божий казались ему нетерпимыми. Как это не могут выехать в Израиль? А если им велит религиозный долг? В общем, Сай нашел в его лице верного союзника, и это была огромная помощь. Патнэм в своих передачах постоянно давал время Фрумкину и другим активистам движения за советских евреев (а они уже стали появляться) и сам говорил на эту тему. С его помощью была организована первая в Калифорнии массовая демонстрация в поддержку евреев в Советском Союзе. На праздник Хануки в 1969 году десять тысяч человек прошли колонной с горящими свечами по Лос-Анджелесу от Музыкального центра до городской мэрии, требуя свободу эмиграции евреев из СССР. Во главе демонстрации шел Джордж Патнэм. Впечатление было потрясающее. Сая поздравили с успехом мэр города, а самое главное — организацию заметили, о ней стали говорить и писать.

И вот интересный вопрос: кто были эти десять тысяч человек, вызвавшие заинтересованность судьбой советских евреев? Сай говорит, что лишь небольшая часть их были евреи, а главным образом — не-евреи.

Именно это и определило успех той лос-анжелесской демонстрации, а позже и всего движения. Важной частью движения стали американские христиане разных деноминаций. На всех мероприятиях можно было видеть священников и монахинь, в ежедневных бдениях напротив советского посольства в Вашингтоне в дни еврейских праздников евреев заменяли прихожане соседних церквей. Как правило, американцы сочувственно реагируют на ограничение свободы, где бы это ни случилось.

Вскоре сложилось ядро организации — несколько десятков человек, которые принимали активное участие во всех мероприятиях. И еще сотни людей, которые готовы были по первому зову прийти на демонстрацию, митинг, любое массовое мероприятие. Но вот со средствами всегда было туго. Ни еврейские организации, ни тем более правительство ни доллара не давали. А все эти листовки, плакаты, объявления в газетах, телефонные звонки — все стоило денег. Находились, конечно, жертвователи, но главным жертвователем все же был сам Фрумкин. К счастью, дела в бизнесе шли неплохо (он продавал обивочные ткани и драпировку), но эти деньги не были «лишними» для семьи... В этой связи Сай любит вспоминать, как однажды во время демонстрации в связи с прибытием русского балета к нему подошел некий член гастрольной группы явно небалетного вида и не без зависти сказал по-русски: «Вам, наверное, хорошо платят». Если бы он знал...

Организация действовала в нескольких направлениях. Прежде всего, массовые демонстрации и митинги. Затем — контакты с отказниками в России. Людей, которым угрожал арест, брала «под опеку» какая-либо правозащитная группа; этим людям постоянно звонили, им отправляли посылки, к ним приезжали визитеры из Америки. Сай дважды ездил в Москву, но гебешники его знали, за ним ходили по пятам, так что многого сделать он не мог. Еще одно направление: разъяснение в средствах массовой информации целей движения за советских евреев. На эту тему Сай опубликовал десятки статей, выступал по радио и телевидению. И, наконец, контакты с американским правительством. По всей стране местные организации устанавливали отношения со своими конгрессменами и сенаторами, которые, как правило, сочувственно относились к целям движения. А когда местные группы решили объединиться и создать в Вашингтоне свое представительство (Union of Councils for Soviet Jews), появилась возможность постоянных контактов с государственным департаментом.

В начале семидесятых годов нью-йоркский студент по имени Гленн Рихтер выступил инициатором смелой идеи: связать торговый статус той или иной страны с существованием свободной эмиграции из этой страны. Иначе говоря, по мысли Рихтера, следовало принять закон, по которому иностранная держава могла получить льготные преимущества в торговле с Соединенными Штатами лишь в том случае, если ее эмиграционная политика соответствует международным стандартам прав человека.

Почему именно эмиграция, спрашивали критики этой идеи. Да потому что наличие или отсутствие эмиграции легко увидеть извне, тогда как происходящее внутри тоталитарного государства не так очевидно. Рихтеру и его единомышленникам удалось заинтересовать своей идеей некоторых американских законодателей, и в результате сенатор от штата Вашингтон Хенри «Скуп» Джексон и конгрессмен из Огайо Чарлз Ваник внесли законопроект, направленный на проведение в жизнь этой идеи. Законодатели в большинстве своем были знакомы с проблемами советского еврейства и сочувственно отнеслись к законопроекту. И вот 20 декабря 1974 года закон, получивший название поправки Джексона-Ваника, был принят, несмотря на сопротивление некоторых бизнесменов и чиновников.

Поправка Джексона-Ваника не говорила специфически о Советском Союзе и евреях, это была общая норма, распространяющаяся на все случаи подавления свободной эмиграции. Но понятно, что движение за советских евреев воспользовалось этим законом немедленно. Советский Союз как раз пытался в это время расширить экономические связи с США, и лишение статуса наибольшего благоприятствования в торговле наносило советским интересам чувствительный урон. Реакция московских властей была болезненной.

Вообще говоря, постоянное давление на официальных советских представителей входило в арсенал средств участников движения. Мы упомянули выше ежедневные демонстрации на 16-й улице в Вашингтоне напротив советского посольства. Но и во всех других местах, где бы ни появлялись официальные представители Советского Союза — на международных конференциях, на различных переговорах — их встречали демонстранты с плакатами в руках: «Требуем свободу эмиграции», «Отпустите отказников», «Соблюдайте права человека» и тому подобное.

Однако Сай считал, что выступать надо не только перед официальными представителями правительства, но перед любыми советскими людьми, оказавшимися в Америке. Конечно, они не виноваты в государственных преследованиях евреев, но и они должны знать о том, как на это смотрят американцы. Пусть ознакомятся с фактами, послушают наши требования, ведь у себя в стране они об этом не узнают. И вот перед советскими артистами, спортсменами, студентами, профсоюзными деятелями... короче, перед всеми, кто оказывался в Америке, появлялись люди в арестантских халатах с плакатами в руках и раздавали листовки на русском языке, где перечислялись злодеяния советских властей против евреев, желающих эмигрировать. У входов в театры, где пели и танцевали советские артисты, возле стадионов, где выступали советские спортсмены, непременно стояли демонстранты, выкрикивая «Let my people go!», «Отпусти мой народ!». Навсегда запомню одну из таких демонстраций — в марте 1975 года, в дни лос-анджелесского кинофестиваля, в котором принимала участие советская делегация.

Прибывших в автобусе советских кинематографистов встретила демонстрация с плакатами по-английски и по-русски.

От автобуса к театру они шли плотно сбитой стайкой. Вид у них был смущённый, испуганный, но и вызывающий: наплевать, мол, нам на всех, у советских собственная гордость. Они делали вид, что не слышат обращённых к ним криков, не видят окруживших их людей, эдак быстро-быстро, боком-боком через сердито гудящую толпу; впереди и по бокам безликие гебешники, за ними члены делегации кинематографистов с опущенными глазами, а в центре группы — глава делегации, большой начальник советской литературы и кинематографии Сергей Михалков. Ничего не видят, ничего не слышат...

И вдруг — громоподобный крик. По-русски: «Господин Михалков, отпустите кинооператора Суслова! Отпустите сценариста Камова! Хватит издеваться над отказниками!» Это Сай Фрумкин. Он одет в полосатую робу зека, в руках у него мегафон. Мы подхватываем: «Let my people go!». Советские делегаты останавливаются в замешательстве. На мгновение растерялся и сам Михалков, но быстро совладал с собой: «Не задерживайтесь, товарищи! Пошли-пошли!» Я вспомнил написанные им когда-то слова: «Нас вырастил Сталин на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил».

Пикет у музея искусств в Лос-Анджелесе во время выставки советского искусства. Крайний справа — Сай Фрумкин

А когда советская делегация скрывается за дверьми, начинается, пожалуй, самое трудное. Непрерывной чередой к нам подходят респектабельные американские граждане, по большей части старички и старушки с добрыми глазами, и вкрадчивыми голосами говорят: «Зачем же так? Зачем смешивать политику с искусством?» Или: «Вы ведь только сделаете хуже для отказников». Или: «Я тоже еврей, я тоже сочувствую нашим братьям в Советском Союзе, но почему нужно шуметь здесь и сейчас?» «А где и когда? — спрашивает Сай. — Скажите мне, где и когда вы считаете это уместным, и я уйду отсюда». В полной растерянности добрые старички смотрят на Сая: действительно, где и когда? Это теперь мы знаем: американское (затем мировое) движение в защиту советских евреев спасло от гибели отказников, сделало возможным немислимое — эмиграцию из страны Гулага, нанесло невосполнимый урон советской идеологии. А тогда всё было далеко не ясно. Еврейский истэблишмент считал открытые акции протеста вредными, поскольку они раздражают советских начальников.

На сегодня история сказала своё слово: прав оказался Фрумкин и его единомышленники, сторонники открытых действий. Достаточно полистать воспоминания бывшего советского посла в Вашингтоне Анатолия Добрынина, озаглавленные «In Confidence» (возможно, эта книга издана и по-русски), уж кто-кто, а он-то знает, что происходило на самом деле. На протяжении книги он возвращается к теме еврейского движения за эмиграцию из СССР раз тридцать, если не ошибаюсь. Он пишет о том, что американские евреи в 70-х-80-х годах оказали существенное влияние на все сферы советско-американских отношений: переговоры о разоружении, культурный обмен, экономические связи. Ведя переговоры с советскими представителями, американское правительство настаивало на соблюдении прав человека в Советском Союзе, в частности, на свободе эмиграции. Советским дипломатам, делегациям, художественным коллективам буквально не было прохода от демонстрантов в американских городах. Поправка Джексона-Ваника, принятая по инициативе американских евреев, поставила в связь статус наибольшего благоприятствования в торговле со свободой эмиграции.

Посол Добрынин пытался убедить кремлёвских руководителей в необходимости изменить эмиграционную политику, выпустить, наконец, этих чёртовых евреев и тем самым успокоить общественное мнение в Америке. Это бы принесло, говорил посол, большие выгоды в политике и торговле. Добрынина не послушали, свободу эмиграции не допустили, но всё же, всё же около трёхсот тысяч человек в те годы уехали из Советского Союза: перед каждой встречей в верхах, перед каждой международной конференцией советская сторона должна была сделать «жест», то есть выпустить тысячу-другую рвущихся за рубеж евреев. И отказников удалось сохранить в живых. Несомненно, это был результат «открытых действий».

С началом «перестройки» и с концом коммунистического режима в России проблема свободной эмиграции была решена. Но Union of Councils и Фрумкинская группа в Калифорнии продолжают работу. Их функции изменились: теперь они, в основном, осуществляют мониторинг прав человека в бывших советских республиках. Сай также представляет интересы эмигрантских групп, если, по его мнению, их права ущемляются какими-либо организациями. Несколько лет назад он начал борьбу с американским центром по распределению германских репараций жертвам Холокоста — Claims Conference. Фрумкин считает, что распределение осуществляется неправильно, несправедливо. Советского Союза больше нет, но несправедливость в мире продолжает существовать. Саю незачем смотреть по сторонам в поисках социального зла...

Правозащитная деятельность — лишь часть той общественной работы, которую систематически ведёт Сай Фрумкин. Не менее важна его многолетняя работа по распространению знаний о Холокосте. Ведь их остаётся всё меньше — свидетелей, переживших те страшные события, и Сай, наверное, самый молодой из них. Сотни выступлений, докладов и дискуссий в самых разных аудиториях, в том числе, настроенных недоброжелательно. Не так давно по инициативе Центра Визенталя Сай летал с докладами в Японию — страну, где никогда не жили евреи, но антисемитская пропаганда достигает умопомрачительного уровня. Именно так: если евреев нет, антисемиты их придумают...

Но основная аудитория Фрумкина — американские студенты и школьники-старшеклассники. В школах он выступает систематически, рассказывает о Холокосте, о своей семье, о своём опыте. Главная мысль — необходимость терпимости на всех уровнях — личном, общественном, государственном и категорический отказ от всех форм насилия. В ответ на беседы Сай получает письма от своих слушателей, и они бывают удивительно трогательными. Вот попавшиеся мне на глаза выдержки из писем школьников к Саю Фрумкину:

«После того, как я слышала Вас, я пришла к необходимости бороться с несправедливостью, существующей в мире. Конечно, я не смогу покончить со всем злом, но мне под силу сделать хотя бы что-то» (Джакелин Понгау). «Я многому научилась от Вас. В частности тому, что самоутверждение, которое вообще-то неплохая вещь, может в определенных случаях становиться источником зла...

Я теперь вижу свою жизнь иначе и никогда не буду принимать поспешных решений» (Джессика Бут).

Можно ли получить большую награду, чем подобные письма?

Но и это не всё, если мы говорим о Сае Фрумкине. Как не сказать о его журналистской работе, о сотнях его статей, опубликованных в американской прессе на русском и английском языках? Это должна быть тема отдельного подробного разговора. Здесь же отмечим только, что журна-

листика Сая — это продолжение его практической деятельности иными средствами, это всё та же борьба с несправедливостью. О чём он пишет? О преследовании евреев в различных частях мира, и не только евреев — других меньшинств тоже. Об антисемитской пропаганде. О Холокосте, его отрицателях и жертвах. Об идиотизме политической корректности. Об истории евреев и негров в Америке. Очень о многом. Как он пишет? Прежде всего, с глубоким знанием предмета, что выгодно отличает его от нас, живущих в Америке не так давно. И потом — ненавязчиво, без поучительно-снисходительного тона, от которого кто-нибудь другой наверняка бы не удержался на его месте, учитывая превосходство в знаниях. Сай пишет с подкупающей простотой и искренностью, которая, осмелюсь сказать, балансирует порой на грани наивности. Всё это делает Фрумкина одним из лучших авторов в русско-американской журналистике.

Конечно, мне бы ещё хотелось говорить и говорить о Сае как о добром человеке и замечательном друге, но пожалуй, надо остановиться. В заключение, не удержусь, расскажу такой эпизод, характеризующий Сая и дающий необходимую перспективу рассказанному здесь. Я сказал ему, что пишу эти заметки: нужно было проверить с ним кое-какие факты. Реакция была неожиданной:

— Мне это не нравится! Это несправедливо! — сказал Сай. — Среди зачинателей движения за советских евреев были сотни людей. Причем некоторые из них сделали больше меня, а о них — ни слова! Знаешь, почему? Потому что они не говорят по-русски, их не знают в эмигрантской общине. А я говорю и пишу — вот меня и вспоминают. Несправедливо это...

Когда Сай говорит «несправедливо», нужно прислушаться. Он знает, что такое несправедливость и что такое зло, он видел их своими глазами.

Иосиф Наумович Богуславский родился в 1930 г. в Ленинграде. Образование гуманитарное (ун-т) и техническое (полиграфический ин-т). Соавтор книги «В. Высоцкий. Человек. Поэт. Актер», переведенной на английский, французский и шведский языки. Эмигрировал в США в 1990 г. Автор ряда статей об американских деятелях культуры, политики и экономики и о выдающихся евреях-эмигрантах, а также книги «Американский успех. Люди и символы» (М.: Альпина бизнес букс, 2004). Живет в г. Бостон.

Галина Борисовна Глушанок, филолог, набоковед. Родилась в Ленинграде. Закончила Ленинградский педагогический ин-т, занималась музейной, преподавательской и исследов. работой. Автор статей и архивных публикаций, посвященных русской эмиграции. Один из комментаторов сочинений В. Набокова. Автор и куратор выставок, посвященных биографии и творчеству писателя. Живет в Нью-Йорке.

Елена Дубинец защитила кандидатскую диссертацию в Московской консерватории в 1996 г. Сферой ее интересов являются теория, композиция и система нотной записи в музыке XX века. Автор книги «Знаки звуков. О современной музыкальной нотации» (Киев, 1999). Другая ее книга, «Сделано в США: Музыка, которая звучит вокруг нас», принята к печати московским издательством «Композитор». Была организатором или соорганизатором нескольких фестивалей русской музыки в США и двух фестивалей американской музыки («Альтернативы») в России.

Марк Иосифович Зальцберг родился в Ленинграде в 1933 г. Выпускник Ленинградского Технологического ин-та. До эмиграции в 1979 г. работал в различных научно-исследовательских ин-тах. После приезда в США — в лаборатории проектирования сверхпроводникового суперускорителя протонов в Космическом центре Хьюстонского ун-та. Имеет 20 научных публикаций, 3 патента США, а также несколько литературных публикаций в западных журналах и российских изданиях. В трех номерах советского журнала «Химия и жизнь» опубликовал биографию акад. В. Н. Ипатьева.

Эрнст Абрамович Зальцберг родился в 1937 г. в Ленинграде. Окончил Ленинградский Горный ин-т в 1960 г. и Ленинградскую консерваторию в 1967 г. Кан-

дидат геол.-минералог. наук (1971). Автор многочисленных публикаций в области гидрогеологии. Интересуясь проблемами музыкально-исполнительского искусства, опубликовал ряд статей и рецензий о выдающихся исполнителях в газетах «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Экзодус» (Торонто) и журналах «Clavier», «Journal of the Conductor Guild», «East European Jewish Affairs», «Strad». 10 статей были напечатаны в сборниках серий «Евреи в культуре Русского Зарубежья» и «Русские евреи в Зарубежье». Автор книги «Great Russian Musicians: From Rubinstein to Richter» (Mosaic Press, 2002).

Алина Иховидова родилась в Одессе. В 1967 г. вместе с семьей переехала в Воронеж, где поступила в ун-т на французское отделение фак-та романо-германской филологии. В 1982 г., после окончания аспирантуры Московского ун-та иностранных языков (им. М. Тореза), защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Романские языки». С 1973 по 1983 г. работала в Ин-те земного магнетизма АН СССР переводчицей научно-технич. лит-ры, с 1983 по 1992 г. — доцентом в Воронежском педагогическом ин-те. В 1992 г. эмигрировала в Израиль и затем в Канаду (1995). В Торонто работала зам. гл. редактора газеты «Наш взгляд». Ее статьи, рецензии и переводы французской поэзии опубликованы в журналах США, Израиля и Украины.

Эдвард Касинец (р. 1945) закончил Колумбийский ун-т, Амер. ун-т Вашингтона, Высшую школу библиотечных наук Иллинойского ун-та и Симмонс колледж библиотечных наук. Стажировался на историческом ф-те Московского ун-та. С 1973 по 1980 г. — ученый библиограф библиотеки Гарвардского ун-та. С 1980 по 1984 г. — библиотекарь Славянских коллекций библиотеки Калифорнийского ун-та. С 1984 г. — зав. Славяно-Балтийского отдела Нью-Йоркской публичной библиотеки. Автор многочисленных научных публикаций.

Елена Ильинична Коган — специалист в области книжного дела. В 1997 г. выехала в США, с 1998 г. начала публиковать материалы, посвященные российской книжности в этой стране. Ее статьи печатались в журналах «Библиография», «Наше наследие», «Русское искусство», «Новый журнал». Автор книги «Российская книжность в Америке» (СПб., 2005).

Юрий Левинг (р. 1975) — профессор русской литературы и кино в ун-те Дальхаузи (Галифакс, Канада). Автор книги «Вокзал — Гараж — Ангар (В. Набоков и поэтика русского урбанизма)» (СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2004) и многочисленных статей по истории русской литературы, один из комментаторов Собрания сочинений В. Набокова русского периода в 5 тт. (СПб., 1999—2000), редактор и составитель сборников «Шиповник. Историко-филологический сборник к 60-летию Романа Давидовича Тименчика» (М.: Водолей Publishers, 2005. Совместно с А. Осповатом и Ю. Цивьяном) и «Империя Н. Набоков и наследники» (М.: НЛО, 2006. Совместно с Е. Сошкиным).

Анатолий Либерман родился в 1937 г. в Ленинграде. Доктор филологических наук. В США с 1975 г., профессор Миннесотского ун-та. Основные области исследования: языкознание, средневековая германская и русская лит-ра, фольклор, поэтический перевод. Автор около 500 публикаций, в том числе 16 книг.

Владимир Матлин родился в 1931 г. в Москве. Окончил Московский юридический ин-т, работал редактором и сценаристом на киностудии Центрнаучфильм, писал киносценарии, печатал статьи по вопросам киноискусства. С 1973 г. живет в США. В течение 22 лет работал на «Голосе Америки», вел несколько программ под псевдонимом Владимир Мартин (в частности, «Обзор еврейской жизни»). Публиковал статьи по вопросам политической и общественной жизни в американской печати на русском и английском языках. После выхода на пенсию в 1997 г. занимается только писательской деятельностью. Опубликовал 5 сборников рассказов и повестей: один в Америке в изд-ве «Эрмитаж», четыре в России в изд-ве «Захаров». Рассказы Матлина печатались в журналах «Континент», «Звезда», «Новая Юность», «Время и мы», «Кольцо А», а также в переводах на английский, итальянский и венгерский языки.

Нелли Яковлевна Мельман, доктор мед. наук, бывш. старший научн. сотрудник киевского ин-та урологии и нефрологии. В СССР опубликовала свыше 150 статей и была соавтором 11 книг (монографии, пособия, справочники). В 1989 г. эмигрировала в США. Около 15 лет проработала в лаборатории молекулярного распознавания Нац. ин-та здоровья. Соавтор 40 статей по вопросам молекулярной биохимии. Опубликовала научно-популярную брошюру «Медицинские последствия аварии на Чернобыльской АЭС» (2000), главу в «Американской домашней медицинской энциклопедии» (2002), книгу «Только факты. Антисемитизм на пути к образованию и науке» (2004), подготовила к печати (в соавторстве с И. Бранован) книгу на русском и английском языках «Радиация и здоровье».

Авраам Менес (1897—1969), историк и общественный деятель. В 1917 г. — активист Бунда, после Первой мировой войны — зам. пред. еврейской общины Гродно. С 1920 г. — в Берлине, где изучал еврейскую историю. В 1923 г. вместе с Р. А. Абрамовичем написал «Полную историю Израиля» (на идиш). В 1925 г. был одним из организаторов Еврейского научного ин-та (ИВО). В 1933 г. переехал в Париж, писал статьи на исторические темы для евр. энциклопедии (на англ. яз.). С 1940 г. — в США, где сотрудничал в газете «Форвертс». Изучал историю евр. рабочего и социалистического движения.

Эрнст Львович Нехамкин родился в 1936 г. в Минске в семье журналистов. После окончания в 1959 г. Белорусского Политехнического ин-та работал сначала на Минском тракторном заводе, затем начальником конструкторского бюро Минского подшипникового завода. В 1995 г. переехал на постоянное

место жительства в Нью-Йорк. Здесь стал заниматься журналистикой, печатался в газетах «Новое русское слово», «Вечерний Нью-Йорк», «Русский базар», «Вестник». В 2004 г. издал книгу «Созвездие Льва» о судьбах российских американцев, оставивших заметный след в науке и культуре США.

Ирина Владимировна Обухова-Зелиньска родилась в Москве. Основные специальности — переводчица и искусствовед. Член Международной ассоциации искусствоведов (AIS), участница междунар. конференций и семинаров. Выйдя замуж за польского журналиста, стала гражданкой Польши и переехала в Варшаву. Автор статей по искусству и культурологии конца XIX — начала XX вв. Председатель Общества друзей Ю. Анненкова (www.annenkoff.narod.ru) и организатор связанных с этим мероприятий, публикатор и переводчик Анненкова, автор статей о нем, издатель бюллетеня «Вопросы анненковедения». Автор 9 статей в сборниках «Евреи в культуре Русского Зарубежья» и «Русские евреи в Зарубежье».

Михаил (Аронович) Пархомовский родился в 1928 г. в Одессе. Окончил Саратовский мед. ин-т. Работал врачом на Дальнем Востоке, с 1954 г. — в Москве. После защиты канд. диссертации был старшим научн. сотрудником в Ин-те железнодорожной гигиены. Последние годы жизни в Москве работал в консультативных поликлиниках. Автор 50 научн. работ. 35 лет реферировал научн. лит-ру для биологического и медицинских журналов. Автор книги о З.Пешкове «Сын России, генерал Франции» (1989, 1999). С 1990 г. живет в Израиле. В 1992—96 гг. — сост., гл. ред. и издатель серии «Евреи в культуре Русского Зарубежья» (5 томов). На базе этого издания организовал научно-исследовательский центр «Русское еврейство в Зарубежье». В 1998—2003 гг. — сост., гл. ред. и издатель серии книг «Русское еврейство в Зарубежье», тома 1(6) — 5(10). Удостоен званий *Человек года — 1998* в США и *Человек года — 1997/98* в Англии, лауреат премий Анны Хавинсон (США) и Розы Эттингер (Израиль).

Наталья Расстонина — пианистка, педагог, музыкальный критик. Окончила фортепианный факультет Ленинградской консерватории, в которой преподавала затем 30 лет. Заведовала кафедрой фортепьянной педагогики и методики. Доцент, кандидат искусствоведения. Ее перу принадлежат более 150 научн. и публицистических работ, опубликованных в России, Польше и США. Неоднократно участвовала в междунар. симпозиумах. Живет в Нью-Йорке.

Елена Дмитриевна Толстая защитила докторскую диссертацию о творчестве А. Платонова в Иерусалиме, где она преподает русскую литературу. Автор книги о Чехове «Поэтика раздражения» (2002, второе изд.), сборника статей «Мир после конца: работы о русской литературе XX в.» (2002) и книги рассказов «Западно-восточный диван-кровать» (2003). Опубликовала серию статей о мало известных аспектах творчества А. Н. Толстого, таких, как его участие

в театральных экспериментах 1910-х годов и его запрещенные до недавнего прошлого статьи, написанные в 1917—1919 гг.

Лазарь Флейшман окончил Академию музыки в Риге (1961) и факультет русской и славянской филологии Рижского ун-та (1966). Старший преподаватель и профессор Еврейского ун-та в Иерусалиме (1974—1985). Профессор Славянского отделения Стенфордского ун-та (с 1985 г. по наст. время). Многолетний редактор серии «Stanford Slavic Studies». Автор книг «Борис Пастернак в двадцатые годы» (1981, 2003), «Борис Пастернак в тридцатые годы» (1984), «В тисках провокации. Операция “Трест” и русская зарубежная печать» (2003), «Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов» (2005) и др. Организатор и участник многочисленных междунар. конференций и симпозиумов о русской литературе XIX и XX веков, о Пастернаке, русских поэтах и писателях-эмигрантах, русско-еврейских, русско-польских и русско-балтийских культурных связях и др.

Дан Харув родился в Бобруйске (Белоруссия) в 1948 г. В 1973 г. окончил исторический факультет Московского педагогического ин-та. С 1977 г. в Израиле. В 1982 г. окончил факультет истории еврейского народа Иерусалимского ун-та. В 1979—90 гг. работал в Ин-те современного еврейства, музее Яд ва-Шем и Краткой еврейской энциклопедии. С 1977 г.— зам. редактора ежегодника «Евреи на перепутье / Евреи бывшего СССР в Израиле и диаспоре». Специализируется в областях еврейской историографии, демографии, истории восточных общин евреев бывш. Советского Союза и истории иудаистики. Опубликовал более 70 статей. С 1998 г. автор, редактор и консультант по истории еврейского народа НИ центра «Русское еврейство в Зарубежье».

Александр Маркович Эткинд (р.1955), культуролог, эссеист, автор книг «Эрос невозможного. История психоанализа в России» (1993), «Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века» (1995), «Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах» (2001) и др. Докторскую диссертацию (PhD, славянская филология) защитил в ун-те Хельсинки в 1998 г. Преподает в Европейском ун-те (С-Петербург) и Кембриджском ун-те (Англия). Сотрудничает с журналами «Новое литературное обозрение», «Новый мир искусства», «Знамя», «Звезда» и др.

Am olam — The Eternal People. Avraham Menes (USA). The short history of the Am olam movement is given. Its goal was to establish Russian — Jewish agricultural settlements in the USA. The rise and failure of some of them are described. Some of the former settlers became the active members of the American Socialist Party and Unions.

«The Alliance of Russian Jews Invites You for a Lecture of the Prominent Writer and Public Figure...» (on Solomon Schwarz). Mikhail Parkhomovsky (Bet-Shemesh, Israel). Solomon Meerovich Schwarz (born Monoszon) was born in 1883 in Vilna (now Vilnius). He studied law at the Universities of Berlin, Munich, Saint- Petersburg and Heidelberg. He was an active member of the Social-Democratic Party (its Mensheviks section). Schwarz was expelled from the Soviet Russia and lived in Berlin (1922—1933). After 1933, he moved to Paris and moved again to New York in 1940. From 1921 till 1965, Schwarz was closely affiliated with the Mensheviks journal *Sotsialisticheskii vestnik*. He published numerous books on the history of the 1905 and 1917 Russian Revolutions, the Russian labor movement, status of Jews in the USSR and Soviet politics. His books were translated to Russian, English, German, Hebrew, Yiddish, Japanese and other languages. He passed away in Israel in 1973.

Ayn Rand: Alice from Wonderland. Alexandr Etkind (Saint-Petersburg, Russia). Ayn Rand (1905—1982), born Alisa Rosenbaum, was a Russian-born Jewish-American writer best known for writing the novels «We the Living» (1936), «Anthem» (1938), «The Fountainhead» (1943) and «Atlas Shrugged» (1957) and developing philosophy of Objectivism. Her philosophy emphasized the concepts of reason, individualism, rational egoism and capitalism. Among her prominent followers are Alan Greenspan and Hillary Clinton.

Roman Jakobson. Anatoly Liberman (Minneapolis, USA). Roman Jakobson dominated world linguistics for half a century, but his contributions to literary studies and semiotics are not less weighty. His life and work have been the objects of numerous articles and books. In addition, he wrote illuminating recollections, and in his dialogues with Krystyna Pomorska, he described his aspirations and findings better than any of his admirers and critics could have done it. The present essay provides a bird's eye view of Jakobson's career. It attempts to highlight his achievements and look at them from a distance of 25 years that have passed since his death.

A. Vetlugin. *Helen Tolstoy (Jerusalem, Israel)*. The article describes A. Vetlugin (born Vladimir Ryndziun) who was one of the most brilliant journalists outside Russia in the 1920s. He graduated from the Moscow University and worked as a journalist in the «*Zhizn'*» daily. He left Russia in 1920 and moved to Paris and then to Berlin. In 1921—22, Vetlugin published four books of essays on the Civil War in Russia and Russian emigration, as well as a novel. In 1922, he moved to the USA and continued his career as a journalist. In 1924, he was appointed as an Editor-in-Chief of «*Russkij Golos*», the New York based Russian daily. Vetlugin's articles from 1924—26 expressed his new knowledge of and taste for American culture, growing infatuation with Hollywood and revision of Russian culture in light of his American experience.

Forgotten Names of Russian Emigration. Poet Gisella Lachman. *Yuri Leving (Halifax, Canada)*. Gisella Lachman is a forgotten American poet of Russian-Jewish origin. Lachman was the author of two poetry books entitled «*Plennye Slova*» (Captive Words, 1952) and «*Zerkala*» (Mirrors, 1965). In the late 1950s, Lachman's poetry was highly appreciated by the contemporary émigré critics and even perceived as an analogy of the works of Anna Akhmatova. Rare documents from Lachman's archive in the Library of Congress are used to support the daring title of «*American Akhmatova*», given to the poet by her peers in exile. Among the newly published archival documents is a revealing 1966 letter to Lachman from the prominent literary critic G. Adamovich.

A. A. Goldenweizer and Nabokovs (from the A. A. Goldenweizer Archive). *Publication, Introduction and Comments by Galina Glushanok (New York, USA)*. 21 letters from the lawyer A. A. Goldenweizer to V. Nabokova published here at the first time.

Phenomenon of Bilingualism Among Jewish Immigrants (1880—1915). *Joseph Boguslavsky (Boston, USA)*. Short biographical sketches of three prominent bilingual Russian Jewish immigrants are given. The first one is Herman Bernstein (1876—1935), a famous American journalist. The second one is Leo Wiener (1862—1939), a founder of Slavonic studies in the USA. The last one is Avraham Yarmolinsky (1890—1975), a curator of the Slavic Department of the New York Public Library.

«I Have Overgrown Music in Its Present Form». *Elena Dubinets (Seattle, USA)*. Joseph Schillinger was born in 1895 in Kharkov, Ukraine. He graduated from the Petrograd Conservatory and at the age of twenty six became the Dean of the Faculty of Composition at the Kharkov Music and Drama Institute. He developed the universal system of musical composition and widely used it while teaching composition. Among his students were composers V. Belyi, M. Koval, and A. Davidenko. In 1928, Schillinger left Russia and went to the USA. There he continued to work on his system, composed and taught composition, improvisation and arrangement. The list of his American students included G. Gershwin, G. Miller, B. Goodman, O. Levant, V. Dukelsky (V. Duke), and others. The clear manifestation of the Schillinger system

of musical composition could be found in G. Gershwin's opera «Porgy and Bess». Schillinger also experimented with poetry, photography, engraving, and movie making. He passed away in New York in 1943.

A Musician's Life. Vitaly Margulis — The Pianist and Educator. *Natalia Rastopchina (New York, USA)*. Vitaly Margulis, an outstanding pianist, one of the most respected music teachers in the world, and author of numerous books and essays on piano performance and interpretation, was born in 1928 in Kharkov, Ukraine. He received his first piano lessons from his father, whose teacher, Alexander Horowitz, was a pupil of the composer Alexander Skryabin. Vitaly continued his musical studies at the Leningrad Conservatory, where he began to teach in 1958. Having no prospects of artistic fulfillment, in 1974 Margulis left Russia with his family. In 1975—1993, Margulis was a Professor of Piano at the famous Music College in Freiburg, Germany. In 1994, he accepted the position of Professor of Piano at the University of California, Los Angeles. Margulis's concerts and master classes in America, Germany, Switzerland, Greece, Portugal, Holland, Russia, Japan, and other countries were received with great enthusiasm by critics and audiences. He was hailed by the press as «one of the most important pianists of our time», «a secret genius», and «a world class pianist». His students won over 100 prizes at international music competitions, 28 of which were the Grand Prizes. His last book entitled «The Paralipomenon. Novellas from a Musician's Life» was published in 2006 in Moscow.

The Impresario. It Is Not an Occupation, It Is Love. *Ernst Nekhamkin (New York, USA)*. Solomon Hurok (born Solomon Gurkov) was born in 1888 in a small town of Pogar in Belarus. He immigrated to the USA in 1906 and worked at a variety of jobs. In 1912, he organized the concert of the promising young violinist E. Zimbalist on behalf of the American Socialist Party. Since then, he had brought to the American stage such artists and ensembles as F. Shaliapin, A. Pavlova, I. Duncan, A. Rubinstein, A. Glazunov, M. Anderson, R. Nureyev, V. Cliburn, D. Oistrach, S. Richter, M. Rostropovich, the Bolshoi Ballet Theatre, the Moiseyev Folk Dance Ensemble and many others. Hurok passed away in New York in 1974.

Sidor Belarsky, Ambassador of Jewish Songs. *Ernst Zaltsberg (Toronto, Canada)*. Sidor Belarsky (born Isidor Livshits) was born in the town of Krizhapol, Ukraine, in 1898. At the age of 15, he entered the Odessa Conservatory. In 1925, he moved to Leningrad and studied singing with J. Tomers at the Leningrad Conservatory. In 1926, Belarsky joined the Mariinsky Opera House, where he performed leading basso parties in Russian and Western operas. Three years later, he and his family moved to the USA, where Belarsky taught singing at the Brigham Young University in Provo, Utah, and performed in opera houses in Los Angeles, New York, San Francisco, Chicago, Rio-de-Janeiro, and Buenos-Aires. Starting from 1934, he performed mainly Jewish folk songs in Yiddish and Hebrew and songs of Jewish composers. He gave concerts of Jewish songs in many countries and was highly acclaimed elsewhere by critics and listeners alike. In 1960—1969, he gave master-classes at the Jewish Teacher Seminary

in New York. He was a strong supporter of the State of Israel and made numerous concert tours to this country. Belarsky passed away in New York in 1975.

Jewish Artists from Russia in New York. *Edward Kasinec, Elena Kogan (New York).* Numerous Jewish artists from Russia moved and settled in New York during the first three decades of the twenties century. Short biographical sketches of the Soyfer brothers, B. Anisfeld, B. Aronson, S. Raskin, A. Lakhovsky, A. Liberman, E. Slobodkina, and N. Tsitskovsky are given.

Two Lives of General David Sarnoff Who Was Born in the Shtetle. *Mark Zaltsberg (Houston, USA).* This is the first comprehensive biography in Russian of David Sarnoff (1891—1971), who was the founder of American radio and TV networks, pioneer of the American electronic industry, public figure, philanthropist and Brigadier General.

Fuks' Family in America. *Alina Johvidova (Toronto, Canada).* Memories on Fuks' family emigration from the former USSR to the USA and their integration into the new environment.

Integration of Russian Jews — Medical Doctors into the American Life. *Nelli Melman (Kensington, USA).* The author conducted a special survey among 82 Russian Jews who were medical doctors in Russia and immigrated to the USA during the last two decades. The results of this survey describing professional, cultural, and religious integration of this group into the American society are presented and discussed.

The Militant Kindness of Sai Frumkin. *Vladimir Matlin (Washington, USA).* Sai Frumkin was born in 1931 in Kovno (now Kaunas). He is a survivor of the Kovno ghetto and Dahau concentration camp. After the war, he lived in Venezuela and moved to the USA in 1949. He was one of the founding members of the South California League for Defense of Jews. In the 1970s, the League vigorously fought for the right of Soviet Jews to emigrate to the West. Frumkin is also known as a lecturer on Holocaust and writer of numerous papers on anti-Semitism, Holocaust, and history of Jews in the USA.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович Р. (Р. А. Рейн) 31, 32, 34, 38, 42, 121, 316
 Авсеенко 88
 Авторханов 41
 Адамович Г. 35, 103, 104, 105, 114
 Азимов А. (Asimov Isaac) 146
 Айзман М. 14, 24
 Алданов М. А. 35, 37, 39, 42, 119, 121, 138, 139
 Алейников Н. 15, 24, 27
 Александр II 9, 232
 Александров В. 28, 33, 34, 42
 Александрова-Шварц В. 28, 42
 Аллилуева С. И. 124, 140
 Альтшуллер М. 38, 42
 Амфитеатров-Кадашев В. А. 77
 Ангофф Ч. (Angoff Charles) 146
 Андерсон М. 215, 216, 221
 Андерсон С. (Anderson Stuart) 281
 Андреев Леонид 89, 149, 150, 153, 155, 156
 Андреникова С. 35, 43
 Анисфельд Б. 232, 233, 234
 Антикайнен Т. 273
 Антин М. (Antin Mary) 146
 Арбатский С. 40
 Аргерих М. 199, 200, 201
 Ардевол Х. 178
 Арендт Х. 50
 Аристотель 51, 54
 Арлен М. 83
 Армстронг Х. 247, 250, 258, 265, 266
 Аронсон Б. 233, 234
 Аронсон Г. Я. 34, 36, 39, 42, 43, 141
 Аронсон Н. 231
 Архипова И. 219
 Асафьев Б. В. (И. Глебов) 161, 181
 Астор 184
 Атран С. С. 39, 43
 Ауэр Л. 206
 Ахматова А. А. 97—105, 112—114, 138, 154, 191
 Аш Н. (Asch Nathan) 146
 Ашкенази В. 219
 Бабель И. Э. 155
 Баданес 14
 Базаров В. 26, 141
 Базилевский И. 229
 Балбачан 77
 Балиев Н. 84
 Бальмонт К. Д. 155
 Бальфур А. Д. 25
 Баранцевич К. 88
 Барбюс А. 81
 Басс М. 6
 Бах И. С. 187, 191, 192, 199, 200, 202
 Бахтин М. М. 64, 67
 Башкиров Д. 201
 Бейзерман С. 233
 Бейлис М. (Beiliss) 124, 139, 149
 Беларуская И. 224, 227, 230
 Беларуский Сидор
 (Исидор Лившиц) 223—230, 321, 322
 Белый Андрей 154
 Белый В. 179
 Бен-Ами (Рейш-Галута,
 М. Я. Рабинович) 12, 15, 26
 Бениа М. 226
 Бенуа А. 35
 Бергсон А. 149
 Бердичевский М. 298
 Бердяев Н. А. 50
 Березов Р. 99, 113
 Берио Л. 182
 Берия Л. П. 36
 Берлин И. 163
 Бернштейн Герман
 (Bernstein Herman) 145, 146, 148, 149, 150, 155, 320
 Бернштейн Гиллель (Bernstein Hillel) 146
 Бернштейн Д. 143
 Берхин Е. 298
 Бетховен Л. ван 187—191, 194, 199, 200, 201, 225, 267, 229
 Биль И. 233
 Биншток Г. Ш. 37
 Биск А. 100, 101, 113
 Бискупский В. В. 141

- Блазас А. 232
 Блок А. А. 57, 98
 Блумфилд Л. (Bloomfield Leonard) 72, 73
 Блэк Ф. 163
 Богуславский И. 143, 232, 314
 Бойд Б. 137, 140
 Бокал Моня (Ахарон) 11, 12, 21, 26
 Болотовский И. 233
 Большухин Ю. 114
 Боровой А. А. 76, 78
 Брамс И. 193
 Бранован Д. 299, 316
 Браун Б. (Бенджамин Лившиц) 228, 230
 Браун К. 87
 Браун Л. (Brown Lew) 146
 Браун Э. 182, 183, 187
 Бродский И. А. 52, 141
 Бройдес И. 14, 24
 Бронфман Е. 201
 Бронштейн Д. 149
 Брудно Е. (Brudno Ezra) 146
 Брюсов В. Я. 154
 Будницкий О. 137
 Булез П. 182, 183
 Бунин И. А. 37, 43, 82, 84, 88, 95, 119, 121, 138, 153, 155
 Бунина В. Н. 95, 138
 Бургин Г. 11, 24
 Бурлюк Д. 81, 82, 90, 92, 93, 231, 234, 235, 236
 Бурцев В. Л. 77, 149
 Бурштейн Б. Я. 203
 Бурштейн О. 191, 203
 Бут Дж. 312
 Буховецкий Д. С. 84, 85, 87
 Бьют М. Е. 175

 Вавич М. И. 84—87
 Вагнер Р. 205
 Ваксман З. Я. 287
 Валентино Р. 87
 Валькович А. 233
 Ван Строгейм (Штрогейм Эрик фон) 88
 Ваник Ч. 309, 311
 Василевский И. М. (псевд. Не-Буква) 77, 78, 81, 95
 Вахтангов Е. 216
 Вашингтон Дж. 292
 Вебер М. 233
 Вейдле В. 35

 Вейль 129, 132
 Вейнбаум М. Е. 35, 39
 Вейнберг Д. 229
 Вейнер Л. 229
 Вейцман Х. 149
 Векслер И. 23, 298
 Вересаев В. В. 152
 Верлен П. 99
 Вернер А. В. 138
 Вестерман И. 170
 Ветлугин А. (В. И. Рындзюн, Vetlugin, Vetluguin) 76—95, 320
 Ветлугин В. (Розанов) 76
 Вивиани Р. 83
 Визель Эли 227
 Виленкин М. В. 119
 Вильгельм Ф. 133
 Вильгельм II 149
 Вильсон В. 145, 149, 252
 Винер Л. (Wiener Leo) 146, 150, 151, 152, 155, 241
 Винер Н. 150, 241
 Виноградов А. 175
 Винтелер Й. 70
 Витоль И. И. 161
 Витте М. 153
 Витте С. Ю. 149, 153
 Вишневская Г. 219, 220
 Вишняк М. 29, 39
 Вознесенский А. А. 114
 Войтинский В. 39, 43
 Волин В. 31, 34
 Володось А. 201
 Вольский Н. В. 42
 Воровский 82
 Воронович А. 283
 Воскресенский М. 201
 Вырубова 80

 Гаер Дж. (Gaer Joseph) 146
 Гальперин М. 20, 27
 Гальперин С. И. 96
 Гальперн А. 43
 Ганский Л. 104, 105
 Гаркави А. 24, 26
 Гафиз 99
 Гебертиг М. 225
 Гегель Г. Ф. В. 53
 Гейтс Б. 279
 Геллер И. 298

- Гендлер Б. 26
 Гераклит 54
 Гердер М. 11, 12, 21, 26
 Герман Л. 16, 146, 147, 148, 251
 Герц Г. 24, 260
 Герцен А. И. 241
 Герцль Т. 25
 Гершвин Дж. (Gershwin G.) 163, 164, 184, 185, 320, 321
 Гессельберг И. 20
 Гессен В. И. 115
 Гессен И. В. 115, 119, 120, 123, 127
 Гест М. 84
 Гете И. В. 194
 Гилельс Э. 189, 219
 Гиллель 9, 146
 Гильмсон С. 199
 Гитлер А. 115, 117, 128, 133, 141, 150
 Глазунов А. 191, 214, 215
 Глебов И. см. Асафьев Б. В.
 Глиэр М. 185
 Глушанок Г. 115, 140, 314
 Гоголь Н. В. 132, 140
 Гойови Д. (Gojowy Detlef) 185
 Голд М. 90
 Голдберг Д. 175
 Голдвин С. 87, 128
 Голомб Дж. (Gollomb Joseph) 146
 Голубев Д. Б. 296, 297, 298
 Гольденвейзер Александр А. 116
 Гольденвейзер Алексей А. 115—142
 Гольденвейзер А. Б. 123
 Гольденвейзер А. С. 116, 123
 Гольденвейзер Е. Л. (урожд. Гинзбург) 117, 127, 128, 132, 136, 137
 Гольденвейзер Э. А. 116, 123
 Гольдшлагер Н. 272
 Гольдшмидт 260
 Гольтц ван дер 182
 Голяховский В. 298
 Гопвуд Г. 87
 Горбачев М. С. 279
 Горки А. 234
 Горный С. 83, 314
 Горовиц А. 189
 Горовиц В. 189, 195, 225
 Горький М. (Gorky) 81, 150, 155, 156, 212, 294
 Грабарь И. 233
 Граун К. Г. 117, 138
 Гребенщиков Г. Д. 98, 113
 Григорьев Б. 81
 Грин М. 95
 Гринберг Р. 102, 103, 114
 Гринберг Х. 224, 228
 Гринспен А. 52, 53, 60
 Гроппер У. 234
 Гувер Г. 150
 Гуттенхейм Д. С. 173, 184, 186
 Гудмен Б. (Goodman) 185, 320
 Гумилев Н. С. 98, 99, 100, 103, 113
 Гурвич Г. 29
 Гурков И. 204, 205, 215, 222
 Гутман Е. (Маринель) 115
 Гюго В. 60
 Давиденко С. 179
 Давидсон Г. (Davidson Gustav) 147
 Дайкарханова Т. 35
 Даль 89
 Даманская А. 37, 42
 Дамрош В. 214
 Дан Л. 39, 121, 318
 Данте Алигьери 99
 Дантес Ж. 65
 Де Форест Ли 250, 257, 265
 Дебюсси К. 199
 Дейч Б. 153
 Демпси Дж. 256, 257
 Денике Ю. П. 32, 42
 Деникин А. 77
 Денисов Д. 77
 Джекобс Л. 175
 Джексон Г. 51, 309, 311
 Джонсон Л. Б. 269
 Ди Франко Л. 77, 226, 227
 Дикинсон Э. 112
 Диккенс Ч. 143
 Диллингем Ч. 208
 Дин В. (Deen Vera) 147
 Дисней У. 175
 Добренко Е. 112
 Добрынин А. 311
 Добужинский М. В. 35, 140
 Долуханова З. 219
 Доманская А. 35
 Дон-Аминадо 42
 Доренский С. 201
 Дорсей Т. 165
 Достоевский Ф. М. 53, 88, 90, 151, 152, 154

- Доунс О. 166, 167
 Дроздов А. 77
 Дубинец Е. 159, 160, 184, 187, 314
 Дубнова-Эрлих С. С. 75
 Дукельский В. (Dukelsky V., Duke Vernon, Дюк Вернон) 164, 185, 320
 Дунаев 87
 Дунхан А. 78, 154, 212, 213
 Дункель Е. 234
 Дуран А. (Durant Ariel) 147
 Дуя Дж. 165
 Дымов О. 35
 Дьюи Д. 54
 Дюк Вернон см. Дукельский В.

 Евреинов Н. 150
 Евтушенко Е. А. 114, 221
 Евтюхина Е. А. 112
 Езерская А. (Yezierska Anzia) 147
 Елагин Ю. 35
 Ельцин Б. Н. 279
 Ерошин В. 41
 Есенин С. А. 65, 78, 79, 80, 82, 89—92, 95, 114, 154, 156, 212, 213

 Животовский Е. 26
 Жиль 133

 Заболоцкий Н. А. 138
 Завалишин В. 35
 Завитковский 83
 Зайдлер 179
 Зайцев Борис 114
 Зальцберг М. 241, 314
 Зальцберг Э. 5, 24, 223, 314
 Замятин Е. И. 55, 56, 88, 154
 Захаров 233, 316
 Зворыкин В. 241, 265—269
 Зеелер В. Ф. 43
 Зейде А. 137
 Зензинов В. М. 139, 140
 Зигель Э. (Siegel Eli) 147
 Зиммах Б. 170
 Зингер И. Б. 146
 Злат А. 81
 Золотаревская-Фельдман И. 292
 Золотарев С. 287
 Зошенко М. М. 191

 Иванов Б. 41
 Иванов Вс. И. 81
 Иванов Г. 103
 Иванович Ст. 29
 Ивэн Д. 164
 Изаи Э. 207
 Илларионов А. 52
 Ильин С. 138
 Ильф И. 154, 156
 Ильяшенков В. 99
 Интратор Ж. 306
 Ионов И. 82
 Иоффе М. С. 231, 233
 Иохвидов И. 272
 Иохвидова А. 271, 315
 Ипатьев В. Н. 241, 314

 Каган Эйб 18, 23, 24, 26
 Каганович М. 30, 39
 Кайзер Й. 194
 Калафати В. П. 161
 Каминка А. И. 142
 Каминка М. А. 142
 Каминский 244, 245
 Камов 310
 Камышников 83
 Канаи Мацумото 200
 Канивецкий Р. 6
 Канн О. (Kahn O.) 129
 Кант И. 49, 51, 53, 54, 56
 Кантор М. Л. 119, 120, 122, 124, 225, 227, 233, 244, 245
 Каплан П. 12, 18, 20, 21, 23
 Капп В. 141
 Кардэ В. М. 43
 Карнеги Д. 198, 202, 209, 213, 220, 222, 224—230
 Карлантие Ж. 256
 Карлович М. М. 35, 121, 138, 140, 147
 Карсон С. (Carson Saul) 147
 Карузо Э. 227, 248
 Касинец Э. 231, 315
 Кассито А. (Cassuto A.) 137
 Кауэлл Г. 173—178, 182, 186
 Кауэлл С. 182
 Кахане М. 220
 Кац Э. 175
 Кацович И. А. 13, 24
 Кейдж Дж. 177, 178, 179, 182, 186
 Кенигсберг Н. 275

Кеннеди Джозеф 262, 267
Кеннеди Джон Ф. (John Fitzgerald Kennedy) 134, 142, 219
Кеннеди Ж. 219
Кеннеди Р. 218
Кеннеди Э. 218
Керенский А. Ф. 80, 149, 304
Клейнер А. И. 295, 296, 298, 299
Клиберн Ван (Клайберн Вэн) 216, 217, 219
Кливленд Г. 144, 179, 232, 306
Клименко А. 222
Климов В. 219
Клинтон Б. 279
Клинтон Х. 52
Клюев Н. 138
Кобер А. (Kober Arthur) 147
Коваль М. 162, 179
Коварская В. 237
Коварский И. 39
Ковтун Е. 233
Коган Л. 219, 231, 315
Коеп Р. (Cohen Rose) 147
Колмен Дж. (Colman J.) 228, 230
Копенков С. 233
Конес А. 220
Кони А. Ф. 154
Конрад Джозеф 143
Конради 82
Конфино М. 38
Конюс Г. 184
Копман Б. 233, 234, 235
Корелли К. 170
Корносевиц Р. М. 235
Корол А. 42
Короленко В. Г. 81, 153, 155
Корф М. Ф. фон 117
Котт С. 202
Кошиц Н. 170
Крандиевская-Толстая Н. В. 95
Краснов П. Н. 141
Крейд В. 112, 113
Круз Дж. 84
Крузе-штерн-Петерц Ю. 102, 112, 113
Крученных А. 63
Крымов В. 81
Куприн А. И. 77, 153, 154
Курбский А. 241
Курнос Дж. (Cournos John) 147
Кузевицкий С. 138, 179
Кусиков А. 78, 79, 90

Кускова Е. 35, 39
Кьюкор Д. 94
Кэрролл Льюис 235

Лавровский 217
Ладъженский Ф. А. 87
Лайонс Ю. (Lyons Eugene) 147, 246, 260, 270
Лайт Х. 306
Лахман А. 96
Лахман Г. С. (урожд. Рабинерсон) 96—105, 112—114
Лахман Эрвин 96, 112
Лахман Эрнст 96
Лаховский А. 234, 235
Левант О. 164, 165
Левин И. (Levine Isaac) 83, 147
Левин С. (Levine Sonya) 147
Левинг Ю. 96, 112
Левинсон И. 164, 184
Леви-Стросс К. 66, 67
Лейкинд О. Л. 233
Лейтес К. 29, 30
Ленин В. И. 37, 43, 80, 92, 123
Ленокс 184
Леонидов В. 113
Леонов Г. 170
Лермонтов М. Ю. 154
Лернер А. Д. 142
Лернер М. (Lerner Max) 147
Лесков Н. С. 154
Либерман Александр 234, 235
Либерман Анатолий 62, 316
Либерман Э. (Lieberman Elias) 147
Лившиц М. 223, 228, 230
Лиден Г. 160
Лиленблум М. 14, 26, 27
Линдберг 262
Линкольн А. 184, 185, 186, 187, 195, 216, 244, 263
Лист Ф. 191, 193, 198, 199
Лодж Г. 144
Лозовик Л. 233
Ломоносов М. В. 151
Лопе де Вега 203
Лоренс У. (Laurence William) 147
Лосский Н. О. 35, 50, 51, 61
Лоуренс Д. Х. 83, 84
Лохвицкая М. А. 101
Луначарский А. В. 93, 209
Лундберг Е. 89

- Лурье А. С. 113
 Лысенко Н. 229
 Любимов Н. М. 114
 Людендорф Э. 141
 Людлов Б. 186
- Мазурова А. 101, 113
 Майкапар С. 189
 Майклз Б. 94
 Майлстон Л. 87
 Малевич К. С. 63, 154
 Малевич О. 75
 Маленков 36
 Малик Я. 221
 Маллиган Дж. 165
 Малоземова Е. 98, 113
 Малько Н. А. 179, 181
 Мальцен И. 199
 Мангер И. 225
 Мандельштам Н. Я. (Mandelstam) 124, 139
 Мандельштам О. Э. 81, 103, 138, 188
 Маневич А. 232
 Маниковски А. 306
 Мани-Лейб (Брагинский) 91
 Манн Т. 140
 Марголин Ю. 38, 103, 114
 Маргулис В. 188—203
 Маргулис И. 202
 Маргулис-Котт Л. 202
 Мариенгоф А. 79
 Маркин М. (Marcin Max) 147
 Маркони Дж. 246—254, 263
 Маркс К. 15, 39, 53
 Маркузе Г. 54
 Мартин Л. 205
 Мартов Л. 42
 Марченко В. П. 41
 Масарик Т. 70
 Массальская Е. 115
 Матейка Л. 67
 Матлин В. 6, 303, 316
 Махров К. В. 233
 Маяковский В. В. 63, 64, 65, 89, 90, 95, 114, 154
 Медисон Ч. (Madison Charles) 147
 Мейерхольд В. Э. 154
 Мекк 233
 Мелетинский Е. М. 66
 Мельман Н. 286, 299, 316
 Мельников Н. 141
- Менакер Ш. 18
 Менес А. 9, 316
 Мережковский Д. С. 91, 92, 95
 Мессиян О. 183
 Мечников И. 241
 Миллей Э. С.-В. 112
 Миллер Гленн 165
 Милль Дж. С. 54
 Милль Сесиль де 48, 87
 Милуков П. Н. 82, 155
 Мирбах 76
 Михалков С. М. 310
 Мнухин Л. А. 42
 Моисеев И. 216, 217, 219
 Морган Дж. П. 269
 Москов 87
 Мосолов А. 161
 Моцарт В. А. 189, 198, 201, 202
 Мозм С. 84
 Муйжель 88
 Муссолини Б. 266
 Мясковский Н. 161, 172
- Набоков В. В. (Nabokov Vl.) 52, 98, 115—143, 314, 315, 320
 Набоков Вл. Дм. 117, 123
 Набоков Д. В. (Nabokov Dm.) 118, 123, 137, 138, 139
 Набоков К. Д. 119, 138
 Набоков С. В. 120, 138
 Набокова В. Е. (урожд. Слоним, Vera Nabokov) 115—142, 320
 Набокова Е. И. 118, 142
 Набокова О. В. 47
 Наживин И. Ф. 77
 Назимова А. 86
 Нарциссов Б. 100
 Негри Пола 47, 61, 86
 Нейгауз Г. Г. 193
 Нельсон Г. 282
 Немирович-Данченко В. И. 212
 Нехамкин Э. 204, 316
 Николаев Л. 94, 190
 Николайт II 149
 Николаевский Б. 35, 39, 121
 Никсон Р. 242, 269
 Ницше Ф. 29, 54
 Новалис Г. 194
 Новомирский Я. 76
 Ноно Л. 182

- Норман Р. 259
 Нуреев Р. 218, 219, 221
 Нэлепп Г. 223
 Нэлли Э. 254

 О'Коннор Ф.
 О'Нил Ю. 93
 Образцов С. 219
 Образцова Е. 219
 Обухова-Зелиньска И. 42, 317
 Ойстрах Д. 219
 Ойстрах И. 219
 Окунцов Я. 80
 Ольшевская-Аштар Т. 230
 Онегин А. Ф. 84, 124, 132, 139, 141, 154, 224
 Орлов Г. 223
 Осповат А. 315
 Островский А. 233
 Оуэн Р. 11

 Павлов М. 208, 209, 212, 218
 Павлова А. 84, 207, 208, 209, 212, 218
 Паганини Н. 189
 Пайн Лу 160, 184
 Парнис А. 94
 Пархомовский М. 5, 28, 42, 317
 Пастернак Б. Л. 138, 318
 Патер У. 78
 Патнэм Дж. 307
 Пауэлл Э. 164
 Перельман И. 227
 Перец 9, 25, 225
 Петлюра С. 80
 Петриковский И. 17, 19, 24
 Петров Е. 154
 Петров Н. 201
 Петцольд М. В. 211
 Пешков З. А. (Ешуа Золомон Мовшев
 Свердлов) 35, 42, 87, 317
 Пикфорд М. 85
 Пильняк Б. 81, 88, 89
 Пинскер Л. (Pinsker L.) 9, 10, 24, 25, 27
 Пинхасов Р. 299
 Пирс Ж. 219
 Платон 51, 53
 Платонов Андрей 56, 317
 Плетнев М. 200
 Плетнев Р. 114
 Плеханов Г. В. 33
 Плисецкая М. 218, 219, 221

 Поваротти Л. 139
 Поляков А. 35
 Поляков Лазарь 208
 Поляков Леон 38
 Поморска Кристина (Pomorska
 Krystyna) 62, 75
 Понгау Дж. 312
 Портнов А. 233
 Прайс Г. М. 24
 Прегель София 121
 Прегер Ф. А. 33
 Пресли Э. 267
 Прокопович С. 35, 39
 Прокофьев С. С. 69, 191, 217
 Промысловский Ш. 20
 Пропп В. Я. 66, 67, 75
 Пруст М. 103, 114
 Путин В. В. 52
 Пуччини Дж. 225, 229
 Пушкин А. С. 65, 66, 98, 105, 114, 125,
 132, 140, 148, 154, 155
 Пятигорский Г. 196

 Рав Ф. (Rahv Philip) 147
 Радищев А. 151
 Радулеску Х. 199
 Раскин С. 234, 235
 Растопчина Н. 188, 317
 Рафес Ю. И. 295, 296, 297, 299
 Рахманинов С. 191, 193, 197, 200
 Резанов Н. П. 155
 Рейвич Г. (Rewitch Herman) 147
 Рейган Р. 303
 Рейз К. 175
 Рейсс С. (Reiss Samuel) 147
 Рембрандт Х. ван Рейн 101
 Рибалов Г. (Ribalow Harold) 147
 Рихтер Г. 308, 309
 Рихтер С. 168, 186, 219,
 Рогачевский А. 139
 Роден О. 149
 Родзинский А. 230
 Родзянко М. П. 141
 Родзянко П. В. 141
 Розенбаум З. 47
 Розенбаум С. 223, 225, 227
 Розенберг А. 141
 Розенблюм Лу 306
 Розенталь Г. 16, 17, 19
 Розинг Б. 265

Рокфеллер Д. 90, 221
 Романенко П. Е. 293
 Ростен Л. (Rosten Leo) 147
 Ростропович М. 204, 219
 Рот Г. (Roth Henry) 147
 Рубакин Н. А. 97, 112
 Рубинчик О. 113
 Рубинштейн А. 163, 211, 215
 Рузвельт Ф. Д. 121, 242, 269
 Рузвельт Э. 121, 215
 Руффо Т. 211
 Рыбинский Н. 36
 Рыбкина-Перпер Э. Б. 214
 Рындзюн И. Г. 76, 77, 94
 Рындин В. 217
 Рэнд Айн (Алиса Розенбаум; Аун
 Rand) 47—61, 147, 319

Сабсович Гирш-Лейб 12
 Савинков Б. В. 95
 Савшинский С. 190, 193
 Салмон Л. 26
 Салтыков-Щедрин М. Е. 154
 Самойлович С. 39
 Сарнов А. 5, 241—270
 Сарнов Д. 241—270, 322
 Свагсон Г. 85, 87
 Свет Г. 40
 Северюхин Д. Я. 233
 Сеймур 133
 Сейфуллина Л. 88, 89
 Семенов Ю. Н. 77
 Сенкевич Г. 62
 Сент-Винсент Э. 112
 Сергеев 87
 Серебряков П. 193, 194, 203
 Сидлер Э. 170
 Сикорская Е. В. (урожд. Набокова) 139
 Сикорский 241
 Сингер Л. 306
 Сирин В. см. Набоков В. В.
 Систер Ю. 26
 Скандерберг 150
 Скенк Дж. 87
 Скопиченко О. (О. А. Коновалова) 113, 114
 Скоропадский П. 77, 141
 Скрыбин А. 189, 195, 200
 Слизской А. 113
 Слободкина Э. (Slobodkina Esfir) 147,
 234, 235

Слоним Е. 139, 141
 Слонимский Н. (Slonimsky) 163, 176,
 185, 186
 Слоп Р. 87
 Смит А. 54, 245
 Смоленский П. 9, 25
 Соболев Андрей 155
 Сойер Исаак 234
 Сойер Мозес 234
 Сойер Рафаэль 234
 Сойхет К. 228
 Соколов Н. 25, 179
 Соколовский Ш. 20, 21
 Сократ 201, 202
 Солженицын А. И. (Solzhenitzyn) 113,
 124, 140
 Солк Дж. 287
 Соловьев В. С. 50
 Сологуб Федор (Sologub) 154, 155, 156
 Сорин С. 232
 Софроницкий В. 190, 195
 Сошкин Е. 315
 Спевак С. (Spewack Samuel) 147
 Сталин И. В. 31, 36, 140, 190, 203, 212,
 310
 Сталлингс Л. 84
 Старр Ф. 165
 Стерн А. 205, 220
 Стерн Э. (Stern Elizabeth) 147
 Стоковский Л. 161, 172, 179
 Стравинский И. 69, 197, 211
 Струве Г. П. 138
 Стругач Б. 24
 Струнски А. (Strunsky Anna) 147
 Струнски С. (Strunsky Simeon) 147
 Судейкин С. 84
 Сургучев И. Д. 77
 Сусанин 86, 87
 Суслов 310
 Сытин И. Д. 76, 82
 Сэпир Э. (Sapir E.) 72
 Таборицкий С. 129, 141
 Танеев С. 184
 Тарновский С. 225
 Тарнопольская А. Л. 279
 Татарский В. И. 282, 283
 Тафт У. 144
 Тахимото К. 294
 Тейтель Я. Л. 115

- Теплицкий Л. 162
 Терапиано Ю. 100, 113
 Термен Л. С. (Theremin) 167—170, 179, 186
 Тернер Лана 94
 Тетерятников В. М. 237
 Тилден 184
 Тименчик Р. Д. 112, 113, 315
 Тобенкин Э. (Tobenkin Elias) 147
 Токвиль А. 49, 56
 Толстая А. Л. 138
 Толстая Е. 76, 317
 Толстой А. Н. 77, 78, 81, 82, 93, 95
 Толстой Л. Н. 89, 123, 140, 149, 150, 152, 190
 Томашевский Б. В. 63
 Томерс И. С. 223
 Торнаги И. 211
 Тосканини А. (Toscanini) 225, 229, 242, 266, 267, 269, 270
 Третьяков В. 219
 Троцкий Л. Д. 63, 66, 80, 92, 149
 Трубецкой Н. С. (Trubetzkoy) 67, 68, 70, 71, 72, 74, 75
 Трубецкой Ю. 87, 114
 Трумен Г. 242, 269
 Тургенев И. С. 153, 154
 Тынянов Ю. Н. 63, 67
 Тютчев Ф. И. 98
 Уланова Г. 217, 218
 Успенский Г. И. 91, 92
 Ушаков Д. Н. 71
 Файн С. 299
 Фальковский Е. А. 120
 Фант Г. (Fant G.) 72
 Фегин Н. (Fagin Nathan) 147
 Федотов Г. П. 29
 Фейгин А. Л. 115, 127, 137, 138
 Фейгин М. 290, 291
 Фейгина Л. 290, 291
 Феррис Э. 164
 Фет А. А. 99
 Фиалков Л. 230
 Филиппов Б. 61, 138
 Флакс Е. 223
 Флейшер Ч. (Fleischer Charles) 147, 178, 184
 Флейшман Л. 318
 Флнтер И. 198
 Фокин М. 207, 212
 Фондаминский И. 120
 Фонтейн М. 218, 219
 Форд Г. 149, 150
 Франк С. Л. 48, 121
 Франс А. 84
 Фрей В. (псевд. Гейнс В. К.) 21, 22, 27
 Фрейдус Авраам Шломо (Соломон) 237
 Фрейман Л. (Freiman Louis) 147
 Френкель М. (Fraenkel Michael) 147
 Фридман М. 133, 227
 Фридхейм А. 184
 Фриман Дж. (Freeman Joseph) 147, 270
 Фриман М. 11, 24
 Фрост Р. 112
 Фрумкин С. 304—313
 Фрумкин Я. Г. 116, 132, 141
 Фукс И. 271—284
 Фукс Т. 271—284
 Фурье Ш. 11
 Фэйрбэнкс Д. 85
 Халле М. (Halle M.) 72, 74
 Харрис Ф. 223, 224, 228, 230
 Харув Д. 230
 Хейфец М. 28, 40, 42
 Хейфец Яша 196, 197
 Хеллер С. 194
 Хиндус М. (Hindus Maurice) 147
 Хлебников В. 64
 Хомский Н. (Chomsky N.) 73, 74
 Хопкинс Д. 184
 Хофман Л. 306
 Хрущев Н. С. 32, 219
 Хуанг Дж. 198
 Хупер С. 252
 Хэлберн О. 277
 Цадиков А. 24
 Цадкин О. 233, 234
 Цафрис П. 299
 Цветаева М. 35, 43, 98, 189, 100, 203
 Цейтлин Я. (Zeitlin Jacob) 147
 Церетели И. 35
 Цетлин М. О. 121
 Цивьян Ю. 315
 Цимбалист Е. 206, 207
 Цицковский (Циковский) Н. С. 234, 235, 236
 Цынкова О. 41, 43
 Чайковский П. И. 189, 213, 216, 224
 Чаплин Ч. 85
 Черепнина Н. Н. 161
 Чериковер Э. 24

- Чернов М. М. 161
 Чернявский Г. 43
 Черчилль У. 268
 Чехов А. П. 33, 37, 38, 39, 41, 151, 154, 317
 Чуковский К. И. 154, 155, 235
 Чуковский Н. К. 235
- Шабельский-Борк П. 141
 Шагал М. 111, 114
 Шагинян М. С. 100
 Шаляпин Ф. И. 206—212, 221, 223
 Шамраков Д. 299
 Шапиро А. (Каминкер) 293, 294
 Шапиро Т. 204, 206
 Шаплен Дж. (Shaplen Joseph) 147
 Шварц С. (Schwarz) 5, 28—43, 319
 Швейцер А. 198
 Шезар З. 227
 Шекспир У. 57, 143, 245
 Шелехов Г. И. 155
 Шенберг А. 196, 198, 199
 Шерхен 179
 Шиллер Ф. 194
 Шиллингер И. М. (Schillinger) 5, 159—187, 320, 321
 Шиллингер О. М. (урожд. Голдберг) 186
 Шиллингер Ф. (урожд. Френсис Розенфельд Айнгес) 182—187
 Шильдкраут Р. 84
 Шифф Д. Г. 20, 27
 Шифф С. 137, 141
 Шкловский В. Б. 57, 63, 67
 Шмит А. 199200
 Шнейерсон Г. 184, 187
 Шнейдер И. (Schneider Isidor) 147
 Шолом-Алейхем 145, 225
 Шопен Ф. 189, 193, 195, 196, 198, 200
 Шостакович Д. Д. 160, 165, 179, 181, 190, 191, 200, 267
 Шоу А. 182, 184
 Шоу Б. 149
 Шпенглер О. 162
 Штейнбах 162
 Штокхаузен К. 182, 183
 Штреземан Г. 80
 Штрогейм Эрик фон 84
 Штюрмер О. 199
 Шубникова-Гусева Н. И. 95
 Шукян П. 14
- Шуман Р. 189, 201
 Шиглик Д. 298
- Эдельштадт Д. 14, 26
 Эдельштейн М. 5
 Эйзенхауэр Д. 242, 267, 268, 269
 Эйнштейн А. 70, 149, 227, 228, 242, 269, 289
 Эйхенбаум Б. М. 63, 123
 Эйхман А. 50
 Эль Лисицкий 236
 Элькин Б. И. 139
 Энгель Х. 198
 Эрлих В. (Erlich V.) 64, 66, 75
 Эткинд А. 47, 318
 Эттингер Р. Н. (урожд. Монозон) 38, 42, 317
- Югов А. А. 37
 Юдина М. 190
 Юрасов 31
 Юренев 87
 Юрок Сол (Соломон Израилевич Гурков, Hurok) 5, 204—222, 321
 Яблоновский С. 100, 112, 113
 Ягодич 70
 Якобсон Р. О. (Jakobson) 5, 62—75, 319
 Яковлев Н. 142
 Яковлева Е. А. 135, 136, 142
 Янг Оун Д. 254, 255, 256
 Яновский В. 35
 Ярмолинский А. (Yarmolinsky Avraham) 147, 152—156, 320
 Ярославский З. 306, 307
 Ясперс К. 49, 61
- Allilueva S. см. Аллилуева С. И.
 Andreev L. см. Андреев Леонид
- Beiliss см. Бейлис М.
 Belarsky S. см. Беларський Сидор
 Belton Catherine 61
 Benoit P. 122
 Berkowitz W. 230
 Berliner M. 61
 Bernstein Herman см. Бернштейн Герман
 Bernstein Hillel см. Бернштейн Гиллель
 Biggs C. 6
 Bilby K. 270
 Boyd B. см. Бойд Б.
 Branden Nathaniel 61

- Brown E. см. Браун Э.
Brown L. см. Браун Л.
- Cassidy John 61
Cassuto Abner см. Кассуто
Cohen J. 230
Cohen R. см. Коен Р.
Cole 121
- Davis R. H. 156
Dowling L. 183
Dreher C. 270
Duke (Dukelsky) V. см. Дукельский В.
- Freeman J. см. Фриман Дж.
- Gershwin G. см. Гершвин Дж.
Goldenweyser A. см. Гольденвейзер
Алексей А.
Goode R. 222
Goodman B. см. Гудмен Б.
Gorky M. см. Горький М.
Gribeetz J. 155
- Hathaway C. 185
Hayward M. 140
Human A. 185
Hurok S. см. Юрок Сол
- Jakobson R. см. Якобсон Р. О.
Joseph S. 155
- Kaufman E. 227
- Leonhard Wolfgang 41
Levinson I. 184, 185
Lyons E. см. Лайонс Ю.
- Magoun A. 270
- Mandelshtam Nadezhda см.
Мандельштам Н. Я
Nabokov Vera см. Набокова В. Е.
Nabokov Vladimir см. Набоков В. В.
Nabokov Dmitry см. Набоков Д. В.
- Pinsker Leon см. Пинскер Л.
Potter K. 187
- Rafes Y. 299
Rand A. см. Рэнд Айн
Robinson H. 222
Rudy Stephen 75
- Sabsovitch C. 24
Samuel M. 124, 139
Sarnoff D. см. Сарнов Д.
Scammell M. 139
Schiff S. 137
Schillinger F. см. Шиллингер Ф.
Schillinger J. см. Шиллингер И. М.
Schwarz S. см. Шварц С.
Slonimsky N. см. Слонимский Н.
Sologub F. см. Сологуб Федор
Solzhenitzyn A. см. Солженицын А. И.
Starr S. 185
- Theremin см. Термен Л. С.
Toscanini A. см. Тосканини А.
Toscanini W. 270
Trubetzkoy N.S. см. Трубецкой Н. С.
- Vakar Gertrude 34
Vetlugin (Vetluguin) V. см. Ветлугин А.
- Walker Jeff 61
Wiener L. см. Винер Л.
- Yarmolinsky A. см. Ярмолинский А.
Yolin A. 124

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Эрнст Зальцберг (<i>Торонто, Канада</i>).....	5
--	---

История

Ам олам — Вечный народ. Авраам Менес (США)	9
«Союз Русских Евреев приглашает Вас на доклад известного писателя и общественного деятеля...». (О Соломоне Шварце.) <i>Михаил Пархомовский (Бейт-Шемеш, Израиль)</i>	28

Литература и языкознание

Айн Рэнд: Алиса из страны чудес. <i>Александр Эткинд (Санкт-Петербург, Россия)</i>	47
Роман Осипович Якобсон. Анатолий Либерман (<i>Миннеаполис, США</i>)	62
А. Ветлугин. Елена Толстая (<i>Иерусалим, Израиль</i>)	76
Забытые имена русской эмиграции. Поэт Гизелла Лахман. <i>Юрий Левинг (Галифакс, Канада)</i>	96
А. А. Гольденвейзер и Набоковы (по материалам архива А. А. Гольденвейзера). Публикация, вступительная статья и комментарии <i>Галины Глушанок (Нью-Йорк, США)</i>	115
Феномен двуязычия среди еврейской иммиграции (1880—1915). <i>Носиф Богуславский (Бостон, США)</i>	143

Искусство

«Перерос музыку как таковую». Елена Дубинец (<i>Сизтл, США</i>)	159
Судьба музыканта. Виталий Маргулис — пианист, педагог, писатель. <i>Наталья Растопчина (Нью-Йорк, США)</i>	188
Сол Юрок: импресарио — это не профессия, это любовь. <i>Эрнст Нехамкин (Нью-Йорк, США)</i>	204
Сидор Беларский, полномочный представитель еврейской песни. <i>Эрнст Зальцберг (Торонто, Канада)</i>	223
Еврей-художники из России в Нью-Йорке. <i>Эдвард Касинец, Елена Коган (Нью-Йорк, США)</i>	231

Наука

Две жизни генерала Давида Сарнова, родившегося в еврейском местечке. <i>Марк Зальцберг (Хьюстон, США)</i>	241
Семейство Фуксов в Америке. <i>Алина Иохвидова (Торонто, Канада)</i>	271
О социализации русских евреев-врачей в США. <i>Нелли Мельман (Кенсингтон, США)</i>	286

События и люди

Воинственная доброта Сая Фрумкина. <i>Владимир Матлин (Вашингтон, США)</i>	303
Об авторах и редакторах книги.....	314
Abstracts.....	319
Указатель имен	323

CONTENTS

Introduction. <i>Ernst Zaltsberg (Toronto, Canada)</i>	5
--	---

HISTORY

Am olam — The Eternal People. <i>Avraham Menes (USA)</i>	9
«The Alliance of Russian Jews Invites You for a Lecture of the Prominent Writer and Public Figure...» (On Solomon Schwarz). <i>Mikhail Parkhomovsky (Bet-Shemesh, Israel)</i>	26

LITERATURE AND LINGUISTICS

Ayn Rand: Alice from Wonderland. <i>Alexandr Etkind (Saint-Petersburg, Russia)</i>	45
Roman Jacobson (11.X.1896, Moscow — 18.VII.1982, Cambridge, Massachusetts). <i>Anatoly Liberman (Minneapolis, USA)</i>	60
A. Vetlugin. <i>Helen Tolstoy (Jerusalem, Israel)</i>	74
Forgotten Names of Russian Emigration. Poet Gisella Lachman. <i>Yuri Leving (Halifax, Canada)</i>	94
A.A. Goldenweizer and Nabokovs (from the A.A. Goldenweizer Archive). <i>Galina Glushanok (New York, USA)</i>	115
Phenomenon of Bilingualism Among Jewish Immigrants <i>Joseph Boguslavsky (Boston, USA)</i>	142

ART

«I have Overgrown Music in its Present Form». <i>Elena Dubinets (Seattle, USA)</i>	157
A Musician's Life. Vitaly Margulis — the Teacher and Educator. <i>Natalia Rastopchina (New York, USA)</i>	186
The Impresario. It is not an Occupation, it is Love. <i>Ernst Nekhamkin (New York, USA)</i>	202
Sidor Belarsky, Ambassador of Jewish Songs. <i>Ernst Zaltsberg (Toronto, Canada)</i>	221
Jewish Artists from Russia in New York. <i>Edward Kasinec, Elena Kogan (New York, USA)</i>	229

SCIENCE

Two Lives of General David Sarnoff Who Was Born in the Shtetle. <i>Mark Zaltsberg (Houston, USA)</i>	239
The Fuks Family in America. <i>Alina Johvidova (Toronto)</i>	269
Integration of Russian Jews — Medical Doctors into the American Life. <i>Nelli Melman (Kensington, USA)</i>	284

EVENTS AND PEOPLE

The Militant Kindness of Sai Frumkin. <i>Vladimir Matlin (Los-Angeles, USA)</i>	301
About Contributors and Editors	312
Abstracts.....	317
Index.....	323

Русские евреи в Америке. Кн. 2. (Русское еврейство в зарубежье. Т. 15) /
Редактор-составитель Эрнст Зальцберг — СПб.: Академический проект,
Издательство ДНК, 2007

Переплет *Ю. С. Александрова*
Верстка *А. Т. Драгомощенко*
Корректор *О. И. Абрамович*

ЛР № 02716 от 30.08.2000
ООО «Издательство ДНК»
194044, Санкт-Петербург, ул. Смольячкова, 4/2, офис 505.

ЛР № 066191 от 27.11.98
Гуманитарное агентство «Академический проект»
194044, Санкт-Петербург, ул. Смольячкова, 4/2, офис 505.
e-mail: aproject@rol.ru

Подписано в печать 15.08.2007. Формат 60×88/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. п. л. 28. Уч. изд. п. л. 30. Тираж 700 экз. Заказ № .

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «Триумф»
194044, г. Санкт-Петербург, ул. Чугунная, д. 14

Научно-исследовательский центр «Русское еврейство в Зарубежье»

Центр собирает, изучает и распространяет сведения о деятельности русских евреев-эмигрантов в различных странах мира и о роли евреев-выходцев из России в создании и становлении Государства Израиль.

Труды Центра открыли новое направление в иудаике и являются одним из основных источников знаний о Русском Зарубежье. Центром изданы две серии книг: «Евреи в культуре Русского Зарубежья» (тома 1—5. Иерусалим, 1992—1996) и «Русское еврейство в Зарубежье» (тома 1/6—5/10. Иерусалим, 1998—2003). Некоторые материалы 10-томника представлены в интернете (www.oranim.ac.il/echo). Рецензии на издания Центра (их более 80) см: <http://litcatalog.al.ru/periodics/evkrz.html>.

В 2005 г. Центром выпущены 3 книги:

«Идемте же отстроим стены Йерушалаима» (Евреи из России, СССР и СНГ в Эрец-Исраэль и Государстве Израиль). Кн.1. Ред.-сост.: *Юлия Систер, Михаил Пархомовский*.

«Русские евреи в Америке». Кн. 1. Ред.-сост. *Эрнст Зальцберг, Михаил Пархомовский*.

«Они погибли тогда...» (о выходцах из России — жертвах Катастрофы). Сост. *Михаил Пархомовский, Николай (Ариель) Борщевский, Юлия Систер*.

Научный руководитель Центра:

Dr. Mikhail Parkhomovsky. 648/4 Mishlat Str., Bet-Sheanesh 99013. Israel.
Tel. 972-2-9917039; e-mail: mipar@barak-online.net.

Генеральный директор: Dr. Yulia Sister. P.O.B. 6464, 9/14 Narkis Str., Kiryat Ekron 70500. Israel.

Tel: 972-8-9350332; e-mail: martw@bezeqint.net.

Представитель в Америке:

Dr. Ernst Zaltsberg, 131-1101 Torresdale Ave., Toronto, Ontario M2R 3T1, Canada. Tel. 416-739-7963; e-mail: ezaltsberg@rogers.com.

Tel: 972-8-9350332; e-mail: martw@bezeqint.net.

RUSSIAN JEWS IN AMERICA